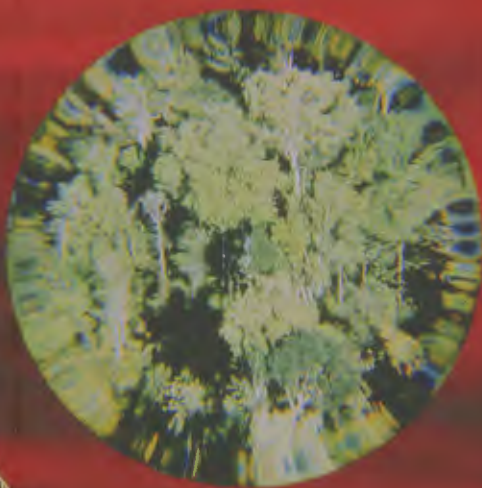

*О. Д. Волкогонова
Н. М. Сидорова*

ОСНОВЫ ФИЛОСОФИИ

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

О. Д. Волкогонова, Н. М. Сидорова

ОСНОВЫ ФИЛОСОФИИ

*Допущено Министерством образования Российской Федерации
в качестве учебника для студентов учреждений среднего
профессионального образования*

Москва

ИД «ФОРУМ» — ИНФРА-М

2013

УДК 1(075.32)
ББК 87я723
В67

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *А. П. Алексеев*;
доктор философских наук, профессор *Л. Т. Ретюнских*

Волкогорова О. Д., Сидорова Н. М.

В67 Основы философии: учебник. — М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2013. — 480 с. — (Профессиональное образование).

ISBN 978-5-8199-0258-5 (ИД «ФОРУМ»)
ISBN 978-5-16-002604-6 (ИНФРА-М)

Учебник подготовлен в соответствии с требованиями государственного стандарта среднего специального образования по учебному курсу «Основы философии». В нем рассматриваются исторические этапы развития философии и основные проблемы современного философского знания. Целью учебника является ознакомление студентов с базовыми философскими понятиями, формирование навыков теоретического анализа проблем, стоящих перед обществом и человеком в современном мире.

Учебник предназначен для студентов и преподавателей средних специальных учебных заведений.

УДК 1(075.32)
ББК 87я723

ISBN 978-5-8199-0258-5 (ИД «ФОРУМ»)
ISBN 978-5-16-002604-6 (ИНФРА-М)

© О. Д. Волкогорова, 2013
© Н. М. Сидорова, 2013
© ИД «ФОРУМ», 2013

От авторов

Дорогие друзья!

Нас зовут Ольга Дмитриевна Волкогорова и Наталья Мартэновна Сидорова. Мы преподаем философию в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова. Преподаем студентам и аспирантам, которые учатся на естественных факультетах МГУ, которые уже читали философскую литературу и составили свое представление о том, что такое философия. Но среди слушателей колледжа и учеников школы вряд ли окажется много знатоков философии. И это хорошо, поскольку у нас появляется шанс стать вашими первыми проводниками в эту замечательную область культуры.

Сразу предупреждаем: курс философии — это путь, который вы должны пройти самостоятельно. Авторы учебника и классные преподаватели могут вам помочь, но не сделать за вас вашу работу: это так же невозможно, как поспать или пообедать за другого — можно только *вместо* другого... А вашей работой будет размышление над самыми главными проблемами человеческого существования.

Великий немецкий философ Иммануил Кант (1724—1804) когда-то так сформулировал для себя эти самые главные вопросы, которые пытается разрешить философия: «Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «На что я смею надеяться?» и «Что такое человек?». Вы вправе расширить или изменить этот список, но для этого нужны серьезные основания, поскольку объяснить свое решение или защитить свою точку зрения вам надо будет не столько перед классом и учителем, сколько перед великими философами прошлого и настоящего. А они были умнейшими людьми своего времени.

И последнее замечание. Главным результатом работы, которую мы сейчас начинаем, должны стать не отметки, не зачеты и

даже не эрудиция. Главным результатом должны стать *вы сами*: новые возможности вашего мышления, новое понимание проблем, новое отношение к людям (самого себя глупо обманывать). Поэтому старайтесь продумывать каждую тему честно и до конца, не боясь сомневаться и критически относиться к готовым решениям.

Какой же будет у нас девиз? Предлагаем: «Думать *самим*, думать *честно!*» И тогда мы гарантируем, что будет *интересно!*

Глава 1

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ И ЗАЧЕМ ОНА?

Ведь, если звезды зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?

В. В. Маяковский

1.1. Предмет философии

Вы начинаете изучать философию и задаете себе вопрос: «Зачем она нам?» Действительно, чтобы ходить на дискотеки, пить пиво и смотреть телевизор, она не нужна.

Вы спрашиваете: «Что такое философия?» Дать однозначный ответ сложно. Чем глубже в нее погружаешься, тем осторожнее относишься к точным формулировкам. Французский мыслитель Мишель Монтень заметил: «если перед вами нечто печальное и унылое — значит, философии тут нет и в помине». Но все-таки некоторая определенность не помешает.

Значение непонятого слова можно объяснить двумя способами:

- 1) дать определение, используя знакомые слова;
- 2) просто указать пальцем на то, о чем идет речь.

Вторым путем мы вряд ли воспользуемся. На философию как таковую пальцем не покажешь. На философа? Есть их произведения, которые вы еще не читали. Остается первый путь.

Дословно греческий термин «философия» означает «*любовь к мудрости*». Ломоносов переводил его как «*любомудрие*». Обратите внимание, не к *знаниям*, а к *мудрости* любовь. Мудрость — это тоже знание, опыт, понимание мира, но соотношенное с человеком, с его жизнью, с конкретной ситуацией. Если к мудрецу с вопросом о смысле жизни придут полный надежд юноша, зрелый человек и больной старик, он даст им три разных ответа. (Сравните: если к физику придет та же троица с вопросами о строении атомного ядра или о природе электричества, он даст всем одинаковые ответы.) Значит, мудрость и философия как ее разновид-

ность по самой своей сути учитывают поправку, которую вносит человеческое существование в холодную объективную картину мира. То есть их интересует не мир сам по себе, а место человека в мире, соотношение мира и человека, смысл краткого пребывания человека в бесконечном мире. Это и составляет предмет философии.

Интерес этот оформился в специальную дисциплину очень давно. Первым назвал себя философом математик и создатель тайного религиозно-политического союза Пифагор, расцвет деятельности которого пришелся на 520—500 гг. до н. э. Казалось бы, за 2,5 тысячи лет можно было придумать внятные ответы на философские вопросы о смысле человеческого бытия, познании мира, месте в нем человека. Придумывали; но следующие поколения считали их недостаточными и спрашивали о том же самом, и отвечали уже по-другому.

В математике не доказывают снова уже доказанные теоремы. В философии это делают постоянно, заново решая «вечные философские вопросы». Говорят даже о «единстве основной философской проблематики», — то есть о том, что вопросы и проблемы, обсуждаемые философами, остаются теми же, что и в древнем мире, хотя каждая эпоха для их решения пользуется своими подходами и методами, и ответ на один и тот же вопрос в Средневековье и сегодня могут разительно отличаться. Но человечество так устроено, что не может не задавать себе эти философские вопросы, ведь ответ на них определяет понимание смысла существования индивида, общества, человечества в целом. Каждый человек, каждая историческая эпоха неизбежно начинают философствовать при попытке понять себя, и эта работа самопознания никогда не заканчивается. Значит, философии не может не быть, пока живут люди.

Если давать определение философии, подчеркивая ее социальное, историческое содержание, то можно воспользоваться словами великого немецкого философа Гегеля (1770—1831): «Философия — это эпоха, схваченная в мысли». Понять, кто ты и в какое время живешь, особенно нужно тогда, когда что-то ломается или меняется в налаженной жизни, когда «рвется связь времен» и нужно ее восстанавливать, зачастую на новых основаниях. Не случайно Гегель добавляет, что «сова Минервы (римское имя богини мудрости Афины. — Авт.) вылетает в сумерках», то есть на закате исторической эпохи.

1.2. Основные задачи философии

Если иметь в виду, что философия дает пример критичного и самокритичного мышления, которое продумывает собственные предпосылки, приемы, результаты, которое работает осознанно и систематично, последовательно (а для этого нужны специальные усилия), то философию можно определить словами того же Гегеля как «мышление о мышлении». Это определение подчеркивает методологическую роль философии. Она выступает как свод правил и нормативов познания и деятельности.

Философ-методолог «выбраковывает» необоснованные, поспешные, бессистемные рассуждения и выводы. Он уточняет содержание понятий, вводит новые термины, которые позволяют описать новые или незаметные ранее черты жизни. Он анализирует устойчивые, а потому привычные и незаметные схемы и приемы мышления. Он работает последовательно и систематично.

Но философия — это не только методология познания. Для многих философских концепций «правильное» познание и рассуждение не столь важны по сравнению со смыслом человеческого бытия. Философия не только учит мыслить, но и воспитывает; не только описывает и объясняет мир, но и оценивает его с точки зрения мыслящего, думающего, философствующего человека. Поэтому она всегда выполняет и ценностную функцию. Любая философская концепция предлагает свою систему, иерархию ценностей: для одного мыслителя смыслом жизни будет стремление к наслаждениям, для другого — ограничение потребностей и служение высшей цели, для третьего он будет заключен в выработке и строжайшем исполнении моральных предписаний. А у вас, читателей, всегда есть мировоззренческий выбор, какую систему ценностей принять, вы свободны в этом выборе. Поэтому философия обязательно выполняет и роль мировоззрения.

Если акцент делать на индивидуальном существовании, то главный философский вопрос примет следующую форму: «В чем смысл жизни?», или как говорил лауреат Нобелевской премии 1957 г. французский философ и писатель Альбер Камю (1913—1960): «Стоит ли жизнь того, чтобы ее прожить?». Этот вопрос — явно трагический — не исключает возможности отрицательного ответа.

Меланхолические размышления римского императора и философа Марка Аврелия (121—180) все же более оптимистичны. В знаменитой книге «Наедине с собой» могущественный властитель, чьи войска дошли до Дуная в районе современной Вены, пишет: «Время человеческой жизни — миг; ее сущность — вечное течение; строение всего тела бrenно; душа неустойчива; судьба загадочна; слава недостоверна... Жизнь — борьба и странствие по чужбине... Но что же может вывести на путь? Ничто, кроме философии». То есть, по его мнению, философия сама оказывается ответом на свой собственный вопрос о смысле жизни.

Еще более ободряющий ответ дает уже упоминавшийся Монтень, хотя его собственная жизнь была полна болезней и печали: «Душа, вместившая в себя философию, не может не заразить своим здоровьем тело». Иными словами, философия оказывается эффективным способом сохранить душевное, а потому и физическое здоровье в мире, полном глупости, беспробудной лжи и жестокостей. Занятие философией — счастье, доступное всегда и везде, даже в тюрьме. Недаром древнегреческий философ-атомист Эпикур (341—270 до н. э.) утверждал, что философия — это способ быть счастливым в мире, где от тебя мало что зависит. Сказать, что «сейчас не время философствовать», все равно, что сказать, что «не время быть счастливым».

Откуда же бралось счастье? Из преодоления заблуждений и созерцания истины, из отказа от суетной погони за недолгими радостями и стремления к вечным ценностям и высоким целям, представление о которых давала философия. Платон (427—347 до н. э.) — самый влиятельный и почитаемый представитель европейской философской традиции — писал: «В род богов не позволено перейти никому, кто не был бы философом и не очистил до конца, никому, кто не стремился к познанию».

Подведем первый промежуточный итог. В приведенных высказываниях намечились связи, а иногда и прямые отождествления философии:

- со счастьем и душевным здоровьем;
- с весельем и интересом;
- с чистотой и божественностью;
- с дорогой, восхождением к вершинам познания.

Кто за то, чтобы с помощью философии стать счастливым, здоровым, чистым в помыслах и делах? Кто против? Воздержался?

1.3. Особенности философии

Идем дальше. Ограничиваться этими определениями нельзя, иначе может сложиться впечатление, что философия — разновидность модных ныне психотренингов, где желающих учат продлевать жизнь без лекарств, ходить по битому стеклу и «совершенствовать свою личность».

Чем всегда гордились древние философы, так это тем, что главным достоинством философии была ее внутренняя **свобода**, что она не была ничьей прислужницей, что, наоборот, ей служили все другие науки и искусства, что побуждало людей философствовать **удивление**, а не корысть или практическая выгода. Аристотель (384—322 до н. э.), любимый ученик и соперник великого Платона, с гордостью писал, что «одна философия существует ради самой себя».

Похоже, что эта позиция Аристотеля соответствует сути философии, ее характеру *фундаментальной дисциплины*. Это не противоречит всему, что было сказано о философии чуть выше, наоборот, объясняет многие ее «утешительные» свойства. Попытка преодолеть досадные ограничения в пространстве, времени, деньгах и прочих материальных обстоятельствах может оказаться успешной только в одном случае: если на свою частную жизнь вам удастся посмотреть «с точки зрения вечности», точнее, с точки зрения вечных ценностей и всеобщих универсальных смыслов. Их поиском, прояснением и осмыслением как раз и занимается «любомудрие».

Наша короткая жизнь, наши несовершенные знания, наши скромные желания — как маленькие фрагменты огромного пазла. Если потеряна связь с целым, то нет никакого смысла в этих разрозненных кусочках. Установить связь и определить смысл — прямая задача философии. Об этой задаче великолепно сказал Кант: «...Она (философия. — Авт.) есть наука о *последних целях* человеческого разума. Это высшее понятие сообщает философии *достоинство*, то есть абсолютную ценность».

Обратите внимание на то, что Кант говорит о целях *разума*. Этим подчеркивается еще одна очень важная особенность философии. Философия анализирует связь части и целого, человеческого существования и мира в целом **рациональными, логическими, понятийными средствами**.

Дело в том, что выстраивать эту связь можно разными способами. Религия рисует картину мира от Творения до Страшного Суда, дает человеку нравственные заповеди, толкует о грехе и благодати (то есть тоже выполняет и ценностную, и мировоззренческую функции), но делает это, опираясь на психологический феномен веры, а вера по своей природе эмоциональна и иррациональна. Догматы веры можно объяснять и истолковывать, но они не подлежат критике и переоценке, иначе возникают ереси или атеизм. В философии же рациональная критика, наоборот, есть необходимый элемент грамотного, профессионального мышления. Не случайно Кант назвал свои основные сочинения «Критика чистого разума», «Критика практического разума» и «Критика способности суждения».

Искусство тоже исходит из целостного представления о мире, тоже ищет в нем место, достойное человека, тоже задается мировоззренческим вопросом о смысле бытия, но делает это художественными средствами: музыкальными и зрительными образами, через сопереживание судьбам героев книг и спектаклей, через эстетические эмоции. Художественные образы всегда многомерны, «голографичны», каждый читатель и зритель вправе иметь свою трактовку, свое понимание смысла художественного произведения. Эмоциональность и субъективность в этой сфере гораздо выше, чем в философии.

Тогда, может быть, философия — разновидность науки? Такой ответ имеет право на существование, но с некоторыми оговорками. Дело в том, что в момент своего возникновения философия представляла и исчерпывала собой все научное знание. В более поздние периоды, когда многие науки стали самостоятельными и отделились от философии, она продолжала претендовать на то, что она — «царица наук». В марксизме, например, было популярным определение философии как *науки о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления*. Но при внимательном рассмотрении стало очевидным, что философия не соответствует научным критериям строгости, общезначимости и проверяемости знания, ее прогнозы часто не сбываются, вопросы и проблемы остаются теми же на протяжении тысячелетий, при этом философские тезисы практически невозможно опровергнуть с помощью опытных (эмпирических) фактов.

На философском языке познающий, мыслящий индивид, человек, личность — это **субъект**. Субъект — это тот, кто познает. Субъективное мнение — это мнение личное, не обязательно

признаваемое другими людьми. Предметы же вокруг нас (вокруг субъектов), то, что мы познаем, — это **объекты**. Так вот, философия осмысливает отношения субъекта к субъекту или объекту, а наука изучает взаимодействия между объектами и выносит за скобки присутствие и влияние человеческой субъективности. Наука обязательно претендует на **объективность**: дважды два — всегда четыре, независимо от вашего настроения, цвета кожи и пристрастий. Потенциальная энергия тела, то есть физического объекта, всегда будет равна mgh , независимо от того, что падает — бетонная плита в котлован или яблоко на голову Ньютону. Философия же субъективна, ведь «рецептов», как построить жизнь, было дано много, и как мы уже договорились выше, это ваш свободный выбор, какой мировоззренческой установке следовать, какую философию считать истинной и нужной именно для вашей жизни. То есть, философская позиция субъективна. Это дало основание австрийскому философу Морицу Шлику (1882—1936) ехидно заметить в адрес философии: «Нигде не записано, что Царица Наук сама должна быть наукой». Так что полностью отождествить науку и философию тоже не удастся.

Что же получилось? А получилось то, что философия — эта великая утешительница и подательница счастья — гордится своей свободой и тем, что она никому не служит и счастья не обещает. Получилось также и то, что она имеет пересечения с религией в области поиска смысла человеческой жизни и с искусством в стремлении разгадать тайну красоты, но слишком критична для одной и слишком логична и суха с точки зрения другого.

Может быть, эти нестыковки получаются как раз из-за того, что философия — это не «расфасованная» мудрость в удобной упаковке, а *путь, которым идет человеческий дух*? Любить мудрость — не значит обладать ею; это значит всегда стремиться к ней, как стремится к любимой влюбленный. Вы слышали такое слово — «Дао»? В восточной философии оно обозначает начало бытия, невидимый вездесущий закон, путь, которым проходят все вещи. Образно философию можно определить как **Дао духовного развития человечества**. Раз есть путь — его надо пройти. Иногда случается спотыкаться, иногда — идти по дорожкам, которые были проторены другими.

В прохождении этого пути, которым до вас шли уже многие, но всякий раз находили свое, есть некоторая последовательность и система. Этим путем шла сама философия в своем реальном историческом развитии.

1.4. Структура философского знания и функции философии

Философия сегодня — не только фундаментальная, но и чрезвычайно сложная, имеющая огромное количество разделов дисциплина. Какова же ее структура? Исторически ядро первых философских учений составляли **онтологические** вопросы.

Что такое **онтология**? Сам термин сложился из двух греческих слов: «*он*, *онтос*» — **сущее** и «*логос*» — **слово, понятие, учение** и стал обозначать **учение о бытии**. Понятно, почему онтологические вопросы являются центральными для любой философской системы: прежде чем рассуждать о свойствах чего бы то ни было, надо понять, существует ли оно на самом деле, что значит «существовать», можно ли найти общую основу существования самых разнородных, разнокачественных предметов? Кстати, философия появилась как самостоятельная дисциплина именно тогда, когда человек попытался увидеть за бесконечным разнообразием вещей общую основу, принцип их единства.

Но как можно увидеть общее там, где наши глаза, уши, вкусовые рецепторы свидетельствуют о непохожести предметов и их постоянной изменчивости? Увидеть можно особым — «умным» — зрением, то есть *умозрением* или, иначе, силой мысли. Мышление вырабатывает предельно общие, абстрактные понятия, накидывает их, как рыбацкую сеть, на все многообразие мира и «вытягивает улов»: те свойства, которые роднят все сущее, которые постоянны, которые обеспечивают бытие как таковое. (Попробуйте представить и нарисовать это самое «бытие как таковое». У вас вряд ли что получится. А вот некоторые словесные характеристики бытия можно дать. Предложите свой вариант ответа, запишите его и вложите листок в учебник после главы «Учение о бытии».)

Исторически первой формой онтологического учения было учение о природе, или натурфилософия (от латинского слова «*natura*» — природа). Поиск бытия привел на первых порах к идеализированным природным стихиям, которые все объемлют, чьи превращения определяют свойства отдельных вещей. Вода, огонь, воздух, земля — эти стихии в их различных сочетаниях рассматривались древними мыслителями как лежащие в основании мира. Платон предложил свой вариант онтологии, в котором подлинно и истинно существующими оказывались не из-

менчивые вещи, а их нематериальные прообразы — «идеи». Ведь чтобы сделать стол, надо сначала иметь «идею» стола. В европейском Средневековье онтологическая проблематика была вся тесно связана с Богом, так как именно Он и был бытием, его источником и подателем. Философия XX в. занимается преимущественно загадками онтологии субъекта, онтологии сознания, виртуальной реальности. Все это свидетельствует о том, что онтологическая проблематика не стоит на месте. Но всякое подобное рассуждение разворачивается в *изъявительном* наклонении, ибо это рассуждение о том, что есть «на самом деле».

Как только началось обсуждение онтологических проблем, к ним присоединился большой блок вопросов, связанных с **познанием** мира. Если бытие есть, можно ли его познать? Как отличить истину от заблуждения? В силу каких причин возникают ошибки, как должно строиться знание, чтобы быть истинным? Чем чувственное познание отличается от рационального? И так далее, и так далее. Таким образом, второй большой раздел философского знания составляет **гносеология** (от греческих слов «*gnosis*» — познание и «*logos*» — слово, учение) — **теория познания**. Чем дальше вперед шла история человечества, чем больший объем знаний накапливался, чем авторитетнее становилась наука, тем больше философы уделяли времени и сил гносеологической проблематике. Гносеология начала бурно развиваться в XVII в. — именно тогда, когда наука заявила о себе в полный голос. Тональность философских рассуждений ощутимо изменилась, философы стали часто формулировать в *повелительном* наклонении требования и критерии истинного знания.

Проблематика теории познания чрезвычайно разнообразна. Здесь исследуется и обыденное, и теоретическое знание, структура и функции научных теорий, специфика мифологического или художественного мышления. Как сознание человека отражает реальность и возможно ли полностью объективное, то есть независимое от самого человека знание? Знание — это пассивное отражение или активное конструирование картины мира? Вопросам несть числа...

Осознание *активной* роли людей в познавательном процессе и в социальной жизни сформировало еще один блок проблем — **праксеологию**, то есть **учение о практической деятельности человека**. В Советском Союзе долгое время существовал марксистский вариант теории деятельности, где центральным был вопрос о революционном преобразовании общества. В этом смысле для

марксистской философии праксеология была центральным разделом философской системы.

С теорией практической деятельности тесно связано становление и развитие еще одной философской дисциплины — **аксиологии** или **теории ценностей** (от гр. *axia* — ценность и *logos* — учение). Всякая деятельность человека преследует какие-то цели. Но даже если ваша цель и цель другого индивида совпадают (например, вы хотите заработать много денег), поступки для достижения цели могут быть различными. Ведь разбойник на большой дороге тоже жаждет обогащения! Стремление достичь цели регулируется представлениями о ценностях, образующих в человеческом сознании своеобразную «пирамиду», вершину которой занимает понятие *блага*. *Что есть благо?* — это основной вопрос аксиологии. В понятие «благо» могут входить свобода, добро, истина, красота. Нетрудно догадаться, что в разные исторические эпохи, у разных народов на этот вопрос отвечали по-разному. Это порождало другие сложные вопросы: существуют ли ценности, общие для всего человечества? Как связаны системы ценностей и типы личностей?

От того, какой системы ценностей придерживается человек, зависит и сама постановка целей его деятельности. Для многих людей ценность свободы, например, гораздо выше ценности богатства и преуспевания. И речь идет не только о таких радикальных примерах, как парижские клошары («бомжи», которые стали своеобразной достопримечательностью города) или буддистские проповедники, но и о вашем знакомом, отказавшемся от высокооплачиваемой работы только потому, что она оставляла бы ему меньше времени для других, милых его сердцу, занятий — фотографии или чтения, рыбалки или рисования. В системе ценностей такого человека свободное время важнее, чем финансовый успех, поэтому его поступок вполне объясним и закономерен.

Разумеется, система ценностей, принятых человеком, меняется в процессе его жизни. Более того, одни и те же ценности могут воплощаться в различных предметах, поступках, явлениях. Даже человек с четкой и сформировавшейся системой ценностей не всегда уверен, какой поступок в той или иной ситуации точнее соответствует его взглядам на мир. Мало того, ценности могут еще и конфликтовать друг с другом. В одной из работ известного французского писателя и философа XX в. Жан-Поля Сартра (1905—1980) есть такая иллюстрация этой мысли: моло-

дой человек, ученик Сартра, во время второй мировой войны оказался перед трудным выбором — вступить ли ему в ряды Сопротивления, чтобы бороться с фашистами, оккупировавшими Францию, или остаться с большой матерью, для которой он был единственной опорой. Он пришел к Сартру за советом. Философ ответил ему, что выбор между двумя ценностями — всегда наш собственный свободный выбор. Здесь никакие ссылки на советчиков, обстоятельства, традицию не имеют силы: каждый делает свою жизнь самостоятельно.

На ранних этапах развития философии аксиологические вопросы входили в состав учения о бытии. Чтобы объяснить связь ценности и бытия, мы зададим вам гамлетовский вопрос: что лучше — быть или не быть? Своими ответами, что лучше быть, чем не быть, что лучше жить, чем умереть, вы подтверждаете фундаментальную связь блага и бытия. Но на рубеже XIX—XX вв. исследование мира ценностей оформилось в отдельную философскую дисциплину. Однако до сих пор нет четкого разделения проблемного поля между аксиологией и **этикой** — *учением о нравственном поведении человека*, между аксиологией и **эстетикой** — *учением о прекрасном*.

Обобщает размышления всех упомянутых философских дисциплин *учение о человеке*, или **философская антропология**. Оно и понятно: все рассуждения о том, что есть благо, бытие, истина, добро, красота или справедливость представляют интерес именно потому, что имеют отношение к нам, людям, к нашей жизни, нашим целям и ценностям, к нашей судьбе. Философская антропология тесно взаимодействует с психологией, историей культуры, медициной и другими дисциплинами, которые когда-то входили в состав философского знания.

Здесь надо отметить еще одну очень интересную особенность развития философии как самостоятельной дисциплины. Начиная с первых веков своего существования, философия объединяла в себе множество частнонаучных знаний, была колыбелью для многих наук, которые позднее обособились от нее. Первые философы были физиками, математиками, поэтами, лингвистами в одном лице. Они могли предсказывать погоду, урожай, затмения, как Фалес; были медиками и натуралистами, как Аристотель; великолепными математиками, как Пифагор; замечательными ораторами, как софисты. Никто не удивлялся такому разнообразию интересов, ведь мудрец стремился знать все. Более того, считалось, что тот, кто не знает математику, не сможет

понять и философию. При входе в здание Академии афинского философа Платона красовалась надпись: «Да не войдет не знающий геометрии».

Но постепенно «дети» вырастали и покидали родительский дом: так от философии отделились математические и естественные науки, относительно независимой стала логика, хотя ее до сих пор преподают как философскую науку, ушли в самостоятельное плавание риторика, психология, социология, менеджмент. Казалось, что этот процесс должен был завершиться полным распадом и потерей независимости, что философию просто растащат по кусочкам более молодые и модные дисциплины. Не тут-то было.

Параллельно с процессом «отпочкования» шел процесс развития и усложнения внутреннего строения философского знания: вокруг онтологического ядра формировались новые гносеологические, антропологические, культурологические области. На сегодняшний день в состав философии входят:

- онтология, или учение о бытии;
- гносеология, или учение о познании;
- философская антропология, или учение о человеке;
- праксеология, или учение о практической деятельности человека;
- аксиология, или теория ценностей;
- этика, или учение о морали и нравственности;
- эстетика, или учение о прекрасном и теория художественной деятельности;
- философия истории, или теория исторического процесса;
- философия языка, или лингвистическая философия;
- социальная философия, или учение об обществе;
- история философии, или исследование жизни и творчества самих философов;
- философия и методология науки, или исследование особенностей и закономерностей научного познания;
- философия техники, философия образования, философия религии, управления, права, глобальных проблем и т. д.

В принципе, каждая форма социальной деятельности может претендовать на внимание со стороны философии. Причем частные виды деятельности не случайно нуждаются в философском осмыслении и обосновании. Дело в том, что ни одна научная теория не может быть обоснована средствами самой этой теории, для обоснования нужно выйти в более широкий контекст;

точно так же ни один вид человеческой деятельности не является законченным и самодостаточным, они все — те самые кусочки огромного бесконечного пазла, которые обесмысливаются, если потеряна связь с целым. Эту связь как раз пытается установить философия.

Итак, проблемное поле, в котором работает философия, чрезвычайно обширно, а ее функции — многообразны. Перечислим главные из них еще раз.

Во-первых, мировоззренческая функция. Философия — это теоретическая основа мировоззрения. Она позволяет возвысить стихийно сложившуюся и фрагментарную картину мира до уровня серьезных обобщений, придать ей систематичность и целостность.

Во-вторых, познавательная функция. Опираясь на данные частных наук и используя собственные предельно общие категории, философия познает мир в соотношении с человеком, познает место человека в мире.

В-третьих, философия выполняет функцию социальной и культурной критики, развенчивает старые и формулирует новые общественные идеалы, способствует практическому изменению общества.

В-четвертых, философия выполняет методологическую функцию, осмысливая, анализируя и упорядочивая приемы и методы познания и практической деятельности. Результатом этих усилий становится логичное, строгое, «воспитанное», но при этом красивое и свободное мышление.

В-пятых, философия выполняет прогностическую и конструктивную функции. Она не только пытается понять, как устроен мир и человек, или какими они должны быть согласно общественным идеалам. Философия сама конструирует возможные миры, возможные пути развития, создает новые возможности мышления. Как написано в одной из современных философских энциклопедий, «философия постоянно вносит мутации в культуру, формируя новые варианты, новые потенциальные возможности». Здесь ее деятельность протекает в условном наклонении.

Наш разговор о философии в этой главе можно сравнить с выдвиганием гипотезы: мы утверждали какие-то положения, но не всегда их доказывали. И хотя «доказать все» в философии в принципе невозможно, мы попробуем в следующих главах обосновать свое понимание философии рассказом о ее истории, проблемах, роли в обществе.

Вопросы и задания

1. В этой главе дано несколько определений того, что такое философия. Как вы их понимаете? Какие из них вы запомнили? Выберите то определение философии, которое вам больше всего понравилось.
2. Что общего и различного у философии с другими сферами человеческого сознания и деятельности — с наукой, религией, искусством?
3. Каков круг проблем философии? Какие области философского знания упомянуты в данной главе? Какие разделы философии показались вам наиболее интересными? Обоснуйте свое мнение.
4. Если вас ничего не заинтересовало, попробуйте понять, что тому причиной: философия или вы сами? Сформулируйте свои аргументы «за» или «против» философии, будьте готовы защитить свою позицию перед преподавателем и однокашниками.
5. Философию нельзя понять без знакомства с ее историей. Этому будут посвящены следующие занятия, но уже в первой главе встретились имена знаменитых философов. Найдите, используя Интернет, книги из домашней библиотеки, любые справочные пособия, какие-нибудь интересные высказывания о философии или философов — о жизни; зачитайте их в классе.

Глава 2

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФИЛОСОФИИ

История философии относится к числу тех областей знания, из которых должна складываться теория познания. Ведь только с помощью истории философии люди смогли понять, как вырабатывались формы и категории теоретического мышления...

А. Ф. Лосев. «История философии как школа мысли»

С возникновением философии связывают одну из самых значительных духовных революций, пережитых человечеством. Дело в том, что именно тогда человек начал по-новому относиться к познанию мира вокруг себя, и результатом такого познавательного отношения стало формирование философии. Давайте посмотрим, как это произошло.

2.1. Философия и мировоззрение

Философия, как мы уже выяснили в предыдущей главе, — один из видов мировоззрения, а под **мировоззрением** понимают **систему взглядов на мир, на соотношение человека и окружающей действительности**. Разумеется, мировоззрение появилось гораздо раньше философии. Исторически первым типом мировоззрения древнего человека стала **мифология**. В греческих мифах об олимпийских богах и их взаимоотношениях, в древнеиндийских сказаниях о космическом человеке, из жил которого образовались реки, из волос — леса, из дыхания — небо, в мифах древних шумеров о боге Энки, помогавшем людям и заселившем реки рыбой, а леса — дичью, как и в мифах всех народов, содер-

жалась определенная мировоззренческая картина мира, представление о том, как устроена реальность вне нас. Но мифологическое представление о мире имело *антропоморфный* характер (т. е. строилось по образу и подобию человека), на окружающую действительность переносились свойства и качества людей: природные явления объяснялись поступками богов, которые очень напоминали человеческие, — боги так же ссорились, воевали, завидовали друг другу, влюблялись, ревновали, как и люди.

Например, древневавилонские мифы, сложившиеся на основании шумерских, объясняли происхождение мира следующим образом: все боги произошли от брака бога Апсу и богини Тиамат. Но когда рожденный ими бог Энки усыпляет своего родителя Апсу и убивает его, то Тиамат начинает от ужаса порождать чудовищ, которые нарушают порядок в мире. Тогда все остальные боги, чтобы прекратить это безобразие, признают главенство вавилонского бога Мардука (сына Энки и внука Тиамат), решившегося сразиться с бабушкой и остановить таким образом появление на свет новых чудовищ. Мардук побеждает Тиамат и рассекает ее тело надвое: из верхней части он создает небо, а из нижней — землю, которую населяет растениями, животными и людьми. Как видите, боги в этом древнем мифе ведут себя не очень «божественно»: они сражаются, убивают друг друга, вступают в брак, рожают детей, боятся чудовищ и совершают многие другие вполне человеческие поступки.

Кроме того, мифологическая картина мира носила не теоретический, а *образный* характер. Именно с помощью различных образов мифы объясняли происходящее вокруг человека, причем эти образы были тесно связаны с повседневной жизнью людей, а потому им понятны. Например, если вы видели, как из яиц вылупляются цыплята, то образ космического мирового яйца, из которого «вылупляются» зачатки всего существующего на земле, будет одним из приемлемых способов объяснения происхождения мира. Мифологические образы, как и образы художественные, — порождение воображения человека, они очень конкретны, вызывают у человека определенные чувства, переживания, эмоции. Известный русский мыслитель А. Ф. Лосев (1893—1988) писал, что миф «насыщен эмоциями и реальными жизненными переживаниями; он... олицетворяет, обоготворяет, чтит или ненавидит, злобствует». Древние греки, например, были уверены в том, что гром и молния — это орудия разгневанного Зевса (которого даже называли «громовержцем»). Такое образное объ-

яснение грозы было понятно, вызывало страх перед могуществом Зевса, не нуждалось в дополнительных объяснениях и истолкованиях. Миф все оживлял и одушевлял.

Мифологическое мировоззрение является примером мировоззрения *образно-эмоционального уровня*. К этому же уровню можно отнести искусство (оно тоже является мировоззрением), отчасти — религию (хотя позднее в развитых религиях складывается богословие, которое является уже теоретическим мировоззрением).

В VII—VI вв. до н. э. в сознании человечества произошел колоссальный переворот — начало складываться мировоззрение другого уровня. Люди стали объяснять мир вокруг себя уже не ассоциативно, образно, антропоморфно, а с помощью понятий, логично, систематично. Возникают зачатки научного, теоретического знания, которые получили название «*протонауки*» (то есть первоначальной, неразвитой еще науки). Это действительно было настоящей духовной революцией в истории человечества, и в результате такой революции возникла философия — любовь к мудрости, с которой первоначально протонаука была нераздельна. Первые философы были и первыми учеными.

Вспомните уже упоминавшегося Фалеса из города Милет на побережье Эгейского моря: именно его считают не только одним из первых философов, но и первым европейским ученым. Теорему Фалеса вы, наверное, помните из школьного курса математики. Но Фалес был еще и астрономом, он достаточно точно предсказал солнечное затмение, предположил, что Луна светит не своим, а отраженным светом, составил первую карту неба. В истории же философии этот мудрец известен как основатель первой философской школы в европейской истории. Он сделал предположение, что началом всего существующего является вода, влага. Дело не только в том, что, по Фалесу, наша земля буквально плавает в воде, но и в том, что без водного начала невозможны растения (в них всегда есть влажный сок), животные (кровь — тоже влажная), размножение (сперма — вид влаги), человек...

Посмотрите, перед нами — совсем другой *стиль мышления*, непохожий на антропоморфные мифологические объяснения. Фалес ищет причины происходящего в самом мире, а не вне его, он обращается к рациональным доводам и рассуждениям, а не к слепой вере и не к художественным ассоциациям. Дело не в том, что первые философы обладали большей истиной, чем

люди с мифологическим мировоззрением, — с точки зрения современного человека, представлять себе мир произошедшим из воды не менее забавно, чем верить (согласно одному из древнегреческих мифов), что небо поддерживают своими плечами атланты. Поэтому вопрос не в том, что мифология — это ложь, а философия — истина. Разумеется, это не так. В мифах содержится значительное количество интуиций и догадок, подтвержденных затем развитием человеческого познания, а в философских системах, как мы с вами уже отмечали, объективность и доказательность не всегда присутствуют. Дело в другом. Изменилось познавательное отношение к миру, действительность начали объяснять не образами, а теориями (пусть даже наивными и неверными).

Мировоззрение

Уровень мировоззрения	Типы мировоззрения
Логический, теоретический, рациональный	Философия; математические, естественные и гуманитарные науки; богословие
Эмоционально-образный, ассоциативный	Мифология; искусство; религии
Обыденное мировоззрение	

Произошел переход на другой уровень мировоззрения — *теоретический, рациональный* (см. схему). В литературе такой переход часто называют переходом «от мифа к логосу». Вы уже знаете, что «логос» на греческом языке означает «слово», «закон», «учение». Поэтому переход сознания человечества от мифа к логосу был связан с попытками поиска закономерностей в окружающем мире, с созданием первых теорий, с выработкой абстрактных понятий, которые начали использоваться вместо мифологических образов в объяснении действительности. На место веры, свойственной мифологическому и религиозному мировоззрениям, постепенно пришло рациональное убеждение. Признаком и симптомом подобного перехода стало возникновение философии.

Наверное, вы обратили внимание, что в схеме есть еще одна строка, показывающая уровень обыденного, житейского мировоззрения. Дело в том, что в быту человек руководствуется не всегда осознанными мировоззренческими принципами, складывающимися в процессе его повседневной жизни. Каждый из нас обладает таким обыденным мировоззрением. Оно передается из поколения в поколение, в него входят традиционные, ставшие привычными взгляды на мир и место в нем человека.

2.2. Происхождение философии

Что же стало предпосылкой появления философии? Из чего она возникла?

Исследователи придерживаются различных взглядов на этот вопрос. Некоторые считают, что философия возникла из мифологии, третьи — из религии, четвертые кладут в основание философии зачатки научных знаний, которыми обладал древний человек. У каждой из этих позиций есть свои аргументы «за». Мы думаем, что процесс возникновения философии был достаточно длительным. В процессе своего формирования она вобрала в себя и элементы мифологических представлений (может быть, именно из-за своего родства с образным мифологическим стилем мышления философия отличается от науки), и зачатки научных знаний (возможно поэтому философия не только отличается от науки, но и имеет с ней много общего), и даже элементы религиозного мировоззрения (ведь многие философские концепции признавали существование вечного духовного первоначала, так похожего на Бога в религии).

Когда и где возникает философия?

Считается, что философия возникла в VII—VI вв. до н. э., при переходе от бронзовых орудий труда к железным. Именно в это время производительность труда уже была достаточной для того, чтобы перед людьми встали новые практические задачи преобразования действительности. Это было время больших изменений в общественной жизни — произошли перемены в способах правления, появились деньги, развивались торговля и ремесла, были частично разрушены древние устоявшиеся традиции. Все это требовало нового мировоззренческого осмысления происходящего, в рамках которого и складывается теоретическое мировоззрение.

По вопросу, где возникла философия, тоже нет единой точки зрения. Принято считать, что философия сложилась в Древней Греции, в Древнем Китае и в Древней Индии, — с этим согласны все. Но некоторые исследователи убеждены, что данные центры формирования философии не исчерпывают географию становления «любомудрия». Они добавляют к этому списку Вавилонию, Иудею, Египет и другие страны. Им возражают, что философия в этих странах начала складываться, но процесс был прерван персидским нашествием. Так или иначе, по меньшей мере три культурные традиции — древнегреческая, древнеиндийская и древнекитайская — породили философию.

Поскольку культуры эти очень сильно отличались друг от друга, то и философия в них сложилась непохожая. В Древней Греции становление философии происходило одновременно и в тесной связи со становлением научных знаний о природе, поэтому начало античной философии было *натурфилософией*, то есть философией природы. Развитие философии шло параллельно с развитием логического мышления, выработкой понятий и категорий. Наука и философия в Древней Греции не были расчленены, составляли единое теоретическое знание того времени. Если проследить корни современной европейской науки, то они приведут нас как раз к натурфилософским воззрениям древнегреческих мудрецов.

В Древней Индии философия складывалась под огромным влиянием текстов Вед. *Веды* — древнейший литературный памятник, некоторые разделы которого относятся еще к третьему тысячелетию до нашей эры! В этих текстах нашли свое отражение религиозные, мифологические, магические воззрения той эпохи, которые стали основным источником для формирования древнеиндийской философии. Влияние Вед было настолько велико, что большинство традиционных философских школ — «даршан» (санхья, йога, вайшешика, ньяя, миманса и веданта) развивали и продолжали наследие Вед. Но даже те школы, которые не признавали авторитета Вед (например, бхагаватизм, буддизм) были многим им обязаны. В каком-то смысле, древнеиндийскую культуру можно сравнить с деревом, стволом которого были Веды. Поэтому древнеиндийская философия, в отличие от древнегреческой, в гораздо меньшей степени была связана с зарождающимся научным знанием, зато *мифологические и религиозные элементы* (воспринятые из ведической литературы) в ней были представлены сильнее.

В Древнем Китае же философия имела явную *практическую направленность*. Конфуцианство и другие школы древнекитайской философии мало занимались абстрактными вопросами, проблемами бытия и познания, онтологией и гносеологией. Главное внимание они уделяли устройству человеческого общества и воспитанию отдельного человека. Исключением является лишь такая известная далеко за пределами Китая философская школа, о которой вы тоже могли слышать, как *даосизм*. Название школы берет свое начало от центрального понятия даосской философии: «Дао» (буквальный перевод — путь) — это и первоначало, первооснова мироздания, и универсальный закон развития, которым следует все в мире. Человек не может изменить Дао, поэтому настоящий мудрец не вмешивается в происходящее: глупо суетиться, если от тебя все равно ничего не зависит. Надо познать закон дао и «плыть по течению». Даосы проповедовали принцип «победоносного недеяния». Как же можно победить, если ты ничего не делаешь, не борешься?! Борьба — бессмысленно, все в мире совершается по закону Дао. Мудрец свободен от страстей, он познал Дао и живет в соответствии с этим знанием. Поэтому побеждает не тот, кто пытается перекрыть мир по-своему, а тот, кто за борьбой вещей видит гармонию мирового закона. Недаром для даосов идеальным правителем был «тот, о котором народ знает только одно: он есть». Жизнь народа идет своим чередом, и чем меньше в нее вмешивается правитель, тем лучше...

Возникнув, философия прошла длинный путь. История философии стала важной частью истории мировой культуры и цивилизации. Причем для европейской (и шире — всей западной) цивилизации именно наследие Древней Греции и Рима стало своеобразной «матрицей» последующего развития. Вся позднейшая западная культура выросла из вопросов, поставленных античными мыслителями, использовала их подходы к решению сформулированных еще в древности проблем, не раз возвращалась к «классическим» текстам и т. д. Российская культура, несмотря на своеобразие (о котором мы с вами еще поговорим в последующих главах), тоже относится к европейской культурной традиции. Прежде всего это связано с системой образования в нашей стране (от школ до университетов), которая была заимствована из Западной Европы. Поэтому в следующих разделах мы будем говорить не о Китае или Индии, а об истории западной философии — от ее истоков до наших дней.

2.3. Начало древнегреческой философии

Древнегреческая философия первоначально сложилась не на материковой части Греции, а в Ионии, в городах-портах Малой Азии (на территории современной Турции). Благодаря развитому мореплаванию, греческая культура не оставалась замкнутой, она вобрала в себя многие достижения соседей (Египта, Вавилонии, Финикии и других). Поселения греков — города-полисы — в результате так называемой великой греческой колонизации были основаны даже на побережье Черного моря. Греческие полисы были сосредоточениями не только торговли и ремесел, но постепенно выделились и как центры культуры и образования.

Культура Древней Греции (в отличие от древнеиндийской и древнекитайской) была *индивидуалистичной*: это означает, что человек воспринимался как неповторимая, уникальная личность. Речь, конечно, шла не о рабах («говорящих орудиях»), а о свободных эллинах (так себя называли греки, а свою землю — Элладой). Работа по обеспечению физического, животного существования считалась необходимой, но не достаточной для свободного человека, она не давала ему возможности проявить свою личность — то, что отличает человека от животного. «Человек — животное политическое», — писал Аристотель, понимая под этим, что истинно человеческое, личностное, а не биологическое, проявляет себя только в обществе — в полисе, который, переживая отдельных людей, сохраняет традиции и память об их деяниях и свершениях.

Полис собирал на агоре (то есть центральной площади города, где проходили собрания его граждан) свободных людей, отвлекшихся от домашних забот для решения общих вопросов жизни полиса или для публичных диспутов. Античная демократия давала возможность каждому проявить качества своей уникальной, но смертной личности и тем заслужить бессмертие в людской памяти и сравняться с богами и героями. Наравне с военной или спортивной победой этому могли послужить выдающаяся речь, мужественный гражданский поступок. Ценилось именно действие, проявляющее того, кто его выполнял, а не результат и не достижение. Поэтому большего уважения заслуживал не удачливый купец, а прославившийся скульптур, оратор, воин: торговля, конечно, приносила прибыль, но она

отнимала время, которое можно было потратить на самосовершенствование.

Возможно, такому культу совершенства и красоты — тела, мысли или поступка — способствовал тот факт, что в представлении древних греков время было *циклическим*. Космос вечен и бессмертен, но история повторяется, циклы развития лишь следуют друг за другом, как волны на море, сменяются поколения людей. Поэтому вопрос о смысле истории в такой циклической модели просто не возникал. Жизнь зачастую воспринималась как игра, выигрышем в которой служила возможность проявить себя, прославиться и этим уподобиться бессмертным богам. Конечно, такое мироощущение могло возникнуть лишь в обществе, условием существования которого был тяжелый труд рабов, дававший свободным эллинам возможность для самовыражения.

Древнегреческая философия впитала в себя свойственное этой культуре стремление к гармонии, интерес к личности, ее поступкам и действиям. Она стала прекрасным цветком, выросшим на каменистой почве Эллады; ее темы и вопросы во многом определили последующее развитие европейской культуры. Наверное, поэтому античную философию до сих пор изучают, исследуют; на философских факультетах всех университетов мира обязательно есть кафедры, специализирующиеся на истории древней философии, по всему миру издаются тысячи книг, посвященных античной философской традиции. На первый взгляд, это не слишком разумно: с тех пор минуло уже две с лишним тысячи лет, все изменилось! Нет больше греческих полисов, Парфенон совсем не похож на действующий храм, а прибыль в нашем прагматичном мире, в отличие от эллинского, ценится чрезвычайно высоко, — иногда выше уникальных поступков и произведений. Но поверьте, смысл в таком внимании к античности все же есть: без понимания истоков невозможно понять современную западную культуру (в том числе, и ее прагматический характер). Верно это и по отношению к философии: чтобы получить представление о современных философских взглядах на мир и человека, необходимо хотя бы краешком глаза посмотреть на *начало философии* в Древней Греции.

Постичь философское мышление этого периода непросто, потому что произведения мыслителей того времени сохранились только во фрагментах и лишь исключительно благодаря цитированию и критике позднейших авторов. Из этих фрагментов весьма сложно восстановить цельные взгляды древних мыслителей,

потому что перед исследователями и читателями всегда встает вопрос: насколько точно цитируются высказывания и тексты первых философов? Какая мысль принадлежит комментатору, а какая — самому мыслителю? Тем не менее, кое-что о том времени мы все же знаем.

2.3.1. Милетская школа

Первая древнегреческая (а значит, и европейская) философская школа возникла в городе Милете. Ее основал уже упоминавшийся нами Фалес. Еще при жизни он был причислен к «семи мудрецам»: если провести аналогию с современностью, это, наверное, можно сравнить с присуждением Нобелевской премии. Фалес из Милета жил приблизительно в 640—562 гг. до н. э.; происходил он из богатой семьи и, помимо теоретических исследований, занимался торговлей и политической деятельностью. Милет тогда был крупным торговым центром и портом, имевшим устойчивые связи с Египтом, Персией и Индией. Сам Фалес очень много путешествовал и собирал все доступные сведения и знания. Говорят, что он получил образование в Вавилонии.

Как мы вам уже рассказали, первоначально сущего Фалес считал воду. Вода — вполне вещественное, то есть материальное первоначало. Но очевидно, что на вопрос о том, что первично в мироздании, можно дать и диаметрально противоположный ответ: первичным является что-то духовное — мысль, идея, Бог. Поэтому философские системы можно разделить на два типа мысли — материализм и идеализм. **Материализм** (от латинского слова «*materialis*» — вещественный) — *направление в философии, признающее первоосновой всего существующего материю — независимую от человека и любого сознания реальность. Материализм считает, что материя вечна и является источником всего, что нас окружает.* **Идеализм** (от греческого слова «*idea*» — идея) — *направление в философии, сторонники которого признают первичным, исходным дух, сознанию, идею.* В каком-то смысле всю историю философии можно представить как своеобразный диалог, спор сторонников материализма и идеализма.

И хотя сам термин «материализм» был введен много позже, в XVII в., уже начало античной философии было близко к материализму. Вместе с тем, Фалес был человеком своего времени, а

значит, его взгляды не были свободны от привычного мифологического истолкования мира. Он был уверен, что мир, возникший из воды, все же «полон богов», все предметы одушевлены, и даже сама вода — разумна. Поэтому *первые философские концепции не были в чистом виде ни материалистическими, ни идеалистическими*, — здесь размежевание между данными направлениями в философии еще не произошло, и мы можем говорить лишь о тенденции к материализму или идеализму. В этом смысле Милетская школа явно тяготела к материализму.

Другим выдающимся милетским философом был Анаксимандр (611—546 до н. э.). Судя по всему, был он учеником Фалеса. Так же, как Фалес, Анаксимандр ставил вопрос о начале мира. Он утверждал, что первоначалом и основой является «*беспредельное*» (*apeiron*), не определяя его ни как воздух, ни как воду, ни как что-либо иное. Фалес сводил все материальное разнообразие мира к воде, Анаксимандр же уходит от этой вещественной определенности, его мысль более абстрактна. Его «*апейрон*» характеризуется как безграничное, неопределенное материальное начало. Очень похоже на современные определения понятия «*материя*»: материя — объективная, существующая вне нас реальность, которая дается нам в ощущениях. Значит, материальными будут и дерево за окном, и парта, за которой вы сидите, и солнце на небе, — ведь они существуют объективно (то есть независимо от субъекта, от нас) и мы знаем об их существовании благодаря своим ощущениям. Поэтому взгляды Анаксимандра напоминают взгляды современных материалистов: он тоже считал, что мир имеет своим началом нечто материальное, но не конкретизировал, в какой форме это материальное начало существовало. Он учил, что «*части изменяются, целое же остается неизменным*», то есть «*апейрон*» может проявляться в разных стихиях, формах, вещах. В этом смысле можно сказать, что Анаксимандр опередил свое время: его мысль гораздо дальше отстоит от образного мифологического мышления, чем у Фалеса.

У Анаксимандра встречается проблематика, которую Фалес лишь обозначил, — проблематика возникновения жизни. И здесь он тоже удивительным образом опередил свою эпоху, недаром его иногда называют античным предшественником Дарвина. Первые животные, по его мнению, зародились в воде, но когда их стало много, они начали выходить на сушу. Их покров (панцирь или чешуя) ломался и истирался от соприкосновения с твердой почвой. Некоторые из них умирали от этого, другие

же — выживали и изменялись. Появились животные, от которых потом произошел и человек. Представьте себе, что так рассуждал философ две с лишним тысячи лет назад! Анаксимандр объясняет сложнейшие вопросы развития мира, не обращаясь к вмешательству богов, а опираясь на разум.

Третьим выдающимся милетским философом является **Анаксимен** (585—524 до н. э.). Он был учеником и последователем Анаксимандра. Подобно Фалесу и Анаксимандру, Анаксимен искал материальную первооснову мира. Такой основой он считал *воздух*. Из воздуха затем возникло все остальное. Разряжение воздуха приводит к возникновению огня, а сгущение вызывает ветры, тучи, воду, землю, камни. Сгущение и разряжение понимаются здесь как взаимно противоположные процессы, участвующие в образовании различных состояний материи. Естественное объяснение возникновения и развития мира Анаксимен распространяет и на происхождение богов: боги тоже произошли из воздуха и поэтому не отличаются от других природных явлений, они тоже материальны. При таком понимании в них остается очень мало божественного, не правда ли?

Таким образом, для всех представителей милетской школы основным вопросом был вопрос о первоначале и сущности мира. И хотя ответы на этот вопрос давались разные — будут ли считаться первоосновой вода, «апейрон» или воздух — установка на теоретическое, рациональное объяснение природы свидетельствует о том, что мы имеем дело уже не с мифологией, а с принципиально новым отношением к миру, которое и положило начало формированию не только философии, но и науки.

В начале V в. до н. э. Милет был завоеван персами. Город постепенно теряет свое значение центра эллинской культуры, но идеи милетских философов находят своих продолжателей.

2.3.2. Эфесская школа

По соседству с Милетом располагался другой город-порт — Эфес. Этот полис прославился тем, что в нем находилось одно из семи чудес света — храм Артемиды. Именно в нем родился и жил знаменитый древнегреческий философ **Гераклит** (ок. 540 — ок. 480 до н. э.).

О его жизни сохранилось относительно много (по сравнению с предшественниками) сведений. Он был известным оратором,

обладал наследственным титулом *басилевса* (то есть принадлежал к царскому роду), но отошел от политической жизни и отказался от титула в пользу своего брата, чтобы иметь возможность посвятить себя философии.

Из написанного Гераклитом до нас дошло около 140 фрагментов. Нам повезло: он отдал свое сочинение в храм Артемиды Эфесской, что способствовало его сохранению. Правда, тексты Гераклита не просты для истолкования (недаром из-за трудности понимания Гераклит получил от современников прозвище «Темный»): он писал образным языком и использовал множество метафор и аллегорий. Тем не менее, ясно, что основой всего Гераклит считал *огонь*: «Этот космос... не создан никем из богов и никем из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами вспыхивающим и мерами угасающим». В понимании Гераклита, огонь, с одной стороны, подобен исходному первоначалу у представителей милетской школы. С другой стороны, это понятие у Гераклита представляло и определенный методологический принцип. Огонь невозможно представить себе неподвижным, он всегда в движении; признание огня основой мироздания стало обоснованием динамики развития, постоянных изменений. Поэтому Гераклита считают основателем *диалектики*.

Диалектика (от греческого *dialektike* — искусство вести спор) — учение о всеобщей связи явлений и развитии, источником которого признается наличие противоречий в окружающем человеке мире и в его сознании. Согласно диалектической точке зрения, в мире все развивается и не стоит на месте. До нас дошло ставшее широко известным изречение Гераклита Эфесского: «В одну и ту же реку нельзя войти дважды», где он уподобил мир течению реки. По мнению мыслителя, все изменчиво и преходяще. Почему? Да потому что мир, кажущийся на первый взгляд устойчивым и однозначным, содержит в себе противоречия. Каждая вещь обладает противоположными качествами: «морская вода — чистейшая и грязнейшая: рыбам она питье и спасение, людям же — гибель и отравы», «прекраснейшая обезьяна безобразна, если ее сравнить с человеком» и т. д., из чего следует вывод об *относительности* всех свойств вещей. В мире нет никакого вечного и абсолютного качества, все взаимосвязано и относительно. Аристотель приводил образное высказывание Гераклита по этому поводу: «Ослы солому предпочли бы золоту». Значит, ценность богатства и золота — тоже относительна.

Одна противоположность обязательно предполагает другую: мы можем понять, что такое добро, если столкнемся со злом, начинаем ценить красоту, увидев безобразное и т. д. Ночь переходит в день, а день — в ночь, за зимой приходит лето, но за летом — зима, война сменяется миром и наоборот, после голода мы испытываем насыщение, но его вновь сменяет чувство голода. Более того, Гераклит делает вывод о *совпадении противоположностей*: «одно и то же в нас живое и мертвое, бодрствующее и спящее, ведь это, изменившись, есть то, а то, изменившись, есть это». Такое совпадение (*тождество*) противоположностей означает их вечную борьбу, которая является причиной возникновения всего нового в мире. *Борьба противоположностей* — «отец всего и царь над всем».

Такой образ мира, вечным законом которого является борьба противоположностей, вовсе не означал для Гераклита хаоса и беспорядка. Напротив, в мире есть гармония, но эта гармония скрыта и проявляется как раз через борьбу. В конечном счете закон мира описывался им как «логос». Мы уже встречались с этим греческим словом, означающим «слово», «понятие», «учение». Для Гераклита логос — объективный закон мира, принцип устройства космоса, это та сила, которая и определяет движение космического огня. Один из сохранившихся фрагментов начинается словами: «Не мне, но Логосу внимая...». То есть Гераклит пытался приоткрыть людям закон развития мира, а отнюдь не свою личную точку зрения. В мире все изменчиво, кроме логоса, вызывающего к жизни сами изменения.

Но можно ли познать логос? Это непросто. Гераклит писал, что «природа любит скрываться», поэтому требуется усилие для постижения ее законов. Люди в своей жизни постоянно сталкиваются с проявлениями логоса, но не понимают этого. Не все способны познать логос. Как же так? Ведь Гераклит признавал, что все люди разумны: «размышление всем свойственно, всем людям дано познавать себя и размышлять». Но размышляют-то люди по-разному. Некоторые накапливают бесполезные знания, становятся ходячими справочниками, но у них нет своих взглядов на окружающее, они довольствуются чужими. «Многознание не научает уму», — писал Гераклит.

Люди равны по своей природе, равны в том, что все они разумны. Но используют люди свой разум в зависимости от интересов и целей, что ставят перед собой. «Плохие свидетели глаза и уши у людей, которые имеют грубые души», — предупреждал

Гераклит. (Кстати, наихудшая душа, наименее способная к познанию логоса, по мнению Гераклита, у пьяниц, которые вообще не свободны в своих желаниях. Если у всех людей души — огненные, если наилучшие души характеризуются «сухим блеском», то у пьяницы даже душа влажная, и ее огонь вот-вот угаснет...). Большинство людей находятся во власти своих сиюминутных желаний, они хотят получать удовольствия. Такие люди не слышат логоса; они, подобно осламу, «предпочитают солону золоту». Гераклит убежден, что такие люди не стали бы счастливее, даже если бы все их желания исполнились, но сами они этого не понимают, их жизнь похожа на «детские игры». Лишь самые достойные и мудрые способны жить в соответствии с логосом, а не со своими преходящими животными желаниями: «самые достойные предпочитают одно: вечную славу смертным вещам. Толпа же набивает свое брюхо подобно скоту». Поэтому хотя в принципе все люди от рождения обладают способностями познать логос, удается это единицам, которые действительно используют полученные способности, а не растрачивают свою жизнь в поисках мимолетных удовольствий.

Вы видите, что первые философские поиски, первые философы дают разные объяснения мира. Философские концепции несут на себе не только печать времени, но и печать характера своего создателя (например, аристократ Гераклит с явным высокомерием относится к «толпе» и пишет языком, не понятным для малообразованного человека, зато Анаксимен стремится к простоте и ясности). Тем не менее, есть нечто, *что объединяет первых философов*.

Во-первых, это *поиски первоначала мира*. Все предметы в мире — разные, но мир должен иметь общую первооснову, чтобы быть единым и цельным. За видимым разнообразием кроется невидимое единство, которое и пытались объяснить первые философы. Начало древнегреческой философии было связано больше с изучением природы, чем с изучением человека. Философия имела форму *натурфилософии*.

Во-вторых, это *теоретические поиски первоначала мира*. Вода, апейрон, воздух, огонь, логос, закон, необходимость — это уже не мифологические или художественные образы, а *понятия*. Начинается выработка понятийного аппарата философии, правил логики, принципов рассуждения — всего того, что отличает теоретическое знание от мифологии и искусства.

В-третьих, формирование философии в Древней Греции было неразрывно связано с развитием научного знания, философия в то время была и *протонаукой*, включала любые теоретические знания. Недаром первые философы были и первыми географами, астрономами, математиками.

В-четвертых, **разделения философских систем на материалистические и идеалистические еще не произошло**. Первые философы не были ни материалистами, ни идеалистами, — в их взглядах сочетались элементы обоих направлений. *Спор между материализмом и идеализмом начнется позже.*

Вопросы и задания

1. Что такое мировоззрение? Какие уровни и типы мировоззрения вы знаете?
2. Почему возникновение философии можно считать признаком совершившейся в истории человечества духовной революции?
3. Как соотносятся философия и мифология? Как вы думаете, исчезла ли мифология после возникновения философии? Существует ли мифология в современном обществе?
4. Когда и где возникла философия?
5. «Философия — мать наук. Первые естествоиспытатели, как древнего, так и нового времени, были философами» (Л. Фейербах). Согласны ли вы с таким суждением? Обоснуйте свою точку зрения.
6. Какие проблемы ставили перед собой философы милетской школы?
7. Объясните высказывание Гераклита Эфесского: «В одну реку нельзя войти дважды». Почему?
8. Что характерно для первых школ древнегреческой философии?

Глава 3

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

История философии имеет дело не с прошедшим, а с вечным... и должна быть сравнима в своем результате не с галереей заблуждений человеческого духа, а скорее с пантеоном божественных образов.

Гегель. «Наука логики»

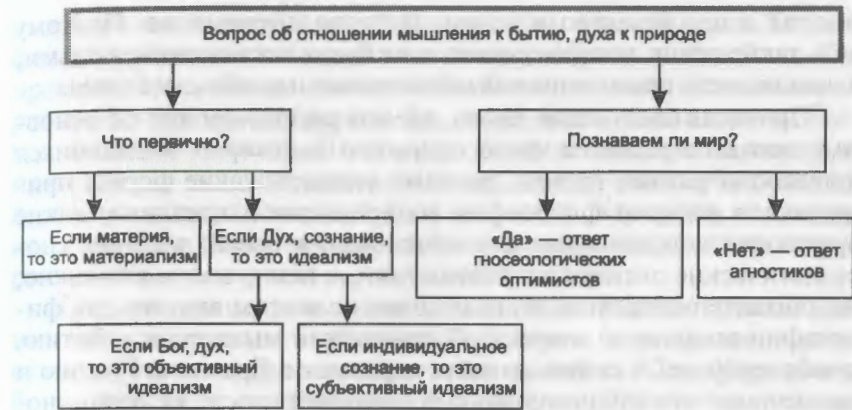
В предыдущей главе мы рассказали о зарождении философии в Древней Греции. С этого момента и начинается ее история, которая распадается на эпохи и периоды как в зависимости от общих закономерностей развития общества и его культуры, так и от внутренней логики самого философского знания. Тем не менее, во все времена в центре внимания находятся такие философские проблемы, как: что первично в мире — дух или материя, каково место человека в мире и в чем смысл его существования, познаваем ли мир и какие пути и методы ведут к истинному знанию, в чем сущность человеческого общества, какое будущее ожидает людей и др. (помните разговор о единстве основной философской проблематики в первой главе учебника?).

Многие философы считают, что ответы на эти вопросы зависят от того, как тот или иной мыслитель решает для себя **вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе**. Иногда эту проблему называют *основным философским вопросом*, хотя мы так не думаем, потому что этот вопрос является основным только для двух разделов философии — онтологии, учения о бытии, и гносеологии, учения о познании; для других же разделов он не имеет столь определяющего значения. И все же этот вопрос действительно является одним из важнейших, и в зависимости от ответа на него философские системы делятся на различные направления.

Во-первых, вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе означает, что философ должен решить для себя — *что первично?* Материальные процессы в своем развитии породили дух, сознание или, наоборот, вначале должен был существовать дух, который создал мир? Помните, как милетцы искали первоначало сущего? Какими бы наивными ни казались их поиски и ответы сегодня, суть заданного ими вопроса до сих пор волнует человека. Те, кто первичным считает материю, развитие материального мира, являются *материалистами*. Те же, кто уверен, что мир не мог возникнуть без осмысленного плана, без воздействия духа, называются *идеалистами*.

Но если вы задумаетесь, то поймете, что идеализм тоже может быть разным. Можно искать начало мира в активности Бога или богов, можно верить в существование космического сознания или в абсолютный разум, — во всех этих случаях мы будем иметь дело с таким идеализмом, который основу мироздания видит в чем-то независимом от отдельного человека, субъекта, то есть в чем-то *объективно* существующем. Недаром такие позиции получили название *объективного идеализма*. Но есть идеалисты, которые убеждены, что мир — это наше *субъективное* ощущение, порождение нашего сознания. Вы встали утром, умылись, позавтракали, пришли в класс... А уверены ли вы в том, что это действительно произошло? Представьте себе фантастическую ситуацию: вы — это плавающие в питательном растворе мозги, а некто дотрагивается до них в тех или иных точках, и вам кажется, что вы встали, почистили зубы, сели за учебник по философии... Разумеется, *субъективные идеалисты* не имели в виду такого сюжета, но они подметили одну бесспорную вещь: мир вокруг нас кажется нам таким или иным в зависимости от наших ощущений, восприятий, от того, как мы устроены и т. д. Поэтому начало мироздания они видят в субъективном духе, в сознании субъекта (см. схему).

Во-вторых, вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе имеет и другую, гносеологическую, сторону: может ли наше сознание дать нам истинную информацию о мире? *Познаваем ли мир?* На этот вопрос тоже возможны различные ответы. Большинство философов и в прошлом, и в настоящем считают, что мир познаваем, что с помощью сознания и мышления мы способны создать такую картину мира, которая отражает его реальные свойства и качества. Пусть эта картина нуждается в постоянном уточнении, пусть путь познания извилист и труден, но

истина достижима. Мыслители, придерживающиеся таких взглядов, называются *гносеологическими оптимистами*, они оптимистично оценивают познавательные способности человека. Но есть и такие философы, которые считают, что мир сам по себе для человека всегда останется тайной за семью печатями. Такую позицию называют *агностицизм* (от гр. *agnostos* — «недоступный познанию»), а тех, кто ее придерживаются, — *агностиками*. В пользу такой точки зрения возможна различная аргументация. Во-первых, единственным источником нашей информации о мире являются ощущения. Очевидно, что наши ощущения ограничены. Мы не слышим ультразвук, не видим инфракрасное излучение, воспринимаем окружающую нас действительность цветной (а для многих животных, например, мир черно-белый) и т. п. Действительно, есть основания задуматься: а насколько наше восприятие мира отражает объективную реальность? Во-вторых, можно рассуждать и по-другому: даже если наши ощущения дают нам истинную (хотя бы и приблизительно) информацию о мире, мы в своем восприятии окружающего как будто бы скользим по поверхности явлений, видим только то, что нас касается, что отвечает нашим интересам и потребностям, соответствует нашим представлениям и ожиданиям о том, каков мир. От этого наше восприятие окружающей действительности становится искаженным, антропоморфным, — человеческая картина мира совсем не похожа на то, как воспринимают мир, например, землеройка или воробей. Мир же сам по себе, без «примешивания» к нему человека, для нас непознаваем. И есть еще одна трудность познания, на которую часто указывают агностики: мир бесконечен, а чело-

век, да и человечество в целом, конечно, ограничено. Поэтому есть такие вещи, которые никогда не будут исследованы людьми, а значит, есть принципиально непознаваемые области бытия.

Прочитав следующие главы, где мы расскажем вам об основных эпохах в развитии философии и о некоторых выдающихся философах разных времен, вы сами увидите, какие формы принимали в истории философии материализм и идеализм, какие аргументы использовали для обоснования своей позиции гносеологические оптимисты и агностики, и после этого, возможно, вы сможете определить и свою позицию в этом важном для философии вопросе — вопросе об отношении мышления к бытию, духа к природе. А сейчас давайте вернемся в Древнюю Грецию и посмотрим, что происходило с философией после ее возникновения.

3.1. Древнегреческая философия

Практически одновременно с зарождением философии на побережье Эгейского моря появляются философские школы и в греческих городах-полисах на побережье Южной Италии и Сицилии. В конце VI в. до н. э. формируется так называемая италийская философия, к которой относят школу элеатов, пифагорейский союз и некоторых других философов.

3.1.1. Италийская философия

Элейская школа. Основателем школы в городе-полисе Элея принято считать **Ксенофана** (ок. 565 — ок. 470 до н. э.). Он пришел в Италию из Ионии, потому что его родной город Колофон был захвачен персами. Более шестидесяти лет после этого Ксенофан вел жизнь странствующего певца-рапсода, публично распевая свои философские стихи, а на закате дней поселился в Элее. Он прожил без малого 100 лет. До нас дошло не так много информации об этом человеке, но то, что мы знаем, удивительно.

Какие боги у быков?

Именно Ксенофан впервые поставил вопрос о *происхождении богов*. С его точки зрения, не человек — создание богов, а наоборот, боги — порождение человека, плод его воображения. Почему у эфиопов боги кудрявы и чернокожи, а у фракийцев —

рыжеволосы и голубоглазы? Потому что, был убежден Ксенофан, боги творятся людьми по своему образу и подобию. Он иронизировал, говоря, что если бы быки, лошади и львы могли рисовать, то они изобразили бы своих богов похожими на быков, лошадей и львов. Поэтому-то богам в понимании людей и присущи все человеческие качества и грехи, — они обманывают друг друга, крадут, ссорятся. Как вы видите, Ксенофан не только не следовал в своих взглядах традиционным мифологическим и религиозным воззрениям, но и критиковал их.

Для него существовал один бог, который и есть окружающий нас мир, вселенная. Если описывать этого бога, то мы можем сказать, что он вовсе не похож на человека. Для Ксенофана бог — это сфера, совпадающая с космосом. (Дело в том, что для греков вообще было свойственно представление мироздания в виде сферы, считавшейся самой совершенной фигурой.) *Отожествление бога и мира* получило название **пантеизма** (от гр. *pan* — все и *theos* — бог, то есть буквальный перевод — «все есть бог»). И если бог — это все, что есть в мире, значит, он неподвижен, ведь ему просто некуда двигаться.

Как устроен мир?

Как и милетские мыслители, Ксенофан стремился объяснить мир, исходя из естественных причин, тяготая к материализму. «Земля и вода есть все, что рождает и растит», — считал Ксенофан, представляя себе даже души людей состоящими из земли и воды. Его физическая картина мира совсем не похожа на современную, но она содержит в себе попытки найти природные, а не сверхъестественные причины явлений. Согласно его представлениям, «звезды возникают из раскаленных туч, угасают каждый день и в ночи снова оживают, как горящие угольки». Луну он представлял как «сгущенное облако», а изменения климата вызываются, по его мнению, теплом Солнца. Само же Солнце — скопление искорок, а эти мелкие искорки — воспламенившиеся испарения воды. В такой картине мира уже нет места вмешательству богов — налицо попытка построить вполне рациональную картину мира, хотя и имеющую мало общего с современной.

Помните слова Аристотеля о том, что философия вырастает из удивления? В этом смысле Ксенофан, несомненно, был философом: он удивлялся и задумывался над тем, на что другие не обращали внимания. Так, однажды найдя камни с отпечатавшимися на них морскими животными (окаменелости) далеко от берега моря, он задумался над этим фактом и сделал вывод о по-

стоянном понижении уровня моря: сначала вся земля была покрыта водой, но затем часть земли поднялась и стала сушей; даже горы когда-то были морским дном.

Онтологические взгляды Ксенофана тесно связаны с его пониманием познания. Чувства, ощущения не могут дать основания для истинного познания, но ведут лишь к мнениям и кажимости. Именно чувства убеждают нас, что мир многолик и изменчив. В действительности же мир един (ведь мир и бог — одно и то же) и неподвижен. Как мы увидим дальше, именно такой *скептический подход к чувственному познанию* характерен для всей элейской школы.

К элейской школе, кроме Ксенофана, относят **Парменида** (ок. 540—470 до н. э.), **Зенона** (ок. 490—430 до н. э.) и **Мелисса** (V в. до н. э.). Все они делали резкое различие между подлинной истиной (*алетейя*), являющейся продуктом рационального мышления, и мнением (*докса*), опирающимся на чувственное познание. Чувственное познание дает нам образ лишь кажущегося состояния вещей, с его помощью нельзя постичь их подлинную сущность. Элеаты были одними из первых в истории философии, кто усомнился в достоверности наших чувств. Конечно, они правы, — наши чувства и ощущения могут нас обманывать, им нельзя доверять безоголочно. (Например, лодка на горизонте кажется нам размером с горошину, но такое чувственное восприятие данного предмета не дает истинных представлений о его размерах.) Наивной вере в то, что мир таков, каким он дан нам в ощущениях, элеаты противопоставили убежденность, что истинное знание можно получить только при помощи разума. Правда, их подход был радикален: они вообще решили отказаться от чувственных данных, что привело к чрезвычайно парадоксальным результатам.

Действительно существует лишь то, что можно помыслить, не впадая при этом в противоречия. А теперь попробуйте-ка «помыслить» небытие. Не получается? И не получится: мысль — всегда мысль о чем-то. Даже если вы будете мыслить о небытии, вы своей мыслью придадите ему какое-то существование, сделаете его бытием. Значит, сделал вывод Парменид, а за ним и другие представители элейской школы, существует только бытие, не-бытия нет. А что такое «небытие»? Элеаты воспринимали его как пустоту. Следовательно, пустоты нет; мир — это шар, заполненный веществом без пустот. Из такого представления о мире делались совершенно удивительные выводы.

Во-первых, если мировой шар наполнен веществом без пустот, значит, он един (что предположил еще Ксенофан), в нем нет и не может быть множества отдельных вещей. Как же так? В аудитории стоят столы, их много. За столами сидят ученики, их тоже много. За окнами (которых тоже несколько) — облака, деревья, машины — их много! Мы же ясно это видим! Видим? Вот в этом-то и дело: вы опираетесь на чувства, а элеаты предлагают вам отбросить их полностью и сделать ставку только на разум. Чувства нас обманывают, доверять им нельзя. Возьмите одно рисовое зернышко и бросьте его на землю, — вы ничего не услышите. А теперь возьмите мешок с зерном и бросьте его на землю, — вы услышите глухой стук. Но сумма нулей должна равняться нулю! Ваши чувства обманули вас либо в первый раз (и стук был), либо во второй (и стука не было). Таких примеров можно привести сотни (и элеаты приводили их), чтобы убедиться, что чувственное восприятие и разумное мышление — не одно и то же. Поэтому, с их точки зрения, множественности все же нет, мир един, а множество деревьев и машин за окном — обман чувств, мнение (докса), а не алетейя.

Но и это еще не все! Движения тоже нет... И развития нет: бытие едино, цельно и неизменно. Оно вечно существует и не может меняться. В этой связи Парменид, например, очень резко критиковал Гераклита за его диалектику, даже называл его взгляды «пьяной философией», — ведь только перебравший вина человек может всерьез считать, что в одну реку нельзя войти дважды и каждая вещь содержит в себе противоположности! Движение и развитие — пустые имена, за которыми ничего не стоит (вы же можете сказать слова «леший» или «газ флогистон», можете их даже описать, но эти понятия — пустые, они не относятся ни к каким реальным предметам). Получается, что бытие, по Пармениду, вечно, едино, неделимо, неподвижно и неизменно.

Почему Парменид отвергает движение и развитие? Все, что существует, есть сущее (бытие), которое есть всюду, во всех местах, и поэтому оно не может двигаться. Куда что-то может двигаться, если вся мировая сфера заполнена веществом «под завязку»? Значит, все неподвижно...

Догонит ли Ахиллес черепаху?

Еще интереснее обосновал невозможность мыслить движение, не впадая в противоречия, любимый ученик Парменида, Зенон. Платон полагал его одним из мудрейших греков, хотя и не был согласен с его взглядами. Видимо, наиболее известным

изложением элейского отрицания движения и постулирования неизменности и неподвижности сущего являются *апории* Зенона, доказывающие, что если допускается существование движения, то возникают неразрешимые противоречия. Апория (гр. *aporia* — затруднение, безысходность) — парадокс, где сталкиваются логическая очевидность суждения и его неподтверждаемость опытом. Таких апорий Зенон сформулировал более 40, до нас дошло 8, из них движению посвящены четыре — «Дихотомия», «Стрела», «Стадион» и «Ахиллес и черепаха».

Первая из апорий названа *дихотомией* (деление пополам). В ней Зенон стремился доказать, что тело не может сдвинуться с места, то есть движение не может ни начаться, ни закончиться. Чтобы преодолеть отрезок пути АБ предмет сначала должен пройти половину этого отрезка — АБ¹. Однако, чтобы дойти до точки Б¹, надо пройти половину от намеченной половины (четверть) — АБ². А чтобы пройти половину половины, надо пройти половинку от этой четверти — АБ³ (одну восьмую). И это повторяется до бесконечности (ведь мы можем разделить любой отрезок на бесконечное количество частей). Поэтому тело никогда не сможет достичь точки Б, как бы близко она ни была расположена, ибо оно должно «пройти» бесконечное множество точек. Безукоризненное с точки зрения формальной логики рассуждение!

В другой апории Зенон задается странным, на первый взгляд, вопросом: может ли Ахиллес догнать черепаху? Зенон доказывает, что даже самый быстрый из людей не сможет никогда догнать даже самое медлительное создание, если оно вышло в путь раньше него. Ахиллес, бегущий в десять раз быстрее черепахи, не сможет ее догнать. Пусть черепаха на сто метров впереди Ахиллеса. Когда Ахиллес пробежит эти сто метров, черепаха будет впереди него на десять метров. Пробежит Ахиллес и эти десять метров, а черепаха окажется впереди на один метр и т. д. Расстояние между ними все время сокращается, но никогда не обращается в нуль. Значит, Ахиллес никогда не догонит черепаху. Или, в более общем виде: Ахиллес, чтобы догнать черепаху, должен вначале пройти расстояние от своего места до места, где находилась черепаха в момент его старта. Но за то время, что ему понадобится для преодоления данного расстояния, черепаха опять продвинется вперед на определенный отрезок, и эта ситуация будет повторяться вновь и вновь. Итак, чтобы догнать черепаху, Ахиллес вынужден будет преодолеть бесконечное количество отрезков пути.

Апории Зенона вызвали большое замешательство, потому что опровергнуть их не так-то просто. Можно, конечно, встать и начать ходить, но это будет обращение к чувствам зрителей: они будут видеть, что движение есть, но ведь чувствам-то доверять полностью нельзя... Именно по поводу зеноновской апории А. С. Пушкин написал такие строки:

Движенья нет, сказал мудрец брадатый,
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить:
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами Солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

Секрет здесь в том, что пространство является одновременно и прерывным (состоящим из отдельных отрезков и точек), и непрерывным, то есть для решения таких задач надо уметь находить предел суммы бесконечно малых величин.

С философской точки зрения, несомненной заслугой элеатов была постановка вопроса о том, что чувственное и рациональное, разумное познание — не одно и то же. С позиций чувственного познания многие положения, например, современной физики кажутся невозможными. Сегодня не вызывает сомнения тот факт, что ориентироваться только на чувственную достоверность и очевидность нельзя. И хотя Ахиллес, конечно, догонит черепаху, проблема, поставленная элеатами, была чрезвычайно важной и глубокой: как соотносятся *чувственное и рациональное познание*?

Элеаты признавали истинным только рациональное познание, чувственное же, по их мнению, всегда ведет к неразрешимым противоречиям. Сегодня большинство философов и ученых не рассуждает столь категорично, но и не считает свидетельства чувств решающим аргументом в доказательстве своей позиции.

Пифагорейский союз. Основателем другой школы на италийском полуострове стал **Пифагор** (ок. 570 — 497(6) до н. э.), родившийся на острове Самос в Ионии. Истинные сведения о жизни этого человека трудно отделить от многочисленных легенд, которые он и сам любил придумывать. Говорят, что после отъезда из родного города Пифагор путешествовал 34 года, посетил Египет, Индию и Вавилон, где учился у мудрецов и магов. Но в конце концов он поселился в городе Кротон, где и основал Пифагорейский союз — закрытое сообщество своих последователей, уже при жизни почитавших самого Пифагора как высшее существо, братство единомышленников, войти в которое было не так-то просто. Членами союза могли быть свободные граждане, как мужчины, так и женщины, на протяжении ряда лет выполнявшие все условия и правила этого тайного общества. Философия для пифагорейцев была не только образом мысли, но и образом жизни. Прежде всего, необходимо было отказаться от личной собственности в пользу союза. Выше всего пифагорейцы ставили «прекрасное», куда относили и науку, затем в их иерархии ценностей шло «полезное», и лишь на третьем месте стояло «приятное». Таким образом, члены братства ориентировались на то, чтобы жить созерцательной жизнью мудреца, а не стремиться к наслаждениям. Вставали члены союза до восхода солнца, затем занимались специальными упражнениями для развития своих умственных спо-

собностей и памяти, после чего все вместе встречали восход на морском берегу. В обязательную часть «расписания» входили: гимнастика, физический труд, чтение, занятия музыкой, математикой, астрономией, медициной, анатомией. А перед сном каждый пифагореец подводил итог прожитого дня: что было сделано? Что из намеченного осталось невыполненным? Такой подход к жизни должен был исключить праздную трату времени. О таком обычае в пифагорейском со-

Пифагор Самосский

обществе сохранились так называемые «Золотые стихи», приписываемые самому Пифагору:

Сладкому сну усталые очи не дай смежить прежде,
Чем ты обсудишь дневные дела свои, вопрошая:
Что преступил я? Что натворил? Какого не выполнил долга?
Первым начавши, припомни ты все по порядку, а после,
Коль дела дурны, — о них сокрушайся, добрым же рад будь.

После смерти Пифагора пифагореизм просуществовал вплоть до V в. н. э. (около десяти столетий!), пифагорейские общества возрождались в разных городах и в разное время. Так как Пифагор не оставил после себя письменного наследия, то отделить сегодня взгляды самого Пифагора от взглядов его учеников невозможно, поэтому мы будем говорить о философии пифагорейцев в целом.

Учение о числе как сущности мира

Большинству имя Пифагора известно, конечно, благодаря его знаменитой теореме о сторонах треугольника. Действительно, Пифагор был математиком, и это во многом определило его философское мировоззрение. Дело в том, что суть всего пифагорейского учения составляет положение, приписываемое самому Пифагору: «Числу все вещи подобны». Что это означает? Речь идет о том, что *сущность любой вещи может быть описана числовым соотношением*. Если вы задумаетесь, то согласитесь, что так рассуждают и сегодняшние ученые-естествоиспытатели: явление или процесс считается познанным тогда, когда сформулирован некий закон, их описывающий, а закон этот выглядит как формула, имеет числовой вид. Пифагор рассуждал подобным образом, только он подошел к вопросу еще более радикально, — все в мире имеет в основе число.

Говорят, на эту мысль его натолкнул такой случай: проходя мимо кузницы, Пифагор услышал, что различные молоты, молотки и молоточки, ударяясь о металл, издают различные звуки, сливающиеся в своеобразную мелодию. Он измерил вес молотков (то есть выразил их числом) и сопоставил полученные результаты с издаваемым звуком. Затем он измерил длины струн и сопоставил эти числа с извлекаемым из струн звуком... В общем, получилось, что музыку можно передать числами (в каком-то смысле, Пифагор предвосхитил цифровую запись музыки). Если уж даже музыкальное созвучие можно передать числом, то тем более это относится к другим предметам, были убеждены пифагорейцы.

Дышащая и звучащая Вселенная

Чтобы это было возможно, должна существовать множественность предметов. Действительно, пифагорейцы никогда бы не согласились с рассуждениями элеатов о том, что мир неделим. Они представляли себе космос как шар (опять сферическое представление о мироздании!), но шар живой, а значит — дышащий. При вдохе внутрь сферы должна попадать пустота (вне космоса — пустота). Она разделяет вещество в шаре на отдельные предметы, которые можно сосчитать. Математики этим и занимаются, ведь познать мир — это познать числовые соотношения, его описывающие.

Но верно и обратное рассуждение: суть всего в числе, а число связано со звуком. Более того, не бывает движения без звука, а мир движется. Значит, космос звучит, а мы не слышим этой чудесной «музыки небесных сфер» только потому, что привыкли к ней с рождения и не замечаем ее. Пифагорейский образ жизни должен был помочь услышать эту музыку космоса, достичь «катарсиса» — «очищения» (буквальный перевод) души. Мы и сегодня стремимся к катарсису на музыкальных концертах... Пифагорейцы считали, что тело надо лечить гимнастическими упражнениями, правильным режимом дня и лекарствами, а душу — музыкой и философией.

Переселение душ

Еще одна интересная идея пифагорейцев — переселение душ. Говорят, что сам Пифагор рассказывал о своих шести последних переселениях: как он был рабом, как он был собакой... Многие исследователи считают, что такие взгляды Пифагор заимствовал во время своих странствий на Востоке, где идея переселения душ (особенно в Индии) чрезвычайно широко распространена. Но если в Индии переселение души в следующее тело после смерти не случайно, а связано с тем, как была прожита предыдущая жизнь, то по Пифагору, любая душа может вселиться в любое тело. Поэтому, кстати, он проповедовал вегетарианство, — может быть, в быка, которого зажарили для пира, вселилась душа самого Гомера!

Именно Пифагору приписывают и введение в обиход самого слова «философия»: он называл свое учение именно любовью к мудрости, а не самой мудростью, ибо считал, что ни один человек не может назвать себя мудрецом в силу своих слабостей — он никогда не может достичь всего, на что способен.

На протяжении своего тысячелетнего существования пифагорейзм был тесно связан с математикой. Трудно переоценить значение пифагорейской школы для складывания рациональной, строгой философии и окончательного отхода от мифологии.

Вопросы и задания

1. Какие направления в философии можно выделить, исходя из решения философами вопроса об отношении мышления к бытию?
2. Как представлял себе бога Ксенофан? Что такое пантеизм?
3. Ксенофан не считал никакое учение (в том числе, свое собственное) абсолютно истинным. Он писал:
Истины точной никто не узрел и никто не узнает
Из людей о богах и о всем, что я только толкую:
Если кому и удастся вполне сказать то, что сбилось,
Сам все равно не знает, во всем лишь догадка бывает.
Как вы думаете, такую позицию можно отнести к гносеологическому оптимизму или агностицизму?
4. Каким образом элеаты доказывали несоответствие чувственного и рационального представления о мире?
5. Что хотел доказать Зенон с помощью своих апорий? Как связаны его доказательства с учением Парменида? Почему видимое нами движение машин, людей, животных не является доказательством существования движения?
6. Кто ввел в обиход понятие «философия»? Что означает это слово?
7. Объясните, как вы понимаете высказывание Пифагора: «Числу все вещи подобны».
8. Какая взаимосвязь, по Пифагору, существует между музыкой и математикой?
9. Что такое «катарсис»? Пифагорейцы учили, что телесный катарсис достигается с помощью вегетарианства, гимнастики и воздержания. А как можно достичь духовного катарсиса?

3.1.2. Афинская философия

В философских спорах выигрывает побежденный, ибо приобретает новую мудрость.

Эпикур

Победа греков в греко-персидских войнах в V в. до н. э. способствовала образованию союза древнегреческих полисов во главе с Афинами. Персы были побеждены, междоусобная Пелопон-

неская война одних греческих полисов против других еще не началась. Это время считается специалистами расцветом, высшей точкой греческой культуры, периодом, получившим название «классического». В широком смысле слова всю культуру Древней Греции можно назвать классической, — она стала своего рода «образцом», «классикой» для последующего развития европейской культуры. Но в истории самой античной цивилизации именно период V в. до н. э. — «классика внутри классики», потому что в это время наиболее полно проявились характерные черты и особенности древнегреческой культуры. Афины превратились в экономический, военный, политический и культурный центр Эллады. Афинская демократия этого периода стала образцом для демократических государств последующих эпох: решение народного собрания, на котором правом голоса обладали все граждане, т. е. мужчины старше 20 лет независимо от их имущественного положения, не мог отменить никто. В это время в Афинах писал историю греко-персидских войн Геродот, ваял прекрасные статуи Фидий, создавали вечные трагедии Эсхил, Софокл и Еврипид, творил Аристофан. Разумеется, расцвет Афин проявился и в философии, — этот полис стал философским центром Эллады.

Первым крупным афинским философом стал Анаксагор (ок. 500—428 до н. э.). Он тоже был родом из Малой Азии, там усвоил взгляды Анаксимена из Милета; затем переселился в Афины, где прожил около тридцати лет. Анаксагор вошел в круг приближенных известного афинского политика Перикла. Именно из-за своего влияния на Перикла Анаксагор был обвинен афинским судом в непочитании богов (это считалось в Афинах тяжким преступлением). Как сказали бы журналисты сегодня, это был «политический заказ» скомпрометировать близких к Периклу людей, чтобы бросить тень на знаменитого политика. Но именно Перикл и спас Анаксагора от судебного преследования. Правда, философу все же пришлось покинуть Афины и переселиться на закате дней в Ионию, где он основал школу для детей. Кстати, он завещал отмечать дату своей смерти школьными каникулами.

Натурфилософия Анаксагора. Анаксагор, как и большинство древнегреческих мыслителей, занимался не только философией. Он уделял большое внимание математике, астрономии, физике. Перу Анаксагора принадлежит сочинение с традиционным для того времени названием «О природе», от которого до нас дошло

около 20 отрывков. Он тоже искал первоначало, но, в отличие от милетцев, Гераклита и других, это была не одна какая-то стихия или вещество. Мир казался ему слишком разнообразным, чтобы вывести все из воды, воздуха, апейрона или огня. «Каким образом из не-волоса может возникнуть волос и из не-плоти — плоть?» — спрашивал Анаксагор. Для него ответ был ясен: это невозможно. Значит, делал вывод Анаксагор, первоначалами являются мельчайшие частицы волоса, плоти, дерева и всех других вещей. Эти первоначала он назвал «семенами всех вещей», а Аристотель позднее — «гомеомериями» (буквальный перевод — «подобочастные»).

«Семена всех вещей»

Каждая гомеомерия — это мельчайшая частица какого-либо вещества: крови, молока, золота, древесины, огня, железа и т. д. Гомеомерии вечны, их невозможно уничтожить. Причем каждая вещь содержит в себе семена всех вещей, Анаксагор выдвигает принцип: «Все во всем». Но каких-то гомеомерий всегда больше, они преобладают в данном предмете, поэтому предмет и становится тем, что он есть. Золото является золотом, потому что в нем преобладают гомеомерии золота, семена всех других вещей присутствуют в золотом кольце в исчезающе малом количестве. Так как гомеомерии вечны, то ничего не возникает заново и не исчезает бесследно: гомеомерии лишь соединяются или распадаются, образуя новые сочетания, новые предметы.

Ум как двигатель мира

Первоначальное состояние мира, по Анаксагору, — неподвижная смесь всех гомеомерий. «Все вещи были вперемешку... И пока все было вперемешку, ничто не было ясно различимо», — писал Анаксагор. Для того, чтобы возник мир, необходимо было «подтолкнуть» эту смесь, привести в нее движение. Такой движущей силой стал Ум (по-гречески — «Нус»). Нус — творец космоса, он движет миром, благодаря ему из хаотичного состояния и возник организованный мир. Причем Нус — единственная абсолютно чистая, простая сила, не смешанная ни с чем другим: «Ум — бесконечен, самодержавен и не смешан ни с одной вещью, но только он один существует сам по себе. Ибо... если бы Он был смешан с чем-нибудь другим, то Он участвовал бы во всех вещах... Эта примесь мешала бы ему, так что Он не мог бы править ни одной вещью столь хорошо, как теперь... Он — тончайшая и чистейшая из всех вещей; Он обладает совершенным знанием обо всем и имеет величайшую силу». Силой

Нуса начинается мировое круговращение, во время которого гомеометрии разделяются и соединяются, что приводит к возникновению различных предметов, вещей. Причем холодное, тяжелое, плотное и влажное собирается в центре и из него образуется земля, а горячее, сухое, светлое и легкое устремляется вверх и образуется небо. Вокруг устроенного таким образом мира находится вращающийся эфир. Вращение эфира отрывает от земли камни. Эти камни от трения при вращении возгораются, — так появляются звезды, Луна и даже Солнце. Они не падают на землю вследствие вращения эфира или, как мы сказали бы сегодня, центробежных сил.

Учение Анаксагора очень оригинально. Все его предшественники считали, что число первоначал конечно. Анаксагор впервые предположил, что число начал составляет бесконечное множество материальных элементов, которые приводятся в движение духовной силой — Умом, или Нусом. Но особый интерес у Анаксагора вызывала проблема превращения вещей, переход одного качества в другое. Почему белый и чистый снег при таянии дает мутную воду? Потому что качества жидкого и мутного уже содержались в снеге, хотя качества твердого и белого в нем преобладали. *Во всем есть часть всего*, — вот основной принцип философии Анаксагора.

Античный атомизм. Если взгляды Анаксагора еще нельзя назвать ни материалистическими, ни идеалистическими, — с одной стороны, гомеометрии материальны, с другой — Ум-Нус является вечным духовным началом космоса, — то натурфилософию Демокрита (ок. 460 — ок. 370 до н. э.) мы уже с полным правом можем назвать *материалистической*.

Считается, что Демокрит был учеником Левкиппа. О жизни Левкиппа почти ничего неизвестно: поэтому одни сомневались в его существовании, другие говорили, он был родом из города Абдеры и учил, что мир состоит из атомов. Это вполне современное слово происходит от греческого «*atomos*» — неделимый. Многие века считалось, что атом — это мельчайшая неделимая частичка вещества, хотя современная наука уже иначе понимает атом: мы знаем, что он тоже состоит из частиц, имеет сложное строение.

А вот Демокрит — вполне исторически реальная фигура. Он родился в Абдерах, приезжал в Афины, объездил многие земли — Индию, Египет, Вавилонию, Эфиопию, причем целью его путешествий было приобретение знаний. Ему приписывают вы-

сказывание о том, что персидскому престолу он бы предпочел истинное объяснение причины хоть одного непонятого людям явления. Неудивительно, что в путешествиях он не стремился к выгоде, наоборот, растратил оставленное ему отцом наследство и вернулся на родину бедняком. По законам Абдер непроизводительная трата семейного имущества была наказуема, Демокрит даже предстал за это перед судом сограждан. На суде он зачитал одно из своих многочисленных произведений и был оправдан: судьи решили, что отцовские деньги он потратил не зря, став одним из умнейших и образованнейших людей своего времени.

Вещи состоят из атомов и пустоты

Демокрит был атомистом, считая, как и Левкипп, что любая вещь состоит из атомов и пустоты. Вещи возникают и уничтожаются, но атомы, из которых они состоят — вечны, ведь им не на что распадаться: они неделимы. Этим разным по размерам, но абсолютно плотным частицам присуще движение («они трясутся во всех направлениях», — писал Демокрит), поэтому с необходимостью в мире должна существовать пустота (здесь атомисты принципиально не соглашались с элеатами). *Атомы и пустота* — вот два вечных начала мироздания.

Атомов бесконечно много, они отличаются друг от друга по форме, порядку, положению. Аристотель позднее иллюстрировал это положение на буквах: А отличается от В формой, АВ от ВА — порядком, АВ от √В положением. Демокрит писал о вогнутых, выпуклых, угловатых, шарообразных и других атомах. Кроме того, атомы различаются величиной. Двигаясь в пустоте, они могут ударяться друг о друга, сцепляться или, наоборот, разъединяться, — так возникают и исчезают вещи. Причем сами атомы не обладают качествами какого-то конкретного вещества (в отличие от гомеометрий Анаксагора), качество вещи возникает лишь при восприятии сочетаний тех или иных атомов. Получается, что атомы вечны и неизменны, а вот вещи — неустойчивы и преходящи. Но сами движения атомов не случайны, они подчиняются причинно-следственной связи, объективным законам, *необходимости*.

Необходимость и случайность

Для Демокрита нет случайных событий. Случайным человеку кажется событие, причину которого он не знает. Демокрит приводил такой пример: по дороге идет человек, вдруг с неба на голову ему падает черепаха и убивает его. Вот, казалось бы, пример случайного события! Но Демокрит объяснял: нет, это событие не

случайно. Орел, схватив черепаху, обычно бросает ее на камень, чтобы расколоть панцирь и полакомиться. Человек, шедший по дороге, был лыс, его голова напоминала камень, потому орел бросил на него черепаху. Правда, с современной точки зрения, Демокрит здесь смешивает два различных понятия: причинность и необходимость. Конечно, существует причина того, что черепаха упала на голову идущему человеку. С другой стороны, то, что орел уронил черепаху на голову именно этому человеку, — случайность. Демокрит же, не делая различия между причинностью и необходимостью, приходит к **фатализму**. Что такое фатализм? Это слово происходит от латинского *fatalis* — роковой, «предопределенный судьбой» и означает такой *взгляд на мир, когда все происходящее рассматривается как заранее предначертанное; все происходит так, как и должно произойти согласно судьбе, року, мировому закону или какой-то высшей воле*. С одной стороны, атомисты отказались от поиска каких-либо божественных причин происходящего, с другой — считали, что в мире все предопределено движениями атомов в пустоте.

Происхождение мира

Мир тоже возник в результате взаимодействия атомов. Пустота заполнена атомами неравномерно. В тех частях пространства, где их больше, они чаще сталкиваются друг с другом, и из такого движения атомов возникает вихрь. В результате вихревого движения более крупные и тяжелые атомы собираются в центре и образуют землю. Более легкие выталкиваются на периферию и образуют там небо. Поскольку атомы земли продолжают двигаться (движение атомов неуничтожимо!), то земля как будто бы утрамбовывается к центру и выдавливает из себя воду. Вода, заполнив самые низкие места и впадины, образует озера и моря. Как видите, Демокрит объяснял возникновение мира только физическими причинами, не прибегая к действиям богов. Но самым удивительным является то, что, по его мнению, *миров бесконечно много*, причем каждый из них имеет шарообразную форму. В каждый момент времени какие-то миры возникают, другие гибнут, а Вселенная — беспредельна.

Естественными причинами Демокрит объяснял и происхождение жизни на земле. Только что образовавшаяся в результате атомных вихрей земля была еще мягкой, «грязеобразной». На ней вздулись пузыри, как на лужах после дождя. Эти пузыри нагревались солнцем и когда они лопнули, из них и вышли первые животные и люди. Потом земля затвердела, а животные и люди

стали воспроизводить себя другим, привычным нам способом. Кстати, Демокрит объяснял наличие полов тем, что в «допеченных» пузырях вывелись самцы, в «недопеченных» — самки. Таким образом, по мнению Демокрита, жизнь зародилась самопроизвольно, с чем вряд ли согласятся наши современники. Но надо сказать, что всего два века назад мысль о том, что в луже под действием тепла могут самопроизвольно зародиться мелкие животные — черви, насекомые, казалась вполне научной, с ней никто не спорил.

Что такое душа?

Души людей тоже состоят из атомов, шарообразных по форме. Они более подвижны, чем, скажем, угловатые или якореподобные, и не цепляются друг за друга. Атомы души разлиты по всему телу человека и являются источником его подвижности. Интересно, что во время дыхания происходит обмен атомов нашей души с окружающим миром: с выдохом мы выпускаем наружу некоторое количество шарообразных атомов души, но, вдыхая затем воздух, мы больши́нство из них втягиваем в себя вновь, а атомы воздуха, попадающие внутрь организма, своим давлением мешают вылететь наружу остальным подвижным атомам души. Когда же человек умирает, за выдохом перестает следовать вдох, подвижные круглые атомы уже ничто не удерживает, — и душа вылетает наружу. Получается, что душа смертна: после смерти тела ее атомы рассеиваются в окружающем мире.

Теория познания атомистов

Но как мы можем знать, что все состоит из атомов и пустоты? Можем ли мы увидеть атомы или пощупать их? Конечно, нет. Атомы не даны нам в ощущениях. Об их существовании мы можем знать только благодаря усилиям разума: «Только считают, что существует цвет, что существует — сладкое, что существует — горькое, в действительности все — атомы и пустота». Получается, что Демокрит (как и элеаты) четко различает *две ступени познания — чувственную и рациональную*. На чувственной ступени познания (сюда относится познание посредством слуха, зрения, осязания, вкуса, обоняния) человек познает лишь грубую видимость явлений, не понимая их причин. Например, мы берем в рот мед и ощущаем сладкое, но чувства не могут нам объяснить, почему это происходит. На самом деле, считал Демокрит, сладость свойственна предметам, атомы которых имеют округлую форму, острый же вкус имеют вещества, атомы которых имеют угловатую, заостренную форму и т. д. Зрение же возможно пото-

му, что от всех материальных тел происходит истечение атомов (своеобразные копии этих тел). Истекающие от тел атомы впечатываются в наш глаз, создавая образы предметов. То есть чувственная ступень познания, конечно, дает нам истинную информацию о мире, но мы не в состоянии понять ее правильно, если будем руководствоваться только ощущениями. Поэтому чувственное познание Демокрит называет «темным» или «законнорожденным». По преданию, Демокрит ослепил себя, потому что «атомы глазами не увидеть».

Истинное, «законнорожденное» познание, — это познание рациональное, посредством ума. Только умом мы можем постичь существование атомов, ведь мы не в состоянии их увидеть или ощутить. Разум идет дальше чувств, он способен найти истинные причины происходящего, но без чувств у него не было бы материала для последующего размышления. Таким образом, различая две ступени познания, атомисты не противопоставляли их, а рассматривали в единстве.

Как возникло человеческое общество?

Демокрит задался вопросом о том, как люди перешли от животного состояния к общественному? Что ими двигало? С его точки зрения, главной движущей силой прогресса стала нужда. Борьба с нуждой помогла способности к наблюдению и подражанию, люди многое заимствовали у животных: они научились ткать, подражая пауку, начали петь, соперничая с соловьем, занялись постройкой жилищ, глядя на ласточек и т. д. Демокрит определял человека как животное, способное к обучению. Первоначально люди очень дружелюбно относились друг к другу — ведь сообща легче бороться с невзгодами. Неравенство и вражда появились позднее, когда люди стали хитроумнее и перестали сильно зависеть от природы.

Впрочем, Демокрит не осуждал неравенство, он был уверен, что богатые и бедные будут всегда. Поэтому главным является правильное воспитание людей: в этом случае богатые будут распоряжаться своим состоянием разумно, принося пользу всему обществу, а бедные перестанут завидовать. В любом случае, Демокрит разумно советовал радоваться тому, что имеешь, и смотреть не на тех, кто живет лучше, а на тех, кому хуже. Более того, у него есть такое рассуждение: богат не тот, кто владеет большим имуществом, а тот, кто беден желаниями. Ведь человеческие желания бесконечны, их невозможно полностью удовлетво-

рить, поэтому надо их разумно ограничивать, чтобы не чувствовать себя несчастным.

Демокрит был сторонником демократического устройства государства и противником монархии. Он сравнивал демократию и монархию как свободу и рабство. Разумному человеку свойственно стремление к свободе и независимости, поэтому свободная бедность предпочтительнее богатства в неволе. Тем не менее, все эти рассуждения не относились к рабам. Рабство для большинства античных мыслителей было вещью вполне естественной, рабов не воспринимали как людей, и Демокрит не был здесь исключением.

А как воспитывать людей? Конечно, не принуждением, а убеждением, считал Демокрит. Основой любого воспитания должна стать способность стыдиться, совесть. Бессовестного человека невозможно правильно воспитать, на него не будут действовать положительные примеры, он не будет стесняться своих неблагоприятных поступков. Кстати, способность стыдиться подталкивает человека и к обучению: человек обнаруживает, что умеет и знает меньше других, он стыдится своей ограниченности и неумелости и начинает совершенствоваться.

Дружба

Главным богатством человека, по Демокриту, являются его друзья. Человек, у которого нет друзей, недостоин жизни, ведь это означает, что он никого не любит и его любить не за что. Очень важно отличать истинных друзей от мнимых: «Добрый друг должен появляться в дни радости по приглашению, а в дни испытаний должен приходиться по собственному почину». Демокрит давал совет, применимый и сегодня: надо судить о человеке не по словам, а по делам, так как многие люди притворяются для своей выгоды, но их поступки яснее слов показывают, чего они стоят на самом деле.

А вот к любви Демокрит относился с большой долей скепсиса: женщин он считал глупыми и болтливими существами, о развитии которых и говорить не приходится, а вот для мужчин любовь опасна, поскольку лишает разума и делает их рабами страстей. Но если уж решил завести семью, то жениться надо на женщине простой и молчаливой, — давал он совет мужчинам. Да и воспитание детей — дело благодарное: успеха достичь очень непросто, а вот в случае неудачи страдать придется много...

Учение атомистов стало своеобразным завершением первого этапа древнегреческой философии, для которого было характер-

но внимание не столько к человеку, сколько к природе и ее объяснению. Их натурфилософия носила *материалистический* характер.

Атомистические идеи получили дальнейшее развитие в античной философии — в школе **Эпикура** (341—270 до н. э.). Эпикур основал в Афинах философскую школу, которая получила название «*Сад Эпикура*», поскольку дом, где жили эпикурейцы, был окружен большим плодовым садом. Эпикурейцы тоже представляли себе мир состоящим из атомов и пустоты, но, в отличие от Демокрита, их в гораздо большей степени интересовала не природа, а человек, поэтому центральной частью эпикурейской философии была этика.

Эпикуреизм

Слово «эпикуреец» вошло и в современный язык: мы называем эпикурейцем человека, стремящегося к счастью и удовольствиям. Действительно, над входом в сад Эпикура висела табличка: «Гость, тебе здесь будет хорошо, здесь удовольствие — высшее благо». Целью жизни Эпикур объявлял счастье, а счастье он видел в удовольствии. Тем не менее, люди, которых мы называем эпикурейцами сегодня, едва ли понравились бы самому Эпикуру. Дело в том, что все удовольствия Эпикур и его последователи делили на естественные (удовольствие от еды — естественное, оно удовлетворяет голод) и неестественные (удовольствие от лести — не естественное, оно не удовлетворяет никакой потребности организма). Мало того, удовольствия еще бывают необходимыми и не необходимыми: голод можно утолить куском хлеба, а можно — черной икрой, от холода можно спастись, завернувшись в одеяло, а можно — купив соболиное манто.

Так вот, Эпикур видел счастье в получении *естественных* и *необходимых* удовольствий, поэтому к самому философу современное значение слова «эпикуреец» вряд ли приложимо: сегодня это слово употребляется как синоним стремления к любым удовольствиям, Эпикур же рассуждал иначе. Он считал: чтобы счастье было устойчивым, надо отказаться от излишних потребностей; простую пищу для удовлетворения голода вы наверняка найдете, а вот деликатеса каждый раз можно и не получить. Привычка к излишествам лишит вас радости, вы не ощутите удовольствия, даже утолив голод. И так — во всем: удовлетворяя только свои естественные потребности, причем необходимым образом, у вас больше шансов ощутить себя счастливым, чем если вы будете страстно желать не естественного и не необходи-

мого. По сути, Эпикур понимал счастье как покой, отсутствие страдания, самодостаточность человека.

Эпикур тоже был *материалистом*, он тоже не признавал бессмертия состоящей из атомов души. Но поскольку его в большей степени интересовал человек, а не физическое устройство мира, то отсюда для него вытекал вполне закономерный вопрос: как научить человека не бояться смерти? Рассуждения Эпикура были таковы: смерть и жизнь никогда не встречаются, значит, бояться нечего: «Самое ужасное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения; когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть наступает, нас уже нет. Поэтому смерть не существует ни для живых, ни для мертвых, так как для одних она сама не существует, а другие для нее не существуют».

Позже философский атомизм возродится в Древнем Риме. Римский поэт **Тит Лукреций Кар** (99—55 до н. э.) изложил взгляды Эпикура в большой стихотворной поэме «О природе вещей», чтобы содействовать их широкому распространению и популярности.

Таким образом, атомизм имел долгую жизнь. А сама гипотеза о существовании атомов и атомарной природе вещества, выдвинутая античными мыслителями, нашла свое подтверждение и уточнение с дальнейшим развитием науки.

Вопросы и задания

1. Объясните, как вы понимаете принцип Анаксагора «Все во всем». Согласны ли вы с этим утверждением?
2. Взгляды Анаксагора нельзя назвать ни материалистическими, ни идеалистическими. Почему? Какие два начала мироздания он обозначил?
3. Что такое «атом» для древних мыслителей? Совпадает ли их понимание атома с современным?
4. Каким образом, с точки зрения Демокрита, атомы образуют видимый нами мир?
5. Как вы понимаете, что такое необходимость? Как она взаимосвязана с причинностью? Приведите примеры случайных событий. Есть ли у них причины?
6. Что такое фатализм? Можно ли Демокрита назвать фаталистом? Приведите свой пример фаталистического отношения к жизни.
7. Как атомисты представляли себе душу человека? Обладает ли, по их мнению, человеческая душа бессмертием?

8. Каким образом человек познает мир? Какие ступени познания выделял Демокрит? Есть ли между ними взаимосвязь?
9. Как устроено человеческое общество по Демокриту? Согласно древнегреческой мифологии, титан Прометей дал людям огонь, научил их ремеслам, математике, астрономии. Совпадало ли такое описание происхождения общества со взглядами Демокрита?
10. Каких представителей атомизма вы знаете? Каковы исторические судьбы этого учения?

3.1.3. Софисты и сократические школы

Я знаю, что ничего не знаю.

Сократ

Все относительно

Во время расцвета классической греческой культуры в полисах появляются люди, которых называют *софисты*, или платные учителя мудрости (вы уже знаете, что слово «софия» означало мудрость, значит, речь идет о мудрых людях). По сути, с деятельностью софистов связано начало регулярного образования: образованный гражданин полиса должен был знать риторику, логику, философию. Умение произносить речи, убеждать, красноречиво отстаивать свои позиции было необходимо для успешной карьеры. Поэтому и являются софисты, преподававшие эти умения и навыки за плату.

Как вы понимаете, умение отстаивать свою точку зрения в тяжбах, дискуссиях, судах не всегда связано с ее истинностью. Действительно, софистов мало интересовала истина сама по себе, их задача была другой — научить человека воздействовать на своих слушателей и выходить победителем из интеллектуальных битв. Поэтому слово «софист» сегодня имеет негативный оттенок, — так называют человека, который путем словесных приемов пытается заставить вас поверить, что белое — это черное. Кстати, история сохранила немало забавных *софизмов*, придуманных в то время. Софизм — хитрая уловка, с помощью которой доказывались заведомо абсурдные положения, но так, что логические ошибки в рассуждении заметить было трудно, особенно человеку, не искушенному в словесных тонкостях. Например, софизм «Рогатый» звучал так: «У тебя есть то, чего ты не те-

рял; ты не терял рога, значит, ты рогат». Или софизм «Лжец». Человек говорит вам: «Я лгу». Что это означает? Если он лжет, значит, он вас обманул, то есть сказал правду! И наоборот. С помощью софизма вы можете доказать, что завтрак в школьном буфете лучше вечного блаженства. Не верите? Скажите, что лучше — вечное блаженство или завтрак? Конечно, любой человек ответит, что вечное блаженство. А что лучше вечного блаженства? Естественный ответ: ничто. Но ведь завтрак лучше, чем ничто, значит, завтрак в школьном буфете лучше вечного блаженства... Еще пример софизма. Мы, две женщины, можем «доказать» вам, что женщины не умирают, с помощью такой логической цепочки: «Мужчины смертны. Женщины — не мужчины. Значит, женщины бессмертны».

Один из известных софистов, **Протагор** (ок. 480 — ок. 410 до н. э.) выдвинул следующий принцип: «*Человек есть мера всех вещей*». Этот тезис означает, что человек оценивает все вещи по отношению к себе: одна и та же книжка одному кажется увлекательной, а другому — скучной; кто-то мерзнет в шубе, а другому и легкой куртки зимой достаточно. Поэтому не только талант автора книги, но даже температура воздуха — вещь относительная, учил Протагор. Что такое тепло или холодно, человек решает, исходя из своих субъективных ощущений. Значит, та картина мира, которая у каждого из нас имеется, во-первых, *антропоморфна* (у воробья или землеройки, как мы вам уже говорили, она совсем другая), а во-вторых, *субъективна*. Думаем, Протагор был прав, говоря об этом. Но по нашему мнению, у такого субъективизма есть границы, с которыми люди постоянно сталкиваются в процессе своей жизни: какой бы горячей мне ни казалась вода +50 °С, яйцо при этой температуре я сварить не смогу. Как ни выгодно мне считать, что дважды два — восемь, это все-таки ложное высказывание. Вот таких объективных границ и критериев софисты как раз и не признавали.

И еще один принцип, выдвинутый Протагором, очень характерен для софистов в целом: «*Каждому утверждению можно противопоставить противоположное*». Если вы задумаетесь, то заметите, что эти два принципа взаимосвязаны. Если человек — мера всех вещей, то и каждый отдельный человек — Иван, Николай или Александр Македонский — тоже мера вещей, то есть, как он отмерил — так и отмерил, и его мнение кажется ему истиной. Значит, сколько людей — столько истин. Наверняка среди людей найдутся и те, у кого противоположные точки зрения. Но,

по Протагору, они тоже будут истинными. Такой подход в философии называется **релятивизмом**. Релятивизм (от лат. *relativus* — относительный) — *учение, признающее относительность и условность человеческого знания.*

Софисты предположили, что *истина субъективна*, то есть, сколько людей, столько мнений. Значит, в споре каждый может быть по-своему прав, у каждого своя истина, истин много. Любое положение можно доказать и опровергнуть. Причем это положение действует не только в сфере познания, но и в сфере нравственности: то, что одному представляется добром, может казаться злом другому. Получается, что *все в мире относительно*. Никакого объективного (то есть независимого от человека) критерия добра и зла нет. Значит, кому что выгодно, то и хорошо. Исходя из такой позиции, можно было оправдать любые поступки.

Вместе с тем, деятельность софистов имела и положительное значение: во-первых, благодаря софистам образование стало приобретать более системный, регулярный характер. Софисты переезжали из полиса в полис, набирали учеников, устраивали публичные диспуты и выступления, что способствовало просвещению их сограждан. Во-вторых, культ относительности — это не всегда вредная вещь: если все в мире относительно, то трудно уверовать в какой-то догмат, в какое-то положение как в окончательную истину. Софисты развивали критическое мышление, что очень важно для развития культуры и науки. И наконец в-третьих, они перенесли «центр тяжести» древнегреческой философии с природы на человека. Первых греческих философов так поражала грандиозность и красота внешнего мира, что они стремились найти разгадку бытия именно в его изучении. Но софисты обратились к исследованию внутреннего мира человека, и этот открытый ими мир был не менее грандиозен и сложен. Более того, с этого времени для философов человеческий дух становится одним из основных объектов изучения. Поэтому философия в своем развитии многим обязана софистам, о чем нельзя забывать, хотя некоторые мыслители — современники софистов их резко критиковали и боролись с их влиянием на умы греков.

Философия Сократа

Позиции софистов противостоял такой знаменитый философ, как **Сократ** (469—399 до н. э.). Про этого человека говорят, что вся его жизнь была воплощенной философией. Поэтому мы

расскажем не только о его взглядах, но и о его жизни — хотя бы немного.

Жизнь философа

Сократ родился в бедной семье в Афинах; отец его был каменотесом, мать — повивальной бабкой. Как гражданин своего полиса, он участвовал в сражениях Пелопонесской войны, был членом «совета пятисот» — одного из органов самоуправления афинского полиса, у него была жена Ксантиппа, о сварливости которой сохранилось много исторических анекдотов, и сыновья. То есть его жизнь была похожа на жизнь других афинян, и в то же время, сильно от нее отличалась: целью жизни Сократа было не достижение благосостояния или политическая карьера, а поиски истины. Некрасивый, чудаковатый, бедно одетый, он проводил свои дни в размышлениях и беседах с многочисленными учениками или просто прохожими. Денег за обучение (в отличие от софистов) он не брал, считая, что философия не может быть средством обогащения. Сохранился рассказ о том, как один из богатых учеников Сократа, Алкивиад, желая сделать учителю приятное, привел его на рынок и предложил выбрать все, что понравится. Сократ долго ходил по рядам и разглядывал выставленные на продажу предметы, а потом удивленно сказал: «Как много вещей, которые мне не нужны!» Ему было так мало надо, что он ни в чем не нуждался, несмотря на свою бедность.

Сократ верил, что его призвание — не дать своим согражданам погрязнуть в житейских заботах, заставить их размышлять не только о бытовых проблемах, но и о том, зачем они живут. Он всегда напоминал людям слова, написанные на дверях храма Аполлона в Дельфах: «*Познай самого себя*». Своими беседами он заставлял людей понять, что они боятся думать и руководствуются в своих поступках не разумом, а либо освященными обычаями правилами поведения, либо своими непосредственными склонностями и желаниями. В то же время, он боролся с влиянием софистов, противопоставляя их релятивизму свою веру в существование *объективной истины и объективного критерия добра*. Более того, он считал *истинное познание условием нравственного поведения*, делания добра. Познание имело для него цену лишь постольку, поскольку делало людей лучше, являлось теоретическим обоснованием добра, заставляло совершать нравственные поступки. По сути, он впервые показал, что добро и истина — взаимосвязанные вещи.

Для Сократа ценен был не просто добрый поступок, но *осмысленный* добрый поступок. Ведь добро можно совершить и случайно, необдуманно, интуитивно. Но тогда нет никакой уверенности в том, что ваш следующий поступок тоже будет хорошим и правильным. Сократ стремился к тому, чтобы люди поступали не инстинктивно, а *сознательно*. «Добродетель состоит в знании добра», — сказал он однажды. То есть, по его мнению, надо *знать* добро, понимать, что это такое, для того чтобы стать добродетельным человеком. Правда, нам кажется, что Сократ несколько преувеличивал рациональность людей, в этом смысле он был романтиком: мало объяснить человеку, что такое хорошо и что такое плохо, чтобы он исправился. К сожалению, иногда люди, даже осознавая, что они делают, поступают безнравственно.

Говорят, что дельфийский оракул, отвечая на вопрос о том, кто является самым мудрым из людей, назвал имя Сократа. Сократ был поражен этим обстоятельством, поскольку отнюдь не считал себя мудрецом. Именно в результате размышлений о мудрости и появился его известный афоризм: «Я знаю, что ничего не знаю». Смысл этого афоризма в том, что абсолютное знание недостижимо для человека. Никто из смертных не обладает полной истиной. Более того, чем больше человек узнает, тем больше вопросов у него возникает. Есть графическое изображение этого процесса (см. рис.) Если обозначать кругом область того, что человек знает, то ясно, что диаметр такого круга будет меньше у малообразованного человека (круг 1) и больше — у того, кто учился, размышлял, собирал информацию (круг 2). Как правило, вопросы у людей возникают на границе того, что они знают, и того, что им еще неизвестно. Поэтому длина окружности может обозначать то, что человек еще не знает, но стремится уз-

Круг 1

Круг 2

нать. Тогда, чем больше вы знаете, тем больше перед вами нерешенных загадок, тем больше вы не знаете. И наоборот: мало знающий человек, как правило, нелюбопытен, ему кажется, что скудного запаса его знаний вполне достаточно для жизни, он и так не глупее других. Настоящая мудрость состоит в том, чтобы признать недостаточность своих знаний. Как сказал немецкий философ Артур Шопенгауэр: «Чем глупее человек, тем понятнее для него мир».

Кстати, в этом, как и в других вопросах, позиция Сократа противоположна позиции софистов. Те предложили такой софизм: если ты что-нибудь знаешь, то ты знаешь все. Ибо кто знает что-нибудь, тот — знающий. Знающий не может быть незнающим. Стало быть, он не может чего-нибудь не знать и знает все. Конечно, зарабатывая себе на жизнь платными уроками, они не думали всерьез, что их ученики знают все. Тем не менее, их релятивизм объективно стирал грань между знанием и незнанием, истиной и ложью, образованием и невежеством.

Сократ ничего не писал. Он считал, что истина рождается в споре, в разговоре, при живом обмене мнениями, а не при чтении книг. Он проповедовал свои взгляды в диспутах и беседах, благодаря которым стал своеобразной достопримечательностью полиса. Конечно, отсутствие сочинений Сократа мешает нам сегодня точно восстановить его взгляды. Мы знаем о них только из свидетельств его современников, а наиболее полную информацию о Сократе получаем из текстов его великого ученика Платона, — практически во всех его сочинениях Сократ является одним из персонажей. Правда, в этой связи перед нами встает неразрешимая задача: где мы имеем дело с верно переданными словами Сократа, а где — с мыслями тех, кто их записал? К сожалению, ответа на этот вопрос мы уже никогда не получим.

В возрасте 70-ти лет Сократ предстал перед судом по обвинению в том, что «не признает богов» и плохо влияет на афинскую молодежь. По строгим законам Афин такое преступление каралось смертью. В суде Сократ в ответ на обвинение произнес речь, которую за-

Сократ

писал Платон. В этой речи (вернее, речах — их было три) он не раскаивался в своих поступках, не оправдывался, не просил о милости. Он сказал судьям, что уже стар и не боится смерти, но его печалит, что афиняне не стремятся к истине, поэтому и хотят избавиться от Сократа, не собирающегося молчать ни при каких обстоятельствах. Он сравнил себя с оводом, приставленным к афинскому народу для того, чтобы не дать ему впасть в духовную спячку. Иронизируя над судьями, он предложил за свои заслуги перед Афинами приговорить его к пожизненным обедам в Пританея — месте, где имели право обедать победители Олимпийских игр. Он ясно дал понять судьям, что не отступится от своего призвания, пока жив. Поэтому приговор к чаше с ядом (цикутой) не был для него неожиданностью. В своей заключительной речи он сказал: «Люди Афин, я уважаю вас и люблю; но я предпочитаю слушаться истины, а не вас, и пока у меня есть жизнь и здоровье, я никогда не перестану заниматься философией и учить философии».

В связи с религиозными праздниками время казни было отложено на месяц, и все это время Сократ имел возможность бежать, — его друзья неоднократно предлагали ему это, а один из них (Алкивиад) даже снарядил судно, которое должно было увезти Сократа из Афин. Но Сократ отказался от побега: он беседовал с друзьями, шутил, вел философские разговоры, но был тверд и не поддавался никаким уговорам. Когда его жена Ксантиппа, плача, говорила ему, что он осужден безвинно, он, с присутствующим ему юмором, отвечал: «Неразумная женщина, неужели ты бы предпочла, чтобы я был осужден за дело?».

Побег для Сократа означал признание того, что он сам не следует своей же философии. Бежать — значит нарушить свои принципы. Он учил людей быть настоящими гражданами своего полиса, что означало и уважение законов этого полиса. Он учил относиться к жизни стоически, ставить свои нравственные принципы выше житейских невзгод, поэтому его философская позиция оказалась сильнее страха смерти, присущего каждому человеку. Однажды, задолго до суда, он сказал своим ученикам, что тайна его философии в том, чтобы научиться умирать (ведь вся жизнь — это, в каком-то смысле, умирание). Он выпил чашу с цикутой, до последней минуты беседуя со своими учениками и друзьями, и принял смерть спокойно и легко. Последние его часы были описаны Платоном в диалоге «Федон», который за-

кончил свой рассказ так: «Вот как умер лучший, самый мудрый и самый справедливый из людей».

Метод Сократа

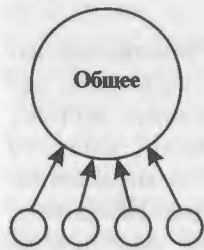
Метод, который философ избрал для поиска истины, называли *майевтикой* — повивальным искусством. Сократ любил говорить, что его мать помогала рождению детей, а он помогает рождению истины. Сократ беседовал с людьми, знатными и простыми, учеными и неучеными. Он мог остановить человека вопросом прямо на улице, причем вопросы его, на первый взгляд, были не так уж трудны и обычно его собеседник считал, что знает правильные ответы на них. Сократ же всегда представлял себя в таких диалогах простаком, спрашивающим совета. Недаром первой ступенью метода Сократа считают *иронию* — качество, которое помогало людям избавиться от самоуверенности и безоглядной веры в расхожие мнения.

Примеров такой сократовской иронии можно привести много. Однажды он спросил софиста Гиппия о том, что такое красота. И Гиппий начал поучать Сократа, что красота воплощена в красивой девушке. Сократ согласился: конечно, красивая девушка — это прекрасно. Но затем спросил Гиппия: а лошадь, может ли лошадь быть красивой? Или горшок? Сами предметы, которые выбрал Сократ для того, чтобы расшатать уверенность собеседника в том, что он уже все знает, ироничны: сравнение девушки с лошадью и горшком вызывают улыбку. Гиппий озадаченно согласился: конечно, и лошадь может быть красива, и горшок, если он сделан мастером и украшен росписью, красив. Но все-таки, настаивал Гиппий, девушка красивее и лошади, и горшка. И Сократ вновь согласился с собеседником, но задал следующий каверзный вопрос: а богиня? Очевидно, что богиня красивее самой прекрасной смертной девушки. Гиппий задумался и понял, что его ответ не был правильным. Таким образом, ирония подготовила почву для того, чтобы человек критически оценил свои привычные убеждения и начал осмысленные поиски истины.

Сократ не предлагал в таких беседах готовых ответов на вопросы. Он двигался вместе с собеседником в рассуждениях, перебирая различные варианты ответов на поставленный вопрос, какие-то откидывая из-за их неудовлетворительности, какие-то уточнял. Поиск истины был совместным процессом мышления, в результате которого Сократ пытался найти *общее*. Например, задав вопрос о том, что такое храбрость, Сократ выслушивал мнения о разных конкретных, *единичных* проявлениях храбрости,

для того чтобы понять, что такое храбрость *вообще*. В примере с красотой становилось ясно, что девушку, лошадь, горшок или богиню можно назвать красивыми только в том случае, если мы знаем, что такое красота (обладаем *общим* понятием красоты), только тогда мы можем приписать это качество *единичным* предметам (горшку или девушке). Если софисты были убеждены, что у каждого человека свое представление о храбрости и красоте, то Сократ был уверен в существовании общих понятий «красота», «храбрость» и других как таковых. Эти понятия, по его мнению, даны нам свыше Богом. У человека же есть разум, с помощью которого он может понять сущность красоты, храбрости, добра, справедливости и т. д., чтобы строить затем свое последующее поведение в соответствии с этим знанием.

Сделаем небольшое отступление, чтобы рассмотреть возможные варианты соотношения общего и единичного. Их два. Можно исходить из единичного и затем, обобщая полученную информацию, формулировать свое понимание общего. Такой *метод движения от единичного к общему* называется **индукцией**. Например, вы встречаете на улице красивую девушку, а затем — красивого юношу, а потом по дороге на дачу останавливаетесь полюбоваться красивым пейзажем, а на следующий день вас поражает красота цветка... Так, сталкиваясь с единичными проявлениями красоты, вы постепенно приходите к выработке общего определения этого понятия. Такой, индуктивный, подход чрезвычайно широко распространен и является обычным способом человеческих рассуждений. Правда, в нем есть один существенный недостаток: наш опыт, который мы обобщаем таким образом, всегда незакончен и неполон, у нас нет никакой гарантии, что завтра мы не столкнемся с чем-то, что перевернет наши предыдущие представления. Во многих учебниках логики для иллюстрации того факта, что индукция не дает нам окончательного

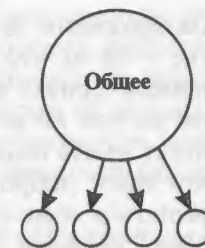

Индукция

полного знания, приводят пример с лебедями. До открытия Австралии выражение «Все лебеди — белые» считалось абсолютной истиной. Многие десятки, сотни и тысячи лебедей, которых наблюдали европейцы, были белого цвета. Но после того, как из Австралии привезли черного лебедя, выяснилось, что даже тысячи подтверждающих наше индуктивное заключение примеров не являются гарантией истины и могут приводить к ошибке: высказывание о

том, что все лебеди — белые, сегодня не считается истиной даже маленькими детьми. Индукция всегда дает только *вероятностное знание*, то есть всегда остается вероятность того, что оно будет уточнено или опровергнуто.

Другой метод рассуждения носит название **дедукции**. Дедукцией называют *переход в познании от общего к частному и единичному, выведение единичного из общего*. Так вы рассуждаете, применяя геометрические теоремы: они сформулированы в общем виде — для всех треугольников, многоугольников или линий определенного типа, а вы применяете их для решения задачи, связанной с конкретным треугольником, многоугольником, линией. То же самое происходит, когда вы применяете законы физики, — вы как будто переводите общие формулы на конкретный язык. Причем в отличие от индукции, если общее положение — истинно и вы не нарушаете никаких правил при его применении к конкретному частному случаю, то и ваш вывод будет не вероятностным, а стопроцентно истинным. Вопрос в том, откуда нам взять общие положения, из которых так легко получить истинные суждения о единичных вещах?

Дедукция

На деле, оба метода дополняют друг друга в человеческом познании, в науке. Люди накапливают информацию о единичных фактах, обобщают ее индуктивным путем и формулируют законы, правила, общие положения. Затем (как правило, забыв о том, что наше знание — лишь вероятностное), применяют эти законы и правила для описания единичных случаев, решения конкретных задач. То есть эти методы как бы сменяют друг друга, чередуются в познании. Мы еще поговорим об индукции и дедукции в последующих главах, здесь же для нас главным является тот факт, что Сократ впервые в истории человеческой мысли *сформулировал проблему соотношения общего и единичного*, причем эта проблема решалась на протяжении многих веков, различные философы и ученые что-то добавляли к пониманию этой проблемы, находили в ней новые стороны и вопросы.

Метод Сократа состоял в поисках верных общих понятий. По его мнению, истинным познанием может быть лишь такое, которое исходит из общего. Приведем еще один пример, иллюстрирующий такую установку философа. Сократ спросил своих собеседников, что лучше: претерпеть обиду или обидеть другого человека? Мнения разделились: одни приводили всякого рода

соображения за то, что лучше самому быть обиженным, другие — за то, что лучше обидеть. Сократ же путем целого ряда вопросов привел всех беседовавших к убеждению, что их ответы ни на чем не основаны, и показал, что до тех пор, пока они не будут иметь *общего понятия* о том, что лучше и что хуже, то есть что такое добро и зло, все отдельные и частные вопросы будут решаться ими «на авось». *Истинное знание должно исходить из общих понятий* — такова была основополагающая мысль Сократа. В этом смысле, его метод был, конечно, дедуктивным.

С другой стороны, каким образом Сократ приходил к формулированию общих понятий? Конечно, мы никогда не сможем обладать полным, абсолютно истинным знанием о том, что такое красота, добро, мужество или любое другое общее понятие, мы только приближаемся к нему с помощью разумных рассуждений. Собеседники Сократа, да и он сам рассматривали различные случаи, примеры, перебирали разные подходы к решению поставленной задачи, — то есть действовали индуктивно. В таком сочетании индукции и дедукции наблюдается своеобразная сократовская *диалектика*. Метод Сократа — *усмотрение общего в единичном*, поиск сущности явления в различных проявлениях этой сущности, где сочетаются и индукция, и дедукция, хотя стремится-то Сократ к тому, чтобы найти общее: сформулировав общее, легко и просто с помощью правил дедуктивного метода вывести любые следствия. В этом смысле Сократ являлся родоначальником научного, рационального подхода к объяснению действительности. Ведь ученые тоже так рассуждают: нельзя довольствоваться привычными, обыденными представлениями о мире, надо познать сущность явлений, получить истину. Тогда уже и с конкретными задачами легче будет справиться.

Учение о нравственности

Сократ применил свой научный метод к этике. Главный интерес Сократа вызывал вопрос о добродетели, о нравственности. Если до софистов и Сократа греческая философия была занята прежде всего объяснением физического мира, то теперь на смену натурфилософии пришла *философия человека*.

Сократ был убежден, что время наивного отношения к обычаям и традициям предков пришло к концу. Софисты подготовили почву для таких взглядов: они показали, что прежние верования и моральные принципы держались привычкой, и увидели их относительность. Сократ согласился с ними в критике традиционных ценностей, но с выводами софистов он согласиться не

мог. Из того, что люди часто заблуждались, по его мнению, вовсе не следовало, что нет добра и зла вообще; отсюда лишь вытекало, что люди должны сознательно и самоотверженно искать это добро. Поэтому Сократа считают реформатором не только в области метода рассуждений, но и в области морали. Он хотел укрепить расшатанные софистами устои нравственности рациональным познанием, научным подходом.

Истина и нравственность у него совпадали: *добродетель стоит в знании добра*. Если есть объективная истина, независимая от выгоды и желания людей, то должны существовать и объективные критерии того, что считать добром, а что — злом. Нравственность получалась у Сократа следствием знания о том, что такое добро. Моральное же невежество порождает зло. Правда, обладать знанием и уметь им пользоваться, как мы вам уже говорили, — не одно и то же. Сократ считал, что нравственность — искусство, еще более сложное, чем искусство ремесленника или скульптора. Поэтому кроме познания добродетели необходимо еще воспитание человека, чтобы у него выработалась привычка делать добро.

Именно этому — воспитанию людей — Сократ и посвятил свою жизнь.

Сократические школы. Некоторые ученики Сократа после его смерти основали свои философские школы. Прежде всего это касается великого Платона, о котором речь пойдет в следующей части главы. Но и другие последователи Сократа тоже имели своих последователей и учеников. Таких школ было несколько: киренаики, мегарики, но самой известной стала школа киников.

Школа киников

Название этой школы произошло от слова «собака». Почему же киников называли «собачьей школой»? Существует две версии. Основатель школы и ученик Сократа **Антисфен** (444—368 до н. э.) открыл свою школу на окраине Афин, в районе под названием Киносарг, которое переводится как «белая собака». Возможно, от названия места и пошло имя этой философской школы. Другая версия связана с образом жизни и философией киников. Одной из основных заповедей кинизма было предельное *ограничение своих потребностей*. Типичный киник выглядел как бродяга: в одном коротком плаще, с нищенской котомкой и посохом странника. Чтобы быть ближе к природе, киники не стриглись, не брились, ходили босиком, не имели постоянного жилища, — то есть, жили почти как без-

домные собаки. Более того, прозвище их несколько не обижало: они гордились тем, что смогли отказаться от излишних желаний. Любопытно, что и первый памятник философу в Европе был поставлен в виде бронзовой собаки, — так афиняне почтили память одного из киников, Диогена.

Первый киник Антисфен сначала учился у софистов, а затем, встретив Сократа, не отходил от него до самых последних минут его жизни. Он многое почерпнул у Сократа, прежде всего его веру в человеческий разум. Сохранились слова Антисфена о том, что разум — самое прочное из укреплений, ибо его нельзя ни уничтожить, ни предать; его стены нужно возводить из наших собственных неопровержимых доводов, тогда они будут нескрушимы. В своей этике Антисфен тоже продолжал дело Сократа, причем проповедовал он не только словами, но и делами: собственным примером он показывал людям, что цель жизни — не в накоплении богатства и не в славе, а в умении мыслить и поступать добродетельно. Для этого необходимо освободиться от лишнего: от лишней собственности, желаний, стремлений, так как они делают тебя несвободным.

Одним из самых известных представителей кинизма был **Диоген** из Синопа (ок. 412—323 до н. э.) О нем существует множество исторических свидетельств, легенд, анекдотов. Еще при жизни в глазах греков он превратился в фольклорного героя, народного мудреца. Говорят, его изгнали из родного города за чеканку фальшивых монет. Приехав в Афины, он стал учеником Антисфена и киником. Своим эксцентричным поведением Диоген привлекал внимание многих греков, но в этом-то и состояла его цель: как настоящий киник он тоже *проповедовал не словами, а делами*. Дела же Диогена были направлены на то, чтобы изменить людей, заставить их критически взглянуть на принятые в обществе правила и нормы поведения. Диоген провозгласил принцип «перечеканки монет», с одной стороны, ответив таким образом тем, кто укорял его высылкой из Синопа (он считал это событие одной из самых больших удач своей жизни, ведь благодаря ему он стал философом), а с другой — образно сформулировав задачу изменения взглядов и мнений людей. Человеческие обычаи надо изменить, «перечеканить».

Что проповедовали киники? Во-первых, *натурализм*. Они считали, что все естественное, природное — прекрасно, а искусственное — безобразно, ибо оно искажает «природу». Соответственно, киники не признавали тех норм поведения, которые шли

вразрез с природой человека. А природе человека надо совсем немного — простая пища, укрытие на время непогоды и минимум одежды. Диоген жил в бочке, а все его имущество состояло из плаща, миски и кружки. Когда он однажды увидел мальчика, пьющего воду из горсти, он выбросил и кружку, а затем — расстался и с миской, делая себе ее подобие из хлебного мякиша. Киники пытались показать на своем примере, что люди тратят свою жизнь на ненасытное приобретение предметов, без которых легко можно обойтись.

Кстати, слово «*циник*» произошло от слова «кинник», и для этого тоже были свои основания: киники смеялись над обычаями, правилами «приличного» поведения и часто своими поступками заставляли ханжей краснеть. Киники проповедовали «бесстыдство», подразумевая под этим, что следование законам природы — естественно и нечего стесняться их проявлений. К тому же своим поведением они пытались заставить сограждан по-новому взглянуть на общепринятые нормы, понять, насколько большинство из них искусственно и надуманно, а для этого привлекали внимание любыми способами, эпатажили своих современников.

Вторым важным принципом кинической философии был *аскетизм*. **Аскетизм** — это ограничение чувственных желаний для достижения сосредоточенности духа, свободы от материальных потребностей. Третьей важной установкой кинизма была проповедь первобытной животной простоты, прежде всего, это касалось государства: киники считали государство ненужным общественным институтом, только усложняющим жизнь людей и лишаящим их свободы. Киников можно назвать античными предшественниками *анархизма*. **Анархизм** (от гр. *anarchia* — безначалие, безвластие) — политическое учение, выступающее за уничтожение всякой государственной власти и создание общества, в котором индивиды свободно сотрудничают как равные.

Конечно, Диоген не рассчитывал, что все афиняне переселятся в бочки и будут ходить босиком. Он говорил, что подражает хормейстерам, которые дают хористам более высокую ноту, чтобы те придерживались во время пения нужного тона. Так и своим поведением киники давали пример предельного уменьшения своих физических потребностей, надеясь, что заставят сограждан задуматься о том, много ли надо человеку для счастливой жизни. Сохранилась легенда о встрече Диогена с Александром Македонским. Киник грелся на солнышке, когда к нему

подошел царь и, наслышанный о Диогене, сказал: «Проси у меня чего хочешь». Тогда Диоген попросил: «Подвинься, ты загораживаешь мне солнце». Александр понял урок, преподнесенный ему философом, и произнес: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном».

Однажды среди белого дня Диоген бродил по улицам с зажженным фонарем в руках и отвечал на недоуменные вопросы прохожих: «Человека ищущий». Люди в своих мелочных заботах забывали о главном, что делало их людьми и отличало от животных, заботящихся только о пропитании, — о своей душе. Диоген пытался такими поступками заставить афинян изменить свою жизнь. Эту же цель преследовал другой поступок Диогена: рассуждая на улице о чем-то весьма серьезном, он заметил, что люди его не слушают. Тогда он начал щебетать по-птичьи. Тут же собралась толпа, чтобы поглазеть на него. Тогда Диоген начал стыдить людей за то, что они поспешили слушать чепуху, а к серьезным речам отнеслись пренебрежительно. Многие удивляло Диогена: музыканты, которые настраивают струны инструментов, а собственный нрав не могут настроить добродетельным образом; астрономы, наблюдающие за Солнцем и Луной, но не видящие того, что происходит вокруг них; ораторы, призывающие к добродетели, но сами не совершающие добродетельных поступков; люди, приносящие богам жертвы ради своего здоровья, но объедающиеся во время пиров во вред своему здоровью... Диоген помогал по-новому взглянуть на привычные вещи.

Сократ тоже пытался разбудить афинян от духовной спячки (недаром он сравнивал себя с жалающим оводом), но, в отличие от киников, он не был асоциален. Он выполнял свой долг гражданина Афин, считал законы города обязательными для всех его граждан, не стремился привлечь к себе внимание, нарушая общепринятые нормы. Поэтому киники, с одной стороны, продолжили дело Сократа, с другой — достаточно сильно видоизменили его учение. Недаром Платон, болезненно относившийся к любому неправильному, на его взгляд, толкованию мыслей своего учителя, прозвал Диогена «спятившим Сократом».

Идеи кинизма вскоре распространились по всей Греции, у них появились последователи в разных полисах, и кинизм просуществовал почти тысячу лет, до самого конца античности. Причем среди киников были и рабы, и метеки (свободные, но не обладавшие гражданством полиса греки), и женщины, потому что кинизм проповедовал *равенство*.

Вопросы и задания

1. Кто такие софисты? Каково значение их деятельности для дальнейшего развития философии?
2. Что такое софизм? Приведите примеры софизмов. Попробуйте составить свой собственный софизм.
3. Объясните, что означает положение Протагора «Человек есть мера всех вещей». Согласны вы с этим положением или нет? Почему?
4. Что такое релятивизм? Приведите примеры, иллюстрирующие ваш ответ.
5. Как вы думаете, почему Сократ отказался бежать после вынесения ему смертного приговора? Прав ли он был?
6. Каков был метод Сократа? Почему он называл его «повивальным искусством»? Что должно было «родиться» в результате применения такого метода?
7. Объясните, что такое индукция и дедукция. Приведите примеры применения этих методов рассуждения.
8. Как понимать знаменитые слова Сократа: «Я знаю, что ничего не знаю»?
9. В чем сходство и различие философских воззрений софистов и Сократа?
10. Какие сократические школы вы знаете? Подготовьте сообщение про одного из философов, принадлежавшего к этим школам.

3.1.4. Философия Платона

Пока в государстве не будут царствовать философы, либо нынешние цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать и это не сольется воедино — государственная власть и философия... государствам, да и самому роду человеческому, не избавиться от зол.

Платон

Влияние Сократа — его жизни и его философии — на европейскую культуру трудно переоценить, но понять это влияние можно только имея в виду учеников мыслителя. Одним из самых любимых и, безусловно, самым талантливым, был Платон (427—347 до н. э.)

Настоящее имя Платона — Аристокл. Прозвище Платон (Широкий) было ему дано в молодости за мощное телосложение. Он происходил из знатного рода и получил прекрасное образование, много путешествовал, писал стихи. В 20 лет он познакомился с Сократом, и один-единственный случайный разговор с этим человеком изменил его жизнь. Согласно легенде, после этого разговора Платон сжег свои стихотворные произведения и перестал мечтать о политической карьере. Целых восемь лет он не отходил от любимого учителя, образ которого запечатлел впоследствии в своих диалогах. После смерти Сократа Платон покинул Афины, не простив афинянам несправедливости по отношению к своему кумиру. Несколько лет он странствовал, но затем возвратился в родной город и основал в 386 г. до н. э. в Афинах школу, получившую название Академия. Школа была названа так случайно — просто она находилась в роще, посвященной герою по имени Академ. Но с тех самых пор слова «академия», «академик» прочно вошли в наш обиход. Над входом в Академию была надпись: «Да не войдет сюда не знающий геометрии», поскольку Платон был уверен, что знание математики необходимо для умения правильно мыслить. Авторитет Платона был настолько велик, что греки прозвали его «Божественным»: по легенде, его отцом был сам бог Аполлон. Академия просуществовала очень долго — 915 лет. Во дворе Академии Платон и был похоронен; по преданию, на его могиле были высечены следующие слова:

Двух Аполлон сыновей — Эскулапа родил и Платона,
Тот исцеляет тела, этот целитель души.

До нас дошло 34 платоновских диалога, из которых подлинными признано 23, а по поводу остальных у исследователей сохраняются сомнения в их авторстве. Но и 23 философских произведения — немало для того, чтобы восстановить взгляды этого философа. О Платоне написаны тысячи томов; попытаемся хотя бы прикоснуться к наследию великого мыслителя.

Учение об идеях

В своих ранних произведениях Платон, как и его учитель Сократ, неоднократно анализирует такие понятия, как справедливость, красота, благо и т. д. Откуда они берутся? Можно ли получить их в результате обобщения свойств тех предметов, с которыми мы сталкиваемся в жизни? Софисты подчеркивали,

что представления о красоте и справедливости различны у разных людей и народов. Если мы сравним изображения красавиц различных эпох, обнаружить общее будет трудно: в Средние века ценился высокий лоб (дамы даже подбрасывали волосы на голове, чтобы сделать его больше), маленькая грудь, небольшой рост, в XVIII в. — пышные формы, а сегодня красавицами считаются стройные и высокие девушки...

Так же обстоит дело и со справедливостью. Одни люди ведут «справедливую» борьбу против других людей, также ведущих, с их точки зрения, «справедливую» борьбу. Стало быть, если мы собираемся заниматься философией, то есть мыслить честно и последовательно, то у нас два выхода из этой ситуации. Первый: признать, что «справедливость» и «красота» — пустые слова, исключить их из лексикона, заменив более точными выражениями: вместо «справедливое» — «то, что мне выгодно», вместо «красивое» — «то, что мне нравится». Но действительно ли выражения «Эта девушка красива» и «Эта девушка мне нравится» синонимичны? Вряд ли. Мне может нравиться и некрасивая девушка или, наоборот, красивая девушка может мне не нравиться. Второй: признать, что у нас каким-то образом уже есть представление о красоте и справедливости, благодаря чему мы можем оценивать различных девушек (горшки, лошадей и т. д.) как красивых, различных людей как справедливых. Так сделал Сократ. Но Платон пошел еще дальше. Он предположил, что общим понятиям невозможно научиться. Они как будто «врожденные», как если бы мы до нашего появления на свет уже видели где-то абсолютную красоту и справедливость, каких невозможно найти в нашем мире.

Вещи вокруг изменчивы, они возникают и уничтожаются, и прав был Гераклит, провозгласивший главным принципом природного мира изменение. Но для того, чтобы эти изменчивые вещи могли существовать, необходимо то, что дает им начало, что существует вечно и неизменно и что отражается в общих понятиях — красоты, справедливости, мужества, истины и т. д. Для Платона такими вечными «образцами» вещей являлись *идеи*. Если плотник не знает идеи стола, он не может его сделать. Если мы не имеем представления об идее красоты, мы не можем назвать кого-то или что-то красивым.

В отличие от Сократа, Платон наделял идеи *самостоятельным существованием*. Идеи существуют, обладают бытием, и чувственный мир вокруг нас — это только тени идей, их копии, от-

ражения. То есть, по его мнению, надо вести разговор о *двух мирах* — *мире вещей и мире идей*. Он даже попытался определить местоположение мира идей и поместил его в Гиперурании («над-небесье»). Если мир вещей текуч и изменчив, то прекрасный мир идей вечен и неизменен. Поэтому, с точки зрения Платона, и Гераклит со своим вечным изменением, и элеаты с отрицанием любого изменения, были правы, они лишь говорили о разном: Гераклит описывал мир вещей, а характеристики элеатов применимы к миру идей. Получилось, что Платон по-новому решил поставленную Сократом проблему общего и единичного: *общее существует как идеи, единичное — как вещи*.

Миф о пещере

Многие были не согласны с Платоном: никто никогда не видел никаких идей, нет никаких доказательств их существования, а значит, теория Платона была не верна. Платон ответил критикам иносказательно в своем знаменитом мифе о пещере. Представьте себе подземную пещеру, в которую сверху падает свет. В пещере с рождения живут люди, прикованные к стенам так, что не могут повернуться и увидеть то, что находится за пределами пещеры. Они видят лишь тени на стенах пещеры. Рядом с пещерой находится дорога, по которой проходят люди, ослы с поклажей, проезжают всадники, на обочине распускаются цветы, в небе летают птицы. От всех этих движущихся предметов на стенах пещеры пробегают тени. Поскольку узники пещеры никогда не видели ничего, кроме этих теней, они считают именно их настоящей реальностью, дают теням имена и названия, думают, что тень от груженого осла или пешехода — и есть осел или пешеход. Некоторые из них даже делают «прогнозы» — угадывают, какая тень появится следующей на стене пещеры, пытаются дать им объяснение, слывят среди пещерных затворников мудрецами. Так и мы, люди, живем в мире вещей, ничего другого не знаем. Мы трогаем вещи, пользуемся ими, строим предположения об их качествах и свойствах, но не задумываемся, что за ними может находиться иная реальность.

Если нам даже расскажут об этом (как Платон рассказал в своем учении о мире идей), то мы, скорее всего, не поверим, сочтем подобное фантазией и выдумкой. Так и жителей пещеры ждало бы испытание, когда б их освободили от оков и вывели на яркое солнышко, — свет резал бы им глаза, ослеплял, причинял страдания. Если бы их освободитель попытался объяснить, что в прежней жизни они видели только призраки, а сейчас перед

ними настоящий мир — горы, море, прекрасная Греция с оливковыми рощами, большинству из освобожденных было бы трудно в это поверить. Глаза их болели бы и слезились, они ничего не могли бы толком разглядеть, тени на стенах пещеры, к которым они привыкли с детства, казались бы им понятней и ясней: многие не поверили бы всему этому и решили, что подлинный мир — в пещере, а сейчас они переживают какое-то наваждение. Потребовалось бы время, чтобы резь в их глазах утихла, они привыкли смотреть на мир прямо и понимать, что настоящий осел не очень похож на тень осла. Те из освобожденных узников, которым хватило бы мужества и терпения осознать, что реальный мир вовсе не таков, каким они его раньше представляли, восхитились бы в конце концов красотой залитой солнцем Греции и захотели бы вернуться в пещеру, чтобы открыть остальным узникам правду. Но другие, не видевшие света, пленники все равно не поверили бы их рассказам о волнах на море и зеленых лугах, о лазурном небе и ярком солнце. Так и люди: не верят в то, что кроме теней (вещей) есть истинный мир идей, а если открыть им истину сразу, — их разум ослепнет, как глаза пещерных пленников.

Подземная пещера в мифе Платона, — это видимый мир вокруг нас. Люди живут не в настоящем мире, а в мире призрачных иллюзий и миражей. И подобно тому, как узники в пещере привыкли к темноте и теням на стенах, так и людям их призрачный мир кажется единственно возможным. Задача философа состоит в том, чтобы научить людей чувствовать свою слепоту и пробудить в них желание вырваться на свет. Поэтому Платона несколько не пугало, что его теория расходилась с обыденными человеческими представлениями.

Миф о пещере был сознательным обоснованием *идеализма* и ответом его критикам. Платон две тысячи лет назад(!) сформулировал вопрос о соотношении бытия и мышления, духа и материи (мы рассказывали вам об этом в предыдущей главе); он заметил, что одни философы «все совлекают с неба и из области невидимого на землю... утверждают, будто существует лишь то, что можно потрогать» (*материалисты*), другие же, к которым он безоговорочно относил и себя, считают, что «истинное бытие — это некие умопостигаемые и бестелесные идеи» (*идеалисты*).

Мироздание

Хотя общее и отражается в единичном, но такое отражение всегда неполно. Вещь — слепок идеи, но слепок с изъянами, не

совсем точная копия. Вещи исчезают, все рано или поздно гибнет в нашем мире. Даже наилучшие люди (такие, как Сократ) умирают. Во всем прекрасном всегда есть что-то некрасивое, в каждой вещи есть какие-то изъяны. То есть видимый мир вещей несовершенен. Почему же безупречные идеи не могут воплотиться в вещах полностью? Да потому, что вещи материальны. Материю же Платон понимал как *инертное начало*, которое «гасит» любое воздействие на нее. Соответственно, любая попытка воплотить идею в материи всегда приводит к частичному искажению идеи.

Для того, чтобы объяснить, каким образом возникают вещи, Платон ввел в свою философскую систему еще одно начало — Бога-Демиурга. *Dēmiurgos* в Древней Греции означало мастер, художник, то есть речь идет о Боге-творце, создающем космос. Именно Демиург привносит движение в мир, он «смешивает» идеи и материю, чтобы получились вещи. И хотя Демиург пытается создать не менее прекрасный и совершенный мир, чем мир идей, у него это до конца не получается: косная материя сопротивляется его воздействию, идеи искажаются. Так Платон объяснил несовершенство мира.

У этой модели есть и другая сторона. Если конкретная лошадь существует только потому, что есть идея «лошадности», если каждая вещь — это воплощение какой-то идеи, то возникает вопрос: существует ли идея убийства, зла, безобразия, подлости? Ведь, к сожалению, все эти явления присущи нашему миру. Но если есть идея всех этих негативных явлений, то мир идей тоже нельзя назвать прекрасным и совершенным, он ничуть не лучше того мира, что вокруг нас. По сути, этот же вопрос задает себе и каждый верующий человек: если есть всеблагодный и всемогущий Бог, то как он допустил в мир войны, эпидемии, детские слезы? На этот непростой вопрос давались различные ответы. Платон был первым, кто предположил, что идеальный мир совершенен, а копия этого идеального мира не так хороша именно в силу своей материальности. Значит, безобразие — это не особая сущность, а лишь недостаток красоты, возникший из-за инертности материи, а зло в общем виде — недостаток добра.

Познание как припоминание

По Платону, задача каждого из нас увидеть за неподлинным подлинное, за нереальным — действительное, за материальным (вещами) — идеальное бытие (идеи). Это возможно, потому что

человек не полностью принадлежит материальному миру. У него есть душа — сущность вечная и идеальная, то есть *идея* человека. Раз душа (как и все идеи) вечна, то, разумеется, она не исчезает вместе со смертью тела, тело — лишь временное вместилище души. Платон (как и Пифагор), был сторонником идеи *переселения души*.

Боги, сотворив души, поместили их на звездах, в наднебесье. Именно там души видели настоящее устройство мира, они пребывали в царстве идей, они созерцали истину и уже все *знали*. Но попав в тело, душа забывает о своей жизни в наднебесье. Задача обучения — не научить человека чему-то заново, а помочь вспомнить то, что его душа знала изначально. *Познание — это припоминание*.

Почему же одни люди более способны к обучению, а другим науки не даются, несмотря на все старания и усилия учителей? Для объяснения этого факта Платон опять прибегнул к поэтическим образам. Душа человека, говорил Платон, состоит из трех частей: *разумной, волевой и вожделеющей*. Ее можно сравнить с колесницей с двумя крылатыми конями и возницей. Возница — это разум, один трепетный скакун — это волевая душа, а другой, больше похожий на тяжеловоза, — вожделеющая, или чувственная, душа. После смерти тела колесница (душа) вылетает на простор, причем возница (разум) стремится увидеть прекрасный мир идей, понять устройство космоса. Но вожделеющая часть души рвется назад, в чувственный мир, она тянет колесницу туда, где остались привычные наслаждения и радости. Поэтому те души, в которых возница оказался достаточно умел, а волевая часть души сильна, оказываются в мире идей, созерцают его и могут оставаться там некоторое время. Другие же души, в которых преобладает вожделеющая часть, не хотят лететь высоко, они сопротивляются вознице, их крылья ломаются и они падают в телесный мир. Вот почему души при переселении в тело оказываются в неравных условиях: одни видели и познали многое, им есть что вспоминать, а другие увидели идеальный мир лишь краешком глаза...

Учение о государстве

Такое учение о душе стало основанием платоновской модели государства. Дело в том, что Платона серьезно занимали вопросы справедливого общественного устройства. Он даже пытался воплотить некоторые из своих идей на практике: будучи в Италии, старался оказать влияние на правителя Сиракуз Дионисия

с целью изменить устройство управляемого им государства. У Платона ничего не получилось: тиран в гневе приказал продать его на невольничьем рынке, и если бы друзья не выкупили философа, он мог оставшуюся жизнь провести в рабстве, позже Платон предпринял еще одну попытку внедрения своей теории в жизнь. После смерти тирана он поехал к его сыну, но также ничего не добился. Тем не менее, Платон оставил после себя несколько произведений, где изложил свое учение об идеальном государстве.

Идеальное государство Платона должно было служить идеям мира и справедливости. В соответствии с тремя основными его функциями (управление, защита и производство материальных благ) население делилось на три сословия: правящие мудрецы-философы, воины (стражи) и ремесленники и крестьяне. Справедливое государственное устройство должно обеспечить их гармоничное сосуществование. Как же определить, какое предназначение имеет конкретный человек? По Платону, это зависит от преобладания в его душе того или другого начала. Если преобладает разумная часть души, человек — философ, если волевая — воин, а если вожделеющая, то он земледelec или ремесленник. Получается, что каждый занимается тем делом, к которому предназначен природой, поэтому в таком государстве не должно быть недобровольных.

Конечно, в платоновском государстве не было равенства. И не только потому, что в нем хотя и в небольших масштабах, но сохранялось рабство (большинство античных мыслителей воспринимали рабство как нечто естественное и вечное). Не существовало равенства и между философами, стражами и ремесленниками. Но это неравенство, по мысли Платона, было справедливо, потому что зависело не от случая и не от произвола правителей, а соответствовало качеству человеческих душ. Платон был уверен, что несправедливо как раз полное равенство, потому что не учитывает склонности и способности людей, различия между ними.

Платон создал еще один миф, согласно которому при сотворении душ людей боги примешали в души одних золото, других — серебро, третьих — медь и железо. У людей, в душах которых преобладает золото, силен разум, из них получаются философы; те, у кого больше серебра, — волевые и страстные, из них выходят воины-стражи; люди же с медной и железной душой на-

ходят свое счастье в чувственном мире, в радостях материального существования и становятся хорошими ремесленниками и крестьянами. Качество души не передается по наследству. У людей с медной душой могут родиться дети с серебряной или золотой, и наоборот. Задачей государства является определить преобладание той или иной части души у ребенка, для того чтобы дать ему соответствующее воспитание.

Живут сословия по-разному. У философов и стражей нет ни семьи, ни частной собственности. Наличие частной собственности, по Платону, опасно: оно приводит к распрям, порождает стремление к личному обогащению во вред интересам государства, подрывает единство общества. Поэтому два высших сословия не должны ничем владеть, они служат обществу, не получая никакого вознаграждения. Но людям с золотой и серебряной душой и не нужно денег — лучшей наградой для них является духовное совершенствование, уважение сограждан, возможность проявить себя. У ремесленников же и крестьян частная собственность и семья должны быть сохранены: в них преобладает вожделеющая часть души, и лишить их обладания привычными предметами значит сделать их несчастными.

Стражи и философы получают хорошее воспитание. Их развивают телесно с помощью гимнастических упражнений, а духовно — путем приобщения к наукам и искусствам. Любопытно, что Платон проповедовал равенство между мужчинами и женщинами, считая, что женщина способна стать и воином, и философом. Из числа стражей выделяются люди, имеющие врожденную склонность к знанию, — философы. Их золотые души проявляют себя в процессе обучения, как наиболее способные и достойные. Из них и набираются правители государства. Платон высказывает мысль о том, что счастливым может стать только то государство, правители которого — философы, то есть люди, любящие истину, а не свою выгоду.

Идеи Платона оказали колоссальное влияние на последующее развитие культуры. Основой философии Платона было понимание двух измерений бытия, двух миров: мира духовного, невидимого, и мира видимого, материального. По существу, в истории мысли Платон был первым на Западе, кто говорил о невидимой основе видимого бытия. Выдающийся русский философ Владимир Сергеевич Соловьев (тоже, кстати, находившийся под влиянием платоновской философии, хотя и жил во второй

половине XIX в.) выразил эту платоновскую мысль в таких стихотворных строках:

Милый друг, иль ты не видишь,
 Что все видимое нами —
 Только отблеск, только тени
 От незримого очами?

Положение о том, что видимый физический мир является лишь следствием, проявлением иной, духовной сущности, развивалась многими философами после Платона, хотя и по-разному. Часто даже говорят, что вся история западной философии — это примечания к Платону. Философская система Платона стала первой законченной системой *объективного идеализма* в истории человеческой мысли.

Вопросы и задания

1. Какие древнегреческие философы до Платона говорили о том, что воспринимаемый нами мир может не совпадать с настоящей реальностью?
2. Как соотносятся идеи и вещи? Возможно ли полное воплощение идеи в вещи? Например, замечательный мастер-краснодеревщик делает стол. Может ли этот стол стать полным и окончательным воплощением идеи стола? Почему?
3. Каково содержание мифа о пещере? Перескажите его. Какие философские идеи вложены в этот миф?
4. Сохранилось описание такого случая: Платон позвал неграмотного мальчика-раба и задал ему ряд вопросов по математике. Мальчик математику, конечно, не учил, но с помощью наводящих вопросов Платона дал правильные ответы. Как вы думаете, что хотел доказать таким образом Платон?
5. Однажды Платон спорил с киником Антисфеном, который утверждал, что он видит льва, но не видит «львиности» (идеи льва). Платон иронично ответил ему: «У тебя есть орган чувственного восприятия, глаза, чтобы увидеть отдельный предмет, но у тебя нет органа, которым воспринимаются идеи предметов». Какой орган имел в виду Платон?
6. Как должно быть устроено идеальное государство по Платону? С какими идеями платоновской утопии вы согласны, а с какими — нет?
7. От чего зависела принадлежность к одному из сословий в идеальном государстве Платона?
8. Какие идеи характерны для объективного идеализма?

3.1.5. Философия Аристотеля

Так же, как человек достигнув полного развития, становится лучшим из животных, то освободившись от закона и справедливости, он становится худшим из них.

Аристотель

Наш рассказ о древнегреческой философии получается одновременно рассказом об учителях и учениках. Платон был любимым и, безусловно, самым выдающимся учеником Сократа. Но у него самого был не менее выдающийся ученик, которого многие исследователи считают основоположником современного научного мышления, — **Аристотель** (384—322 до н. э.). Кстати, об учениках: учеником Аристотеля был Александр Македонский, тот самый, на которого позднее равнялся Юлий Цезарь, переживая: «В мои годы Александр уже завоевал полмира, а я?». Эта линия — учителей и учеников — может завести довольно далеко: в истории человечества все самым удивительным образом взаимосвязано. Взаимосвязь эта прослеживается и в философском плане, потому что проблема общего и единичного, сформулированная Сократом, нашла свое преломление не только в платоновской теории идей, но и в работах Аристотеля.

Жизнь Аристотеля

Аристотель родился в полисе Стагира в семье известного врача Никомаха. Его отец был придворным врачом македонского царя. Быть врачом означало в Древней Греции занимать высокое общественное положение, и Никомах был известен всей Македонии. Возможно, именно из-за профессии отца Аристотель впоследствии так много времени посвятил естественно-научным занятиям.

Семнадцатилетним юношей Аристотель приехал в Афины и стал слушателем Академии Платона. Он оставался там до самой смерти учителя — двадцать лет, сначала как ученик, а затем и преподаватель. В Академии он быстро выдвинулся среди других академиков, причем в силу своей одаренности он не стал простым продолжателем и популяризатором платоновских идей. У него возникали теоретические расхождения с учителем, еще при жизни Платона он выдвигал самостоятельные идеи, с которыми Платон не соглашался. В конце концов Аристотель создал

Аристотель

свою оригинальную философскую систему, которая вовсе не была похожа на платоновскую. Именно Аристотель произнес знаменитую фразу: «Платон мне друг, но истина дороже».

После смерти Платона Аристотель покинул Афины, жил в различных греческих полисах, а в 343 г. до н. э. Филипп Македонский пригласил его воспитателем к своему тринадцатилетнему сыну Александру — будущему прославленному полководцу, чья держава рас-

кинется до самой Индии. Когда Александр стал царем Македонии, Аристотель вновь вернулся в Афины.

К этому времени Аристотель был уже умудренным опытом 50-летним мужем, он написал много трактатов на различные темы: работы по физике, этике, медицине, логике, биологии, политике, экономике, праву, риторике, поэтике, астрономии и др. Стиль мышления Аристотеля совсем не походил на платоновский. Это был не мечтатель, не поэт, не творец мифов, это был человек с систематическим складом ума, страстный естествоиспытатель. Он занимался разными науками, создал первую классификацию живых существ, положив начало биологии; изучал человеческие эмоции и стал основателем психологии; сформулировал основные законы логики, которые и до сих пор преподаются в школах и университетах; основываясь на доступных ему физических данных, пытался найти законы климата, заложив основания метеорологии; исследовал законы театра и т. д. Один только перечень произведений Аристотеля показывает энциклопедичность его учения. В нем не только охвачены все области знания того времени, но и произведена его *классификация*, — впервые из философии как таковой были выделены специальные науки. Подводя итог, можно сказать, что Аристотель строил науку как единую систему.

Поэтому неудивительно, что он, по примеру своего учителя, тоже основал в Афинах школу, получившую название *Ликей*. Все современные лицеи ведут свою историю именно от школы Аристотеля, посвященной Аполлону Ликейскому (отсюда и название). Школа располагалась в саду и Аристотель имел обыкновение беседовать с учениками, прогуливаясь по дорожкам. Поэтому Ликей прозвали *перипатетической* школой, а учеников

Аристотеля — *перипатетиками*, что в переводе с греческого означает «прогуливающиеся».

Скоропостижная смерть Александра Македонского вызвала во многих греческих городах антимакедонские волнения. Аристотель, связь которого с македонским двором была очевидна, был обвинен в богохульстве. Не дожидаясь суда, он передал управление Ликеем одному из своих последователей, уехал из Афин и вскоре умер.

Классификация наук

Аристотель разделял науки на три части — теоретические, практические и творческие, а инструментом, с помощью которого ведется научное исследование, он считал логику. Целью теоретических наук является истина сама по себе, познание ради познания, потому они свободны и бескорыстны, в отличие от практических наук. Целью творческих наук является создание прекрасного.

Теоретическая деятельность представлена тремя дисциплинами: физикой, математикой и *первой философией* (или *метафизикой*). Что такое физика и математика, вы знаете, а вот что такое «первая философия»?

Метафизика, или «первая философия»

Философией в античности называлось любое теоретическое знание, но Аристотель впервые попытался выделить предмет собственно философии. Он называл ее «первой философией». В отличие от физики, изучающей реальный мир наблюдаемых предметов, и математики, которая имеет дело с абстракциями в человеческом мышлении, «первая философия» занимается *принципами бытия*. Ведь Аристотель — все-таки ученик Платона, поэтому для него тоже было очевидно, что видимые явления и предметы суть проявления неизменных духовных сущностей, что мир, кроме «поверхности», имеет «подкладку», и вот изучением этой «подкладки» и должна, по его мысли, заниматься «первая философия».

А при чем здесь слово «метафизика»? Дело в том, что в середине I в. до н. э. в городе Александрии ученый Андроник Родосский отредактировал сохранившиеся аристотелевские сочинения и собрал их в книги. Получилось так, что несколько близких по тематике фрагментов он соединил вместе и поместил в книге вслед за разделом «Физика». Так и появилось слово «метафизика» — по-гречески это означает «то, что идет за физикой». Но

поскольку эти собранные воедино отрывки говорили о предмете «первой философии», термином *«метафизика»* стали обозначать *учение о вечных началах и принципах бытия, лежащих за миром чувственно воспринимаемых предметов и постигаемых только с помощью разума*. То есть, речь опять-таки шла не о *единичных* изменчивых вещах, а об *общем*, которое в них проявляется. Тут можно выстроить линию в постановке этой проблемы: Сократ — Платон — Аристотель.

Форма и материя

Так уж развивается наука и философия, что ученики обычно начинают с критики взглядов своих учителей, благодаря этому и происходит движение мысли вперед. Аристотель не был исключением. С его точки зрения, нет никаких доказательств существования двух миров, мир один, но в нем есть место и общему, и единичному. Каким образом?

Вещи вокруг нас материальны. Но материя вещей *оформлена*, и благодаря форме мы отличаем медный шар от медной статуи, хотя они и сделаны из одного вещества. Более того, *форма вечна*, и не зависит от своего конкретного воплощения в предмете. Ведь если мы вам скажем «шар», в ваших головах возникнет образ (форма) шара. Причем эта возникшая в голове форма не будет воспроизведением реального шара, виденного вами в жизни. У всех реальных шаров, с которыми вы имели дело, были некоторые отклонения, недостатки, погрешности, например, шершавины на поверхности, или немного вытянутая форма, или еще что-нибудь, нарушавшее их совершенство. Но в голове-то у вас возникает образ *идеального* шара, которого вы никогда в своей жизни не видели.

Аристотель был убежден, что нет никакого платоновского мира идей, *идея вещи находится в ней самой как форма. Форма — неизменна и вечна*, именно она делает предмет тем, что он есть, а не наоборот. *Форма выступала у Аристотеля в качестве общего, а конкретные ее воплощения, вещи — в качестве единичного*. Аристотель, как и Сократ с Платоном, не отрицал, что научное знание должно быть знанием не отдельных предметов, а знанием общего, но это общее находилось для него не вне вещей (как у Платона), а в самих вещах: *знание должно быть направлено на изучение формы вещей*.

Если для Платона, как вы помните, весь наш мир представлялся только тенью мира идей, то для Аристотеля, действитель-

но, существовали не идеи, а отдельные, единичные вещи, — не «идея лошадности», а вот эта, живая, стоящая перед нами лошадь, не «львиность», а лев, греющийся на солнышке. Русский философ прошлого века Лев Шестов так сравнивал Платона и Аристотеля: «...Философия начинается с удивления. Но способность удивляться у Аристотеля кончалась раньше, чем у Платона. Там, где Платон еще удивлялся и спрашивал, там Аристотель уже считал, что понимает... И в этом, как ни странно, источник силы и значительности Аристотеля. Ограничив и сузив свои задачи, он их сделал более осуществимыми... Взойти по крутой и скалистой тропинке туда, где вместо теней предметов можно увидеть настоящие предметы, человеку, по убеждению Аристотеля, не дано... Стало быть, нужно отбросить мысль о каком-то ином, более совершенном мире, и, приняв настоящий наш мир, в котором мы живем, за единственный действительный мир, постараться как можно более тщательно и добросовестно узнать его».

Причины бытия

Что же является условием существования нашего мира, предметов в нем? Аристотель называл четыре причины:

- 1) материальную;
- 2) действующую;
- 3) целевую;
- 4) формальную.

Понять их соотношение легче на примере. Давайте посмотрим, как мог возникнуть глиняный горшок. Во-первых, необходима глина, из которой можно сделать горшок (*материальная причина*). Во-вторых, нужен гончар, который из этой глины вылепит горшок (*действующая причина*). В-третьих, гончар должен иметь цель, ради которой он возьмется за работу, например, продать горшок или сварить в нем похлебку (*целевая причина*). Но если даже есть и глина, и гончар, и цель — этого мало. Гончар не сможет создать горшок, если не будет знать, как он выглядит, какова форма горшка (*формальная причина*). Но не перепутайте форму, т. е. суть с внешним видом. Допустим, что в примере с горшком они совпадают. А что буде формой книги: ее прямоугольность или ее содержание?

Две причины из перечисленных выше являются вечными: формальная и материальная. Любая вещь — это неразрывное единство формы и материи. Не только форма вечна и не меняет-

ся даже с разрушением отдельных горшков, но и материя, субстрат вещей, тоже вечна, она лишь переходит из одного состояния в другое, от одной формы к другой, — иначе нечего было бы оформлять. Но если уж сравнивать эти две важнейшие причины бытия, то приоритет Аристотель отдавал формальной причине. Ведь материя, с его точки зрения, — неопределенный, лишенный формы субстрат, *пассивный* материал для оформления. Поэтому *формальная причина бытия — самая важная*, ведь форма является обязательным условием существования вещей, их *сущностью*. Все возникающее возникает лишь постольку, поскольку становится определенным, оформляется. *Материя — только возможность*, как медь является возможностью и для медного шара, и для монеты, и для статуи. Возможность превращается в *действительность* (в шар, монету или статую) только при оформлении.

Таким образом, *главной проблемой метафизики Аристотеля стала проблема соотношения формы и материи*.

Перводвигатель

Но откуда же в мире взялось движение? Что заставляет материю оформляться в вещи? Аристотель вводит в свою систему *перводвигатель*, который вносит движение в мироздание. Причем сам перводвигатель неподвижен (иначе пришлось бы объяснять, откуда взялось движение в перводвигателе). По сути, этот перводвигатель у Аристотеля — Бог, а заодно и «форма всех форм». Именно эта идея привела затем к тому, что аристотелевская философия была принята как «официальная» философия католической церкви, а сам Аристотель объявлен предтечей христианства. Аристотель был даже канонизирован (причислен к лику святых) католической церковью.

Физика

К физике Аристотель относил все естественно-научные вопросы — от теории элементов и движения, структуры космоса до биологии и психологии. Земля, по Аристотелю, шарообразна, это центр Вселенной, ограниченный в пространстве и бесконечный во времени; вокруг Земли вращаются небесные сферы, в которых закреплены планеты со звездами. Те сферы, что находятся к Земле ближе Луны, — это подлунный мир, дальше — надлунный мир. Эта аристотелевская картина космоса была

позднее воспринята христианскими учеными и господствовала на протяжении всего Средневековья.

Четыре элемента — земля, огонь, вода и воздух — образуют весь подлунный мир. В космических сферах, которые находятся выше Луны (надлунный мир), материя иная, она образована пятым элементом — эфиром, который заполняет все мировое пространство выше Луны. Из него состоят и звезды.

Учение о душе

У Аристотеля есть замечательное выражение: «Друг — это одна душа, живущая в двух телах». Поэтическая фраза передает понимание дружбы философом. Но в рассуждениях о сущности души Аристотель уже не был столь поэтичен, а рассуждал как ученый своего времени. В противовес представлениям о душе, как особом начале, Аристотель учил, что душу от живого тела отделить нельзя, поскольку она является его формой, способом его организации. Такой подход придал его психологии биологическую ориентацию. Будучи принципом жизни и развития, душа не может делиться на части, но проявляется в виде нескольких функций (способностей):

- 1) *растительная* («питающая и размножающая») функция души свойственна растениям;
- 2) *движущая* функция — животным;
- 3) *разумная* — человеку.

Поскольку человек не только думает, но и ест, и двигается, а животные — не только двигаются, но и питаются, то высшие функции, по Аристотелю, возникали на основе низших, включали в себя предыдущие стадии развития.

Движущей силой поведения философ признал стремление к удовольствию. Если какие-то поступки привели к получению удовольствия, организм стремится вновь их воспроизвести: так животные и люди учатся себя вести определенным образом. Каждой ситуации соответствует определенная «правильная» реакция, связанная с поступком. Человек поступает дурно, когда эта реакция является либо избыточной, либо недостаточной. Оптимальный способ поведения необходимо вырабатывать опытом, научением. Благодаря повторяющимся поступкам формируется характер.

Как видно, в отличие от Платона его ученик уже не говорил о переселении душ, а вполне естественно-научно подходил к этому вопросу.

Логика

Обойти вниманием логику Аристотеля — значит не сказать об очень важной части его философии, оказавшей огромное влияние на развитие человеческой мысли. Конечно, без специальных занятий формальной логикой мы не сможем полностью раскрыть вам эту область творчества великого мыслителя. Но скажем хотя бы несколько слов. Аристотель сформулировал ряд правил, следуя которым можно было прийти к истинным суждениям. Основой для таких правил стал **силлогизм** — *форма умозаключения, в которой из двух высказываний (посылок) следует новое высказывание (вывод)*. Приведем пример силлогизма:

Все люди смертны (первая посылка).

Сократ — человек (вторая посылка).

Следовательно, Сократ смертен (вывод, заключение).

Аристотель рассмотрел различные виды силлогизмов, а главное — показал, в каком случае из истинных посылок можно сделать истинные заключения. Ведь софисты тоже пользовались силлогизмами, но приходили к абсурдным выводам, потому что совершали логические ошибки в их построении. Приведем вам такой силлогизм, нарушающий сформулированные Аристотелем правила, а потому содержащий в себе ошибку:

Движение — вечно.

Хождение в колледж — движение.

Следовательно, хождение в колледж вечно.

Посылки — истинные, а заключение, как вы и сами знаете из своего опыта, — нет. Для получения истинного высказывания необходимо знать правила логики. Впервые систему таких правил дал европейцам Аристотель. Влияние их было очень велико на протяжении многих столетий.

Силлогизм — это *дедуктивное* рассуждение, где свойство быть истинным передается от более общего высказывания к менее общему. Действительно, логика Аристотеля носила прежде всего дедуктивный характер. Ее влияние определило на века строгость научных рассуждений. Научные доказательства содержали, как правило, дедуктивный вывод, и своеобразным эталоном для этого стала математика.

В своих логических трактатах Аристотель обстоятельно исследовал теорию умозаключений и доказательств, сформулировал основные законы мышления, в том числе *закон тождества*, *закон противоречия* и *закон исключения третьего*, согласно которому нельзя сформулировать два противоречащих друг другу су-

ждения так, чтобы они оба были истинными. Например, если вы говорите про одну и ту же книгу: «эта книга моя» и «эта книга не моя», одно из суждений будет истинным, а другое — ложным. «Невозможно, чтобы одно и то же вместе было и не было присуще одному и тому же в одном и том же смысле», — так формулировал закон противоречия Аристотель. То есть, либо А, либо не-А, третьего не дано.

Этика и политика

Эти разделы у Аристотеля взаимосвязаны: этика рассматривает благо и благополучие отдельного человека, политика — благо человеческого сообщества, государства.

Высшее человеческое благо Аристотель определил как *счастье*, однако он сам говорил, что разные люди по-разному его понимают: то ли счастье заключено в материальных благах, то ли в уважении и почете, то ли в добродетельной жизни. Получается, что счастье — это такое состояние души, когда ее «нрав» (характер) и умственные способности находятся в гармонии и проявляют себя полнее всего. Значит, для счастья нужны не только добродетели, но и материальные блага: здоровье, жилище, одежда, деньги и т. д. В отличие от киников, Аристотель все не призывал к отказу от телесных удовольствий, но предостерегал: эти удовольствия и обладание материальными вещами желательны лишь в той мере, в какой они не мешают духовному развитию личности. Действительно, если человек болен, он едва ли сможет упражняться в добродетели, ему будет не до этого, а если он беден, он не сможет проявить щедрость и т. д. *Поэтому телесное благополучие необходимо, но в обладании материальными благами важна «золотая середина», мера.* И мера в этом у каждого своя — как у каждого из нас различен аппетит.

В учении об обществе и государстве Аристотель исходил из понимания человека как *«животного политического»*, то есть такого животного, для которого естественна жизнь в кругу подобных, в обществе. Аристотель не был согласен с платоновской идеей упразднения семьи и частной собственности. Он настаивал в этом вопросе на необходимости следовать природе, традиции и мнению большинства. Более того, его аргумент против отмены частной собственности на протяжении многих веков в разных видах повторялся критиками коммунизма: если не будет частной собственности, не будет заинтересованности людей

в труде и общество перестанет развиваться. Зачем мне работать до седьмого пота, если все — общее и все получают поровну?

Философ выделил три основных принципа государственного устройства: *власть одного, власть немногих и власть большинства*. Но каждая форма может существовать как со знаком «плюс», так и со знаком «минус». Например, власть одного может нести и благо, и зло. История знает мудрых монархов, много сделавших для своих подданных. Но есть и тираны, которых народ проклиняет. То же относится и к другим принципам государственного устройства. В результате Аристотель выделил 6 форм государства:

Принцип правления	«Правильная» форма	«Неправильная» форма
<i>Власть одного</i>	Монархия	Тирания
<i>Власть немногих</i>	Аристократия	Олигархия
<i>Власть большинства</i>	Полития	Демократия

Все «правильные» формы правления Аристотель приветствовал и считал пригодными для эффективного управления государством, хотя сам склонялся к *аристократии*. При аристократии, считал он, правят лучшие, достойные люди, и их несколько, поэтому они могут корректировать ошибки друг друга. При *политии* же правит большинство, а у большинства меньше достоинства. Полития может выродиться во власть толпы (*демократию*), когда следование мнению и желаниям необразованного большинства может завести государство в тупик. При *монархии* же слишком велика вероятность прихода к власти глупого или жестокого человека, и монархия легко может выродиться в *тиранию*.

В хорошо устроенном государстве обязанности граждан меняются в разное время жизни: в молодости они несут военную службу, в зрелом возрасте — занимаются делами государственного управления. Физический же (земледелие, ремесла) и неквалифицированный труд должен оставаться, по Аристотелю, уделом рабов, этнических варваров, не-греков. Он был уверен, что рабство существует «от природы» и для варвара лучше стать рабом у грека, потому что сам он не будет знать, что делать со своей жизнью из-за особого устройства души, неразвитой умственно. Греки же должны быть свободны от повседневных забот для того, чтобы иметь время для упражнений в добродетели и развитии своих интеллектуальных способностей.

Философская система Аристотеля столь обширна, что мы, конечно, не можем в учебнике рассказать вам обо всех ее разделах. У Аристотеля было свое экономическое учение; он создал оригинальную эстетику, предложил теорию происхождения государства и т. д. Подобно Платону, Аристотель очень сильно повлиял на европейскую культуру. Доказательств этого факта можно привести много, но мы лишь напомним, что в честь Аристотеля была даже названа планета!

Вопросы и задания

1. Какое решение проблемы взаимосвязи общего и единичного, сформулированной Сократом, предложил Аристотель?
2. Что такое форма и материя в учении Аристотеля? Как они взаимодействуют?
3. Какие причины бытия выделял Аристотель? Покажите на своем примере, каким образом взаимодействуют эти причины.
4. Как вы думаете, почему Аристотеля в Средние века прозвали «Князем философов»? Какие идеи Аристотеля нашли продолжение в христианском богословии?
5. Что такое силлогизм? Приведите свои примеры силлогизмов.
6. Как вы думаете, кого из античных мыслителей критиковал Аристотель, формулируя принцип «исключенного третьего»?
7. Как вы понимаете определение Аристотеля: «человек — животное политическое»?
8. Какие формы государства выделял Аристотель? Проиллюстрируйте свой ответ примерами из истории и современной политики. К какой форме вы бы отнесли государственное устройство России в прошлом и сейчас?

3.1.6. Философская школа стоиков

Кому не кажется верхом изобилия то, что есть, тот останется бедняком, даже сделавшись хозяином всего мира.

Сенека

После блестящих побед Александра Македонского начинается новая эпоха в античной истории. В результате походов Александра греки (эллина) завоевали многие народы на Востоке,

принеся на их землю семена своей культуры, поэтому начавшаяся тогда эпоха носит название *эллинистической* (в отличие от классической греческой культуры — *эллинской*). Конечно, греки тоже многое заимствовали у покоренных народов, что изменило и их собственную культуру. Уже нет четкого деления на «варваров» и «эллинов», греческие полисы теряют свою государственную самостоятельность и попадают в зависимость сначала от Македонии, а затем от Рима, демократические формы правления заменяются на монархические и т. д. Позднее римлянин Сенека, философ и воспитатель императора Нерона, в одном из своих стихотворений под названием «Развалины Греции» так рассуждал о потерявшей былое политическое значение Элладе:

Греция, скошена ты многолетней военной бедою,
Ныне в упадок пришла, силы свои подорвав.
Слава осталась, но Счастье погибло, и пепел повсюду,
Но и могилы твои так же священны для нас.
Мало осталось теперь от великой когда-то державы;
Бедная, имя твое только и есть у тебя!

Начавшийся с македонского господства период был временем больших царств — империи Александра, царства Птолемеев, Атталидов, Селевкидов, которые возникали и гибли. Греческие города завоевывались то одними соседями, то другими. Это были времена потрясений и нестабильности, когда человек ощущал себя не гордым гражданином своего полиса, способным повлиять на судьбу родного города, а одним из миллионов бесправных подданных той или иной империи. Поэтому философия эллинистического человека тоже изменилась: если классическая греческая философия видела свою задачу в воспитании достойного гражданина, то эллинистическая философия — это философия одиночки, пытающегося противостоять историческим бурям с помощью отрешенности от политики и общественной жизни, самоуглубления и воспитания себя в духе независимости от общества.

Именно к этому времени относится расцвет *кинизма* с его проповедью равенства и презрения к общественным нормам. Платоновские идеи развиваются в *неоплатонизме*, который был уже не только философским, но и религиозно-мистическим учением. Атомистическая философия приобретает форму *эпикуреизма* с его лозунгом «Проживи незаметно». Пифагореизм постепенно превращается в мистическое учение о магии чисел. Но,

пожалуй, самой известной эллинистической философской школой стал *стоицизм*.

Зарождение стоицизма

В конце IV в. до н. э. в Афинах возникла философская школа *стоиков*. Она получила свое название от греческого слова «*stoa*» — портик. В расписном афинском портике (коллонаде) проводил собрания своих последователей основатель школы *Зенон* из города Китиона (ок. 334—262 до н. э.). В многовековой истории стоицизма принято выделять три периода:

- Старшая Стоя (к. IV—III вв. до н. э.);
- Средняя Стоя (II—I вв. до н. э.);
- Младшая Стоя (I—III вв. н. э.).

Основоположник стоицизма *Зенон* начинал свой философский путь как киник, но не принял характерное для киников пренебрежение к общественным нормам поведения, киническое «бесстыдство». Уйдя от киников, *Зенон* некоторое время провел в Академии, затем изучал произведения *Аристотеля*, выработав в конце концов свою собственную оригинальную философскую теорию. После него созданной им школой руководили *Клеанф* и *Хрисипп*.

Зенон делил философию на три части — физику, этику и логику. Он сравнивал философию с яйцом: скорлупой его является логика (ведь без умения правильно мыслить и рассуждать философия невозможна), белком — физика (то есть учение о природе), но сердцевиной, желтком, по его мнению, была этика, учение о смысле человеческой жизни, о нравственном поведении, о том, как достичь счастья.

Физика стоиков исходила из положения, что *реально существуют только тела*. Значит, и боги, и души — тоже телесные сущности. Вслед за *Гераклитом*, «старшие» стоики считали *огонь первоначалом мира*. Все возникает из огня и, пройдя определенный цикл развития («мировой год» — около 11 тыс. лет), опять превращается в огонь, гибнет в регулярно повторяющемся мировом пожаре. *Развитие мира циклично*. Смесь огненной стихии и воздуха образует *пневму* (от греческого слова «дыхание»), разлитую всюду в мире, но «напряжение пневмы» в различных вещах не одинаково: в столе или стуле оно мало, в животном — сильнее, в человеке — еще сильнее, но наибольшего своего значения оно достигает в душах мудрецов. Получается, что пневма — не просто смесь огня и воздуха, но и мировой дух, присутствующий

в каждой вещи. Поэтому мир — это живой организм, пронизанный пневмой (разумным огнем) и наделенный огненной же душой — Логосом (термин стоики позаимствовали у Гераклита, несколько переосмыслив его). Как мы уже говорили, такие взгляды называются пантеизмом, потому что Бог и природа, по их учению, — одно и то же, а человек — часть этой «богоприроды». Зенон определял Бога как пламенный разум мира: Бог наполняет собой весь мир, как мед наполняет пчелиные соты.

Для стоиков все люди — граждане космоса как мирового государства; все равны перед лицом мирового закона: свободные и рабы, греки и варвары, мужчины и женщины. В отличие от классической греческой философии, где свободные эллины воспринимались как существа интеллектуально и нравственно превосходящие варваров и рабов, философия стоиков не делает различия между греком и варваром, императором и бродягой, — действительность эллинистической эпохи давала много подтверждений тому, что власть, богатство, слава — дым, который может рассеяться от одного дуновения ветра истории.

По учению стоиков, все в мире творится по внутренней абсолютной необходимости, которую определяет Логос. Человек — только маленькая частичка космоса, он не может его изменить по своему произволу. А как же быть со свободой воли? Судьбе, року бесполезно сопротивляться, считали стоики. Стоическая философия дает нам еще один пример фатализма. Все произойдет так, как должно произойти согласно законам космоса, нравится нам это или нет. (Не случайно стоики очень увлекались различными предсказаниями, астрологией и т. п.) Отношение стоиков к свободе человека очень хорошо передает знаменитый римский афоризм: «Желающего судьба ведет, нежелающего — тащит». Мы не можем изменить внешние обстоятельства своей жизни, мы можем лишь изменить свое отношение к ним. Мудрец познает законы космоса и поэтому не ставит перед собой невыполнимых целей и задач. Свобода — это познанная необходимость, она может проявиться, если только человек живет в согласии с природой.

Благодаря таким фаталистическим взглядам, сегодня слово «стоик» употребляется для обозначения человека, с достоинством принимающего любые удары судьбы. Толковый словарь определяет стоицизм как «твердость в жизненных испытаниях, стойкость, способность противостоять соблазнам». Мы говорим, что тот или иной человек стоически перенес обрушившееся на

него несчастье, стоически выдержал трудное испытание, стоически терпел боль и т. д., имея в виду мужество, с которым этот человек отнесся к случившемуся. Стоик не хнычет, не жалуется (какой смысл жаловаться на судьбу?), не мечется в попытках избежать трудностей (избежать их невозможно — все предопределено), но с достоинством признает разумность миропорядка и подчиняется ему.

Люди мучаются, ссорятся, борются, переживают из-за хорошей должности, денег, вещей, расположения других людей — из-за того, что не сделает их лучше. Они тратят свою жизнь на погоню за призраками благополучия, не понимая, что судьба их уже предопределена. Такие люди — безумцы («всякий неразумный человек — безумец», — любили повторять стоики по разным поводам), причем безумцев большинство. Почти все человечество, с точки зрения стоиков, живет в безумии. Исключения составляют лишь мудрецы: они понимают истинное значение материальных удач и невзгод, поэтому относятся к ним с безразличием. Надо принимать мир таким, каков он есть: болезнь и здоровье, красота и уродство, нищета и богатство — все это не в нашей власти. Но во власти разумного человека его собственный духовный мир, поэтому именно он должен стать главным делом жизни. Стоик безразличен и равнодушен ко всему прочему, он спокоен и уравновешен. В этом проявлялся идеал внутренней свободы от страстей. Если эпикурейцы призывали людей избегать страданий, то стоики, наоборот, признавали страдания неотъемлемой частью жизни и настаивали поэтому на необходимости воспитывать в себе нечувствительность к невзгодам.

Если страдания становятся нестерпимыми и унижительными, у человека всегда есть выход — уйти из жизни. Стоики не приветствовали самоубийство, поскольку в конечном счете это проявление слабости, но считали, что в некоторых ситуациях, например, при старческом слабоумии или унижительном рабстве, такой выход оправдан. Говорят, что сам Зенон покончил жизнь именно таким образом: чтобы подтвердить, что его дух сильнее тела, он задержал дыхание и умер.

Этика долга

Дальнейшее развитие стоицизма — в Средней Стое — привело к соединению первоначального стоического учения с элементами перипатетической (аристотелевской) философии и других

философских школ. Образ бесстрастного мудреца, созданный «старшими» стоиками, уже мало подходил к изменившейся социальной реальности: бурно развивавшаяся Римская республика требовала от своих граждан совсем иных качеств. Под влиянием этих новых тенденций «средние» стоики (Панетий, Посидоний и др.) включают в свое учение радость жизни, гражданские обязанности, патриотизм. Соответственно, изменяется понимание ими личности. Человек, считали стоики того времени, обладает четырьмя главными желаниями:

- стремлением к мудрости;
- стремлением к самосохранению;
- стремлением к независимости;
- стремлением к совершенствованию.

Интересно, что под стремлением к самосохранению стоики понимали уже не только заботу о своей жизни, но и заботу о жизни общества, государства. Тем самым, философия вновь начинает говорить о гражданских добродетелях, о воспитании патриотизма.

Но настоящий расцвет стоицизма пришелся на времена, когда Римская республика уступила место империи. Неограниченная власть римских императоров превратила многих из них в тиранов, от произвола которых никто не был защищен — ни бедняк, ни богач, ни знатный гражданин, ни простолюдин. Вот в такой атмосфере презрения к жизни отдельной личности стоицизм оказался весьма востребованным. В нем находили жизненную опору многие жители империи. Началось время Младшей Стои. О том, насколько широко стоицизм был распространен в этот период, говорит хотя бы тот факт, что среди «младших» стоиков были и аристократ Сенека, и раб Эпиктет, и император Марк Аврелий.

Нравственная философия Сенеки

Луций Анней Сенека (ок. 5 до н. э. — 65 н. э.) с юности увлекался философией и хотел посвятить себя именно этому роду деятельности, но под влиянием отца, сумевшего пробудить в нем честолюбие, с успехом занялся риторикой и политикой. Блестящие природные задатки позволили Сенеке получить при дворе императора Калигулы придворную должность и звание сенатора. Но вскоре ораторский талант Сенеки вызвал зависть у Калигулы, тот приказал его убить и спас философа только случай — его сослали. Годы ссылки стали для Сенеки периодом выработки соб-

ственной системы философских взглядов. В 48 г. Сенека вернулся в Рим и благодаря хлопотам Агриппины (жены императора Клавдия) стал воспитателем ее сына — будущего императора Нерона. Воспитание в духе стоической философии, которое Сенека пытался дать Нерону, попало на неблагоприятную почву, — имя Нерона осталось в истории как имя властителя жестокого, самовлюбленного, безнравственного. Конечно, это печальный парадокс: стоики основное внимание уделяли именно нравственному воспитанию человека, но даже выдающийся стоик Сенека оказался не в силах побороть природу Нерона и влияние на него придворной атмосферы — знаменитый философ «воспитал» не просвещенного правителя, а чудовище!

Сенека

В какой-то момент императора Нерона стали раздражать рассуждения Сенеки о совести как высшем судии и попытки хоть в какой-то мере ограничить произвол и насилие. Чашу терпения императора переполнило письмо Сенеки с прошением об отставке. К письму были приложены многочисленные подарки, которые Нерон преподнес ему за долгие годы. Император не принял ни отставки, ни подарков, сделав вид, что отношения между ним и бывшим воспитателем сохраняются прежние. Но когда был раскрыт очередной заговор аристократической оппозиции, он обвинил в нем Сенеку и послал своему престарелому учителю приказ умереть. Сенека подчинился и вскрыл себе вены, а поскольку смерть медлила, то принял и яд. Историк Тацит описывал ту силу духа, с какой Сенека пошел на смерть: по его свидетельству, до того момента, пока сознание не покинуло его, философ диктовал писцам свои размышления о жизни и смерти. Тема самоубийства Сенеки часто встречается в живописных полотнах европейских мастеров, особенно XVII в.: тогда вновь возродился интерес к стоицизму. Художников интересовал контраст между униженным самоубийством по приказу тирана и внутренним величием уходящего из жизни мыслителя.

Сенека написал множество работ, которыми зачитывались современники. Его перу принадлежат не только философские сочинения, а и девять трагедий, историческая драма, восемь книг по естественно-научным вопросам и др. Наверное, самым

известным произведением Сенеки являются его «Нравственные письма к Луцилию», — 124 письма, в которых он излагает свое отношение к жизни.

Как и другие стоики, Сенека считал, что философия должна заниматься естественно-научными вопросами, но только в той мере, в какой это знание имеет практическое значение. Знание законов дает возможность иметь средства против тех сил природы, которые противостоят человеку, дает возможность бороться против болезней, стихийных бедствий и т. п. Основной же интерес Сенеки принадлежал, безусловно, этике.

Сенека не раз писал, что душа и тело находятся в постоянной борьбе. Душа слаба и постоянно стремится освободиться от тела. В отличие от ранних стоиков, которые были материалистами и все сводили к телесному, Сенека часто говорил, что человеческие души бессмертны, потому что имеют в своем составе две части: телесную и божественную, которая вечна. В этой связи он не раз иронизировал над страхом перед смертью: по его мнению, божественная часть нашей души никогда не умирает, а телесной либо не будет после смерти вовсе, либо она переселится в другое тело, которое вряд ли будет хуже несовершенного, слабого, подверженного болезням человеческого организма. «Что такое смерть? Либо конец, либо переселение. Я не боюсь перестать быть — ведь это все равно, что не быть совсем, я не боюсь переселиться — ведь нигде я не буду в такой тесноте», — писал Сенека, имея в виду «тесноту» человеческого тела. Он подтрунивал над теми, кто сожалел, что их уже не будет через тысячу лет, — почему-то они не сожалели, восклицал Сенека, что их не было тысячу лет тому назад! «Умереть — это одна из налагаемых жизнью обязанностей», — написал он в 77-м письме к Луцилию, которое закончил словами: «Жизнь — как пьеса: не то важно, длинна ли она, а то, хорошо ли сыграна».

Жизнь человека коротка, поэтому самое дорогое, что у нас есть, — это время. Как правило, мы обижаемся на тех, кто не возвращает нам денег, взятых в долг, но прощаем людям трату нашего времени — пустые разговоры, встречи и т. д. Какая глупость! — возмущался Сенека. Денежный убыток можно возместить, а вот потерянное время уходит навсегда. «Отвоюй себя для себя самого, береги и копи время, которое у тебя отнимали или крали... Но позорнее всего потеря (времени. — Авт.) по нашей собственной небрежности. Вглядись-ка пристальней: ведь наибольшую часть жизни тратим мы на дурные дела, немалую — на

безделье, и всю жизнь — не на те дела, что нужно, — писал он Луцилию. — Укажешь ли ты мне такого, кто ценил бы время, кто знал бы, чего стоит день, кто понимал бы, что умирает с каждым часом? В том-то и беда наша, что смерть мы видим впереди; а большая часть ее у нас за плечами, — ведь сколько лет жизни минуло, все принадлежит смерти. Поступай же так... не упускай ни часу. Удержишь в руках сегодняшний день — меньше будешь зависеть от завтрашнего».

Сенека следовал традиционным стоическим воззрениям: в жизни изменить ничего нельзя, следует повиноваться судьбе, можно лишь презирать невзгоды. В этом проявляется пассивная позиция стоика, а активность должна проявляться в господстве над своими страстями и желаниями: «Лучше всего перетерпеть то, чего не можешь исправить, и, не ропща, сопутствовать Богу, по чьей воле все происходит. Плох тот солдат, который идет за полководцем со стоном», — писал он в 107-м письме. И здесь же: «Изменить такой порядок мы не в силах, — зато в силах обрести величие духа». Получается, что счастье человека состоит в нашем отношении к событиям и обстоятельствам: «Каждый несчастен настолько, насколько полагает себя несчастным». Таким образом, главные идеи стоицизма — покорность судьбе и фатальность всего сущего — не изменились и во времена Римской империи.

Учение Эпиктета о свободе

Другой видный представитель римского стоицизма — Эпиктет (ок. 50 — ок. 140). Известно, что его мать была рабыней. Соответственно, и сам Эпиктет был рабом. Говорят, он на всю жизнь остался хромым, после того как хозяин в припадке гнева сломал ему ногу. Вместе со своим хозяином, одним из секретарей императора Нерона, Эпиктет оказался в Риме. Каким образом Эпиктет получил свободу, мы не знаем. Но скоро он был уже достаточно заметной фигурой среди римских философов и подвергся гонениям вместе с другими «собратьями по цеху» со стороны императора Диоклетиана. Эпиктет переселился в город Никополь, где открыл собственную философскую школу. Позже ему разрешили вернуться в Рим, где его беседы пользовались популярностью. Многие приходившие его послушать принадлежали к высшим слоям римского общества. Но в отличие от других учителей мудрости (в том числе, и от сказочно разбогатевшего Сенеки), Эпиктет и в жизни следовал принципам того учения,

которое он проповедовал. Говорят, все его имущество составляла циновка, на которой он сидел и спал, и масляная лампа (которая была продана после его смерти на аукционе за огромные деньги). Умер он в глубокой старости. До нас дошли «Беседы Эпиктета», записанные учениками.

Центральной проблемой философии Эпиктета стала *свобода*. Личный опыт жизни в рабстве превратил свободу в высшую ценность для философа. Эпиктет учил своих последователей, как при любых обстоятельствах сохранить свободным свой внутренний мир. Один из советов, который давал бывший раб желающим достичь свободы, — не следовать своим желаниям, а отказываться от них. «Из всех вещей иные нам подвластны, а иные нет. Нам подвластны наши мнения, стремления нашего сердца, склонности наши и наши отвращения, одним словом, все наши действия. Нам неподвластны тела, наше умение, слава, знатные чины, одним словом, все вещи, которые не есть наши действия», — учил Эпиктет. Значит, — «*желай того, что от тебя зависит*», и ищи счастье внутри себя, а не вовне.

По сути, он призывал как можно меньше зависеть от внешнего мира, а для этого даже любимого человека лучше не иметь, — ведь с ним может случиться несчастье, а если все же завел семью, — помни о смерти! «Если ты любишь сына своего или жену, помни, что любишь людей смертных. Таким образом, когда случится им умереть, ты сокрушаться не станешь», — советовал стоик.

Многие идеи римского стоицизма перекликались с идеями начавшего в то время свое завоевание душ христианства. Есть даже свидетельства, правда, не нашедшие однозначного подтверждения, переписки Сенеки и апостола Павла. Эпиктет, как и христиане, считал человеческую душу бессмертной, а человека — связанным с Богом: «Души связаны с Богом, как вышедшие и выделившиеся из Него частицы». Тело — временный приют духа; мудрец знает это и не боится разлуки со своим телом. Конечно, в отличие от христианства, мировоззрение Эпиктета было пантеистично: Бог у него был «разлит» во всей природе, совпадал с ней, он действовал в мире как необходимость, судьба, всеобщий закон. Внутренний мир человека тоже содержит частицу божественной мудрости, поэтому для того, чтобы стать добродетельным, необходимо смотреть внутрь и пытаться постичь эту заложенную в нем частицу.

Император-философ

Следующий представитель Младшей Стои, император **Марк Аврелий** (121—180), был дальше от христианства, чем Сенека и Эпиктет. В своем знаменитом сочинении «Наедине с собой. Размышления», увидевшем свет только после его смерти, Марк Аврелий отчасти вернулся к идеям первых стоиков. Император скептически относился к идее бессмертия души. Вселенная — живое существо, обладающее единой субстанцией и единой душой. Бог — первооснова всего сущего, мировой разум, пронизывающий Вселенную, в котором после смерти тела растворяется всякое индивидуальное сознание. Его версия *пантеизма* не допускала сохранения после смерти отдельных душ, зато содержала другую мысль, созвучную христианскому мировоззрению: Марк Аврелий верил, что Бог дает в процессе жизни каждому человеку особого доброго гения в руководители. Это положение было созвучно вере в ангела-хранителя у христиан. Но в отличие от христиан, Марк Аврелий верил, что этот охраняющий нас «гений» проявляется в разуме.

В своей этике Марк Аврелий писал о *скоротечности жизни*, ее краткости по сравнению с жизнью общества и — тем более — космоса: «Время есть река..., стремительный поток. Лишь появится что-нибудь, как тут же пронесется мимо». По сравнению с беспредельностью времени в обоих направлениях, в прошлом и в будущем, человеческая жизнь длиной в три дня и в триста лет одинаково ничтожна. «Рядом с нами безмерная бездна прошедшего и грядущего, в которой все исчезает. Так не глупцом ли будет тот, кто станет гордиться чем-нибудь, или волнуется по этому поводу, или же жалуетесь, точно дело идет о бремене, которому предстоит длиться века?» — рассуждал Марк Аврелий. По сути, наша жизнь сводится к одному мигу — здесь и сейчас, значит, и вести себя надо соответственно: «Все следует делать, обо всем говорить и помышлять так, как будто каждое мгновение может оказаться для тебя последним. Самая продолжительная жизнь ничем не отличается от самой краткой. Ведь настоящее для всех равно, а следовательно, равны и потери — и сводятся они всего-навсего к мгновению. Никто не может лишиться ни минувшего, ни грядущего. Ибо кто мог бы отнять у меня то, чего я не имею?»

Марк Аврелий был энергичным правителем, он много сделал для укрепления границ империи, неоднократно воевал за ее целостность. Но он ощущал бессмысленность своих усилий по сравнению с всепожирающим бесконечным потоком жизни:

«Окинь мысленным взором хотя бы времена Веспасиана, и ты увидишь все то же, что и теперь: люди вступают в браки, возвращают детей, болеют, умирают, ведут войны, справляют празднества, путешествуют, обрабатывают землю, льстят, предаются высокомерию, подозревают, злоумышляют, желают смерти других, ропщут на настоящее, любят, собирают сокровища, добиваются почетных должностей и трона. Что стало с их жизнью? Она сгинула. Перенесись во времена Траяна: и опять все то же. Опочила и эта жизнь. Взгляни равным образом и на другие периоды в жизни целых народов и обрати внимание на то, сколько людей умерло вскоре по достижении заветной цели и разложилось на элементы». Марк Аврелий честно исполнял долг римского императора, но его оценка истории и деятельности в ней индивида (в том числе, своей собственной) была крайне *пессимистической*: волны поколений будут сменять друг друга, но люди в сути своей остаются теми же. Что было, то и будет, и наши потомки тоже не увидят ничего нового.

Понимая так исторический процесс, выполнять обязанности правителя, воевать с соседями, издавать законы и указы возможно, только обладая мужеством и чувством долга. Поэтому идеал человека у Марка Аврелия — уже не безразличный к внешней жизни мудрец, а человек, ведомый долгом по отношению к обществу и государству, который видит «мудрость исключительно в справедливой деятельности», но с легким сердцем встретит смерть и покинет этот бранный мир. Покидать его надо так же легко, как созревшая слива падает с дерева. Философия Марка Аврелия призывала, скорее, к терпению, чем к надежде. Недаром стоицизм называют иногда «философией героического пессимизма».

Стоики совершили своеобразный переворот в философии: ведь чем меньшее значение имеет для человека окружающий его мир (в том числе, и социальный), тем больше он сосредоточивается на своем внутреннем «я», обнаруживая в своей личности целую вселенную, ранее неведомую и недоступную. Без этого открытия внутреннего мира человека, совершенного стоиками и представителями других направлений эллинистической философии, едва ли была бы возможна такая убедительная победа христианства над язычеством. Римский стоицизм стал, в определенном смысле, «подготовительной школой» христианства. Да и позднее, в Средние Века и эпоху Возрождения, этика стоицизма, хотя и видоизменялась, пользовалась большим влиянием.

Вопросы и задания

1. Какой период истории называют эпохой эллинизма? Есть ли разница в выражениях «эллинская философия» и «эллинистическая философия»? Как вы понимаете эту разницу?
2. Объясните происхождение слова «стоик». В каком смысле употребляются сегодня слова «стоик», «стоически» в обыденной речи? Приведите примеры.
3. Когда и где возникла философия стоицизма? Как долго она существовала? Каких философов-стоиков вы знаете?
4. Какова основная идея стоической философии? Что такое фатализм, к каким выводам он приводил стоиков?
5. Какие взгляды были характерны для «старших» стоиков? К какому философскому направлению — материалистическому или идеалистическому — вы бы их отнесли?
6. Каков был идеал человека в стоической философии? Как вы думаете, кто из философов, политиков, полководцев, правителей и т. д. в истории человечества приблизился к такому идеалу? Объясните свою точку зрения.
7. Как менялась в процессе развития философия стоицизма?
8. Кого называют «младшими» стоиками? Когда они творили?
9. Что такое «пессимизм»? Приведите примеры пессимизма в философии и в жизни.
10. Расскажите о том философе-стоике, чьи взгляды и личность импонируют вам больше всего.

3.2. Христианская философия

Что я разумею, тому и верю; но не все, чему я верю, то я разумею. Все, что я разумею, то я знаю; но не все то знаю, чему верю. Я знаю, как полезно верить многому и такому, чего не знаю.

Аврелий Августин

В первой половине I в. н. э. на Ближнем Востоке из недр *иудаизма* — религии евреев — возникло христианство. У греков, римлян, египтян той поры религии носили политеистический характер (многобожие). Иудаизм же был первой *монотеистической* религией в истории. **Монотеизм** — это вера в одного Бога (*monos* — один, единственный и *theos* — бог).

Важной чертой иудаизма является *мессиянство*. Считается, что со временем на земле появится посланник Божий — Мессия (спаситель), который откроет людям волю Бога и приведет мир к новому счастливому состоянию. Посланец этот должен быть прямым потомком царя Давида по мужской линии. С точки зрения иудаизма, Мессия еще не пришел. Особенностью иудаизма является и его *национальный характер*. Иудаизм представляет собой религию одного народа, который считает себя избранным на том основании, что Бог через Моисея дал ему Закон — правила поведения, нормы. Приняв этот закон, евреи вступили в особые отношения с Богом, заключили с ним договор (Завет), который обеспечивал им божественное покровительство в случае соблюдения всех его предписаний. Священной книгой для иудеев является Танах (известный христианам как Ветхий Завет).

Когда в землях Палестины стал проповедовать Иисус Христос, большинство евреев не признали в нем Сына Божьего и Мессию. Прежде всего это произошло потому, что Христос проповедовал для всех — евреев и римлян, греков и финикийцев. С точки зрения христианства, для Бога не имеет никакого значения происхождение человека, его принадлежность к тому или иному народу, именно поэтому христианство превратилось в *мировую религию*, которая не ограничена какими-либо национальными рамками. И хотя и сам Иисус, и большинство его первых учеников—апостолов были евреями, иудейские священники увидели в проповеди равенства всех перед Богом опасность для традиционной национальной религии древних евреев. Вы знаете, что по их требованию Иисус был осужден на казнь и распят на кресте. Христиане верят в то, что Иисус, как Сын Божий, воскрес на третий день после казни, чем окончательно доказал своим приверженцам истинность учения. Более того, Иисус своей искупительной жертвой дал надежду всем людям, независимо от их национальной принадлежности, на жизнь вечную — жизнь после смерти.

Связь новой христианской религии с иудаизмом проявилась, в частности, в том, что священное писание христиан — *Библия* (от гр. *biblia* — книги) — включала как собственно христианские произведения, образовавшие *Новый Завет*, так и священные книги последователей иудаизма — *Ветхий Завет*. Сначала учение Иисуса Христа распространялось в устной форме, но уже во второй половине I в. появляются первые письменные рассказы

о жизни, смерти, воскресении Христа, его учении. Они стали называться *Евангелиями* (гр. *euangelion*, буквально — «благая весть»): ведь Иисус Христос принес людям радостную весть о том, что им может быть даровано спасение после смерти. В Новый Завет входят четыре Евангелия — от Матфея, Марка, Луки и Иоанна; остальные, так называемые апокрифы, не были включены. На основе Евангелий постепенно складывается новое религиозное учение. По мере распространения и развития христианства были сформированы *догматы* (гр. *dogma* — учение, мнение) — основные знания о мире, человеке, Боге, которые принимаются за абсолютно истинные. К числу таких христианских догматов относятся положения о триединстве Бога (Бог — Отец, Сын и Святой Дух), о воплощении Бога в человеческом облике Иисуса Христа, о Его искупительной жертве и воскресении, о спасительной миссии церкви, о воскресении всех мертвых и др.

Христианство предлагало людям совершенно иную «систему координат»: мы на земле — только странники, а «отчизна наша — на небесах». Поэтому не накопление богатств, власть, сила, плотские радости и пр. имеют настоящее значение, а душевная чистота, смирение и, конечно же, *любовь*. «Бог есть любовь» — таково одно из важнейших положений христианства. Поэтому христианин — это тот, кто не только «возлюбил Бога всей крепостью души», но и полюбил ближнего как себя. Иисус Христос в прощальной беседе с учениками сказал: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга». Действительно, заповедь была новой — идеал бескорыстной христианской любви был не похож на то, что человечество знало прежде: христианская любовь обнимает всех, не только друзей, но и врагов. В Евангелии от Луки есть такие слова: «Если вы любите любящих вас, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники любящих их любят. И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники то же делают...». То есть речь идет не об эгоистической любви, а о принципе отношения ко всем людям.

С позиций христианства, этот мир не вечен. Земной мир — временное место пребывания человеческих душ. В последние дни мира состоится решающая схватка между добром и злом, Христом и Антихристом, и после победы «небесного воинства» земная история будет завершена. Мертвые воскреснут, и Бог призовет людей на Страшный Суд, где будет подведен итог каж-

дой прожитой человеческой жизни. Праведникам будет дарована новая вечная жизнь в Царствии Небесном, грешники же будут осуждены на вечные муки. Такие взгляды о конце света называются *эсхатологией*. Эсхатологические взгляды в той или иной степени присущи большинству религий, но для христианства они особенно важны: обоснование бренности материального земного мира приводило к тому, что главным в жизни христианина была забота о душе, выполнение заповедей Христа, а не достижение процветания или успеха. Первые христиане верили, что «последние дни» не за горами, многие считали, что второе пришествие Христа состоится еще при их жизни, поэтому буквально готовились к завершению истории.

Христианство изменило существовавшую ранее систему норм и ценностей. Недаром христианские народы (а со временем именно христианство стало господствующей религией во всей Европе) называют период времени после рождения Христа *новой эрой*. Учитывая колоссальное влияние, которое оказало христианство на европейскую культуру, всю западную цивилизацию очень часто называют христианской цивилизацией.

3.2.1. Рождение христианской философии

Христианство распространялось чрезвычайно быстро. Его популярности в немалой степени способствовал характер этой религии: приверженцем христианства мог стать и раб, и римский сенатор, и грек, и еврей. Но главным было, конечно, то, что христианство предложило людям новые, более высокие, нравственные ценности. Тем не менее, оно наталкивалось на ожесточенное сопротивление как со стороны традиционных религий, так и со стороны многих правителей. История сохранила свидетельства о страшных гонениях на первых христиан в Римской империи, пытках и казнях. Христиане воспринимались властью имущими как опасная и вредная секта, с которой необходимо жестоко расправиться, пока у нее не стало слишком много сторонников. Кстати, когда Нерон поджег Рим, в поджоге обвинили именно христиан, и по городу прокатилась волна казней. Мученичество воспринималось первыми христианами как доказательство искренности их веры и подражание Иисусу Христу, тоже принявшему муки на кресте. Известно, что на кресте за-

кончили свои жизни и некоторые ближайшие ученики Христа — апостол Павел и апостол Андрей Первозванный.

Апологетика

Первоначально христианство распространялось среди бедняков, но затем и многие состоятельные и образованные люди приняли новую веру. Именно из их среды появляются первые *апологеты* (защитники) нового учения. В своих произведениях (*апологиях*), доказывающих истинность христианства и защищавших его от критики, они часто использовали философские приемы рассуждения, разработанные античными мыслителями. Первоначальный смысл слова «апология» — защитительная речь в суде; эти произведения и на самом деле являлись как бы судебными речами; их писали с целью добиться от римских императоров признания законного права христиан на существование в империи. В апологиях можно найти изложение некоторых аспектов христианской веры и попытки оправдать ее перед лицом греческой философии. Поэтому формирование христианской философии началось именно с *апологетики*.

Юстин-мученик: христианство как полная истина

Из дошедших до нас произведений апологетов наиболее ранними являются сочинения Флавия Юстина (II в.) — грека из палестинского города Сихем. До знакомства с христианством он изучал философию Аристотеля, Пифагора, Платона, но встретив однажды глубоко верующего в Христа старца, принял крещение и тоже стал христианином. Юстин стремился показать, что многие идеи христианства уже встречались у древних философов: христиане, как и стоики, верят, что этот мир погибнет, как и Платон, они уверены в бессмертии души, как многие древние мыслители, они утверждают, что целью жизни является спасение души и т. д. Казалось бы, странная защита — показать, что в христианстве нет ничего нового! Но Юстин делал из приведенных им фактов сходства совсем другой вывод: истина — одна, но раньше она была доступна мудрецам и религиозным пророкам лишь частично, поэтому во многих философских и религиозных системах можно увидеть отсвет этой божественной истины. Полная же истина раскрывается только христианством. То, что по крупницам было разбросано в древних текстах, религиях, сочинениях выдающихся философов, соединило христианское учение. Следовательно, заключал Юстин от имени христиан, «все, что было когда-либо сказано истинного, — наше».

Эти его знаменитые слова заранее обосновывают обращение христианских мыслителей последующих веков к греческой философии. С его точки зрения, Гераклит и стоики не чужды христианской мысли; Сократ «частично» знал Христа, ведь он обнаружил определенные истины усилием разума, значит, Сократ принадлежит к числу Его учеников. Это справедливо по отношению ко всем языческим философам: они обладали семенами той полной истины, которую во всем ее совершенстве дало христианство.

В 165 г. Юстин был казнен, как верующий в Христа, поэтому в литературе его часто называют Юстином-мучеником.

Климент Александрийский: философия есть подготовка к вере

Климент родился в середине II в. в Афинах, но большую часть своей жизни провел в Александрии. Его взгляды сформировались под влиянием стоицизма, затем он принял христианство и стал священником. Тем не менее, Климент Александрийский на всю жизнь сохранил интерес и уважение к философии и в своих сочинениях доказывал, что философия и религия не противоречат друг другу, наоборот, многие философские учения являются своеобразной «подготовительной школой» для того, чтобы человек пришел к вере. Надо сказать, что так оно и было, если вести речь о платонизме и стоицизме; те же школы, которые явно противоречили христианскому мировоззрению (эпикуреизм, например), критиковались Климентом. Таким образом, Климент видел в древнегреческой философии провозвестника появившегося позже христианского учения, его союзника, готовившего души людей к принятию веры: «...в просвещенности философией скрывается помощь нам, такой просвещенностью обуславливается тонкость чувства, ведущая к истинному... благочестию».

Тертуллиан: приоритет веры над разумом

Необычный способ защиты христианского вероучения избрал Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан (ок. 160 — ок. 220) из Карфагена. В Риме он был судебным оратором, но, приняв христианство, оставил это занятие и вернулся домой. Он рассуждал так: философия за несколько веков существования не дала людям бесспорной истины, философы спорят друг с другом, «они ищут, — стало быть, еще не нашли». Все в дело в «спорливом» и любопытствующем уме философов, они пытаются с помощью своего слабого разума постичь то, что находится за его предела-

ми. Наш разум — человеческий, а познать с его помощью мы хотим Бога и созданный Им мир. Но это невозможно! Человеческие мерки неприменимы к Божьему замыслу. Тертуллиан не раз цитировал слова апостола Павла: «Мудрость мира сего есть безумие перед Богом». Он одним из первых провозгласил принцип *первенства веры перед разумом*. Надо верить, даже если что-то кажется нам невозможным, противоречивым, невероятным: человеческое разумение ограничено, оно не может быть значимым доводом в делах веры. Тертуллиану приписывают знаменитую фразу: «*Верую, ибо абсурдно*».

В пояснение приведем цитату из его сочинения: «Сын Божий был распят: я того не стыжусь, потому что это постыдно. Сын Божий умер: надлежит этому верить, потому что разум мой возмущается против этого. Он восстал из гроба, в котором был положен: дело верное, потому что кажется невозможным». Сама невозможность и невероятность для обыденного разума событий, описанных в Новом Завете, является доказательством того, что это не человеческие выдумки (тогда они были бы правдоподобнее и больше бы походили на привычные явления), а действие другой, высшей силы — Божьей воли, оценить которую с помощью логики нельзя.

Именно позиция Тертуллиана положила начало четкому разграничению веры и рационального знания и соответственно привела к отказу в возможности рационального обсуждения религиозных догматов. Это стало типичным для средневековой христианской философии.

Становление христианских церквей

Несмотря на гонения, христианских общин становилось все больше. Постепенно начала формироваться *церковь* — организация, объединяющая верующих и выполняющая роль посредника между ними и Богом. Сначала в христианской церкви не было резкой границы между духовенством и остальными верующими: священнослужители избирались из членов христианских общин, затем, как вы знаете, этот демократический порядок был упразднен. Общины отдельных городов и поселений стали объединяться в епископства, епископства объединялись в митрополии. А в IV в. из митрополий были созданы еще более крупные объединения — патриаршества. Приблизительно в это же время произошло важнейшее событие, свидетельствующее о завоевании христианской религией совершенно нового положения в обще-

стве: указом императора **Константина** в 313 г. христианство было уравнено в правах с другими религиями. Из гонимой и непризнаваемой секты христианство постепенно превратилось в государственную религию Римской империи.

С именем императора Константина связано и еще одно переломное для истории христианства событие: в 325 г. в городе **Никея** он созвал I Вселенский собор. **Церковным собором** называют собрание епископов и других представителей христианских церквей для выработки общих положений в богослужении и вероучении. В зависимости от того, собираются ли на соборы священнослужители отдельной страны или всех христианских церквей, соборы бывают поместные и вселенские. Константин собрал первый такой собор, который принял *символ христианской веры* — то есть свод тех положений, вера в которые и делает человека христианином. Это было чрезвычайно важным событием в истории христианства: с одной стороны, появился четкий критерий, с помощью которого можно было понять, признание каких догматов обязательно для верующего христианина. С другой стороны, принятие символа веры стало первым шагом к ограничению свободы мышления в рамках христианской философии, потому что любое толкование учения, не совпадающее с одобренным собором, объявлялось *ересью*, то есть учением, отступающим от официальной церковной доктрины, — и преследовалось. Таким образом, процесс выработки догматической основы христианского вероучения (а значит, и христианской философии) шел параллельно с ограничением свободного научного и философского исследования.

В 330 г. столица империи была перенесена Константином на восток, в город **Византий**, получивший позднее название **Константинополь** (сейчас — **Стамбул**). Это привело к разделению империи в 395 г. на две части — Западную с центром в Риме и Восточную с центром в Константинополе. Разделение Римской империи на две части — западную и восточную — привело и к разделению христианских церквей. Византия стала оплотом *православия*, Рим — центром *католичества*. Разделение церквей произошло не сразу, а постепенно и было связано с различием в историческом, социально-экономическом, политическом, культурном развитии обеих частей империи. Дальнейшее углубление расхождений между обоими направлениями христианства привело и к формальному разделению общехристианской церкви на западную — римско-католическую и восточную — греко-право-

славную. К VII в. стали явными различия между западной и восточной ветвями христианства в догматике, обрядах, организации, календаре. В результате нарастающих противоречий в 1054 г. папа римский Лев IX и константинопольский патриарх Керуларий прокляли друг друга (предали анафеме). Эта дата считается датой официального разрыва между православными и католиками. Единая ранее христианская церковь раскололась на католическую и православную.

Патристика — учение отцов церкви

На смену Древнему миру пришла эпоха Средневековья, начавшаяся приблизительно в V в. Если в античности считали, что истиной надо овладеть, то средневековый мир пребывал в уверенности, что истина уже открыта в Священном Писании. Выявление этой истины и выработка основ христианского богословия стали возможными благодаря деятельности мыслителей, которых называют *отцами церкви*. Они создали базу для последующего развития христианской философии, их труды были признаны основополагающими для богословия и получили название *патристики* (от лат. *pater* — отец), — то есть они стали своего рода «классиками» христианства.

Хотя сочинения некоторых апологетов (Климента Александрийского, Тертуллиана и других) тоже позднее стали относить к ранней, доникейской патристике (то есть до принятия символа веры Никейским собором в 325 г.), самым ярким представителем этого периода христианской философии является **Аврелий Августин**, которого еще часто называют **Августином Блаженным**. В своих многочисленных произведениях он выдвинул ряд идей, надолго определивших пути развития западного богословия и философии. Бог и собственная душа — вот две темы, которые интересовали его прежде всего.

Жизнь Августина

Аврелий Августин (354—430) родился в небольшом городке Тагаста в Северной Африке. Его мать была христианкой, а отец — язычником. Хотя мать с самого начала хотела приобщить сына к христианству, путь Августина к вере был долгим и непростым. Этот путь он потом описал в одном из самых знаменитых своих произведений — в «*Исповеди*». Августин изучал античную философию и риторiku в Карфагене. Этот город был известен как средоточие порока, и юноша Августин жил там веселой жизнью: ходил в театры, заводил любовниц, гулял с друзьями, одна-

ко, и напряженно учился. С помощью учебы он надеялся «на радость человеческому тщеславию стать выдающимся оратором». Чтение заставило Августина «любить, искать, добиваться, овладеть и крепко прильнуть не к той или другой философской школе, а к самой мудрости, какова бы она ни была». Он прочел тогда и Библию, однако, был разочарован: по сравнению с блестящим и ярким стилем античных авторов Библия показалась ему скучна. Как он сам потом оценивал этот факт, его душа была еще не готова к принятию христианства. Затем он стал членом секты манихеев, еретической с точки зрения официального христианства (манихеи считали, что мир состоит из двух извечно противостоящих друг другу начал — света и тьмы, добра и зла). Но спустя несколько лет манихейство стало вызывать у Августина вопросы, появились сомнения в истинности этого учения. Молодой философ отправился в Рим, где ему предложили преподавательскую работу; он надеялся найти там более способных и заинтересованных в предмете учеников, но и здесь его постигло разочарование: нерадивые студенты во всех городах мира похожи друг на друга. Тогда он уехал в Милан, где уже в возрасте тридцати трех лет встретился с христианским епископом Амвросием. Под его влиянием у Августина «как будто открылись глаза» — он принял крещение. Осмысливая потом свой долгий путь к вере, Августин видел в нем проявление божественного промысла: не случайно ему попадались на глаза книги, заставлявшие задуматься, не случайно он встречал людей, которые давали ему новый материал для размышлений (так, уже в Милане он встретил своего бывшего «одноклассника», рассказавшего ему о жизни апостола Павла), не случайно мать была так настойчива, пытаясь обратить его в христианство и т. д. Он возносил хвалу Господу, который привел его к истине. Августин даже основал христианское братство, а в 395 г. стал епископом в городе Гиппоне в Северной Африке, где и умер через 35 лет во время осады города вандалами.

Бог, мир и человек

Августин был против всех разновидностей пантеизма, то есть единства Бога и мира. Бог, по Августину, сверхприроден. Мир, природа и человек, будучи результатом творения Бога, зависят от своего Творца. Такие взгляды, характерные для всего Средневековья, называются **теизм**: единый Бог является единственной и всемогущей мировой силой, творящей мир по своей воле, причем речь идет не о безличном начале мироздания (как у многих

философов, Аристотеля, например), а о Боге-личности, образом и подобием которого является человек.

Поддержание бытия мира есть *постоянное творение* его Богом вновь, считал Августин. Если Бог «отнимет от вещей свою... производящую силу, то их так же не будет, как не было прежде, чем они были созданы». В мировом порядке всякая вещь имеет свое место в соответствии с замыслом Божиим. Поэтому *все в жизни совершается только по Его воле*: «Не мать моя, не кормилицы мои питали меня сосцами своими, но Ты через них подавал мне, младенцу, пищу детскую, по закону природы, Тобою ей предначертанному, и по богатству щедрот Твоих, которыми Ты облагодетельствовал все твари по мере их потребностей», — писал Августин, обращаясь к Создателю. В христианской патристике, особенно в сочинениях Августина Блаженного, важное место занимает понятие *греха*. С точки зрения христианства, существует *первородный грех* — первые люди, созданные Богом, Адам и Ева, нарушили заповедь и вкусили плодов с древа познания добра и зла. За это Бог изгнал их из рая; они стали жить в мире, где появилось зло. Таким образом, зло не было сотворено Богом, оно есть недостаток добра (помните подобные рассуждения у Платона?), результат того, что люди неверно использовали дарованную им свободу. Адам и Ева до грехопадения обладали свободной волей и могли не грешить. Но послушавшись Бога, люди, по мнению Августина, потеряли свободу. Теперь *они уже не могли не грешить*. Мысли о собственной греховной природе неотступно преследовали Августина, причем к числу греховных он относил не только свои поступки во взрослом состоянии (жизнь в Карфагене давала ему богатый материал для этого), но даже детские шалости! Казалось бы, многие поступки в детском возрасте были неосознанными, что же в них греховного? Августин все равно считал их таковыми, потому что они нарушали равновесие души!

Раз все совершается только по воле Божьей, то получается, что Бог изначально predetermined одних людей к добру, спасению и блаженству, а других — к злу, гибели и мучениям. Без predetermined божественной *благодати* человек не может иметь доброй воли. Поэтому и события своей собственной жизни, описанные в «Исповеди», Августин рассматривал как осуществление predetermined заранее плана его прихода к христианству, как проявление благодати, даровавшей ему веру. Эту позицию Августин отстаивал в ожесточенной полемике с

одним из церковных писателей — Пелагием, который утверждал, что спасение человека зависит от его собственных нравственных усилий. Человек — не пассивный исполнитель, он сам определяет свою судьбу, считал Пелагий, но Августин не был с ним согласен. Учение Августина о предопределении можно назвать *религиозным фатализмом*. Его идеи по этому вопросу породили споры даже среди христианских богословов, длившиеся многие века.

Разум, душа и познание

Разум, по Августину, есть взор души, которым она сама собой, без посредства тела, созерцает истину. Если для античных философов была характерна проблема соотношения чувственного и рационального, разумного познания, то Августин вообще отбрасывает чувственное познание. Чувства не могут свидетельствовать о Боге, а истина — только в Нем. Поскольку человек — образ и подобие Божие, постольку в человеческую душу уже вложена эта вечная истина, она содержится в нашей бессмертной душе. Причем каждая душа творится Богом индивидуально, нет двух одинаковых душ.

Августин рассматривал *разум* как очень важную *функцию души*: «Я полагаю, что душа питается не иным чем, как разумением вещей и знанием, умозрениями и размышлениями, если может через них познать что-нибудь». Разум, дающий истину (христианскую, конечно) ведет к вере: «Разумей, чтобы верить, верь, чтобы разуметь», — писал философ. Поэтому, в конечном счете, вера является как исходным пунктом, так и целью познания. *Познание без веры — греховно*. И опять видно колоссальное отличие позиции Августина от установок античной философии: для древних философов познание само по себе было важнейшей ценностью.

Вечность и время

Августин по-новому поставил вопрос о времени. Он размышлял об акте творения мира Богом. А что делал Бог до творения мира? Августин признал, что невозможно представить время без существования мира. Значит, сделал он вывод, Бог создал время и мир вместе.

Что же такое *время*? Оно текуче, и его характеристики относительны. Сутки состоят «из ночных и дневных часов: всего их 24. По отношению к первому часу остальные — будущее; по отношению к последнему — прошлое». В конце концов, стремясь установить соотношение настоящего, прошедшего и будущего,

он пришел к гениальной идее: ни прошедшее, ни будущее не имеют реального существования, они есть лишь в нашем воображении; действительное существование присуще только настоящему. Прошедшее обязано своим существованием памяти, а будущее — надежде. Поэтому эти три времени — прошлое, настоящее и будущее — существуют лишь в нашей душе. Говоря современным философским языком, Августина интересовало *экзистенциальное измерение времени*.

Бог не зависит от течения времени, он вечен. *Вечность* же мыслится Августином так: в мире мыслей Бога все есть раз и навсегда — статичная и неизменная вечность неотделима от Бога. «Умственным взором я отделяю от вечного всякую изменчивость и в самой вечности не различаю никаких промежутков времени, так как промежутки времени состоят из прошедших и будущих изменений предметов. Между тем, в вечном нет ни преходящего, ни будущего, ибо что проходит, то уже перестает существовать, а что будет, то еще не начало быть», — так определял вечность Аврелий Августин.

Учение о двух градах

Для Августина вся человеческая история являлась борьбой между приверженцами христианской церкви, строящими «град Божий на Земле», и сторонниками «града земного», создавшими светские государства. Он выделял шесть основных исторических периодов (в соответствии с шестью эпохами в Ветхом Завете и по аналогии с жизнью человека): младенчество, детство, отрочество, юность, зрелость и старость. Августин был убежден, что после прихода Христа на Землю человечество вступило в пору старости, пришло время подведения итогов.

Для сторонников «града Божьего» характерна любовь к Богу, доведенная до презрения к себе (как к греховному существу), представителей же «града земного» отличает любовь к себе, доведенная до презрения к Богу. Выражением «града небесного» является христианская церковь, поэтому она должна иметь *приоритет перед светской, государственной властью*. Эта идея Августина получит дальнейшее развитие в истории западной католической церкви, неоднократно претендовавшей на политическую власть и влияние.

История — это постепенное усиление «града Божьего» и ослабление «града земного». В эпоху старости человечества «земной град» должен подчиниться «граду небесному», церкви, — ведь конец света уже скоро, человечество достигло старости и

должно погибнуть в соответствии с библейскими пророчествами, и только благодаря церкви избранные могут спастись для жизни вечной. Таким образом, понимание исторического процесса у Августина вполне соответствовало христианской эсхатологии. А мысль о решающей роли церкви в последний период земной истории была подхвачена и использована для усиления влияния христианской церкви на все стороны жизни средневекового общества.

После смерти Аврелий Августин был признан святым католической церковью и блаженным — православной, а его сочинения обрели непререкаемый авторитет для католических богословов.

Подводя итоги, надо сказать, что патристика после Никейского собора видоизменилась: если на первом этапе своего существования главной ее задачей была защита христианства (в том числе, и философскими средствами), то после принятия основных догматов христианства на I Вселенском соборе основное внимание стало уделяться систематизации христианского учения, борьбе с различными ересями и обоснованию роли церкви.

Вопросы и задания

1. Что такое монотеизм? Какие монотеистические религии вы знаете?
2. Кто такие апологеты? Расскажите о применяемых ими способах защиты христианского вероучения.
3. Как понимать знаменитое высказывание Тертуллиана: «Верую, ибо абсурдно»?
4. Что такое «символ веры»? Когда он был принят? Каково его значение для истории христианства?
5. Какие направления в христианстве вы знаете? Найдите соответствующую информацию в словарях, справочниках, учебниках и расскажите, чем отличаются католицизм и православие.
6. Что такое патристика? Каково ее значение для развития христианского богословия и философии?
7. Почему позицию Августина Блаженного можно назвать религиозным фатализмом?
8. Как Аврелий Августин понимал время? Можно ли назвать его понимание времени созвучным представлениям современной неклассической физики?
9. Как Аврелий Августин представлял себе человеческую историю?

3.2.2. Средневековая схоластика

Средние века были грубыми, они были рыцарственными, они были благочестивыми.

Бертран Рассел

После завоевания Римской империи варварами Западная Европа находилась в состоянии глубокого культурного и духовного кризиса, который продолжался вплоть до IX в. Это было временем упадка образованности, эпохой, не знавшей ни крупных философов, ни выдающихся богословов (исключение здесь составляет ирландская и британская традиции). Византия же, наоборот, переживала культурный расцвет, что проявилось и в развитии философской и богословской мысли в восточном христианстве. Затем ситуация изменилась. После возвышения королевства франков в начале IX в. наступило время «карлингского возрождения»: Карл Великий создал западноевропейскую империю и был коронован папой римским как «римский император», хотя Римская империя в своем первоначальном смысле к тому моменту стала достоянием истории. Просвещенный император способствовал открытию школ, развитию наук и искусств, — Западная Европа вновь стала культурным средоточием эпохи, в то время как Византия постепенно теряла свое значение.

В период Средневековья резко возрастает роль христианской церкви как социальной организации. Шаг за шагом осваивая Европу, *церковь стала важнейшим объединяющим институтом*, она формулировала мировоззренческие и идеологические основы общественной жизни. Средневековое общество было объединено общей верой, и это духовное единство имело подчас гораздо более прочный характер, чем объединение по экономическим интересам. Основой такого единства являлась христианская догматика, поскольку ее принимали все христиане.

В этих условиях сложилось течение, получившее название **схоластики**. Слово «схоластика» происходит от греческого «*scholia*» — школа. Действительно, схоластика возникла как «школьная философия»: речь шла о том, чтобы с помощью философии и логики упорядочить и сделать более доступной христианскую догматику, так как широкое распространение христианства поставило вопрос о подготовке большого количества свя-

щеннослужителей. Но затем схоластика переросла рамки «школьной философии», выдающиеся представители этого течения создали собственные философские системы, в которых была предпринята попытка обосновать веру с помощью рациональных доводов, с помощью разума. На наш взгляд, такая задача схоластики была внутренне противоречивой: вера не требует рациональных доказательств и подтверждений, разум и веру трудно сочетать. Тем не менее, такая попытка была предпринята, причем не только в Европе и Византии и не только применительно к христианству: подобные системы рационального исследования догматов веры были созданы и исламскими философами, о чем мы еще расскажем. Но классический вид схоластики приняла именно в Западной Европе.

В схоластике философия играла служебную по отношению к богословию роль. Догматы христианства принимались как абсолютно истинные, в них невозможно было усомниться. Философия должна была не находить истину (она уже дана в Священном Писании) и не оспаривать ее (это объявлялось ересью и пагубным заблуждением), а лишь подкреплять, комментировать, делать выводы из того, что признавалось истинным христианской церковью. Формулой схоластики может стать изречение одного из епископов XI в., Ансельма Кентерберийского: «Верую, чтобы понимать». То есть — сначала надо уверовать, а уж затем попробовать (если получится) сочетать обретенную веру и доводы разума. На фоне греческой мудрости эта идея была совершенно новой: в античности стремились к знанию, там более уместной была бы формула: «Знаю, а потому верю». Средневековая же философия не стремилась к истине, а исходила из уже данной истины. Именно в этом смысле часто говорят о том, что в эпоху Средневековья философия стала «служанкой богословия».

Ранняя схоластика

История схоластики как своеобразного синтеза философии и богословия была долгой. Принято выделять, по меньшей мере, три периода в ее развитии:

- ранняя схоластика (IX—XII вв.);
- зрелая («высокая») схоластика (XIII в.);
- поздняя схоластика (XIV—XV вв.).

Каждый из этих периодов имел свои отличительные особенности и черты.

Во времена ранней схоластики центрами интеллектуальной жизни Европы стали монастыри. В VIII—X вв. именно при монастырях появились и получили развитие школы, в которых преподавали не только богословие, но и грамматику, риторику, логику, арифметику, геометрию, астрономию. С XI в. на первый план вышли епископальные школы, некоторые из которых к концу XII в. превратились в университеты. Строгие монастырские традиции напрямую повлияли на специфику схоластического метода. Занятие науками имело форму накопления знаний, — то есть сводилось к «зубрежке». Это вытекало из представления о том, что человеческий разум пассивен, что ученик не добывает знания, а лишь усваивает их. Предложенные позже схоластикой приемы систематизации знания и логического выведения одного положения из другого не противоречили этой монастырской традиции.

Спор об универсалиях

Главной темой всей схоластики был, разумеется, Бог. Но уже на этапе ранней схоластики в связи с исследованием Бога и его качеств возник так называемый «спор об универсалиях», разделивший всех представителей схоластики на два направления — номинализм и реализм. Как это произошло и что означали эти названия?

Универсалия (от лат. *universalis* — общий) — термин средневековой философии, которым обозначали общие понятия (или идеи). Если кто-то из вас спросит: «Так ведь про общие и единичные понятия рассуждали еще Сократ, Платон, Аристотель, что тут нового?», мы скажем: «Молодец!» Действительно, проблема, поставленная еще Сократом, проблема общего и единичного вновь мощно зазвучала в средневековой схоластике. Поэтому как бы сильно ни отличались античная и средневековая мысль, преемственность между ними, конечно, была. «А Бог-то здесь причем?» — не отстает думающий ученик. А вот причем: схоласты начали обсуждать догмат о Троице. Библия, кроме Бога Отца, Бога Сына и Бога Святого Духа, называет еще и просто Бога. Возникает вопрос: кто Он? Одни утверждали, что существуют три отдельных ипостаси (сущности) Бога: Отец, Сын, Святой Дух, а Бог — это просто общее имя для всех троих, как фамилия у людей. Тех, кто так считал, называли **номиналистами** (латинское *nomina* — имя, наименование). Другие же утверждали, что Бог существует реально. Их называли **реалистами**. Но им нужно было ответить на вопрос: кто же тогда Отец, Сын и Святой Дух? Реа-

листы считали, что это — три лица, три ипостаси, которыми предстает один и тот же реально существующий Бог. Так соединение двух атомов водорода и одного кислорода может восприниматься нами в виде льда, воды или водяного пара, но суть-то будет одна, все проявления будут существовать лишь постольку, поскольку возникнет физическая связь между этими атомами.

В конечном итоге, этот конкретный богословский спор перерос в более общий и чисто философский: что же существует — общее или единичное? Как они соотносятся? **Номинализм утверждал, что реально существуют единичные предметы** (отдельные столы, деревья, люди) **и видел в универсалиях лишь общее имя, существующее только в нашем сознании.** **Реализм же полагал, что универсалии существуют реально и независимо от сознания, а единичные предметы существуют лишь постольку, поскольку выражают общее.** То есть, сначала в уме Бога появились общие понятия «стол», «дерево», «человек», а затем уж они появились как единичные предметы благодаря воплощению общих идей в предметах. Очень похоже на решение этой проблемы у Платона: в платонизме реально существуют идеи (общее), вещи же являются лишь копией идей и живут только как их «отражения». Кстати, вопрос о соотношении общего и единичного оказался не таким уж простым, «подводные камни» в его решении есть и сегодня, поэтому иногда термины «номиналист» и «реалист» встречаются даже по отношению к современным философам.

Философия Иоанна Скота Эриугены

Ранняя схоластика дала миру много выдающихся мыслителей: в Германии это были Рабан Мавр, Гуго Сен-Викторский; в Англии — Алкуин, Иоанн Скот Эриугена; во Франции — Иоанн Росцелин, Абельяр; в Италии — Ансельм Кентерберийский, Бонавентура. Одним из самых ярких и выдающихся умов Европы того времени был **Иоанн Скот Эриугена** (ок. 810—878). Он родился в Ирландии, возможно, в шотландской семье (отсюда в его имени взялось прозвище Скот — шотландец). Большую часть жизни Эриугена провел во Франции, куда был приглашен для перевода древнегреческих текстов на латынь, которая была в эпоху Средневековья языком международного общения. Уже пожилым человеком Эриугена приехал в Оксфорд, а в конце жизни стал аббатом одного из монастырей. Кончина его была трагической: он был убит и, возможно, самими монахами.

Эриугена прекрасно знал древнегреческий, читал древних авторов, и его собственная философия испытала влияние со сто-

роны античных мыслителей, особенно Платона и его последователей. Согласно Эриугене, вся природа может быть представлена как своеобразные ступени бытия:

1. *Природа творящая, но не сотворенная* — это Бог, которого никто не сотворил, но Он был вечно и создал мир.

2. *Природа сотворенная и творящая* — это Иисус Христос, Сын Божий, который хотя и сотворен Богом Отцом, но и сам творит. К этой природе относятся формы или прототипы всех реальных вещей (очень напоминает платоновские идеи).

3. *Природа сотворенная, но не творящая* — это мир вокруг нас, сотворенный Богом.

4. *Природа не творящая и не сотворенная* — это опять Бог, рассматриваемый теперь уже не как первоначало, из которого происходит все существующее, а как цель (или конечная причина), к которой все стремится в своем развитии.

Получалось, что *Бог — начало и конец развития мира, но он же и один из видов природы*, а такие взгляды ближе к пантеизму, чем к официальной католической религии. И действительно, сочинения Эриугены были объявлены ересью и осуждены.

А где же в этой природной иерархии место человека? Человек, по мысли Эриугены, принадлежит сразу двум природам: телесно он часть природы сотворенной, но не творящей (3), а духовно — природы сотворенной и творящей (2). У Эриугены есть очень изящное пояснение этой мысли: «Человек познает как ангел, умозаключает как человек, чувствует как лишенное разума животное, живет как растение». То есть, в человеке есть все — и божественная искра, и животные стремления и желания.

В решении вопроса о соотношении общего и единичного Эриугена был, конечно, *реалистом*: вторая природа, содержащая в себе «прообразы» вещей, дает существование видимому миру, значит, общее определяет единичное, оно более реально, чем изменчивые, возникающие и уничтожающиеся единичные предметы.

Одной из заслуг Эриугены было распространение наследия греческих мыслителей в латинских переводах. Поскольку в Средние века языком науки была латынь, а греческим мало кто владел, античных авторов знали только по цитатам в работах латинских отцов церкви, прежде всего Августина Блаженного. Причем для ранней схоластики было характерно обращение к традиции *платонизма*, в том числе, благодаря работам Эриугены.

Высокая схоластика

Если до конца XII в. преобладающее влияние на европейскую мысль оказывали Платон и его последователи, то в XIII в. усилилось влияние *Аристотеля*. Во многом это произошло благодаря взаимодействию Европы и арабского Востока.

Арабо-исламская философия

Дело в том, что в VIII — XI вв. на Востоке процветала мощная и своеобразная культура. Бурно развивались ремесла, торговля и мореплавание. Больших успехов достигла наука. Победоносные завоевательные войны арабов привели к тому, что в VIII столетии по размерам территории Арабский халифат превосходил былую Римскую империю и простирался от границ Индии до Испании, включая в себя Пиренейский полуостров, Египет, Палестину, Армению и др. В этом регионе в начале VII в. возникла еще одна *монотеистическая мировая религия* — ислам. Последователи этой религии стали называться *мусульманами* («муслимы» — преданные Аллаху). Здесь также началось логическое и философское исследование догматов, содержащихся в *Коране* (священной книге мусульман) и в VIII в. сложилась мусульманская схоластика. Этому отчасти способствовал тот факт, что в Коране имеются аяты (стихи), провозглашающие разум и знание основными добродетелями человека — без них нет настоящей веры. Подсчитано, что слова с корнем «*илм*» (знание, наука) в Коране встречаются около 750 раз. Разум, согласно Корану, — это божественный дар, который человек обязан употребить на познание пути благочестия.

Рядом с мусульманской схоластикой (а иногда и благодаря ей) развивалась арабская философия, которая чаще всего продолжала традиции Аристотеля. В странах арабоязычной культуры в эту эпоху Аристотель, основательно забытый в Европе, был признан мудрейшим и авторитетнейшим мыслителем и учителем, его сочинения были переведены на арабский язык, арабские ученые написали к ним ряд комментариев.

Аль-Фараби (870—950) — Второй (после Аристотеля. — *Авт.*) Учитель, как называли его арабы, автор многочисленных философских трудов. В одном из них — «Трактате о взглядах жителей добродетельного города» — он писал о некоем «Первом Сущем», который есть первопричина существования всего мира. Конечно, можно понимать «Первого сущего» как Бога, Аллаха, но в изложении Аль-Фараби «Первый Сущий» больше похож на абстрактного философского бога Аристотеля, его «Перводвига-

тель». Другой выдающийся арабский мыслитель — **Абу Али ибн Сина** (980—1037), известный в средневековой Европе как **Авиценна**, тоже был последователем Аристотеля. И так же, как и Аристотель, Авиценна был не только философом, но и ученым — выдающимся врачом (его прозвали «князь врачей»), математиком, астрономом. Бог для него, как и для Аристотеля, являлся прежде всего причиной движения. В одной из своих работ он даже предположил, что материальный мир так же вечен, как и Бог, так как причина и действие всегда существуют одновременно, и тогда получалось что Бог — активное, а материя — пассивное, но одинаково вечные начала бытия, как форма и материя в учении Аристотеля.

Несколько позже жил и создавал свои сочинения **Ибн Рушд** (1126—1198), которого в Европе называли **Аверроэсом**. Он был последовательным перипатетиком, про него даже говорили: «Аристотель объяснил мир, а Аверроэс — Аристотеля». Но он истолковал аристотелевскую философию в более материалистическом духе, чем все прочие. Так же, как и Аристотель, он рассматривал мир через призму соотношения формы и материи, но, в отличие от греческого философа, считал, что материя имеет преимущество по отношению к форме, так как она может принимать многие формы, изменяться. Причина этих изменений кроется в самой материи, движение — постоянно, не имеет ни начала, ни конца. Получалось, что аристотелевский Перводвигатель совсем ни к чему: у Аристотеля движение когда-то начиналось с «толчка» этого Перводвигателя, а у Аверроэса *движение было вечным*, как мир. Аверроэс отрицал и бессмертие индивидуальной человеческой души. Разумная душа человека, деятельность которой связана с памятью, воображением, убеждал Аверроэс, не может сохраниться после прекращения работы этих сил: «Материальный разум — это брэнное образование». Индивидуальная душа смертна, бессмертен лишь общечеловеческий, универсальный разум. Именно из-за таких кошунственных для той религиозной эпохи идей сочинения Аверроэса были внесены в список запрещенных католической церковью книг, но несмотря на это, Аверроэса тайком читали, переводили, он был известен не только на Востоке, но и в Европе.

Таким образом, в арабоязычной культуре античная философия сохранилась даже в большей полноте, чем в самой Европе. Сложилась парадоксальная ситуация: благодаря связям с арабами (торговым, политическим и др.) Европа как бы заново открыла для

себя Аристотеля: с середины XII в. начали появляться в переводах на латинский язык его забытые дотоле сочинения. Поэтому на следующем этапе развития христианской схоластики уже не платонизм, а аристотелизм стал точкой опоры для европейских мыслителей. *Аристотель стал признанным авторитетом*, и если в средневековом тексте встречалось слово «Философ», написанное с большой буквы, как имя собственное, — имелся в виду именно Аристотель. В конце концов философия Аристотеля (прежде всего, его учение о Перводвигателе) была истолкована в духе христианства, а сам греческий мыслитель был причислен к лику святых.

Доминиканцы и францисканцы

Апогеем христианской схоластики стало 13-е столетие, когда были созданы ее самые главные философские системы. В это время были образованы специальные монашеские ордена для борьбы с ересями и для проповеди христианского учения, среди них особенно выделяются *францисканский* и *доминиканский*. Задачи, поставленные ими, требовали от их членов солидной богословской и философской подготовки, в результате чего большое количество философских систем было создано именно в рамках этих орденов. *Доминиканцы* стали хранителями официальной церковной философии, большинство преподавателей богословия в европейских университетах принадлежали к ордену святого Доминика. Учрежденная в это же время церковью *инквизиция* (трибунал католической церкви для борьбы с ересями) тоже была фактически передана в руки этого ордена.

Францисканский же орден отличался тем, что его монахи жили не в монастырях, а «в миру», странствовали, проповедовали отказ от богатства и роскоши, чем снискали симпатии простого народа. В этом ордене тоже получили развитие философские и богословские исследования, в результате чего папа римский дал францисканцам право преподавания в университетах. Такие видные представители высокой схоластики, как **Фома Аквинский** (1221—1274), **Альберт Великий** (ок. 1193—1280), принадлежали к доминиканскому ордену, а **Бонаветура** (ок. 1217—1274), **Роджер Бэкон** (1214—1292), **Дунс Скот** (1266—1308) — францисканскому. Это было время великих философско-богословских споров. Если доминиканцы тяготели к *реализму* и доказывали зависимость философии от богословия, то францисканцы были склонны к *номинализму* и выступали за разделение сфер богословия и философии, что на деле означало ее освобождение от диктата церкви.

«Ангельский доктор»

Остановимся на фигуре **Фомы Аквинского**, поскольку именно его труды лежат в основе современного католического богословия. «*Томизм*» — от имени **Фомы Аквината**, которое в латинском написании выглядит как «*Thomas*» — был официальной философией Ватикана в Средние века, а сегодня католическая церковь стоит на позициях *неотомизма*, то есть видоизмененного, «продолженного» учения **Фомы Аквинского**. За свои заслуги перед церковью **Фома Аквинат** в 1323 г. был причислен к лику святых, а в 1567 г. был признан пятым великим учителем церкви. В 1879 г. его учение было объявлено «единственно истинной» философией католицизма.

Родом **Томазо** (на греческий лад — **Фома**) **Аквинский** был из Италии, происходил из знатной семьи, получил хорошее образование. Обучаясь в университете, он принял решение стать доминиканцем. Однако семья не одобрила его и, используя свое влияние, добилась того, чтобы **Томазо** посадили в тюрьму, — лишь бы помешать ему стать монахом. Но юноша не отступил от задуманного, а время в заключении использовал для написания своего первого философского трактата. Благодаря своим способностям, **Фома Аквинский** стал учеником известного мыслителя того времени **Альберта Великого**. **Фома** был молчалив, за что получил прозвище «немом буйвола». Говорят, что однажды после одного из блестящих выступлений своего ученика **Альберт** воскликнул: «Эти молчуны, называемые буйволами, взревет когда-нибудь так, что их услышит весь мир». Пророчество **Альберта** сбылось. После получения степени доктора теологии, **Фому** стали называть уже не «немым буйволом», а «ангельским доктором» — столь безупречны бывали его рассуждения. В 30 лет **Аквинат** стал профессором в Парижском университете. Здесь он заинтересовался трудами **Аристотеля**. Под влиянием систематического аристотелевского гения **Фома Аквинский** начал писать труд своей жизни — «*Сумма теологии*».

Целью учения **Аквината** было показать, что *разум и философия не противостоят вере*. Двигаясь к истине, разум может вступить в противоречие с догма-

Фома Аквинский

том веры. По мнению Фомы, в этом случае ошибается разум, так как в божественном Откровении ошибок нет. Но философия и религия имеют общие положения, поэтому *лучше понимать и верить, чем просто верить*. Есть истины, которые недоступны рациональному познанию, а есть истины, которые оно может постичь. Например, разум может свидетельствовать, что Бог есть (и в своих сочинениях Фома Аквинский пытался именно с помощью разумных, логических доводов доказать Его существование). Но к тем, кто не хочет и не может взять на себя труд познания, Бог проявил милосердие и спасительную предусмотрительность, приписав принять на веру и то, что способен исследовать рассудок. Каждый может быть причастен к Богу, даже если его интеллектуальные способности скромны.

Единство веры и разума у Фомы Аквинского достигалось в доказательствах бытия Бога. Они называются космополитическими, так как вывод существования Бога был сделан на основе свойств мира (космоса).

1. *Из понятия о движении.* Не подлежит сомнению и подтверждается чувствами, что в этом мире нечто движется. Но все, что движется, имеет источник движения. Следовательно, должен быть перводвигатель, так как не может быть бесконечной цепи движущих предметов. А перводвигатель — это Бог. (Это доказательство Аквината прямо опирается на философию Аристотеля и его учение о перводвигателе.)

2. *Из понятия производящей причины.* Каждое явление имеет причину. Но у причины тоже есть причина и так далее. Значит, должна быть верховная причина всех реальных явлений и процессов, а это Бог. (И опять видна переключка с аристотелевским учением о «форме всех форм».)

3. *Из понятия возможности и необходимости.* Люди видят, что вещи возникают и гибнут. Рано или поздно они перестают существовать. То, что стул, на котором вы сейчас сидите, существует — случайность с точки зрения мироздания, его могло бы и не быть. Но если все может быть, а может и не быть, то когда-нибудь в мире ничего не будет. Если это так, то уже сейчас ничего не должно быть. Но так как мир не исчез, значит, существующее случайно «подпитывается» чем-то необходимым. Такой абсолютно необходимой сущностью является Бог.

4. *Из различных степеней совершенства.* Люди считают одни вещи лучше других. Эта девушка красивее своей соседки, а этот юноша — умнее приятеля. Но с чем мы сравниваем? Где «мас-

штаб» для сравнения? Мы должны чувствовать, что есть «предел» каждого качества — совершенная красота, совершенный ум и т. д. Чем ближе вещь к этому пределу, тем она кажется нам лучше. Значит, есть то, что обладает этим предельным качеством, — это Бог. (А это доказательство напоминает по логике рассуждения диалоги Сократа.)

5. *Из целесообразности природы.* Все предметы, лишённые разума, устроены целесообразно. Крылья бабочки пригодны для того, чтобы летать с цветка на цветок, а орла — чтобы парить в вышине. Тигры полосатые, и их окраска помогает им скрываться в джунглях. Почему все так устроено? Поскольку сами предметы лишены разума, постольку их должен направлять некто, одаренный разумом. Значит, есть разумное существо, полагающее цель для всего, что происходит в природе. Это Бог.

Таким образом Фома Аквинский с помощью разумных доводов обосновал существование Бога. Правда, позднее Иммануил Кант нашел логическую ошибку в рассуждениях Фомы, но на протяжении долгого времени доказательства «ангельского доктора» казались безупречными.

Влияние Аристотеля прослеживалось и в политическом учении Фомы Аквинского. Государство, согласно этому учению, представляет собою некую часть универсального порядка, создателем и правителем которого является Бог. Вслед за Аристотелем Фома утверждал, что человек в отличие от животных руководствуется не инстинктом, а разумом, и это дает ему возможность организовывать общественную жизнь. Но эту взаимосвязь разума и социальной организованности Фома Аквинский возводит к божественным предустановлениям. Бог установил необходимость бытия человека как «политического животного», или «общественного существа», поэтому люди и живут в обществе.

И в классификации форм государственного правления Фома Аквинский следовал за Аристотелем. Он тоже выделил три «чистые» формы правления — *монархия, аристократия, полиция*, и три отклоняющиеся, «испорченные» формы: если несправедливое правление осуществляется одним человеком — это *тирания*, если несколькими — *олигархия*, если многими — *демагогия* (демократия). Все «чистые» формы правления приветствовались Аквинатом, но лучшей он считал *монархию*: один управляет лучше, чем многие, потому что в этом случае достигается единство воли правителя. К тому же то, что существует «по природе», устроено наилучшим образом, а управление в природе осуществляется од-

ним: среди множества частей тела существует одна, которая движет всем, а именно сердце, и среди частей души по преимуществу главенствует одна сила, а именно разум. Ведь и у пчел один царь, и у волков есть вождь стаи, и во всей Вселенной единый Бог, творец всего и правитель. И это разумно, считал Фома.

Целью человеческой жизни является достижение небесного блаженства, а к этой цели людей может привести только церковь. Значит, заключал Фома Аквинский, *высшая власть в обществе должна принадлежать не светским правителям, а духовным*, — прежде всего, наместнику Иисуса Христа на Земле, папе римскому, которому все цари и монархи должны подчиняться. Таким образом, Фома Аквинский обосновывал претензии Ватикана на политическую власть.

Не все представители высокой схоластики были согласны с Фомой Аквинским. Так, францисканец **Дунс Скот** не соглашался с тем, что философия должна существовать в единстве с богословием. Он считал, что области их исследований различны, а потому необходимо их размежевать. На деле это означало «эмансипацию» философии от теологии. Кроме того, он допускал бесконечность причинных связей (тогда аргумент Аквината о необходимости первопричины не срабатывал), да и по другим вопросам расходился с Аквинатом. Возникший спор «фомистов» и «скотистов» сыграл большую роль в развитии схоластики.

Поздняя схоластика

Ученые-францисканцы были среди первых, бросивших вызов официальной схоластике. Открытие университетов, обретение новых естественно-научных знаний, развитие общества приводило к тому, что нарастал протест против монополии церкви в духовной культуре. Политическая власть и богатство церкви (она за время Средневековья стала крупнейшим феодалом) вызывали осуждение, — стали слышны францисканские призывы к «апостольской бедности» (ведь, по словам Иисуса, удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие). Нарастала критическая волна по отношению к церковной политике, что привело к Реформации. В поздней же схоластике этот критический настрой отразился *в повороте философов к исследованию природы*, натурфилософии, о чем забыли так надолго после античности! XIV—XV вв. — время кризиса схоластики, связанного с отказом от ее основной идеи — гармоничного союза веры и разума, богословия и философии, рационального обосно-

вания веры. Последние великие схоласты Средневековья переходили на позиции теории *двойственной истины*. Что это за теория?

Есть *истины веры* и *истины разума* (отсюда и название — двойственная истина). Вера и богословие необходимы для спасения души, имеют практическое значение в человеческой жизни. Разум же пригоден для решения теоретических вопросов, где бессильны вера или церковный авторитет. Таким образом, философия и богословие отделялись друг от друга. Богословие оторвалось от критики ученых и философов, а философия предоставлялась полная свобода и независимость от богословия. Тем самым поздняя схоластика подготовила почву для перехода к новой культуре светского типа, к эпохе Возрождения, когда научно-философская мысль снова стала самостоятельной и творческой, освободилась от опеки церкви, перестала быть «служанкой богословия».

Одним из ярких представителей поздней схоластики стал францисканец **Уильям Оккам** (ок. 1280—1349). Он учился и преподавал в Оксфордском университете, где за мастерство полемиста его прозвали «непобедимый доктор». За свои сочинения он был признан еретиком, к тому же стал оппонентом папы римского в споре по проблеме богатства церкви, которое, по мнению Оккама, противоречило заветам апостольской бедности. Он резко критиковал папство: папы не безгрешны, они не являются наместниками Христа на земле. Духовная и светская власть должны существовать раздельно, так же, как философия и богословие, духовной власти нужно ограничиваться лишь церковными делами, религиозными проблемами. В результате Оккам был обвинен в ереси и арестован. Через четыре года бежал и поступил на службу к немецкому королю Людовику Баварскому, который тоже выступал против папы. Оккам написал королю: «Ты защищай меня мечом, а я тебя пером». Папа отлучил Оккама от церкви, его воззрения были запрещены к преподаванию и цитированию.

В своих взглядах Оккам защищал *номинализм*, то есть признавал реальное существование единичных предметов, все же остальное считал лишь порождением ума. Последовательный номинализм приводил к необходимости исследования природы вокруг нас вместо абстрактных споров об общем и универсальном. Оккам выступал против любых попыток доказать догматы веры с помощью разума, он был убежден, что это невозможно. В Бога надо просто верить, а любые попытки использовать логику для обоснования Его существования обречены на провал.

Философия и наука должны заниматься не Богом, а природой. Такие взгляды расчищали дорогу развитию новой философии.

Этому также способствовал знаменитый принцип, названный впоследствии «бритвой Оккама» (благодаря этой самой бритве он известен даже среди людей, далеких от философии). Суть правила, сформулированного британским философом, выглядит так: «Сущности не следует умножать без необходимости». Что это означает? По сути, это своеобразный призыв к «экономии мышления» в процессе познания и действия, к тому, чтобы выбросить за борт все лишнее, не имеющее прямого отношения к рассматриваемому предмету. Если цветок в саду завял после неожиданного заморозка, понижение температуры будет достаточной причиной объяснения произошедшего: не стоит рассматривать гипотезы о злых духах, посетивших ночью ваш сад, или о ядовитой подземной реке, проходящей под корнями растения. Если мы говорим об окружающем нас мире, то для его объяснения вполне достаточно рассматривать реальные предметы, и не зачем рассуждать о «конечной причине бытия» или «перводвигателе». Кстати, именно этот оккамовский подход помог утверждению гипотезы Галилея: представлять себе Солнце в центре, а Землю — вращающейся вокруг него, оказалось «экономнее»: объяснение многих астрономических явлений (затмений, приливов и т. п.) не требовало уже сложных построений и допущений, а напрямую вытекало из гелиоцентрической картины мира.

Итак, схоластика стала очень важным этапом развития западной мысли. Несмотря на религиозный характер философии в Средние века и ее зависимость от богословия, преемственность идей не была нарушена: схоласты по-новому поставили многие проблемы античной философии, предложили новые решения вечных вопросов. Время схоластики — время блестящего расцвета логики, онтологии, философии языка, других философских дисциплин. Искусство доказательства, ведения философских споров было доведено до совершенства. Почему же тогда термины «схоластика» и «схоластический» часто употребляются в пренебрежительном значении? Почему сегодня, слушая запутанный доклад о чем-то чрезвычайно далеком от жизни, слушатель, зевая, скажет соседу: «Схоластика какая-то»? Увы, всякая медаль имеет две стороны. Схоластика способствовала развитию логики; споры, диспуты схоластов «отшлифовали» логический аппарат исследователей, причем, как правило, эти споры велись по очень существенным, важным философским проблемам (вспом-

ните спор об универсалиях). Но иногда это были споры ради споров, целью которых было лишь доказательство умения вести дискуссию и отстаивать свою позицию. Диспуты входили в обязательную программу обучения в университетах. И для обсуждения на таких диспутах часто выбирались псевдопроблемы, например: «Сколько ангелов помещается на кончике иглы?». Вот за это-то переливание из пустого в порожнее слово «схоластика» получило негативный оттенок.

Вопросы и задания

1. Почему в Средневековье философия стала «служанкой богословия»?
2. Что такое схоластика? Как решался схоластами вопрос о соотношении веры и знания?
3. Какие этапы в развитии схоластики принято выделять? Назовите характерные черты каждого из этапов.
4. Почему слово «схоластика» имеет негативный оттенок?
5. Спор об универсалиях — это спор о чем? Каково его философское содержание? Какие решения вопроса об универсалиях были предложены схоластами?
6. Что такое номинализм и реализм? Назовите известных вам представителей номинализма и реализма. Как вы думаете, кто из них был прав?
7. Что было характерно для арабской средневековой философии? Каких представителей этой философской традиции вы знаете?
8. Как решал вопрос о соотношении веры и знания Фома Аквинский?
9. Как Фома Аквинский доказывал существование Бога?
10. Что такое теория «двойственной истины»? Как вы считаете, каково значение этой теории для развития человеческой мысли?
11. Как вы понимаете, что такое «бритва Оккама»?

3.3. Философия эпохи Возрождения

На что следует надеяться в божественных делах, — этот вопрос предоставим ангелам... Небожители должны обсуждать небесное, мы же — человеческое.

Франческо Петрарка

В конце XIV в. в Европе наступает один из самых ярких и плодотворных периодов в истории человеческой культуры — эпоха Возрождения (Ренессанс). Хотя эта эпоха затронула

практически все европейские страны, классической страной Возрождения, его родиной явилась Италия. Хронологические рамки этой эпохи — *конец XIV—XVI столетия*. Сами деятели Ренессанса противопоставляли свою эпоху темноте и невежеству Средневековья. Но речь шла все-таки не только о распространении грамотности, книгопечатании, зарождении наук. Средние века не были «дыркой» в истории, — мы уже знаем, что и тогда человеческая мысль не остановилась в своем стремлении познать мир. Эпоху Возрождения отличал от Средневековья прежде всего переворот в системе ценностей, в оценке мира, человека, знания. Если Средние века можно назвать временем **геоцентризма** — Бог (гр. *theos*) был в центре всех рассуждений о мире, то Ренессанс стал периодом **антропоцентризма** (гр. *anthrōpos* — человек), то есть именно человек интересовал мыслителей и философов, именно его они изучали и исследовали. Эта эпоха стала гимном красоте человеческого тела и силе человеческого разума.

Общая характеристика философии эпохи Возрождения

Такой взгляд на человека обусловил важнейшую черту культуры Ренессанса — развитие **индивидуализма**. Под индивидуализмом понимают такое *мировоззрение, в котором интересы индивиду, отдельной личности объявляются высшей ценностью*. Конечно, это проявилось и в философии. Человек стал основным предметом ее исследования.

Философия отделилась от богословия и заговорила о земных делах. Культура в целом стала носить **светский**, а не церковный характер. В этой связи обращает на себя внимание высказывание Козимо Медичи — правителя Флоренции: он говорил, что упадет тот, кто на небе ищет опоры для лестницы своей жизни, и что он лично всегда укреплял ее на земле. Разумеется, господствующее в обществе мировоззрение носило религиозный характер, католическая церковь все еще не утратила своего влияния, горели еще костры инквизиции, но, вместе с тем, снова появилось свободное, независимое, не связанное никаким безусловным авторитетом философствование, которое подвергало критике схоластику.

Отчасти это было вызвано тем, что эпоха Возрождения **обратилась к античности**. Ведь само ее название говорит о том, что что-то возрождалось. Но что? Античные образцы! И в искусстве, и в философии очевиден жгучий интерес к античному прошлому.

Казалось бы, с античной традицией не порывало и Средневековье. Да, это так. Но в Средние века цитировались и изучались лишь отдельные произведения отдельных философов, которые могли быть истолкованы в духе христианства: все прочее было либо забыто, либо находилось под запретом. Во время Ренессанса античное философское наследие восстанавливалось и осваивалось в полном объеме, — возрождались забытые в Средние века античные философские школы (особенно популярным стал эпикуреизм и неоплатонизм), заново переосмысливались учения Платона и Аристотеля — они освобождались от схоластической оболочки, тексты древних авторов стали переводиться на национальные европейские языки. Более того, впервые делались попытки превзойти античность (самого Философа — Аристотеля) и создать принципиально новое объяснение мира.

Философия вновь обрела **связь с естественно-научными исследованиями**. Великие географические открытия раздвинули горизонты человечества. Коперник перевернул привычную картину мира и в буквальном смысле слова дал ей другой центр. Благодаря развитию ремесла появилась масса новых эмпирических данных, из-за которых рушились прежние непререкаемые авторитеты. Наука постепенно утрачивала книжный характер и обращалась к *опыту*, к самостоятельному изучению действительности. В это время становился господствующим тезис, что в основе знания должны лежать ощущения, то, что мы сами чувствуем в процессе исследования. У истоков такого опытного, *эмпирического* (от гр. *empeiria* — опыт) подхода к действительности стоит фигура не только величайшего художника, но и естествоиспытателя Ренессанса **Леонардо да Винчи** (1452—1519). Он отвергал любое, не опирающееся на непосредственное изучение природы, знание — даже если оно получено из Священного Писания или подкреплено авторитетом выдающихся схоластов. «Мыслимые вещи, не прошедшие через ощущение, пусты и не порождают никакой истины, разве только обманчивую», — писал он.

К XV в. европейская наука превосходила по своему уровню античную. Связь философии и развивающегося естествознания в эпоху Возрождения проявилась в возрождении **натурфилософии** (философии природы). Это вызывалось и обращением к античности, где натурфилософия была чрезвычайно развита, и попытками философски осмыслить новую информацию, полученную людьми о мире. Системы выдающихся мыслителей того време-

ни — Джордано Бруно, Николая Кузанского, Томмазо Кампанеллы — носили натурфилософский характер.

Натурфилософия Ренессанса, как правило, имела *пантеистический* характер. Отождествление Бога и природы делало возможным изучение природных процессов в условиях господства религиозного мировоззрения. Природа из низшей реальности, «подножья Божьего трона», превратилась в проявление Бога, Его сути.

Все эти черты ренессансной философии проявились и в *гуманизме* — важном явлении той эпохи, получившем свое развитие и в Новое время.

Гуманизм

Термин «гуманизм» (лат. *humanus* — человеческий) употребляется еще в I в. до н. э. выдающийся римский оратор Цицерон (106—43 до н. э.). Для него *humanitas* (человечность) — это воспитание и образование человека, способствующее его возвышению. В совершенствовании духовной природы человека основная роль отводилась таким дисциплинам, как грамматика, риторика, поэзия, история, этика. Именно эти дисциплины получили название «*studia humanitatis*» (*гуманитарные дисциплины*).

В широком смысле слова, гуманизм представляет собой образ мышления, который провозглашает идею блага человека главной целью социального и культурного развития и отстаивает ценность человека как личности. В такой трактовке этот термин употребляется и в наше время. Но как целостная система взглядов и мощное течение общественной мысли гуманизм возник в эпоху Возрождения.

Родоначальником гуманизма единодушно считается поэт и философ Франческо Петрарка (1304—1374). Он был не только автором всемирно известных сонетов, посвященных его возлюбленной Лауре, но и выдающимся мыслителем своего времени. В его творчестве можно найти начало многих путей, которыми шло развитие ренессансной культуры в Италии. Он решительно отвергал схоластическую ученость, ибо считал такую ученость совершенно бесполезной для человека. Сократ не заканчивал университет, а Платон не имел степени доктора богословия, схоластическое университетское образование только притупляет мысль, считал Петрарка. У него есть сатирическое описание того, как в средневековых университетах присуждали ученую степень: «Наше время счастливее древности, так как теперь насчи-

тывают не одного, не двух, не семь мудрецов, но в каждом городе их, как скотов, целые стада. И неудивительно, что их так много, потому что их делают так легко. В храм доктора (в университет. — *Авт.*) приходит глупый юноша, чтобы получить знаки мудрости; его учителя по любви или по заблуждению прославляют его; сам он чванится, толпа безмолвствует, друзья и знакомые аплодируют. Затем... он всходит на кафедру и, смотря на всех с высоты, бормочет что-то непонятное. Тогда старшие наперебой превозносят его похвалами, как будто он сказал что-то божественное... По совершении этого с кафедры сходит мудрецом тот, кто взшел на нее дураком, — удивительное превращение, неизвестное даже Овидию (у Овидия ослы иногда превращались в людей. — *Авт.*)».

По убеждению Петрарки, прийти к новому расцвету литературы, искусства, науки позволит не слепое подражание мыслям замечательных древних предшественников, а стремление переосмыслить традицию и в чем-то превзойти ее. Эта линия, намеченная Петраркой, стала ведущей в отношении гуманизма к античному наследию.

Петрарка считал, что содержанием подлинной философии должны стать науки о человеке, и во всем его творчестве звучит призыв переориентировать философию на этот достойный объект познания. Причем ценность человеческой личности для гуманистов определялась не происхождением или социальной принадлежностью, а личными заслугами и поступками человека.

Новой идеей, высказанной гуманистами, было положение, что Бог (вопреки церковной догме) не создал человека по своему образу и подобию в «готовом виде», но предоставил ему возможность творить самого себя. Например, известный итальянский гуманист Джованни Пико делла Мирандола (1463—1494) писал, что достоинство человека заключено в его свободе: *он может стать тем, кем пожелает*. Прославляя мощь человека и его величие, восхищаясь его удивительными творениями, мыслители эпохи Возрождения (которые, конечно, были не атеистами, а верующими людьми) неизбежно приходили к сближению человека с Богом. «Человек укрощает ветры и побеждает моря, знает счет времени... Кроме того, он с помощью свечей ночью превращает в день», руки человека творят чудеса, — все это говорит о его «божественности». Философия гуманизма возвышала человека, подчеркивала его «соразмерность» Богу.

Эпоха Возрождения и Реформация

Начиная с конца XV в. нарастал серьезнейший кризис римско-католической церкви, который нашел свое выражение в движении Реформации, захватившем практически все европейские страны. Под **Реформацией** (от лат. *reformatio* — преобразование) понимают *религиозное социальное движение XVI в. в Европе, направленное на кардинальное изменение традиционных форм религиозной жизни в римско-католической церкви*. Предметом особого возмущения верующих стала продажа индульгенций — грамот, свидетельствующих об отпущении грехов. Имея деньги, можно было купить отпущение грехов даже за будущий проступок. Одним из главных идеологов Реформации стал немецкий богослов **Мартин Лютер** (1483—1546), который в 1517 г. вывесил свои знаменитые «95 тезисов против индульгенций» прямо на дверях церкви в Виттенберге. Эти тезисы имели огромный резонанс. Они послужили мощным стимулом для выступлений против официальной церковной идеологии, дав движению за обновление веры и против папства теоретическое обоснование.

Идеологи Реформации выдвинули новую концепцию церкви, *устранявшую противопоставление духовенства и мирян*. Фактически отрицалась необходимость католической церкви с ее сложной и разветвленной иерархией: реформаторы отстаивали мысль о том, что верующему не нужны посредники для общения с Богом. *Единственным источником религиозной истины провозглашалось Священное Писание*, в то время как для католической церкви непререкаемым авторитетом были еще и постановления Вселенских соборов, и суждения римских пап. Реформаторы рассуждали иначе: Библию может толковать каждый, не только Августин Блаженный или папа римский, но все эти истолкования являются только человеческими попытками понять божественную истину, значит, они могут содержать ошибки. Еще одним важным моментом была *критика папской власти*: главой истинных христиан является не папа римский, а Иисус Христос.

Эти основные тезисы Реформации были восприняты повсюду в Европе. Революционная критика и атака на монопольное положение католической папской церкви проявились с разной степенью интенсивности во всех странах католической Европы. Дело Мартина Лютера было подхвачено швейцарским священником **Ульрихом Цвингли** (1484—1531), французским богословом **Жаном Кальвином** (1509—1564) и другими реформаторами. В Европе разразилась настоящая война между сторонниками католи-

цизма и его критиками (вспомните хотя бы Варфоломеевскую ночь, когда в Париже были буквально вырезаны тысячи гугенотов, сторонников кальвинизма, или крестьянские войны в Чехии под руководством Яна Гуса). Результатом движения Реформации стал *раскол римской церкви в XVI в. и создание новой разновидности христианства — протестантизма*.

Протестантизм изначально не являлся единым. Пуритане, кальвинисты, лютеране, анабаптисты и другие — все эти протестантские движения отличались друг от друга, но их объединяло неприятие положения дел в католической церкви: вопиющие злоупотребления духовенства, безнравственные поступки пап, формализм по отношению к верующим, накопление богатств церковью и т. п. В конечном итоге, сложилось три основные формы протестантизма: *лютеранство* (получило преобладающее влияние в Германии, Скандинавии, Прибалтике), более радикальный *кальвинизм* (распространился прежде всего в Швейцарии, Голландии, Франции) и *англиканство* (стало господствующей религией в Англии). Затем возникали и другие протестантские церкви, некоторые сложились совсем недавно, например, баптисты, мормоны, методисты, квакеры и др. И процесс этот еще не завершился, новые версии протестантизма появляются и сегодня.

В протестантизме отсутствует различие между священником и любым другим верующим; так, священник не имеет права исповедовать и отпускать грехи. В протестантских церквях нет такого пышного убранства, как в католических, нет статуй, святых мощей, икон, колоколов и т. п. Богослужение в протестантизме упрощено, оно проводится на национальном языке (а не на латыни). Монашество и обет безбрачия (обязательный для всех католических священников), отменены как противоестественная традиция. Человек не должен, как монахи, бежать от мира, наоборот, ему следует добросовестно исполнять свое земное призвание. В морали протестантизма отразились процессы постепенного становления буржуазного общества, *протестантская этика* в упрощенной форме может быть сведена к положению «*молись и работай*», то есть будь деятелен, расчетлив, бережлив, скромнен и прост в жизни. Успех в деле, богатство и карьера — признак призванности к этому делу Богом. Всякое занятие, если его польза не вызывает сомнений, может рассматриваться как святое дело. Протестантизм упразднил многие таинства, оставив только крещение и причащение. Библия была переведена на на-

циональные языки, ее изучение и толкование стало важнейшей обязанностью всех верующих. Конечно, мы перечислили здесь не все «новшества», привнесенные протестантизмом в религиозную жизнь, но и названного уже достаточно для того, чтобы понять: в результате Реформации сложилась еще одна — третья после православия и католицизма — ветвь христианства.

А как Реформация была связана с Возрождением? Отношения Реформации и Ренессанса противоречивы. С одной стороны, гуманистов Возрождения и представителей Реформации роднила глубокая неприязнь к схоластике, жажда религиозного обновления, идея возврата к истокам (в одном случае — к античным образцам, в другом — к евангельским идеалам бедности и чистой веры). Реформаторы, критикуя римскую церковь и отстаивая точку зрения, согласно которой дело собственного спасения находится в руках каждого человека, продолжали дело мыслителей Ренессанса. Ведь для мировоззрения эпохи Возрождения тоже был характерен идеал освобождения индивида, его активности, ответственности за свою судьбу. С другой стороны, Реформация — это протест против ренессансного возвышения человека. Для лютеранства, например, был характерен отказ от гуманистических ценностей: человеческий разум слаб, он ничтожен, спасти человека может только вера. Поэтому для раннего протестантизма типично не столько возвышение человека в духе Ренессанса, сколько обоснование его полной зависимости от Бога.

Натурфилософия эпохи Возрождения

Еще один сокрушительный удар по схоластическому мировоззрению, наряду с гуманизмом и Реформацией, нанесло развитие естествознания, которое в XVI в. добилось значительных успехов. Стремление к познанию природы нашло отражение в творчестве Леонардо да Винчи, Николая Коперника (1473—1543), Иоганна Кеплера (1571—1630), Галилео Галилея (1564—1642). Их исследования способствовали не только изменению образа мира, но и представлений о науке, об отношении между теорией и практикой. Уже упоминавшийся Леонардо да Винчи писал: «Наука — полководец, а практика — солдаты».

Конечно, одним из самых крупных достижений естествознания этого времени было создание польским астрономом Николаем Коперником *гелиоцентрической системы* мира. Это было революцией, опровергнувшей существовавшую более тысячи лет геоцентрическую картину мироздания. Успехи в развитии есте-

ствознания в немалой степени определили и характер философских размышлений. Ведущим направлением философской мысли XVI в., как мы уже сказали, становится *натурфилософия*.

Новый взгляд на космос был отчасти подготовлен натурфилософским учением крупнейшего мыслителя Николая Кузанского (1401—1464), родившегося в Германии в городке Куза. Несмотря на то, что он сделал блестящую церковную карьеру — стал кардиналом римско-католической церкви, его учение о безграничности космоса ставило под сомнение богословско-схоластические представления о Вселенной. В отличие от других гуманистов Николай Кузанский изучал математику и естествознание и создал своеобразный христианский *натуралистический пантеизм*. Мир существует в Боге и Бог существует в мире, а поскольку Бог бесконечен, то и мир — *безграничен*. Так началась великая революция в мировоззрении европейцев — преодоление аристотелевско-птолемеевской геоцентрической картины мира. Бог в философии Николая Кузанского не является чем-то находящимся вне мира, а пребывает в единстве с ним, Он содержит мир в себе.

Бесконечность мира привела Николая Кузанского к мысли о бесконечности процесса познания. Одна из его работ называлась «*Об ученом незнании*»: сколько бы ни открывали для себя люди закономерностей природы, их знание всегда будет ученым незнанием, потому что еще больше неизведанного остается впереди.

Натурфилософия итальянского мыслителя Джордано Бруно (1548—1600) тоже исходила из тезиса о *бесконечности* Вселенной: «Она никоим образом не может быть охвачена и поэтому неисчислима и беспредельна, а тем самым бесконечна и безгранична...». Эта Вселенная не сотворена, она существует вечно и не может исчезнуть. Вселенная в целом — неподвижна, «ибо ничего не имеет вне себя, куда бы могла переместиться, ввиду того, что она является всем». В самой же Вселенной происходит непрерывное изменение и движение. Обращаясь к характеристике этого движения, Бруно указывает на его естественный характер. Он отказывается от аристотелевской идеи перводвигателя, то есть Бога: «Бесконечные миры... все движутся вследствие внутреннего начала, которое есть их собственная душа... и вследствие этого напрасно разыскивать их внешний двигатель». Джордано Бруно считал, что существует бесчисленное множество миров. И у каждого мира есть свой центр — его Солнце.

Бруно тоже был пантеистом, потому что природа и Бог у него совпадали. Он утверждал, что природа есть Бог в вещах, Бог не противостоит миру как его Творец, а находится в самой природе как внутреннее деятельное начало.

Как вы знаете, Бруно был обвинен в ереси. Вынужденный покинуть Италию, он жил во Франции, Англии, Германии. Обладая удивительной памятью, давал уроки «мнемонического искусства» (искусства запоминания). Когда Бруно получил приглашение дать такие уроки богатому итальянцу, он вернулся в страну, но был схвачен и брошен в тюрьму. Несмотря на ослабление влияния католической церкви, инквизиция еще действовала, и после 8-ми лет тюремного заключения Джордано Бруно был сожжен в Риме на площади Цветов.

Социально-философская мысль эпохи Возрождения

Происходящие во время Ренессанса изменения коснулись не только взглядов людей на природу, но и на общество. Здесь можно выделить две основные тенденции изменений — с одной стороны, это попытка философов эпохи Возрождения посмотреть на общественную жизнь с точки зрения реальности с ее войнами, столкновениями интересов правителей и групп людей, человеческим эгоизмом и враждой, а с другой — стремление дать обществу новый идеал справедливой общественной жизни. Если первая тенденция нашла свое выражение в творчестве таких мыслителей, как Никколо Макиавелли (1469—1527) и Франческо Гвиччардини (1483—1540), то вторая полнее всего проявилась в утопиях Томаса Мора (1478—1535) и Томмазо Кампанеллы (1568—1639).

Макиавелли приобрел дурную славу благодаря своей книге «Государь». По сути же, этот итальянский дипломат, политик, писатель, философ создал новый тип политической теории: он исходил не из рассуждений о морали, добре, справедливости, а из трагической социальной реальности, анализировал не то, что должно быть, а то, что есть на самом деле. Опираясь на исследования истории, он пришел к выводу, что самый могущественный стимул деятельности человека — *интерес*, главным образом, интерес сохранения и приумножения собственности. Сначала собственность, а затем уже совесть и честь, — с горечью и пессимизмом констатировал он. Люди эгоистичны, для них своя рубашка всегда ближе к телу. Такова *человеческая природа*.

Неискоренимый эгоизм человеческой природы требует сильной государственной власти, устанавливающей порядок путем насилия и принуждения. *Сила есть основа права*, — эта мысль Макиавелли оказала большое воздействие как на теорию, так и на практику государственного управления. (Муссолини, например, не расставался с томиком Макиавелли и считал, что многое почерпнул у этого автора.) В политический обиход вошел термин «*макиавеллизм*» как синоним безнравственной политики. Действительно, в своей книге Макиавелли дает необычные советы государям: когда можно дать обещание и не сдержать его, в каком случае лучше истребить захваченный народ, как лучше устранить конкурентов (иногда — физически) на пути к власти и т. п. Отсюда и пошла дурная слава. Но внимательный читатель увидит, что не так все просто в этой вызывающей споры книге. Дело в том, что, с точки зрения итальянского мыслителя, *общее благо народа превышает все*, именно достижение такого блага и оправдывает любое насилие, обман, ложь. То есть цель оправдывает средства. Цель же — не в разрушении, а в созидании. Макиавелли мечтал о *сильном национальном государстве* (и думал при этом прежде всего о своей любимой Италии, тогда раздробленной и не способной противостоять захватчикам). «Следует знать, — писал Макиавелли, — что, когда на весы положено спасение родины, его не перевесят никакие соображения справедливости или несправедливости, милосердия или жестокости, похвального или позорного, наоборот, предпочтение во всем следует отдать тому образу действий, который спасет ее жизнь и сохранит свободу.»

Таким образом, Макиавелли впервые *предложил оценивать политику не с точки зрения морали, а по ее эффективности*: что толку в нравственных проповедях, если с их помощью нельзя решить проблему! Люди злы, эгоистичны, из уважения к справедливости они не станут вести себя лучше. Поэтому ради благородной цели объединения нации их можно и заставить, и припугнуть суровыми наказаниями, и обмануть — цель-то благородная! Любая политика жестока, так уж пусть эти жестокости служат благородному делу, рассуждал Макиавелли. «*Целесообразная жестокость*», — вот что предлагал этот политический философ. К сожалению, история человечества дала нам много примеров того, как использование безнравственных средств для достижения благородной цели видоизменяет и саму цель, трансформирует ее. Недаром говорят: благими намерениями выложе-

на дорога в ад. Но заслуга Макиавелли была в том, что он ясно показал: политика и мораль — это разные вещи, иллюзорны попытки строить политику только на требованиях нравственности. Увы, он был прав.

Другим типичным для Ренессанса направлением общественной мысли стало построение различных утопий. И первая из них принадлежит английскому мыслителю и политическому деятелю **Томасу Морю**, основоположнику *утопического коммунизма*. Он написал замечательное произведение с длинным названием: «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии». Употребив в названии слово «утопия» (от гр. *и topos* — «место, которого нет»), Мор ясно дал понять, что описал он воображаемое, а не реальное государство. Хотя внешне сюжет выглядел вполне реально: некий мореход, долго не бывший в Англии, вернулся на родину и увидел, как все изменилось в его отсутствие в худшую сторону. Книга содержала описание общественной жизни Англии эпохи *первоначального накопления капитала*: процессы огораживания, когда крестьян сгоняли с земли и они становились бродягами; повешенные вдоль дороги (по законам против бродяжничества пойманного во второй раз «бомжа» ждала виселица); коррупция чиновников, думающих о своих выгодах, а не о государственном процветании и т. д. Первая часть книги завершилась выводом Мора о том, что всему этому виной была *частная собственность*.

Во второй части описывалась идеальная жизнь неких счастливых островитян, с которой мореход познакомился во время своих странствий. На острове Утопия не было частной собственности, все трудились, а произведенные продукты распределялись в зависимости от потребностей людей. В построении своей утопии Мор опирался на учение и практику раннего христианства с его общностью имущества и на теорию идеального государства Платона. В коммунистическом обществе трудятся все, ибо апостол Павел сказал: «не трудящийся да не ест». Всеобщий свободный труд обеспечивает изобилие вещей, которые учитываются и распределяются централизованно, поэтому нет ни бедных, ни богатых.

Такой порядок на острове возник благодаря мудрому правителю Утопу: случайно обнаружив остров, где жили миролюбивые дикари, он с «чистого листа» и создал столь идеальное общество. Правда, Мор и сам не знал, как внедрить свои идеи в жизнь, зато точно знал, что не надо внедрять: он был против насилия, восстаний, революций, крови, считая, что в результате таких

массовых беспорядков ничего хорошего не получится, в лучшем случае установится *уравнительный коммунизм*, а он ему вовсе не импонировал. В его идеальном обществе люди получали по потребностям, а не поровну, ведь потребности у людей разные, уравнительность привела бы к несправедливости. (Подумайте, почему равное распределение несправедливо?)

Жизнь Томаса Мора закончилась трагически: он сделал головокружительную карьеру — был шерифом Лондона, председателем палаты общин английского парламента, занял высший государственный пост лорда-канцлера, однако затем попал в немилость к королю, когда отказался присягнуть ему как главе англиканской церкви, будучи сторонником верховной власти папы. Его обвинили в измене, заточили в крепость Тауэр, а через три года казнили. Но в истории человеческой мысли он останется навсегда как автор книги, выразившей гуманистический идеал справедливого общества.

Завершая рассмотрение философских исканий эпохи Возрождения, необходимо отметить, что два с половиной столетия ренессансной культуры стали большим шагом вперед от средневековой культурной традиции и переходом к философии Нового времени. Они ознаменовались созданием новой картины мира, иного понимания человека и общества, восстановлением связей с античным прошлым. Человек вновь стал центром философских размышлений, способность к творчеству ставила его вровень с Богом, а земная жизнь стала рассматриваться не только как юдоль печали и страданий, но и как время свершений.

Вопросы и задания

1. Каковы хронологические рамки эпохи Возрождения? Почему эта эпоха получила такое название?
2. Что такое теоцентризм и антропоцентризм? Почему для философии эпохи Возрождения свойственен антропоцентризм?
3. Что такое гуманизм? Каких представителей гуманизма вы знаете? Расскажите о них.
4. Какие особенности были присущи философии эпохи Возрождения?
5. Что такое Реформация? С чего она началась? Какие идеи были выдвинуты реформаторами?
6. В чем проявлялся пантеизм натурфилософии эпохи Возрождения?
7. Как вы понимаете, что такое «ученое незнание» Николая Кузанского?

8. Почему книга Н. Макиавелли «Государь» вызвала неоднозначную оценку? В чем вы согласны с Макиавелли, а в чем — нет?
9. Одной из утопий эпохи Возрождения является утопия Томазо Кампанеллы о городе Солнца. Найдите материал о его учении в книгах, справочных пособиях, Интернете и расскажите, чем отличалась его утопия от утопии Томаса Мора. Почему коммунизм Кампанеллы часто называют «казарменным»? В каком обществе вы сами предпочли бы жить — созданном по рецептам Мора или Кампанеллы?

3.4. Философия Нового времени

Новое время охватывает в истории человечества три столетия — с XVII по XIX в. Условно началом этого периода считается английская буржуазная революция, с которой происходит становление индустриального общества. Эпоха заводов, фабрик, урбанизации, могущественной техники породила и современную науку. С точки зрения мировоззрения, Новое время продолжило идеи эпохи Возрождения, но центральной проблемой нововременной философии был уже не человек, а человеческий разум, его возможности и горизонты. Если Ренессанс можно назвать временем господства антропоцентризма в философии, то философская мысль Нового времени *научоцентрична*. Вера в прогресс, просвещение, науку, власть человека над природой наиболее характерны для этой эпохи.

3.4.1. Поиски метода: рационализм и эмпиризм

*Истина есть дочь времени,
а не авторитета.*

Фрэнсис Бэкон

Становление науки в ее современном виде происходило в Новое время. Именно поэтому мыслителей той эпохи так захватывала идея построения «правильной» науки, способной дать человечеству истинные знания. Но как должна выглядеть такая наука? Каким методом познания должны пользоваться люди, чтобы избежать ошибок? Что является критерием истины? На эти вопросы давались различные ответы, но в конечном счете все их многообразие выразили две основные тенденции. Первая: наука должна опираться на опыт, базироваться на нем. Для науки исключительную ценность представляют на-

блюдение и эксперимент. Такой подход получил название *эмпиризма*. **Эмпиризм** — *гносеологическая установка, направление в теории познания, считающее главным источником и критерием истинности научных утверждений опыт, совокупность чувственных данных*. Этому подходу противостоял другой, выведивший познание не из опыта, а из человеческого разума. От латинского слова «*ratio*» — разум такая установка получила название *рационализма*. **Рационализм** — *направление в теории познания, считающее разум основой познания и критерием истинности научных положений*. В определенном смысле вся философия Нового времени была своеобразным диалогом, спором эмпиризма и рационализма. У истоков этих направлений гносеологии (теории познания) стоят два мыслителя — **Фрэнсис Бэкон** (1561—1626) и **Рене Декарт** (1596—1650). С их философских систем мы и начнем свой рассказ об этой эпохе.

Фрэнсис Бэкон: познание и опыт

Родоначальником эмпиризма и основателем опытной науки Нового времени считается английский философ Фрэнсис Бэкон. Он окончил Кембриджский университет и посвятил себя политической деятельности. Король Яков I покровительствовал Бэкону, и его восхождение по карьерной лестнице было довольно быстрым. Став бароном Веруламским и виконтом Сент-Олбанским, он занял одну из высших должностей — лорда-хранителя королевской печати, а затем и лорда-канцлера. Возвышение Бэкона, его сильное влияние на короля, власть, которой он реально обладал и часто использовал в своих личных интересах, привели к нарастающему конфликту между ним и парламентом. В 1621 г. Бэкон был привлечен к суду по обвинению во взяточничестве, осужден и отстранен от всех должностей. Вскоре он был помилован королем, но на государственную службу не вернулся, полностью посвятив себя научной и литературной работе. В своем поместье он проводил самые различные опыты и умер, простудившись, когда набивал курицу снегом, чтобы доказать, что холод обеспечивает сохранение мяса от гниения и тем самым продемонстрировать силу разрабатываемого им экспериментального научного метода.

Фрэнсис Бэкон

Построение новой науки: поиски метода познания

Фрэнсис Бэкон предложил обширную программу перестройки науки. Он считал Средневековье временем невежества и научного застоя, поэтому поставил перед собой задачу «*великого восстановления наук*». Отправной точкой для решения этой задачи у Бэкона стала предложенная им новая *классификация наук*. Бэкон выделил основные способности человеческой души: *память, воображение* (фантазия), *разум*. Соответственно этим способностям им были выделены и научные дисциплины: *история, поэзия, философия*. Причем в область философии Бэкон включал любое теоретическое осмысление природы (физику, астрономию и т. п.). Высшей задачей всех наук, согласно Бэкону, является *господство над природой* и усовершенствование человеческой жизни. Критерием успехов наук являются, по Бэкону, те *практические результаты*, к которым они приводят: «Плоды и практические изобретения суть как бы поручители и свидетели истинности философии», — писал ученый.

Бэкон различал в науке два вида опытов: *плодоносные и светоносные*. Плодоносные опыты, — это те, которые приносят непосредственную пользу человеку; светоносные — те, цель которых состоит в познании глубинных связей природы, законов явлений, свойств вещей. Бэкон считал второй вид опытов более ценным, так как без их результатов невозможно осуществить плодоносные опыты. Говоря современным языком, речь здесь шла о фундаментальных и прикладных науках, причем эмпирик Бэкон, превозносящий опыт во всех его формах, тем не менее, подчеркивал значимость именно фундаментальных исследований, которые и должны быть базой для прикладной науки.

В то время в теоретическом познании главенствующие позиции занимал метод *дедукции*. Перестройку науки Бэкон видел в переходе к индуктивному методу, дедукцию он отвергал как неудовлетворительный способ философствования. По его мнению, должен быть разработан новый инструмент мышления, «новый органон», с помощью которого можно было бы произвести восстановление человеческого знания на более надежной основе. Одна из наиболее известных работ Бэкона так и называлась — «*Новый Органон, или Истинные указания для истолкования природы*». «Органомом» (от гр. organon — орудие, инструмент, орган) называли собрание логических сочинений Аристотеля. Эти сочинения действительно носили «инструментальный» характер: в них были разработаны основные логические правила и приемы

исследования. То, как Бэкон назвал свою работу, показывало, что, с одной стороны, он тоже ставил перед собой задачу выработки приемов достижения истины, а с другой, он явно пытался противопоставить свою позицию аристотелевской. Надо сказать, что Бэкон довольно критично относился к великому греческому философу, прежде всего из-за того, что Аристотель несколько веков был непререкаемым авторитетом для схоластики. А схоластику Бэкон считал «вредным» для прогресса периодом времени, когда наука о природе не развивалась. Отсюда — резкое противопоставление своей позиции и позиции Аристотеля.

В отличие от Аристотеля, Бэкон предлагал в качестве основного метода науки *индукцию* (движение от единичного к общему). Изучение единичных фактов должно служить основой для обобщений, выработки научной теории. Только посредством такого метода можно открыть новые истины, а не топтаться на месте. Не отвергая дедукцию, Бэкон так определял различие и особенности этих двух методов познания: «Два пути существуют и могут существовать для открытия истины. Один воспаряет... к наиболее общим аксиомам, и, идя от этих оснований и их непоколебимой истинности, обсуждает и открывает средние аксиомы (дедукция. — *Авт.*). Этим путем и пользуются ныне. Другой же путь выводит аксиомы из ощущений и частных фактов, поднимаясь непрерывно и постепенно, пока наконец не приходит к наиболее общим аксиомам (индукция. — *Авт.*). Это путь истинный, но не испытанный».

Конечно, Бэкон прекрасно понимал, что индукция может дать нам лишь вероятностное знание (вспомните пример с черными лебедями, который мы приводили в главе о Сократе). Поэтому английский мыслитель много занимался проблемой повышения вероятности индуктивного заключения. Индукция может быть полной и неполной. Полная индукция — это идеал познания, она означает, что собраны абсолютно все факты, относящиеся к области изучаемого явления. Нетрудно догадаться, что это задача сложная, если не сказать недостижимая, хотя Бэкон верил, что со временем наука решит ее. В большинстве же случаев люди пользуются неполной индукцией. Это означает, что обобщающие выводы строятся на материале частичного или выборочного анализа эмпирического материала. Но в таком знании всегда сохраняется возможность ошибки. Например, утверждать, что все собаки лают, можно до тех пор, пока нам не встретится хотя одна нелающая собака, например басенджи, не

умеющая лаять порода собак. Поэтому главным шагом в реформе науки должно было стать *совершенствование методов обобщения, повышение надежности неполной индукции*. Для этого Бэкон разработал специальные таблицы, куда предлагал заносить данные конкретных научных наблюдений и экспериментов, причем обязательно рассматривать противоречащие выдвинутой гипотезе случаи (что действительно резко повышало вероятность истинности индуктивных выводов). Многими предложенными Бэконом приемами ученые пользуются и сегодня.

Для иллюстрации своей мысли Бэкон использовал образы: в познании человек идет *путем наука, муравья или пчелы*. Те, кто идут *путем наука*, дедуктивно выводят одно следствие из другого, одну теорию из другой, — как паук вытягивает нить из своей железы на брюшке. Такой путь познания был характерен для схоластов: из истин Библии или сочинений отцов церкви они делали свои выводы, не прибегая к исследованию внешнего мира, к опыту. В конечном счете, такой путь не дает человеку возможности познать новые явления, игнорирует реальные факты. Но Бэкон осуждал и грубых эмпириков (*путь муравья*), которые, подобно муравью, собирают все, что им попадается на пути, и сваливают все добытое в одну кучу (здесь он имел в виду прежде всего алхимиков). Свой метод Бэкон сравнивал с искусством *пчелы*, которая, перелетает с цветка на цветок, добывает нектар (то есть собирает новые данные и факты), а затем перерабатывает его в мед собственным умением (рационально осмысливает полученные данные).

Предпосылкой реформы науки должно стать, по замыслу Бэкона, очищение разума от заблуждений. Эти препятствия на пути познания он называл *идолами*: **идолы рода, пещеры, площади, театра**. *Идолы рода* — ошибки, обусловленные самой природой человека. Мышление человека имеет свои ограничения и недостатки, так как «уподобляется неровному зеркалу, которое, примешивая к природе вещей свою природу, отражает вещи в искривленном и обезображенном виде». Мы не можем услышать ультразвук, не видим инфракрасное излучение, не чувствуем прикосновения микроорганизмов и т. д. Кроме того, человек постоянно истолковывает природу по аналогии с самим собой, что находит свое выражение в приписывании природе целей, которые ей не свойственны. К идолам рода Бэкон относит и стремление человеческого ума к необоснованным обобщениям: например, часто орбиты вращающихся планет считаются за

круговые, что необоснованно (они, как известно, имеют форму эллипса).

Идолы пещеры — ошибки, которые свойственны отдельному человеку или некоторым группам людей в силу субъективных симпатий, предпочтений, полученного образования и воспитания. Название этого заблуждения напрямую отсылает нас к *мифу о пещере* Платона. Платоновские узники пещеры привыкли воспринимать мир как царство теней, поэтому даже освободившись, они продолжали мыслить привычными представлениями. Бэкон совершенно обоснованно предостерегал ученых, что все они — пленники своих «пещер», своего прошлого: они склонны истолковывать явления природы по аналогии с тем, что они уже знают, согласовываясь со своим прежним опытом или доверяя суждениям тех, чьему мнению привыкли верить. «Человеческий разум не сухой свет, его укрепляют воля и страсти, а это порождает в науке желательное каждому. Человек скорее верит в истинность того, что предпочитает... Бесконечным числом способов, иногда незаметных, страсти пятнают и портят разум», — предостерег Бэкон исследователей от таких субъективных ошибок.

Идолы площади (или рынка) — ошибки, порождаемые речевым общением и трудностью избежать влияния слов на умы людей. На площадях и рынках всегда шумно, люди там много говорят. Но при разговоре мы часто используем слова, которые ничего не обозначают (так, раньше физики использовали слово «теплород», старая няня говорит ребенку о «лешем», Аристотель писал об «эфире»). От использования таких «пустых» понятий может возникнуть впечатление, что существуют и вещи, ими обозначаемые. Кроме того, мы не всегда четко и строго определяем понятия, — человек может иметь в виду свое значение слова, не совпадающее с тем значением, которое приписывает этому же слову другой собеседник. Поэтому и возникают бесчисленные споры «о словах».

Идолы театра — ошибки, связанные со слепой верой в авторитеты, некритическим усвоением ложных мнений и воззрений. Здесь Бэкон имел в виду систему Аристотеля и схоластику: слепая вера в них сдерживала развитие научного знания. Ситуация похожа на театральную: в театре есть примадонны, «звезды», а есть никому не известные артисты. Примадонна может быть бездарна, но все равно сорвет аплодисменты, в то время как прекрасно сыгравшего свою роль неизвестного актера публика, как правило, даже не замечает. То же самое часто происходит и в

науке: глупость из уст человека, обладающего авторитетом, ученым званием и т. п., воспринимается как истина, и наоборот, открытие, сделанное неизвестным научному сообществу исследователем, с трудом завоевывает признание. Искусственные научные построения и системы, оказывающие отрицательное влияние на умы людей, — это своего рода «научный театр», по мнению Бэкона.

Некоторые из перечисленных «идолов» неискоренимы, с другими мы можем справиться. Но в любом случае, Бэкон призывал ученых помнить об их существовании для того, чтобы избежать лишних ошибок.

Методология Бэкона в значительной степени предвосхитила разработку индуктивных методов исследования в последующие века, вплоть до XIX столетия. Действительно, в Новое время наука развивалась, прежде всего, благодаря эмпирическим исследованиям, накоплению новых фактов, получению новых экспериментальных данных. Однако Бэкон в своих исследованиях недостаточно подчеркивал роль *гипотезы* в развитии знания, когда выдвигается то или иное предположение (гипотеза) и из него выводятся различные следствия. При этом дедуктивно получаемые из гипотезы выводы постоянно соотносятся с опытом, проверяются в эксперименте. В этом случае большая роль принадлежит математике, которой Бэкон не владел в достаточной степени, да и математическое естествознание в то время только формировалось. Возможно, в иных обстоятельствах не случилось бы недооценки Бэконом роли дедукции в развитии науки.

Новая Атлантида

Уже после смерти Бэкона было опубликовано его произведение «Новая Атлантида». В этом сочинении английский мыслитель изобразил будущее государство, в котором наука и техника играют решающую роль. Новая Атлантида — идеальное общество, существующее на острове Бенсале, затерянном где-то в Тихом океане. Религия атлантов — христианство, чудесным образом открытое жителям острова; ячейкой общества является весьма почитаемая семья; тип правления, по сути дела, монархия (здесь, наверное, сказался опыт Бэкона как политика). Главным учреждением Новой Атлантиды является «Дом Соломона», что-то вроде исследовательского центра или Академии наук. Из Соломонова дома исходят научные открытия и изобретения, обеспечивающие счастье и процветание граждан. (Кстати, именно Соломонов дом в описании Бэкона послужил про-

образом Лондонского королевского общества, учрежденного во время царствования Карла II в 1662 г. и существующего поныне.) В своей книге Бэкон описывал различные удивительные научно-технические достижения, преображающие жизнь человека: здесь и комнаты чудесного исцеления, и лодки для плавания под водой, и различные зрительные приспособления, и передача звуков на расстояние, и приспособления для оживления после смерти, и многое другое. Некоторые из описываемых технических новшеств осуществились на практике, другие остались в области фантазии, но все они свидетельствуют о вере Бэкона в силу человеческого разума, во всемогущество науки. Надо сказать, что в этом смысле Бэкон обогнал свое время: афоризм Бэкона «Знание — сила» стал лозунгом человечества уже в XX столетии.

Рене Декарт: бытие мысли

Другое направление философии Нового времени — *рационализм* — получило свое обоснование в трудах французского философа и математика **Рене Декарта**. Он тоже поставил вопрос о необходимости создания совершенно нового метода научного познания, способного дать достоверное, доказательное знание о мире. Два основоположника Новой философии — Р. Декарт и Ф. Бэкон — были равно уверены в необходимости полного пересмотра накопленных ранее знаний о мире и построения науки заново, уже на основе нового научного метода. Но метод этот они понимали совершенно по-разному.

Рене Декарт родился в семье небогатого дворянина на юге Франции. Спустя несколько дней после появления Рене на свет его мать умерла, а мальчик, несмотря на пессимистические прогнозы врачей, выжил. В возрасте 8 лет он был отправлен отцом в иезуитский колледж, где пристрастился к чтению книг. Там, писал Декарт позднее, он убедился, сколь мало мы знаем, хотя в математике дела в этом смысле обстоят лучше, чем в любой другой области; он понял также, что для обнаружения истины необходимо отказаться от опоры на авторитет, принадлежащий традиции или сегодняшнему дню, и не принимать ничего на веру, пока оно не будет окончательно доказано. После колледжа Рене записался добровольцем в армию сначала французского, затем баварского короля. В качестве вольнонаемного офицера он кочевал по Европе — побывал в Германии, Австрии, Италии и, по-видимому, в Дании, Польше и Венгрии. Однажды, как вспоминал потом сам Декарт, сидя в одиночестве в сельском доме в

Баварии, он сформулировал все основные положения своего философского учения, а также идею сведения физики к геометрии, а геометрии — к алгебре (благодаря этой гениальной догадке Декарта физика и математика приобрели современный вид). После «армейского периода» жизни Декарт возвратился в Париж и приступил к написанию своих трудов.

Философские идеи Декарта сразу нашли много поклонников, но и вызвали неудовольствие церкви. Декарт вынужден был издавать свои произведения анонимно, а в 1629 г. переехать в более либеральную Голландию. Но и здесь он натолкнулся на непонимание, хотя открыто и не высказывал своих взглядов на сотворение и развитие Вселенной, которые совпадали со взглядами осужденного Галилея. Во избежание неприятностей Декарт принял приглашение шведской королевы Христины и переехал в Стокгольм, где он рано по утрам давал уроки философии королеве, работал над уставом Шведской Академии наук. Суровый климат Швеции не подошел родившемуся на юге Декарту, он заболел воспалением легких и умер зимой 1650 г. Через 16 лет после его смерти по требованию французского правительства останки ученого были перевезены в Париж и торжественно погребены в Пантеоне, однако произнесение речей над могилой было запрещено, а последователи философии Декарта подвергались преследованиям до конца XVII в. Более того, в 1663 г. сочинения Декарта были внесены Ватиканом в «Индекс запрещенных книг».

Мыслю, следовательно, существую

Декарт тоже задался вопросом о методе: нельзя ли создать общий метод исследования, позволяющий решать все проблемы, возникающие перед человеческим разумом? Возможность нахождения такого общего метода Декарт выводил из признания *родства всех наук*. Он рассматривал все научные дисциплины как ветви одного дерева, вырастающего из одного корня — метафизики (или, как мы сегодня бы сказали, — философии). Стволом этого «дерева» является физика, а ветвями — конкретные науки.

В отличие от Бэкона, Декарт скептически относился к возможности построения новой науки на основе опыта. Чувственный опыт не способен дать достоверное знание, ибо мы часто сталкиваемся с иллюзиями и галлюцинациями, а мир, воспринимаемый нами с помощью чувств, может оказаться сном. Но даже если мы поверим в истинность собственных ощущений, очевидно, что опытная наука строится на основе индукции. Индукция же, как мы с вами уже выяснили, в большинстве случаев

не дает 100 % гарантии истинности выводов. Например, для того, чтобы проверить истинность предложения «Все тела расширяются при нагревании», необходимо подвергнуть нагреванию *все* тела, что невозможно сделать. Значит, индукция в такого рода общих суждениях всегда неполна, и есть вероятность того, что мы встретим тело, которое при тепловом воздействии на него не расширится. Индуктивное знание — вероятностное, а Декарт мечтал о науке, дающей абсолютную истину.

Поэтому Декарт считал *дедукцию* более подходящим методом для научного познания. Но и здесь возникали свои трудности: дедуктивное рассуждение есть выведение заключений из посылок, и до тех пор, пока у нас нет достоверных посылок, мы не можем рассчитывать на достоверность заключений. А где же взять посылки, из которых мы можем дедуктивно вывести следствия? Декарт полагал, что если бы мы знали абсолютно истинные первые принципы, то могли бы вывести из них все остальное знание. Поэтому поиск достоверного знания составлял важную часть его философии науки.

Первой ступенью в поисках абсолютно достоверных посылок у Декарта является *сомнение*. Прежде чем начинать исследование чего бы то ни было, надо усомниться во всем, что вы знаете. Такое фундаментальное сомнение помогает очистить науку от веры в ложные авторитеты, критически отнестись к накопленному знанию. Но что является для человека несомненным? Мы можем сомневаться в истинности изложенных в учебниках теорий, в словах других людей, в правильности результатов эксперимента. Да что там эксперимент, мы можем сомневаться даже в том, что существует мир вокруг нас: может, это иллюзия, окружающий мир нам снится, а на самом деле его нет. В чем же нельзя сомневаться? Только в самом факте нашего сомнения: мы не можем сомневаться, что мы сомневаемся. Но сомнение — это акт мышления. А может ли мыслить то, что не существует? Нет. Значит, *я мыслю, следовательно, существую*, или, на латыни, — *cogito ergo sum*. *Абсолютную достоверность Декарт обнаружил только в знании о своем собственном существовании*. Декарт рассуждал так: у меня нет достоверного знания о существовании моего тела, ибо я мог бы быть животным или покинувшим тело духом, которому снится, что он человек; однако мой разум, мой опыт существуют несомненно и достоверно. Содержание мыслей или убеждений может быть ложным и даже абсурдным; однако сам факт мышления абсолютно достоверен.

Получается, что мышление — несомненная реальность, достоверность которой нам дана *интуитивно*. Но сознание не бывает «пустым», это всегда сознание *о чем-то*. Среди многочисленных мыслей, представлений, суждений, составляющих содержание сознания, некоторые тоже обладают *интуитивной самоочевидностью*. Именно такие самоочевидные, ясные, отчетливые идеи и должны быть положены в основу научных рассуждений. Декарт называл такие самоочевидные суждения *врожденными идеями*. Его знаменитое «*cogito ergo sum*» — одна из таких врожденных идей, сомневаться в которых невозможно. В число врожденных идей Декарт включил существование мира, Бога, чисел, длительности и др. Он приводил примеры врожденного знания: «Целое больше своей части», «Линия состоит из точек», «Все тела протяженны» и т. д. Наличие таких врожденных идей было обязательным для построения Декартом науки на основе дедукции, ведь дедукция — выведение *из* чего-то, значит, необходимо знание, из которого можно делать выводы. Тогда строение науки будет похоже на строение геометрии Евклида: из самоочевидных аксиом выводятся теоремы. Кстати, Декарт был уверен, что евклидовы аксиомы тоже являются врожденными идеями, — они просты, самоочевидны, ясны нам интуитивно. Таким образом, Декарт сформулировал первое правило своего метода так: (1) «...включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и отчетливо, что никоим образом не сможет дать повод к сомнению».

Выделив ясные и отчетливые основания будущей теории, как двигаться дальше? Декарт указал еще три правила своего метода: (2) разделять всякую проблему на столько частей, на сколько возможно, (3) располагать мысли в определенном порядке, начиная с простого и переходя к сложному, и (4) делать всюду перечни настолько полные и обзоры столь всеохватывающие, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено. Итак, по мнению Декарта, начав с сомнения и руководствуясь затем этими довольно простыми правилами, можно построить истинные научные теории. Конечно, правила Декарта кажутся слишком простыми и очевидными для того, чтобы произвести настоящую революцию в познании. Но поразительный факт! Сам Декарт добился столь впечатляющих успехов, применяя свой метод в различных областях науки, что вот уже несколько столетий исследователи гадают: так ли все просто и понятно с методом великого ученого? Может быть, за внешней простотой (и даже примитивностью) скрывается

какая-то загадка, «волшебный ключик», с помощью которого Декарт сформулировал законы инерции, преломления и отражения лучей, развил теорию оптических поверхностей; отверг представление о теплоте как жидкости (теорию «теплорода») и создал, по сути, кинетическую теорию теплоты; разработал законы сохранения и измерения движения; дал жизнь новой области математики — аналитической геометрии; чрезвычайно много сделал для алгебры переменных величин; заложил основы для изучения условных рефлексов у животных; высказал идею об относительности движения; ввел использование в математике и физике оси координат X, Y, Z ; создал теорию, объясняющую образование и движение небесных тел вихревым движением частиц материи («вихри Декарта») и т. д.

Мыслящая и протяженная субстанции

Из положения «мыслю, следовательно, существую» Декарт вывел существование духовной, или, как он ее назвал, «мыслящей» субстанции. Но Декарт отнюдь не считал, что человек — это «мозги», которые сами придумали окружающий нас мир. Значит, надо было ввести в философскую систему не только мыслящую, но и материальную субстанцию, природу. Декарт это сделал благодаря ссылке на Бога. Раз наше сознание обладает содержанием и в нем содержатся представления о журчащем ручье, голубом небе, других людях и животных, то все это должно существовать, это не иллюзия: ведь Бог не может быть обманщиком. Он наделил людей разумом не для того, чтобы водить их за нос, а для того, чтобы дать инструмент познания мира. Поэтому содержание нашего познания свидетельствует о том, что не только я, мыслящий субъект, существую, но существует и мир вокруг меня. Этот телесный мир Декарт описывает как протяженный — то есть, имеющий объем, величину. Протяженность не только Декартом, но и большинством мыслителей того времени воспринималась как неотъемлемое качество материального, телесного мира. (Подумайте на досуге, является ли протяженность и в самом деле обязательным условием любого проявления материального мира?) Поэтому в философии Декарта указаны две независимые друг от друга субстанции — *мыслящая* и *протяженная* (телесная и материальная).

В предыдущих главах мы говорили о материализме и идеализме. А как быть с Декартом? Материалист он или идеалист? Неразрешимая задача: его философская система не помещается в эту оппозицию. Поэтому Декарта считают одним из наиболее

известных представителей *дуализма* в философии. *Дуализм* (от лат. *dualis* — двойственный) — философская позиция, признающая наличие двух противоположных начал бытия, субстанций (материальной и духовной). В философии Декарта мы видим дуализм души и тела, «мыслящей» и «протяженной» субстанции. Как же они взаимодействуют? Эту сложную проблему разрешить Декарт так и не смог. С одной стороны, субстанции эти — разные, обладающие столь различными характеристиками, что взаимодействие между ними невозможно. С другой стороны, как быть с человеком? Ведь в нем-то есть и телесная, и мыслящая составляющая, причем они взаимодействуют! Декарт не смог дать удовлетворительного объяснения, как это происходит. Впрочем, и до сих пор так называемую психофизиологическую проблему ученые до конца не решили: как мысль возникает из химических реакций в мозгу? Каким образом материальное влияет на идеальное и наоборот? Декарт попытался дать описание механизмов такого взаимодействия, но это было ответом на частные вопросы без решения общего, главного.

Взаимодействие тела и души в человеке объяснялось Декартом *механистически*. Душа, по его мнению, расположена в шишковидной железе мозга (физиологи тогда не знали ее назначения в человеческом организме, вот Декарт и приписал ей функцию «седалища» души), которая воздействует на нервы, те — на мышцы и другие органы тела, в результате чего люди ходят, двигают руками, поворачивают голову и т. д. в соответствии со своим желанием. Есть и обратное воздействие: окружающий телесный мир действует на нас, воздействие передается через нервы в шишковидную железу и вызывает какую-то нашу реакцию. По сути, человек действует у Декарта как *сложный механизм*. Декартовская схема воспринимается сегодня как сильно упрощенное объяснение человеческой активности, но для того времени такой подход был вполне передовым.

Деизм в объяснении происхождения Вселенной

Когда мы рассказывали вам о мировоззрении Средневековья, то характеризовали его как *теизм*. Для философии эпохи Возрождения был характерен *пантеизм*. А вот в Новое время появляется новый подход в понимании роли бога в мироздании — *деизм*. *Деизм* (от лат. *deus* — бог) — концепция, сторонники которой признают, что Бог сотворил мир, но затем мир развивается без участия и вмешательства Бога. Бог — как часовщик, который завел часы, но дальше ему совсем не нужно

подталкивать их стрелки. У Декарта Бог дал природе законы движения, после чего мир стал развиваться по этим законам совершенно естественно. Поэтому вера в чудеса, действительность молитв, жертвоприношений и прочее подвергалась Декартом сомнению.

Деизм Декарта особенно ярко проявился в его теории происхождения Вселенной. В первоначальном хаосе частиц возникли круговые (вихревые) движения (движение, видимо, было принесено Богом, он дал своеобразный «первотолчок» миру). В процессе такого вихревого движения образовались корпускулы (соединения частиц), а затем и три вида этих корпускул — твердое вещество, жидкое вещество, газообразное вещество («огненное») вещество сконцентрировалось в центре вихревых потоков, из него возникли звезды. Из более твердых корпускул возникли планеты. Как вы видите, Богу у Декарта отведено довольно скромное место в истории возникновения Вселенной: он не строит мир, как строитель дом, а лишь дает миру движение и вещество. Кстати, гипотеза Декарта о роли вихревых потоков в космических процессах оказалась очень плодотворной для последующего развития науки.

Подводя итог нашему разговору о Декарте, надо сказать, что Декарт создал философию, которая, несмотря на запреты, довольно быстро стала доминировать в Европе. Строгость и ясность мысли, тесная связь с естествознанием, разработка идеала научного знания способствовали популярности философских идей французского мыслителя. Если же оценивать вклад Декарта с точки зрения теоретического диалога между эмпиризмом и рационализмом в европейской мысли, то здесь он является признанным основателем рационализма Нового времени, продолжавшего линию Сократа и Платона.

Вопросы и задания

1. Какая проблема стала центральной для философии Нового времени?
2. Что такое эмпиризм и рационализм? Каких представителей рационализма и эмпиризма вы знаете?
3. Какой метод Фрэнсис Бэкон считал основным для научного познания? В чем недостатки и достоинства этого метода?
4. Объясните, что такое познание «путем паука», «путем муравья» и «путем пчелы»? Приведите примеры.

5. Как вы думаете, почему портрет Ф.Бэкона украшает здание Лондонского королевского общества?
6. Объясните известный афоризм Бэкона «Знание — сила». Согласны ли вы с ним?
7. Какой метод предлагал Декарт для создания науки? Как вы думаете, какую научную дисциплину Декарт взял за «образец» для построения научной теории?
8. Какое место в философии Декарта занимало его знаменитое утверждение «...мыслию, следовательно, существую»?
9. Что такое врожденные идеи в философии Декарта? Какова их роль в познании?
10. Что такое деизм? Каких представителей деизма вы знаете?

3.4.2. Развитие рационализма и эмпиризма в философии Нового времени

Каждый выдающийся исследователь вносит свое имя в историю науки не только собственными открытиями, но и теми открытиями, к которым он побуждает других.

Макс Планк

По сути, эмпиризм в качестве надежного фундамента нового метода признавал *опыт*, дающий неопровержимые факты, а *рационализм* — *разум*, способный находить в самом себе самоочевидные истины. Поэтому новый подход к научному знанию реализовался в двух основных формах и развивался по двум основным направлениям. Одно из них ориентировалось преимущественно на *математику* и свойственную ей *дедукцию*, второе — на *экспериментальное естествознание* и *индукцию*.

Учение о единой субстанции

Линию рационализма в философии Нового времени продолжил Бенедикт Спиноза (1632—1677), родившийся в религиозной еврейской семье в Амстердаме. Будучи отлученным за свое вольнодумство от еврейской общины, он, чтобы иметь возможность читать, думать, писать, зарабатывал себе на жизнь шлифовкой оптических стекол. В отличие от Декарта, на систему которого Спиноза опирался, голландский мыслитель иначе решил проблему субстанции: *субстанция для него — едина, бесконечна, вечна*

и обладает множеством свойств, в том числе, главными — протяженностью и мышлением. То есть Спиноза отверг дуализм Декарта и учение о двух субстанциях, наделив одну-единственную субстанцию свойствами протяженности и мышления. Эта единая субстанция совпадала у Спинозы не только с природой, но и с Богом, — его философия была *пантеизмом* (что было не очень характерно для Нового времени).

В вопросе метода научного познания позиция Спинозы тоже отличалась от декартовской, хотя и наследовала ей. С одной стороны, Спиноза, как и Декарт, высшим видом познания признавал рациональную интуицию, с помощью которой мы получаем самоочевидные определения и простейшие следствия из них. Примером такого интуитивно ясного знания является, по Спинозе, наше представление о субстанции, лежащей в основе многообразия мира. Поскольку субстанция у Спинозы одна, постольку он сделал вывод о совпадении порядка наших мыслей о мире и законов мироздания: «Порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей». Получается, что анализ содержания нашего сознания дает нам истину о мире, и наоборот, познавая мир, мы познаем и свое сознание. Конечно, это тоже пример *рационализма*, ведь получается, что *нет таких связей между истинными понятиями, определениями и выводами в наших головах, которые бы не соответствовало что-то и во внешнем мире.* Содержание сознания и мир как будто симметричны друг другу.

Даже способ подачи своей философии у Спинозы была типично рационалистический. Так же, как и Декарт, Спиноза брал за образец строгости рассуждения геометрию Евклида. Свое главное сочинение, «Этику», он даже по форме уподобил геометрическому трактату: он перечислил аксиомы (интуитивно ясные и очевидные), а затем вывел из них «теоремы» о человеческом поведении. Стремление к строгому математическому выражению и доказательству во всех областях знания отражало представление об идеальном знании, которое господствовало в XVII столетии.

Методология Г. В. Лейбница

Еще один ярчайший представитель рационализма Нового времени — немецкий философ и ученый-энциклопедист, великий математик Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1716). Лейбниц был «вундеркиндом»: в пятнадцать лет он поступил в Лейпцигский университет, а в двадцать ему предложили должность профессора Нюрнбергского университета; однако молодой

Лейбниц

Лейбниц отказался от этого места, предпочтя карьеру дипломата. Его заслуги перед наукой были признаны еще современниками — он являлся действительным членом английского Королевского общества и первым президентом Берлинской Академии наук, получил приглашение от Петра I приехать в Россию и заняться здесь организацией русской науки, стал инициатором создания Академии наук в Вене и т. д. Интересно, что Лейбниц создал и первый калькуля-

тор, — он, конечно, был механическим, но выполнял сложение, вычитание, умножение и деление. Тем не менее, умер Лейбниц в нищете. Свидетель его жалких похорон написал: «Этот человек составлял славу Германии, а его похоронили как разбойника». Только после смерти соотечественники воздали ему должное: Лейбниц стал первым ученым, которому воздвигли памятник в Германии.

Учение о монадах

Лейбница не устраивал разрыв между протяженной и мыслящей субстанциями (между душой и телом) у Декарта, но не был он согласен и со Спинозой, — из единой субстанции, по мнению немецкого ученого, невозможно вывести все разнообразие вещей в мире. Поэтому он решил положить принцип многообразия в само основание бытия, — предположил существование множества субстанций (*монад*). Каждая монада активна, неповторима, уникальна, обладает силой (энергией), неделима (не имеет частей). Лейбниц сравнивал их с точками на линии, но математические точки — это абстракции, а свои монады Лейбниц называл бесконечно малыми сущностями или «живыми нулями». Активность монад обуславливает развитие мира: монады всюду, это первичная активная сила, которая лежит в основе любого изменения. Монады существуют в телах, но, в отличие от тел, они вечны. Когда тела разрушаются, монады «свертываются», «засыпают» на некоторое время перед тем, как обрести новое тело. Лейбниц описывает пульсацию монад, ритм попеременных развитий и «засыпаний», но в целом, все монады составляют картину «предустановленной гармонии». Каждая монада «беременна своим будущим», и это будущее представлено в ней как стремление к совершенству.

Но раз прогресс монад не имеет пределов, то и прогресс человеческих знаний тоже безграничен. Самой интересной частью философии Лейбница было, конечно, его учение о познании. Для рационалиста Лейбница в еще большей степени, чем для Спинозы, было характерно сведение законов мира к законам логики, законам мышления. Говоря философским языком, речь шла о тождестве (совпадении) бытия и мышления. Это означает, что в мире нет ничего, чего не было бы в разуме. И наоборот, все, что имеется в разуме, обладает и реальным существованием. Законы мышления и законы развития мира — одни и те же. Значит, если какое-то утверждение не противоречит законам логики, оно обязательно сбудется (или уже сбылось) в какой-то точке Вселенной.

Учение о методе

Лейбниц сформулировал несколько правил своего метода научного исследования. Среди этих правил были, например, такие: (1) закон всеобщих различий (все в мире неповторимо, любая вещь уникальна. Правоту Лейбница в этом вопросе подтвердили более поздние исследования, показавшие, что даже двух абсолютно одинаковых живых клеток вы не найдете, не говоря уже об организмах или предметах); (2) закон непрерывности — «вещи восходят вверх по ступеням совершенства незаметными переходами». Существует бесконечное количество переходных стадий, ступеней между движением и покоем, твердым и мягким, горячим и холодным и т. д. То есть каждая вещь в своем развитии связана с прошлым и будущим состоянием путем таких незаметных переходов; (3) закон всеобщей связи (все в мире взаимосвязано); (4) закон максимума и минимума — минимум сущности порождает максимум содержания: «природа бережлива в применяемых ею причинах и щедра в следствиях», то есть согласно естественной необходимости максимальные результаты достигаются при минимальных средствах. Например, капля воды имеет шарообразную форму, потому что именно в таком виде при минимальной площади поверхности в капле содержится максимальный объем воды. Таких законов-правил Лейбниц сформулировал около двух десятков.

Но если Декарт применял свои правила метода к выявленным с помощью интуиции врожденным идеям, то как в этом вопросе рассуждал Лейбниц? С Декартом спорили многие современники Лейбница, утверждая, что никаких врожденных идей нет, человек — это *tabula rasa*, чистая доска, на которую жизненный опыт наносит различные знаки. Каков личный опыт — таков и человек.

Лейбниц не соглашался с таким подходом к человеку, но и схему Декарта не принял целиком. Он был более гибок, чем Декарт. Да, *врожденное знание существует* (и последующее развитие генетики подтвердило это предположение), но опыт проявляет это врожденное знание. Он сравнивал человеческую душу с глыбой мрамора: в мраморе есть прожилки, которые не видны без резца ваятеля; хороший скульптор всегда учитывает природный рисунок камня. Так и в душе: истины врожденны (монады «беременны своим будущим», в них уже заложена «программа» внутреннего развития или, как писал Лейбниц, — «мы врожденны самим себе»), они как прожилки в камне, — сделать их видными, действительными может лишь обучение и опыт. Например, человеку врожден принцип, стремление «искать радости и избегать печали», писал Лейбниц, но как он будет это делать — зависит от многих факторов его жизни.

Лейбниц различал «истины разума» и «истины факта» в познании. *Истины разума* — логические истины, они носят всеобщий и необходимый характер. Примерами таких истин могут служить истины математики: дважды два — всегда и везде четыре. Истины разума как раз и врожденны человеку и постепенно, в ходе его развития, осознаются им. *Истины факта* — различные описания предметов, вещей. Они вторичны, производны от истин разума: ведь мы можем описывать явления, только опираясь на некое знание, уже имеющееся у нас в голове. Истины факта — это своего рода иллюстрации истин разума. В таком различении истин разума и истин факта очень ярко проявился рационализм Лейбница: именно истины разума *необходимы*, исходны, они достовернее опытных положений, являются аксиомами для мышления. Истины же факта *случайны*, играют лишь служебную роль.

Развитие эмпиризма в философии Джона Локка

В противоположность рационализму, утверждавшему, что всеобщее истинное знание может быть получено путем работы разума и не зависимо от ограниченного опыта, эмпиризм утверждал, что опыт является единственным источником первичной информации, с которой затем работает рассудок. В течение XVII и XVIII столетий рационализм развивался, прежде всего, в континентальной Европе, а эмпиризм — в Великобритании. Одним из наиболее ярких представителей английского эмпиризма был Джон Локк (1632—1704). Он назвал единственным источником

всех человеческих идей опыт. Его обоснование этого тезиса являлось одной из форм *сенсуализма*. *Сенсуализм* (от лат. *sensus* — чувство, ощущение) — философское течение в теории познания, согласно которому источником знаний являются ощущения. Концепция знания Локка, как эмпирика, основывается на сенсуалистических принципах: *нет ничего в уме, чего бы не было бы прежде в ощущениях*, все человеческое знание берется из опыта. Локк, как любой сенсуалист, полагает, что человеческий ум представляет собой «*tabula rasa*».

Основное философское сочинение Локка — трактат «Опыт о человеческом разумении» — начиналось с критики распространенной в то время в европейской философии декартовской концепции о врожденности идей. Локк, опираясь на географические, этнографические и исторические исследования, показал, что все наше знание, в том числе, математическое и логическое, не является врожденным, а имеет опытное происхождение. «Самочевидные» логические законы тождества и противоречия неизвестны детям и дикарям. Идея Бога тоже различна у разных народов в зависимости от их исторического опыта. Локк подчеркивал, что никакого всеобщего согласия людей по поводу «самочевидности» фундаментальных принципов морали, религии, познания вовсе нет. Согласие существует только в признании истин арифметики, но отсюда, считал Локк, еще не следует их врожденность.

Единственным источником всех идей, согласно Локку, является опыт, который подразделяется на внешний и внутренний. *Внешний опыт* — это ощущения, которые заполняют «чистую доску» различными письменами; эти ощущения мы получаем посредством зрения, слуха, осязания, обоняния и других органов чувств. *Внутренний опыт* (или *рефлексия*), — это идеи о деятельности собственного сознания, о различных операциях нашего мышления, о своих психических состояниях — эмоциях, желаниях и т. п. Рефлексия — это самосознание и самопознание.

Благодаря ощущениям мы воспринимаем в вещах либо *первичные*, либо *вторичные качества*. *Первичные* качества — это свойства, присущие самим телам (то есть *объективные*), например, протяженность, движение, форма, объем, плотность. Они воспринимаются согласованно несколькими органами чувств. Даже мысленно нельзя лишить тело первичного свойства: попробуйте представить тело без формы или положения в пространстве. *Вторичные* же качества — это то, как мы воспринимаем пред-

мет, то, что мы «привносим» в него (*субъективные качества*), например, цвет, вкус, запах, звук. Признаком вторичных качеств является то, что мы получаем представление о них при помощи лишь одного органа чувств (о цвете — при помощи зрения, о запахе — при помощи обоняния и т. п.) Здесь нет «перекрестной проверки» истинности ощущения другим органом восприятия, потому и возможность ошибки выше. Локк был не первым, кто обратил внимание на то, что ощущения несут нам не только объективную информацию о предметах, но и отпечаток человеческой реакции на них. Но он был уверен в том, что *вторичные качества не иллюзорны, они зависят от первичных*. Разумеется, тот факт, что мы видим платье голубым, зависит от того, как устроены наш глаз и мозг, но и само платье должно обладать определенными первичными качествами, вызывающими у нас представление именно о голубом, а не о желтом. Поэтому ощущения дают нам подлинную информацию о мире, которую просто надо уметь «расшифровать».

Идеи, полученные из опыта, являются только исходным материалом для знания, но еще не самим знанием. Чтобы стать знанием, идеи должны быть переработаны деятельностью рассудка. Опыт дает нам *простые* идеи — горькое, кислое, холодное и т. п. Рассудок же комбинирует эти простые идеи и составляет из них сложные. Например, вишня — это красное плюс сладкое, круглое плюс и т. п. Когда группы простых идей постоянно поступают в наше сознание вместе, то мы воспринимаем их как предметы: вот эта устойчивая совокупность идей называется «собакой», а другая — «цветком». Простые идеи не могут быть нами выдуманы, наш ум на этом этапе познания *пассивен*, он лишь воспринимает воздействия окружающего мира. На этапе же создания сложных идей ум *активен*, он может по-разному сочетать простые идеи. Поэтому мы можем создать и такие сложные идеи, которые не обладают реальным существованием (например, единорог, сатир, Баба яга). Но даже такие сложные идеи являются, по мнению Локка, ничем иным, как комбинацией простых идей, приобретаемых через опыт.

При комбинировании простых идей в дело вступает *язык*. Мы обозначаем повторяющуюся совокупность идей определенным словом, «меткой»: когда вновь встречаемся с красным, круглым, сладким и т. д., то уже привычно называем это «вишней». С точки зрения Локка, *язык — это система знаков, состоящая из чувственных «меток» наших идей*, которые дают возмож-

ность нам общаться друг с другом. Локк объяснял, откуда в языке берутся общие понятия, ведь мы никогда не сталкиваемся в своем опыте с «добром» или «красотой» как таковыми. Для такого объяснения он ввел в свои рассуждения понятие *абстракции*. *Абстракция — формирование образов реальности посредством отвлечения от индивидуальных, неповторимых качеств*. Все существующие вещи, писал Локк, являются неповторимыми, индивидуальными, но по мере того, как мы развиваемся от детства к взрослому состоянию, мы наблюдаем общие качества в людях и вещах. Например, видя многих отдельных людей и «отделяя от них обстоятельства времени и пространства и любые другие частные идеи», мы можем прийти к общей идее «человека». В этом и заключается процесс абстракции. Так образуются и другие общие идеи — животного, растения, добра, зла, красоты. Все они — результат деятельности разума, в основе их лежит сходство самих вещей.

Таким образом, Локк создал глубоко продуманную версию эмпиризма. Его эмпиризм основывался на общих принципах сенсуализма, и даже сложные для объяснения с подобных позиций процессы образования общих понятий, субъективности ощущений и другие он смог объяснить, не прибегая к концепции врожденных идей, признанию вечности души, помощи Бога или иным аргументам, не вытекающим напрямую из его теории. Конечно, современное понимание создания в человеческом мозгу устойчивых образов предметов или абстракций гораздо сложнее. С позиций сегодняшнего дня мы можем критиковать Локка за упрощенный, механистический подход к деятельности человеческого сознания. Представление о предмете не возникает у человека в результате прибавления одной простой идеи (цвета, например) к другой простой идее (скажем, формы). Во-первых, такое «сложение» простых идей было бы бесконечным (ведь та же вишня не только круглая и красная, но у нее еще есть консистенция, запах, вкус, особенности поверхности и т. д., и т. п.), а во-вторых, мы мало похожи на механические калькуляторы, мы воспринимаем мир по иным законам. Тем не менее, теория Локка была удивительно логичной, последовательной и опиралась на передовые достижения науки того времени. А его представления о процессе создания абстракций стали господствующими минимум на столетие.

Говоря о Локке, мы не можем не сказать несколько слов и о другой стороне его деятельности. Дело в том, что Локка считают

первым теоретиком *либерализма*. В годы жизни Локка Англия была занята радикальными политическими реформами, направленными на ограничение власти короля, создание парламентской формы правления и обеспечение религиозной свободы. Локк принимал активное участие в политической жизни страны и не мог не затронуть темы устройства общества в своих работах. Именно он предложил принцип «разделения властей», ставший сегодня альфой и омегой любого либерального общества. Законодательная, исполнительная и судебная власти должны быть независимы друг от друга. Только в этом случае можно гарантировать свободы граждан и обеспечить динамическое равновесие в обществе. Правительство должно отвечать перед народом за проводимую им политику. Кроме того, Локк был сторонником отделения церкви от государства. Он настаивал на необходимости разделения между гражданской и религиозной сферами: гражданская власть не может устанавливать законы в религиозной сфере, а религия не должна вмешиваться в действия гражданской власти. Элементы его политической философии легли в основу идеологии и практики американской (1861—1865) и Великой французской революций.

Сенсуализм Дж. Беркли

Теория первичных и вторичных качеств, предложенная Локком, имела очень интересное продолжение в английской философии. Эмпиризм и сенсуализм до этого использовались, как правило, для защиты материалистических взглядов, но не для их критики. Ирландский философ, епископ Англиканской церкви Джордж Беркли (1685—1753) с помощью эмпиризма и сенсуализма, наоборот, критиковал материализм и защищал религию. Как же это возможно?

Беркли обратился к философии Локка и сделал из нее неожиданные выводы. Концепция первичных и вторичных качеств дала ему для этого все основания. Попробуем рассуждать вслед за Беркли. Вторичные качества — субъективны, они существуют не в самом предмете, а в человеческом сознании. Локк, правда, говорил, что эти вторичные качества зависят от объективных, первичных, — тех, что присутствуют в самих вещах. Но Беркли в этом усомнился. С его точки зрения, все наоборот! Возьмем, например, такое первичное качество, как форма. Мы воспринимаем формы предметов только благодаря контрасту цветов, то есть «первичное» качество зависит от «вторичного»! Более того, под-

разделения на первичные и вторичные качества вообще не существует, — заявил Беркли. Пользуясь терминологией Локка, все качества — вторичны, потому что все они зависят от воспринимающего субъекта. Скажем, протяженность (величина). Лодка, которая стоит рядом с нами на берегу, кажется вместительной и большой. Но на горизонте ее величина сравнима с величиной мухи! Любая информация о внешнем мире преломляется через наше восприятие, становится субъективной. Ощущения всегда существуют только в сознании субъекта, они «не похожи» на те предметы, которые эти ощущения вызывают. «На что может быть похоже ощущение, кроме ощущения?» — вполне обоснованно спрашивал Беркли. Значит, делал он вывод, *все ощущения — субъективны, зависят от нас.*

То, что мы называем партой, машиной, мухой — любой вещью, является лишь совокупностью наших ощущений. Отсюда прямо следовал знаменитый тезис Беркли: *«Быть — значит быть воспринимаемым»*. Для человека предмет и ощущение — одно и то же, они не могут быть оторваны друг от друга. Если для Локка мы знаем столько, сколько ощущаем, то для Беркли существует столько, сколько мы ощущаем. По сути, эта позиция прямо вела к *субъективному идеализму* в его самой крайней форме: есть я, мыслящий субъект, а все остальное — лишь мои ощущения, и я с уверенностью не могу сказать, не снится ли мне этот мир, учителя, соседи за партой и оценки в зачетке. Но такой крайний вывод (очень логичный, если исходить из суждения «быть — значит быть воспринимаемым») Беркли все-таки не сделал. Он был епископом, глубоко верующим человеком, верил в существование Бога и в созданный Им мир. Поэтому от субъективного идеализма он перекинул мостик к *объективному идеализму*, к тому, что существую не только я со своими ощущениями, но и Бог, который создал реальный мир вокруг меня.

То, что Беркли ввел в свою философскую систему Бога, спасло его от многих трудностей и неудобств. Например, такие трудности возникали с доказательством непрерывности существования вещей. Вот стол, за которым я пишу, — он есть, потому что я его воспринимаю. Но если я отвернусь, уйду в другую комнату и перестану его воспринимать? Он исчезнет? Нет, говорит Беркли, он не исчезнет, потому что его могут воспринимать другие люди. Но если я живу один, и некому больше созерцать мой заваленный бумагами и компьютерными дискетками стол? Он исчезнет? Нет, отвечает Беркли, он будет существовать, потому

что ты будешь воспринимать его в своей памяти. Но если я поставлю стол в кладовку, забуду о его существовании, он покроется толстым слоем пыли и никто про него и не вспомнит? Как быть тогда? Вот тут-то и пригодился Бог: если никто из людей не будет воспринимать стол, он все равно будет существовать непрерывно, потому что есть Бог, всегда воспринимающий все предметы в мире.

Введя в свою философию Бога, Беркли тем самым ввел в нее и весь окружающий человека реальный мир. Вещи вокруг нас нам не снятся, они действительно существуют благодаря божественному восприятию. Поэтому наши ощущения дают нам какую-то информацию о мире, хотя и субъективную. Но как узнать, насколько мое ощущение истинно, то есть насколько оно соответствует реальности? Беркли предложил несколько критериев истинности ощущений, но все они могут быть опровергнуты в рамках его же системы, кроме последнего. Посмотрим, какие критерии истинности он рассматривал:

1. *Истинные ощущения ярки и отчетливы.* Но ведь и в кошмарном сне наши ощущения бывают чрезвычайно отчетливы и ярки!

2. *Одновременность одинаковых восприятий у нескольких людей: не только я воспринимаю предмет, но и другие тоже.* Но ведь бывают массовые психозы, да и заблуждения подчас разделяются большинством, а истина становится уделом одиночек. Вопрос об истине никогда не решался голосованием, в противном случае мы бы с вами до сих пор считали, что Земля — в центре Вселенной, ведь большинство в эпоху Возрождения думало именно так, а Коперник, Галилей, Бруно были в явном меньшинстве.

3. *Согласованность ощущений друг с другом: надо, чтобы ощущения не противоречили уже имеющимся.* Но ведь согласованность представлений может быть и ложной. Теория Птолемея была согласованной, ее положения не противоречили друг другу, но, тем не менее, она не была истинной.

4. *Принцип экономии мышления: надо отдавать предпочтение более простому объяснению.* А каков критерий этой «экономности»? Для одного сложным является даже таблица умножения, а для другого и теория дифференциальных уравнений проста. Что «экономнее» — мыслить атом неделимым или состоящим из электронов и протонов?

5. *Соответствие нашего восприятия восприятию в божественном сознании.* Тут уж и сказать нечего — в рамках мировоззрения Беркли этот подход является окончательным, решающим аргументом: если мое представление совпадает с представлением Бога, оно истинно. Только вот как об этом узнать?

Получается, что человек не знает ничего, кроме своих ощущений. Судить же об их истинности он не может. Ему остается надеяться, что его представления о том, что происходит в мире, совпадают с реальным, заданным Богом ходом вещей. Поэтому наука — лишь удобная для людей иллюзия, но никакого решающего подтверждения или опровержения истинности тех или иных теорий мы никогда не сможем получить: любое подтверждение все равно будет базироваться на наших субъективных ощущениях.

Вот таким образом Беркли показал, что *сенсуализм, доведенный до его логического предела, приводит к субъективному идеализму.* Сам Беркли субъективного идеализма постарался избежать, чего не сделал его последователь — Давид Юм.

Субъективный идеализм Д. Юма

Давид Юм (1711—1776) был убежден, что человек не может выйти за рамки опыта. Мы получаем впечатления, а на основании этих впечатлений формируем свои идеи. Впечатления формируются на основе чувств — через осязание, обоняние, вкус, зрение, слух, но мы не можем быть уверены, что они вызваны воздействием на органы чувств внешних предметов: «Что касается впечатлений, возникающих на основе ощущений, то их первоначальная причина, с моей точки зрения, совершенно необъяснима средствами человеческого разума, и всегда будет невозможно решить с уверенностью, рождает ли их непосредственное воздействие объекта, или они создаются творческой энергией ума, или же дарованы нам Творцом». Таким образом, любые вопросы о внешнем мире лишены смысла, ибо мы никогда не сможем ответить на них с уверенностью в своей правоте. *Человек может исследовать лишь содержание своего сознания, но не внешний мир.* Юм поэтому изучал, каким образом идеи взаимодействуют в человеческом сознании, но отказывался рассуждать о внешних предметах. Чувства — единственные каналы, по которым мы получаем информацию, но где гарантия, что они не искажают эту информацию, не обманывают нас?

Показательны в этом смысле рассуждения Юма о причинности. Ученые считают, что познают причины явлений, а на самом деле речь идет только об упорядочивании идей в их сознании. Впечатления оформляются у нас в голове в идеи. Когда одна идея предшествует другой раз за разом, то эти идеи связываются в нашем сознании по принципу ассоциации, и мы считаем, что явление, описанное первой идеей, является причиной явления, зафиксированного второй идеей. Но переносить отношения ассоциативных связей во внешний мир бессмысленно и опасно: мы не знаем, откуда берутся впечатления, а без этого наши рассуждения мало чем отличаются от рассуждений курицы, которой хозяйка каждое утро приносила зерно. Возникла четкая связь: хозяйка — зерно, хозяйка — зерно, и так день за днем. Но в один прекрасный день перед Рождеством эта связь оказалась разорванной: хозяйка пришла с ножом... Шотландский философ был убежден, что предположение о причине и следствии устанавливается людьми на основе их субъективных привычек и представлений и никак не связано с реальным миром. Поэтому наука — это своего рода психотерапия, она дает нам иллюзию познания мира, но не более того.

Итак, *действительность — поток впечатлений. Причины, порождающие эти впечатления, — непознаваемы.* Мы не можем даже знать, существует ли внешний мир. Существуют лишь впечатления от наших органов чувств (ощущений) и впечатления от внутренней деятельности души (рефлексии). От этих двух видов первоначальных ощущений зависят все идеи в нашем сознании. Ни одна идея не может быть образована без предшествующего ей впечатления (Юм здесь был согласен с Локком, что человек подобен чистой доске, на которой опыт пишет свои письмена).

Таким образом Юм, начав с сенсуализма Локка и аргументов Беркли, пришел к *субъективному идеализму и агностицизму* (убеждению, что мир непознаваем). Так эмпиризм, зародившийся как теоретическое обоснование опытного естествознания, в своих крайних формах привел к отрицанию познания и науки.

Вопросы и задания

1. Каков был идеал построения науки у Спинозы?
2. Что такое «истины разума» и «истины факта» у Лейбница? Как они соотносятся друг с другом?

3. Объясните, как вы понимаете выражение: «тождество бытия и мышления»? Для каких философов была характерна такая позиция? Встречались ли подобные взгляды в античной философии?
4. Что такое сенсуализм? Объясните, что значит сравнение Локком человека с чистой доской, *tabula rasa*? Почему с этим сравнением не был согласен Лейбниц? Чья точка зрения вам кажется ближе к истине — Локка или Лейбница?
5. Можно ли назвать Локка и Беркли номиналистами?
6. В чем суть теории первичных и вторичных качеств? Почему эта теория Локка стала основой для субъективного идеализма Беркли и Юма?
7. Объясните, как вы понимаете высказывание Беркли: «Быть — значит быть воспринимаемым»?
8. Каковы критерии истинности восприятий в философии Беркли?
9. Что такое агностицизм? Обоснуйте, почему Давида Юма можно назвать агностиком. Каких еще представителей агностицизма вы знаете?

3.4.3. Философия Просвещения

Просвещение — это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие — это неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-нибудь другого. Несовершеннолетие по собственной вине имеет причиной не недостаток рассудка, а недостаток решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! Имей мужество пользоваться своим собственным умом! — таков девиз эпохи Просвещения.

Иммануил Кант

Что такое **Просвещение**? Так принято называть движение в европейской культуре, которое, зародившись в XVII в., господствовало в XVIII столетии и постепенно охватило разные страны — Англию, Францию, Голландию, Италию, Германию, Россию и др. Просвещение сформировалось на основе различных культурных и философских традиций не в виде особой теоретической системы, а, скорее, в форме идеологии, для которой была характерна вера в человеческий разум, призванный обеспечить прогресс человечества и освобождение от оков невежества и суеверий. Само название этого движения говорит о том, что его

представители считали *просвещение умов главной силой исторического развития*. «Причина всех бедствий и несчастий людей, — заявлял Гельвеций, один из видных просветителей, — состоит в невежестве». Преодолеть свое печальное положение, выйти из него люди смогут только через просвещение, накопление знаний, а их рост постоянен. Просвещение и прогресс знаний, считали просветители, воздействует на все стороны жизни людей.

Европейское Просвещение — целая эпоха в мировой истории. Это движение началось в Англии, причем его зарождение связывают обычно с именем Джона Локка, о философии которого говорилось в предыдущей главе. Затем идеи Просвещения нашли благодатную почву для своего развития во Франции, которая и дала миру «классические» просветительские произведения. Идеи Просвещения нашли своих сторонников и в других европейских странах, но для многих из них это было связано с влиянием сочинений и деятельностью именно французских мыслителей. Особенно характерно это было для России, где сочинения Вольтера, Руссо, Дидро нашли много сторонников и продолжателей. Завершением и высшей точкой просветительской философии принято считать систему И. Канта.

Все направления Просвещения, сложившиеся в разных странах, роднит культ разума, науки, познания. Благодаря науке, считали просветители, осуществляется прогресс в развитии человеческого общества: применение научно-технических достижений в практике ведет к постепенному улучшению условий жизни человечества; распространение образования и культуры имеет своим следствием религиозную терпимость, защиту неотъемлемых естественных прав человека и гражданина, борьбу против сословных привилегий и тирании. Философии Просвещения свойственен специфический *рационализм*, основанный на представлении о едином мире, подчиняющемся разумным законам, которые могут быть сведены к законам механики. (В то время механика была одной из наиболее развитых областей знания.) Суть такого рационализма может быть выражена простой формулой: «*Законы природы суть законы разума*». Для лучшего понимания этих установок рассмотрим основные идеи французского Просвещения XVIII в.

Первая половина XVIII столетия во Франции была кануном буржуазной революции. Общество делилось на три сословия, причем первые два (духовенство и дворянство) составляли одну сотую часть населения, но, тем не менее, именно их интересы

защищало государство. Обнищание крестьян, огромные налоги, рыночные пошлины, бесконечные войны, паразитизм блистательного королевского двора, колоссальные государственные долги «готовили» революцию. Один из современников Вольтера писал, что «во Франции 7 миллионов человек живут милостыней, а 12 — не в состоянии ее подать». Спецификой социальной ситуации в стране было и то, что во Франции победила контрреформация, католическая церковь не потеряла своих привилегий как, скажем, в Германии или Англии. Поэтому *острие критики французского Просвещения было направлено против церкви как такого социального института, который наиболее ярко воплотил в себе феодальные порядки, и религии как антипода науки и образования*.

Во французском Просвещении можно выделить два этапа. Для первого, явным лидером которого стал **Вольтер** (1694—1778) — известный философ, историк, романист, драматург и поэт, был характерен *деизм*; на втором же этапе, связанном с деятельностью **Жюльена Оффре де Ламетри** (1709—1751), **Дени Дидро** (1713—1784), **Клода Адриана Гельвеция** (1715—1771), **Поля Анри Гольбаха** (1723—1789) и других, для мировоззрения просветителей был типичен *материализм и атеизм*. Представителей второго этапа французского Просвещения часто называют «энциклопедистами», потому что одной из важнейших задач, которые они поставили перед собой и которая их объединяла, было издание «*Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел*». Вдохновителями «Энциклопедии» стали Дидро и **Жан-Лерон Д'Аламбер** (1717—1783), в написании статей активно участвовали Гельвеций, Гольбах, Вольтер, **Жан-Жак Руссо** (1712—1778), Ж. Бюффон и другие философы, ученые, инженеры, писатели. Цель, поставленная авторами этого издания, поистине была грандиозной: они хотели изложить новое созерцание, новый подход ко всем областям человеческого познания и практики (поэтому и была избрана форма энциклопедии, где можно было затронуть практически все стороны жизни). Издание сопровождалось большими трудностями, оно было запрещено властями и церковью, тем не менее, в 1751—1780 гг. вышло 17 томов текста и 11 томов иллюстраций.

Философские взгляды Вольтера

Имя **Вольтер** было одним из 137 псевдонимов **Франсуа Мари Аруэ**, оставившего огромное литературное наследство — его собрание сочинений составляет десятки томов. С молодых лет

Вольтер

Вольтер проявлял свободомыслие: за сатиру, высмеивающую порядки Франции того времени, 23-летний писатель провел около года в Бастилии. Затем, после триумфальной постановки его пьесы «Эдип» и пришедшей к нему славы, Вольтер опять попал в Бастилию, а в 1726—1729 гг. вынужден был уехать в Англию, так как из Франции был выслан. Пребывание в Англии и знакомство с ее жизнью оказало большое влияние на формирование его взглядов.

Вернувшись во Францию, Вольтер стал интересоваться науками, в особенности ньютоновской физикой. Его сочинения принесли ему европейскую славу, в 1745 г. он был избран во Французскую Академию, а в 1750 г. принял приглашение Фридриха Великого обосноваться при прусском дворе. Фридрих стяжал себе славу «просвещенного монарха», «короля-философа», и Вольтер надеялся найти в нем проводника своих идей. Надежды эти не оправдались, спустя три года Вольтер покинул Пруссию, но и в Париж вернуться не мог. В результате он обосновался сначала в Швейцарии, а затем приобрел себе имение в Ферне, близ швейцарской границы. В этот, фернейский период им и были созданы самые значительные произведения. Незадолго перед смертью Вольтер посетил Париж, где его встретили, несмотря на недовольствие короля Людовика XVI, толпы восторженных поклонников и почитателей. Рассказывают, вернувшегося в Париж Вольтера у заставы остановили полицейские, которые стали расспрашивать, не везет ли он запрещенных законом вещей. Вольтер ответил на расспросы так: «Единственная контрабанда в карете — это я!». Если иметь в виду революционное влияние его идей на современников, то такой ответ был недалек от истины. Недаром некоторые сочинения Вольтера (например, его «Философские письма») были «приговорены» парижским судом к сожжению. По всей Европе понятие «вольтерьянство» стало означать свободомыслие и неприятие церкви. Лозунг Вольтера «Раздавите гадину!», означавший неприятие католической церкви, стал своего рода знаменем французских просветителей.

В своих произведениях Вольтер доказывал, что религия — пережиток прошлого, порожденный невежеством. Он остроумно писал, что религия возникла тогда, когда повстречались мошен-

ник и глупец. Один обманул (поскольку ему это было выгодно), а другой — поверил. Конечно, это был крайне упрощенный взгляд на религию, но Вольтер был одним из первых, кто заговорил о религии как *социальном явлении*, связанном с интересами определенных классов и групп. Его подход был односторонен: он писал об истории христианской церкви как об «истории крови» (имея в виду религиозные войны, инквизицию, крестовые походы), но не замечал, что это было и историей просвещения, распространения культуры; характеризовал библейские тексты как нелепые и противоречивые, но не замечал их нравственной силы и т. д. Тем не менее, исходя из соображений реальной жизни, Вольтер задавался вопросом: «Необходимо ли для общего блага людей, этих несчастных мыслящих животных, допустить существование вознаграждающего и мстящего Бога, служащего для нас одновременно уздой и утешением, или же нам надо отбросить эту идею, оставляя нас в бедствиях без надежды, а при совершении преступлений — без угрызений совести?». Ответ был очевиден: в отличие от энциклопедистов, Вольтер считал, что из-за своих социальных функций религия необходима, так как религиозная вера — это сила, управляющая поведением людей, устанавливающая правила поведения в обществе, удерживающая людей от братоубийства и дающая им надежду на воздаяние после смерти. Он говорил: «Если бы Бога не было, его следовало бы выдумать».

Вольтер не только признавал прагматическую полезность веры, он и в своих философских взглядах оставался на позициях *деизма*. Он верил в Бога как Творца нашего мира, и даже много спорил по этому поводу с атеистами — Дидро, Гольбахом, Гельвецием. Но Бог Вольтера — не христианский, а философский Бог, первоначало движения, цель развития, природный разум. Бог не сотворил мир из ничего, материя вечна, но и Бог вечен. Он привносит движение в материю, дает миру законы. Как писал Вольтер, Бог повелел один раз, и «Вселенная повинуется постоянно». Поэтому для просвещенных людей Вольтер предлагал «разумную религию», философский деизм. А для необразованной толпы вполне подойдет и традиционная вера в Бога: «Скоро у нас будут новые небеса и новая земля. Само собой, для порядочных людей. Ибо для черни вполне достаточно самой глупой земли и самого глупого неба».

Любопытно, что Вольтер не признавал развития в живой природе, он считал невозможным зарождение жизни из неорга-

нической природы. Жизнь, сознание, человек созданы Богом. Энциклопедисты спорили с ним, но он оставался противником эволюционных взглядов. В одном из своих писем он рассуждал так: возьмите типографский шрифт и подбрасывайте его в воздух сколько угодно раз, все равно типографские литеры никогда не сложатся в результате подобных бросков в текст «Илиады» или «Одиссеи» Гомера. Почему же тогда можно предполагать, что сложные и целесообразные живые организмы — бабочки, слоны, люди — могли возникнуть в результате стихийного сцепления атомов?! Могло ли столь замечательно устроенное крылышко бабочки возникнуть из-за случайной комбинации материальных частиц? Нет, считал Вольтер; в природе присутствует высшее разумное начало, которое и придает миру целесообразность и гармонию.

В теории познания Вольтер тоже не был последователен. С одной стороны, он сенсуалист: содержание человеческого сознания полностью зависит от тех чувственных данных, которые он получает, а значит, человек — чистая доска, на которой опыт оставляет свои письмена. Отсюда прямо следовал вывод, что поведение людей, их нравственность, интеллектуальное развитие напрямую зависят от воспитания. С другой стороны, сама способность чувствовать и мыслить, считал Вольтер, заложена в человека Богом.

Социально-политические взгляды Вольтера имели ярко выраженную антифеодалную направленность: он боролся против крепостничества, выступал за равенство граждан перед законом, отмену сословных привилегий, требовал свободы слова и т. д. Но критику частной собственности он решительно отвергал, полагая социальное неравенство вечным законом развития общества. Поэтому политическим идеалом Вольтера («разумным государственным устройством») была «просвещенная монархия» во главе с образованным и мыслящим монархом. Свое время Вольтер считал эпохой господства «разума», когда «здравая философия» берет верх над предрассудками и суевериями, а ее выводы начинают овладевать умами правителей. Он с восторгом писал о том, что «почти все государи Европы свидетельствуют свое уважение к философии, а полвека назад не поверил бы, что она может приблизиться к ним». Большинство просветителей, так же, как и Вольтер, верили в то, что просвещенный монарх сможет изменить общественную жизнь, поэтому они вели переписку с королями и императорами, «наставляя» их на путь разума.

Происхождение неравенства в учении Ж.-Ж. Руссо

Несколько особняком стоит фигура другого французского просветителя, философа и писателя Жан-Жака Руссо. Его слава началась с написания эссе на конкурс, объявленный Французской академией наук, — «Рассуждение о том, способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?». Руссо дал на этот вопрос отрицательный ответ. Он считал, что искусство и наука, как и вообще цивилизация и культура, не сделали людей более счастливыми. Он писал о догосударственном «естественном» состоянии, при котором древние люди жили в полной гармонии с природой, были счастливы и свободны. (Вольтер ехидно заявил, что прочитав Руссо, ему захотелось встать на четвереньки и убежать в лес.) Затем среди этих счастливых и свободных людей появился тот, кто, указав на кусок земли, сказал: «Это мое». В силу своей доверчивости остальные люди ему поверили. Так возникла *частная собственность*, а с нею и первая форма *социального неравенства* — неравенство между богатыми и бедными. Гармония была нарушена, люди начали воевать друг с другом за землю и ее плоды, и для того, чтобы остановить истребление людей, было создано *государство*.

Руссо, как и большинство мыслителей этого времени (Т. Гоббс, А. Радищев, Вольтер, Гельвеций и другие), был сторонником *теории общественного договора*. Согласно этой теории, *государство появляется как продукт договора людей*, которые добровольно ограничили свою свободу и взяли на себя обязательство исполнения определенных требований (исполнение законов, например) в обмен на то, что государство гарантирует им остальные, неотъемлемые права — право на жизнь, собственность и т. д. Но с появлением государства возникла вторая форма социального неравенства — неравенство между управляемыми и управляющими. Впрочем, и на этом углубление неравенства не прекратилось. Логика власти такова, что тем, кто ею обладает, всегда ее не хватает. Поэтому постепенно происходила концентрация и узурпация власти, закономерно приводящая к тирании. В условиях же тирании складывается, по Руссо, парадоксальная ситуация: здесь все равны в своей беспомощности перед деспотом. Возникает ситуация «отрицательного» равенства, явно нарушающего первоначальный общественный договор: тиран уже не выполняет тех условий, на которых люди согласились ограничить свою свободу. Значит, делал революционный по своей сути вывод Руссо, люди вправе разорвать такой договор, свергнуть

власть. Таким образом, учение о неравенстве Руссо было теоретическим оправданием революции.

А что же предлагал Руссо как возможный выход из сложившейся ситуации? Как мы видели, все началось с возникновения частной собственности. Означало ли это, что Руссо выступал за ее уничтожение? Нет, конечно. Он писал, что обладание частной собственностью является неотъемлемым, «естественным» правом человека. Поэтому его требования сводились к *ограничению размеров частной собственности*: «Крупная частная собственность на землю приносит огромный вред: если на одном месте вывалить навоз — это вред, а если равномерно разбросать, то будет польза, так и земля — если перейдет в частную собственность одного латифундиста, будет только зло». Руссо требовал, чтобы земля была поделена поровну между всеми. Впрочем, анализируя историю развития неравенства, он сам показал, что в такой ситуации равной частная собственность не могла бы остаться надолго: один участок земли плодороднее другого, на одном есть нефть — на другом нет и т. д., и т. п. Перераспределение частной собственности, ее постепенное укрупнение было бы все равно неизбежным. Тем не менее, общество, построенное на уравнительном принципе, не допустит, мечтал Руссо, «ни богачей, ни нищих».

Руссо был сторонником республики. Народные собрания выбирают исполнительную власть, законодательная же должна принадлежать всему народу. Но даже выборы исполнительной власти не столь простое дело. Поэтому Руссо считал, что разумные выборы возможны лишь для небольшого региона, где люди знают выбираемого лично. Затем избранные представительные органы должны выбирать центральную власть.

Почему же мы сказали, что Руссо стоит несколько особняком от остальных французских просветителей? По своим социально-философским взглядам он был гораздо революционнее большинства своих современников, выступал за отмену сословной иерархии, за равенство, — недаром его философию (как и философию других просветителей), часто называют теоретической подготовкой Французской революции. Это так. Но в главном вопросе — о роли просвещения и науки — он расходился и с Вольтером, и с энциклопедистами. В отличие от них, Руссо довольно критически относился к наукам, считая, что «науки, литература, искусство обвивают гирляндами цветов оковывающие людей железные цепи, заглушают в них естественное чувство

свободы». Его идеал находился в прошлом — «естественный» человек, добрый по своей природе, живущий в гармонии с окружающим миром, не подвергающийся насилию со стороны общества. Такой подход вызывал неприятие со стороны других просветителей, уповавших на могущество знания и наук. Но в современном мире, балансирующем на грани экологической катастрофы, очевидно, что Руссо был одним из первых, кто увидел в науке не только надежду, но и опасность. Кстати, взгляды Руссо способствовали установлению в Европе моды на «естественность»: женщины перестали обильно пользоваться белилами, парки стали разбивать не только «регулярные» (с четкими линиями аллея, клумбы, посаженными в ряд деревьями), но и «ландшафтные» (воспроизводящие природные уголки, где могло встретиться и искусно поваленное дерево, и неподстриженная трава), в садах стали выращивать полевые цветы и т. п. Тем не менее, социальная теория Руссо с ее революционными выводами долгое время рассматривалась как опасная крамола.

Атеистический материализм энциклопедистов

Второй этап французского Просвещения, как мы уже сказали, характеризовался переходом от деизма к материализму и атеизму. Дидро, Гольбах, Ламетри и другие представители этого этапа развития философской мысли признавали материальный мир никем несотворенным, вечным. Но перед ними встал вопрос о том, откуда же в этом материальном мире взялось движение? Именно этот аргумент выдвигал как доказательство Бога еще Аристотель, его повторял Вольтер и многие другие философы. Французские материалисты ответили на этот вопрос таким образом: *движение присуще самой материи как ее основное свойство*. Более того, движение есть всюду (Дидро считал, что даже в неподвижной глыбе мрамора есть внутреннее движение атомов, невидимое глазом), поэтому движение нельзя сводить к простому перемещению предметов. Итак, движение — абсолютно, оно — всюду, оно так же вечно, как материя. Гельвеций писал по этому поводу: «Мы наблюдаем, как природа находится в вечном брожении и разложении. Кто решится отрицать, что движение, подобно протяжению, присуще всем телам и что движение — причина всего существующего?» Как проявление движения энциклопедисты рассматривали и эволюцию мира от простого к сложному, от неорганической природы к человеку: «От камня, образованного внутри Земли... до Солнца, от пассив-

ной устрицы до активного и мыслящего человека мы видим непрерывное продвижение и развитие», — писал Гольбах.

Каковы же законы, по которым совершается движение в природе? С точки зрения Дидро и его соратников по «Энциклопедии», в мире господствует *причинность*. Весь движущийся материальный мир представляет собой необъятную и непрерывную цепь естественных причин и их следствий, которые познаются и описываются науками. Но для них, как и для некоторых философов, живших задолго до XVIII столетия, причинность и необходимость были синонимами. Все в мире имеет свою причину, значит, *все необходимо, случайностей нет*. Таким образом, пытаясь изгнать из человеческого сознания веру в чудеса, божественное вмешательство и т.п., утверждая, что у любого явления есть вполне объективная природная, естественная причина, они невольно пришли к *фатализму*. *Все предопределено связями природы, человек не может разорвать цепь причин и следствий, случайностью мы называем то, причину чего еще не poznали*. Гольбах так выразил фаталистический взгляд на мир: «Наша жизнь — линия, которую мы должны по велению природы описать на поверхности земного шара, не имея возможности удалиться от нее ни на один момент. Мы рождаемся помимо нашего согласия, наша организация не зависит от нас, наши идеи появляются у нас произвольным образом, наши привычки зависят от тех, кто общается с нами. Мы непрерывно испытываем следствия причин, которые с необходимостью направляют наш образ жизни, мысли и действия. Мы чувствуем себя хорошо или плохо, мы счастливы или несчастны, рассудительны или безрассудны вне всякой зависимости от нашей воли». Согласитесь, очень странный взгляд на мир для очень активных людей, проповедовавших необходимость изменения общества и людей, боровшихся со старыми порядками, с церковью! Казалось бы, если все предопределено, то зачем тратить силы на подпольное издание «Энциклопедии»; негодовать на установленные в обществе законы, провозглашать необходимость просвещения и образования. Действительно, в жизни энциклопедистам совсем не была присуща проповедь бездействия и покорности предопределенной уже судьбе, но в теории они не могли отказаться от фатализма, потому что для них это означало бы отказаться от причинности, то есть — от научного взгляда на мир. (Как вы думаете, обязательно ли признание причинности в мире ведет к отрицанию случайностей и проповеди фатализма?)

В своих социально-философских взглядах энциклопедисты тоже стояли на позиции теории общественного договора. Но важным здесь было вот что: человек рассматривался ими как часть природы. Как любое живое существо, он стремится ко всему, что ему приятно и полезно, избегает всего, что доставляет ему страдания. Но в неправильно, неразумно устроенном обществе плохие, порочные поступки могут делать людей счастливыми, — тогда человек портится, он формируется так, чтобы ему было легче и приятнее жить. Значит, дурные и порочные люди существуют лишь потому, что существуют общества, где порок выгоден, то есть *не природа создает дурных людей, а общество их делает такими*. Общество ответственно за пороки его членов. Значит, делали выводы энциклопедисты, *чтобы изменить людей, надо изменить общественное устройство*, сделать его разумным.

Как выглядело, по их мнению, это разумное устройство общества? Надо сделать так, чтобы людям было выгодно творить добро, чтобы личный интерес не противоречил общему. Прошедшие столетия — за редким исключением — энциклопедисты рассматривали как время глупости, невежества и обмана. Особенно доставалось Средним векам, их даже называли «дыркой в истории». Зато современную им эпоху они видели как эпоху науки, когда умы просвещаются, в том числе — умы правителей, которые принимают все более правильные, разумные законы. Благодаря этим разумным законам, все больше людей получают образование, трудятся на общее благо. Дидро даже приезжал в Россию, надеясь убедить Екатерину II, слышшую «просвещенной» правительницей, отменить крепостное право, уравнивать все сословия в правах, учредить парламент, создать университет для публичного преподавания наук всем желающим и осуществить другие преобразования. Разумеется, Екатерина не стала претворять этот план Дидро в жизнь.

Надо сказать, что к *просвещенной монархии* энциклопедисты склонялись из-за того, что считали республику неприемлемой формой правления для больших стран. На маленьких территориях республика эффективна: можно достаточно легко провести референдум, чтобы узнать мнение большинства народа, выборы могут носить «прозрачный» характер, указы правительства быстро достигают всех областей страны. В больших же государствах более приемлемо единовластие (то есть монархия).

Подводя итог, мы должны сказать, что французское Просвещение стало своеобразным поворотным пунктом в развитии философского материализма: атеизм, признание самодвижения материи, проведение строгого принципа причинности в объяснении мира — все это стало новым этапом в развитии материалистического направления европейской философии. В то же время, материализм просветителей носил *механистический* характер. Наверное, самым ярким примером здесь может служить сочинение Ламетри «Человек-машина», в котором поведение человека и его мышление объяснялись как функции механизма с позиций механики, которая, выдвинувшись на первое место среди других наук еще в предыдущем столетии, вместе с примыкающими к ней ветвями математики и астрономией, утвердила в умах ученых и философов стремление объяснить мир в присутствующих ей понятиях.

Вопросы и задания

1. Какую эпоху в истории человеческой культуры называют Просвещением?
2. Каковы основные черты философии Просвещения?
3. В чем особенности философии французского Просвещения? Каких представителей французского Просвещения вы знаете? Какие этапы можно выделить в просветительском движении во Франции?
4. Расскажите о том, как относился Вольтер к религии и церкви. Признавал ли он существование Бога?
5. Почему спорят о том, можно ли Руссо считать представителем просветительского движения? Как он относился к прогрессу науки?
6. Какова суть теории общественного договора? Какие выводы из этой теории сделал Руссо?
7. Как представлял себе происхождение социального неравенства Руссо? Какие виды неравенства он выделял?
8. Желанием просветить умы было вызвано появление издания, которое Вольтер назвал «великим памятником нации». О каком издании идет речь?
9. Существует ли взаимосвязь с признанием принципа самодвижения материи и атеизмом во взглядах философских просветителей?
10. Каков был идеал политического устройства общества у французских просветителей? Зачем Дидро приезжал в Россию?
11. Объясните, как соотносятся теизм, пантеизм, деизм и атеизм.

3.4.4. Критическая философия И. Канта

Закон, живущий в нас, называется совестью.

Иммануил Кант

С именем великого немецкого философа **Иммануила Канта** (1724—1804) связывают начало *немецкой классической философии*. Творчество Канта в течение двух с лишним столетий подвергалось глубокому, нередко горячему и страстному, изучению, о нем написаны тысячи статей и книг, до сих пор издаются специальные журналы, посвященные его идеям и их развитию. Сегодня вряд ли возможно найти в мысли или жизни Канта какой-нибудь «закоулок», который бы остался неизвестным для исследователей. Но в то же время, Кант в своей умственной жизни постоянно касался таких вечных вопросов, на которые никогда не будет дан окончательный ответ, поэтому анализ его идей составляет необходимый момент в изучении философии. Недаром на первых страницах «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова мы читаем о том, как мессир Воланд поведал Берлиозу и Бездомному о своей беседе за завтраком с профессором Кантом, — Кант стал знаковой фигурой для всей человеческой культуры.

Читать Канта не просто. Понимать еще труднее. Но игра стоит свеч, затраченное умственное усилие вознаграждается, — кантовские идеи расширяют интеллектуальный горизонт, оттачивают мысль. Сам Кант понимал масштаб того переворота, который он совершил в философии, и называл его «коперникианским». Продолжая его собственное сравнение с Коперником, можно сказать, что Кант не открыл для людей новых миров, но дал человеческому уму такую новую точку зрения, с которой все прежде представилось ему в другом, более истинном виде. Перед нами стоит сложная задача: представить в этой главе общий «очерк» кантовского учения. Конечно, мы неизбежно упростим систему Канта, но постараемся сделать это так, чтобы не исказить его основные идеи.

Основные вехи жизни и творчества И. Канта

Жизнь Канта была небогата внешними событиями. Он родился в Кенигсберге в семье ремесленника, семнадцати лет поступил в Кенигсбергский университет, где изучал богословие, естественные науки и философию. Несколько лет Кант зарабатывал себе на жизнь, будучи домашним учителем, потом получил

Кант

место приват-доцента, и довольно поздно — когда ему было уже 47 лет! — профессора в родном университете. Несмотря на сухую манеру изложения, его лекции своей содержательностью и оригинальностью привлекали значительное число слушателей. Кроме логики и метафизики, он читал курсы лекций по математике, физике, минералогии, естественному праву, этике, физической географии, антропологии, богословию.

Кант оставался в Кенигсбергском университете до самого своего выхода в отставку. Он слыл педантом и буквоедом, жители города проверяли по нему свои часы — изо дня в день он выходил на прогулку в одно и то же время.

Несмотря на сравнительно позднее вхождение в университетский и научный мир, Кант еще при жизни стал знаменит, его называли «немецким философом номер один». Однако Кант был не только философом. В течение многих лет, в тиши захудалого немецкого университета, вне центров научной жизни того времени, Кант самостоятельно работал над вопросами астрономии, физической географии и антропологии, внимательно следил за развитием естествознания. Все творчество Канта принято подразделять на два периода: *докритический* (до 1770 г.) и *критический*. В первый период интересы Канта носили ярко выраженный естественно-научный и даже материалистический характер. В это время он написал знаменитый трактат «Всеобщая естественная история и теория неба», в котором обосновал гипотезу происхождения Вселенной из первоначальной «туманности», которую, в сущности, лишь повторил Лаплас спустя несколько десятилетий (Лаплас не читал этой работы Канта).

В 1770 г. состоялся переход Канта к воззрениям «критического» периода. Это событие произошло под влиянием работ Д. Юма. Кант писал позднее, что именно «Юм пробудил его от догматической дремоты». Если вы помните, Юм довел до логического конца эмпиризм, предположив, что в познании мы имеем дело только со своими субъективными впечатлениями, более того, мы никогда не сможем достоверно узнать, что стоит за этими впечатлениями, что их вызывает. Именно эти идеи Юма заставили Канта *критически* задуматься о процессе познания. В 1781 г. появилась его работа «Критика чистого разума», за ней

последовали «Критика практического разума» (1788) и «Критика способности суждения» (1790). Отсюда и название второго периода в его творчестве — критический.

«Вещь в себе» и «вещь для нас»

Вопрос о том, как возможна подлинная (в терминах Канта — «рациональная») наука, был общим для всех мыслителей Нового времени. При решении этого вопроса Канта не удовлетворили ссылки на опыт и эксперимент, потому что для него было очевидно, что опытные данные человек может получать лишь в соответствии с устройством своего ума. Мы воспринимаем мир не таким, каков он есть на самом деле, а таким, каким он является нам, — кошка или землеройка видят мир совсем иным. *Наш ум познает предметы по присущим ему правилам и законам.* Эти правила даны нам до всякого опыта и даже предшествуют ему, иначе бы мы не могли познавать мир. Поэтому Кант разделил все знания на *априорные*, то есть предшествующие опыту, и *апостериорные*, приобретенные опытным путем. Не так уж важно, откуда берутся в нашей голове априорные предпосылки познания — вложил их в человека Бог или эволюция живого мира в своем развитии создала такие мозговые структуры, но именно наличие этих априорных оснований делает возможным познание. Ведь априорные (доопытные) суждения присущи всем людям, значит, именно они могут стать фундаментом истинной науки, ее бесспорным основанием. С другой стороны, опыт дает нам новую информацию, благодаря ему мы приращиваем свое знание. Поэтому подлинная («рациональная») наука должна совмещать в себе оба этих признака — с одной стороны, опираться на признаваемые всеми априорные суждения, а с другой — включать в себя продуктивность суждений, приносящих нам что-то новое. Возможно ли это? На этот вопрос и отвечал Кант в своей «Критике чистого разума», где была изложена его теория познания.

Кант выделял *три основных познавательных способности* человека (следуя здесь традиции, поскольку такие познавательные способности выделяли и многие философы до него — Спиноза, например):

- 1) чувственная (когда мы познаем мир на основе наших ощущений);
- 2) рассудочная (когда мы описываем мир с помощью рассудка);

3) разумная (когда мы пытаемся познать принципы мироздания, понять, каков мир на самом деле).

Пространство и время как априорные формы чувственности

Для чувственного восприятия априорным фундаментом познания, по Канту, являются такие формы, как *пространство* и *время*. Казалось бы, мы привыкли считать, что представление о пространстве и времени возникают у нас в результате опыта: мы получаем данные об окружающем мире, а в результате у нас вырабатываются понятия пространства и времени (так рассуждал, скажем, Локк). Но задумайтесь, возможно, Кант прав, когда говорит, что все происходит прямо наоборот: нам врожденно представление о пространстве и времени, и только благодаря этому чувственные восприятия мира не смешиваются у нас в невообразимую кашу, а существуют в нашей голове последовательно (из-за того, что время нам дано априорно) и отдельно (из-за априорного характера пространства). Пространство и время координируют наши чувственные ощущения. Чувственное восприятие ребенка уже с рождения оперирует пространством и временем, значит, делает вывод Кант, — *пространство и время — это априорные формы чувственности*. Благодаря этому *возможно существование математики как рациональной* (значит — истинной, настоящей) *науки*: геометрия базируется на заданном нам представлении пространства, а алгебра опирается на априорную установку о последовательности действий (времени). Пространство и время оказываются субъективной схемой, содержащейся в нашей голове, с помощью которой мы и описываем мир. Возможно, у других живых существ эти схемы совсем иные, и их чувственное восприятие мира отличается от человеческого.

Схематизм рассудка

Еще более схематичной становится следующая ступень познания — рассудочная. Нить рассуждения Канта была такова: любая наша мысль, говорим ли мы о любви или о сдаче экзамена по математике, может быть выражена в форме суждения. Еще Аристотель показал, что для формальной логики существует всего 12 видов суждений. Например, с точки зрения общности, суждения можно подразделить на общие, частные и единичные. «Все студенты должны изучать философию» — пример общего суждения. «Некоторые студенты должны изучать философию» — пример частного суждения. «Студент Иванов должен изучать философию» — единичное суждение. Подобным же образом выделяются и другие виды суждений. Причем эта классификация

«срабатывает» не только вне зависимости от содержания суждения (о любви или об экзамене идет речь), но и вне зависимости от языка (она одинаково верна для русского или английского языков, хинди или древнегреческого). Согласитесь, удивительная вещь: в любом уголке земного шара люди беседуют о совершенно разных предметах, но «схемы» их мышления укладываются всего в 12 видов суждений! Наверное, это не случайно, подумал Кант, и приписал каждому виду суждения свою *категорию* (понятие). Например, общим, частным и единичным суждениям соответствовали категории «единство», «множественность», «совокупность».

Человек описывает мир именно при помощи таких априорных по своей сути категорий, утверждал Кант. Они даны нам как схемы, заложенные в нашем рассудке. Когда естествоиспытатель описывает мир, он как будто «накладывает» эти схемы на живую, постоянно меняющуюся, жужжащую, шевелящуюся действительность, «подгоняет» ее под эти схемы и тем самым формулирует определенные рассудочные теории. Законы естествознания — как раз и есть такие схемы, которые отвлекаются от разнообразия и непохожести предметов в мире. В мире нет двух одинаковых существ, нет двух абсолютно одинаковых предметов, а мы строим некие всеобщие схемы: «Все предметы расширяются при нагревании», «Пройденное расстояние всегда зависит от скорости движения и затраченного времени», «У млекопитающих два круга кровообращения» и т. д. Но ведь млекопитающим может быть кит, а может быть заяц, двигаться можно на самолете или пешком, прихрамывая, нагреваться могут камни в Сахаре или ртуть в градуснике, которым вы меряете температуру тела. Все очень разное, но естествоиспытатели отвлекаются от этих различий и дают нам общие схемы, которые, по мнению Канта, опираются на априорные категории рассудка, — благодаря этому законы естественных наук понятны всем людям, носят всеобщий характер. Именно поэтому *естествознание* (наравне с математикой, базирующейся на априорных формах чувственности), *возможно как рациональная наука*. Кант совершенно гениально показал, что *естественные науки всегда схематичны*, их задача — отвлечься от единичных различий (неважно, сломан ли усик у данной бабочки или нет, все равно бабочка, как представитель чешуекрылых, должна обладать определенным «набором» характеристик, а любой человек — плачет он или смеется — дышит с помощью легких и т. д., и т. п.) и сформулировать общие поло-

жения, законы, с помощью которых мы смогли бы разложить мир «по полочкам», сделать понятным для себя.

Но означает ли это, что естественно-научные законы — схемы описывают реальный мир? Кант ответил на этот вопрос парадоксальным образом: «Человек — законодатель природы». Как это так? Разве мы предписываем законы природе? Привычная точка зрения говорит, что мы открываем уже имеющиеся природные законы, не более того. Но задумайтесь: ведь мы описываем мир с помощью уже имеющихся у нас в голове рассудочных схем, то есть мы организуем полученную извне информацию о мире определенным образом, мы навязываем миру свою точку зрения на него. В этом смысле Кант прав, — математические и естественные науки дают нам «человеческую» картину мира, поскольку опираются на априорные предпосылки чувственного и рассудочного познания. С их помощью мы познаем мир, нам *явленный*, но каков он вне нашего восприятия, сам по себе — мы не знаем, хотя очень хотели бы узнать. Кстати, этот вывод Канта получил неожиданное подтверждение уже в XX в. в трудах Нобелевского лауреата Конрада Лоренца и других ученых, изучавших познавательные процессы в человеческом мозге. Оказалось, что наше восприятие действительности напрямую зависит от того, каким образом — в результате эволюционного развития — устроен наш мозг.

Вывод Канта был следующим: настоящее познание, поскольку предмет его — *мир явлений*, и опыт не есть что-то внешнее познающему и независимое от него, а напротив, представляет собой лишь порождение самого ума, согласованное между собой с помощью схем рассудка. Как написал позже об учении Канта русский философ Владимир Соловьев, «Мир познается умом, лишь поскольку он создается им же».

Противоречивость разума

Таким образом, с помощью чувственности и рассудка человек познает мир явлений: то, какими вещи нам являются, каковы они для нас. Но человек всегда мечтал познать, каков мир сам по себе, независимо от нашего восприятия, *объективно*. Такую задачу ставит перед собой *разум*. Он пытается узнать, что такое «*вещь в себе*» или, говоря более привычным языком, — вещь сама по себе, не в человеческом восприятии, а самостоятельно. Человечество предпринимало множество попыток познать «вещи в себе», строя различные метафизические (философские) системы. Суть всех этих систем можно свести к трем

основным вопросам, волновавшим людей с древних времен: о душе, о Боге и о космосе. Кант смог определить те «точки», в которые упирались все духовные искания как отдельного индивида, так и всей культуры в целом. Что такое моя душа, смертна она или бессмертна? Есть Бог или нет, какова его роль в мире? Что такое сам этот мир, имеет ли он начало в пространстве и времени или бесконечен? В конечном счете, именно эти вопросы всегда лежали в основе философии-метафизики. Поэтому Кант говорил о *трех априорных идеях*, свойственных разуму.

Сам Кант подробно рассмотрел третью идею — о космосе, ведь недаром еще в докритический период он отдал так много времени размышлениям о происхождении Вселенной, эта идея была понятнее и легче для него, чем вопросы о душе или о Боге. Но и здесь он натолкнулся на неразрешимые противоречия — *антиномии*. Кант выделил 4 таких антиномии:

1. Мир имеет начало во времени и ограничен в пространстве. — Мир бесконечен и во времени, и в пространстве.
2. Любая сложная вещь состоит из простых частей. — В мире нет ничего простого, не существует предела делимости.
3. Все в мире совершается по природной необходимости, свободы нет. — В мире существует свобода.
4. Существует Бог как причина мира. — Бога нет ни в мире, ни вне его.

Поразительным было то, что обе части этих антиномий можно доказать одинаково строго, не нарушая законов логики. Но разве такая ситуация возможна в науке?! Конечно, нет, значит, сделал вывод Кант, *метафизика невозможна как рациональная наука*. Как только мы попытались узнать, каковы «вещи в себе» (мир, душа, Бог — это тоже «вещи в себе»), а не явления, мы натолкнулись на антиномии. С точки зрения великого Канта, антиномии-противоречия играют роль пограничных столбов для научного познания: дальше идти бессмысленно, мы не сможем получить научных ответов на поставленные вопросы. Если чувственность и рассудок, описывающие явления, дают нам вполне достоверное знание, то разум поставил перед собой задачу «не по плечу», — человек не может познать мир таким, каков он есть на самом деле. «*Вещи в себе*» *непознаваемы*.

Кант — *агностик* (вы помните, что агностицизмом называется позиция, провозглашающая непознаваемость мира). Наше познание пригодно для решения практических задач, описания нашего восприятия действительности, но оно бессильно при ре-

шении фундаментальных вопросов бытия. Наука — это остров, за краями которого — океан непознаваемого, и в силу своей ограниченности ее необходимо дополнить *верой*. Мы не сможем научно доказать, есть Бог или нет, но мы можем *верить* в то, что он существует или не существует. Мы не сможем в виде однозначно истинной научной теории доказать, имеет ли мир границы в пространстве и времени, — но мы можем *верить* в то, что он безграничен или, наоборот, имеет пределы. И так обстоит дело со всеми антиномиями. В предисловии к «Критике чистого разума» Кант писал о том, что предпринял свое исследование человеческого познания с целью *ограничить науку и очистить место вере*. Он преуспел в этом, но пошел дальше: следующая его работа, «Критика практического разума», была посвящена уже исследованиям морали.

Моральный закон

«Чистым» для Канта был теоретический, научный разум, который, как он показал, имел свои пределы. А что же такое «практический разум»? Для Канта «практический разум» — это разум, который направляет поступки людей. А отношения людей в обществе регулируются прежде всего моралью, а потому в этом сочинении Кант исследовал *условия моральных поступков* людей.

Так же, как и в теоретическом познании, Кант искал основание для морального поведения людей — некий общий принцип, из которого бы выводились правила для различных ситуаций. Этот принцип должен носить формальный характер, потому что если бы он описывал содержание конкретных поступков, то он должен был бы быть бесконечным перечислением всех возможных случаев и ситуаций. В результате Кант сформулировал свой знаменитый *категорический императив* — всеобщий моральный закон. «Императив» переводится как требование, то есть речь идет о категорическом, безоговорочном требовании, без соблюдения которого мораль невозможна. Кант предложил несколько формулировок категорического императива; самая известная звучит так: *«Поступай так, чтобы максима (предписание — Авт.) твоей воли всегда могла стать принципом всеобщего законодательства»*. То есть, поступай в любой ситуации так, чтобы твой поступок смог стать образцом для других. Есть и другая формулировка категорического императива, которая нам особенно импонирует: *«Человек человеку всегда цель, но никогда — средство»*. Человек не может рассматриваться никем как средство, как ин-

струмент для достижения какой-то цели, он имеет высшую ценность, он сам — цель любого поступка и действия.

Этот моральный закон содержится в сознании каждого человека, ведь в глубине души мы всегда знаем, когда поступаем нехорошо, какие бы отговорки не придумывали. Категорический императив — мерило для оценки наших поступков. Кант лишь сформулировал явно то, что неявно уже было основанием человеческой морали на протяжении долгих веков. «Звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас» неизменны, считал Кант.

Но здесь перед ним встал вполне резонный вопрос: а как отличить нравственное поведение от лицемерного, «притворяющегося» нравственным? Ведь не секрет, что для того, чтобы произвести «хорошее впечатление», человек иногда совершает поступки, внешне не отличимые от того, что предписывает моральный закон в данной ситуации, но *мотивы* этих поступков могут быть далеки от моральных. В конечном счете вопрос мотивации — главный для оценки поступка как морального, аморального, или имморального. В зависимости от мотивов Кант разделил «внешне» правильные поступки на *моральные* и *легальные*. Легальные поступки — те, которые по форме совпадают с рекомендациями морального закона, но их мотивы имеют совсем иной характер: человек, совершающий поступок, получает от него удовольствие, выгоду, пользу и т. д. Моральные поступки — те, что совершаются из чувства долга, из уважения к нравственному закону, даже когда он противоречит сиюминутным интересам человека. То есть, с точки зрения Канта, мораль должна быть *автономна* (независима) от выгоды, социальных условий, целей достижения удовольствия, счастья и т. д. Если, скажем, французские материалисты XVIII в. утверждали, что нравственным является все, что способствует человеческому счастью, то Кант с этим категорически не согласен: человек должен следовать моральному закону даже в том случае, если это сделает его лично несчастным, — это его *долг*.

В истории, действительно, много примеров нравственных поступков, ценою которых иногда была даже жизнь человека, их совершившего. вспомните, например, о польском враче и писателе Януше Корчаке, который, имея возможность уехать из оккупированной нацистами Польши, добровольно пошел в Варшавское гетто, чтобы помогать там детям в «Доме Сирот». Когда были получены достоверные сведения, что «Дом Сирот» в пол-

ном составе немцы отправляют в концлагерь, в Треблинку, выручать Корчака пришел один из его учеников — Игорь Неверли, который смог достать пропуск для Корчака, чтобы тот смог покинуть гетто и вернуться домой. Неверли вспоминал впоследствии: «Когда я пришел к нему, имея пропуск на два лица, Корчак взглянул на меня так, что я съезжился. Видно было, что он не ждал от меня подобного предложения. Смысл ответа доктора был такой: не бросишь же ты своего ребенка в несчастье, болезни и опасности. А тут двести детей... Если их оставить, можно ли такое пережить?..» Доктор не покинул обреченных детей. У него была еще одна возможность остаться в живых: во время отправки эшелона в Треблинку немецкий комендант, отвечавший за погрузку эшелона, спросил Корчака, не он ли написал «Банкротство маленького Джека», одну из известных книжек. «Да, а разве это как-то связано с отправкой эшелона?» — спросил Корчак. «Нет, просто я читал Вашу книжку в детстве. Хорошая книжка. Вы можете остаться, доктор...» — «А дети?» — «Невозможно, дети поедут.» — «Вы ошибаетесь, — крикнул Корчак, — Вы ошибаетесь, дети прежде всего!» — И захлопнул за собой дверь вагона. А через несколько дней Корчак вместе со своими детьми вошел в газовую камеру. Как видите, мораль и стремление к счастью — все-таки разные вещи, поэтому, думается, Кант был абсолютно прав, когда не соглашался с французскими просветителями, считая, что их взгляд на мораль принижает человека.

К удовольствию, радости стремятся даже животные. Человек же, по мнению Канта, — единственное существо, которому знакомо чувство долга. Вовсе не щедрый на эмоции, Кант буквально пел гимн долгу в своих работах: «Долг! Ты возвышенное, великое слово, так как в тебе нет ничего угодливого, что льстило бы людям... Это именно то великое, что возвышает человека над самим собой...». Получалось, что моральный поступок отличается от легального тем, что он совершается из чувства долга. Такое представление о долге чем-то роднило кантовскую позицию со стоицизмом. И здесь Кант, поставив действительно важную (может быть, самую важную в этике) проблему различения поступков в зависимости от мотивов, пришел к парадоксальным выводам из-за чрезмерного противопоставления долга и стремления к счастью, радости. Выходит, что если совершая некий хороший поступок, я при этом испытываю от него удовольствие, поступок не может считаться нравственным: ведь мотив такого поступка обусловлен не только уважением к моральному закону и чувст-

вом долга, но и стремлением к радости, чувством эгоистичным. Немецкий поэт Фридрих Шиллер написал по этому поводу забавную эпиграмму на кантовскую этику:

Ближним охотно служу, но — увы! — имею к ним склонность.
Вот и гложет вопрос: вправду ли нравственен я?
Нет тут другого пути: стараясь питать к ним презренье
И с отвращеньем в душе, делай, что требует долг.

Шиллер подметил определенную слабость этического учения Канта: нравственным мог называться поступок, который не нес в себе ничего радостного и приятного для человека, тот поступок, где он, сжав зубы, переступал через свои желания и следовал лишь долгу. Значит, человеконенавистник, помогающий людям из уважения к нравственному закону, гораздо больше подходил под кантовское понимание достойного человека, чем тот, кто совершал бы те же самые поступки с охотой.

Разрешение некоторых антиномий теоретического разума

Но остановимся в своих рассуждениях и подумаем: о каких морали и долге мы говорим, если согласно антиномиям чистого (теоретического) разума вопрос о свободе остался неразрешимым? Ведь *если нет свободы, — нет ответственности, значит, нет и морали*. Если встать на точку зрения фатализма (все предопределено, мы несвободны в своих поступках), человека нельзя осуждать даже за самый страшный проступок: такова его судьба, он здесь не виноват. Если Нерон убил собственную мать Агриппину, значит так было предопределено, он не отвечает за убийство. А Кант говорит о моральном законе, о том, что человек может сделать свободный выбор, — следовать долгу или стремиться к наслаждениям и счастью. Таким образом, получалось, что противоречие, неразрешимое с точки зрения теории, разрешалось практическим разумом: свобода существует, потому что иначе человеческое общество не знало бы морали и не могло существовать. *Свобода — условие нравственного закона*, категорического императива. «Ты должен, значит, ты можешь», — таков вывод Канта о свободе человека.

Практический разум разрешает и еще одну антиномию, перед которой теоретические рассуждения были бессильны: антиномии о существовании Бога. Как вы думаете, всегда ли в нашей жизни нравственным людям живется лучше, чем безнравственным? К сожалению, ответ на этот вопрос будет, скорее всего, отрицательным. Значит, мера счастья, отпущенная человеку в

жизни, не зависит от его нравственных качеств. И хотя Кант считал, что мораль должна быть автономна (независима) от выгоды, пользы, стремления к удовольствиям и т. п., все-таки требовать от людей соблюдения нравственного закона только из чувства долга, отказавшись от всякой надежды на счастье, — утопично, да и несправедливо. Значит, если человек не получает адекватного воздаяния за свои поступки в этом мире, такое воздаяние должно быть в мире ином. Поэтому должен существовать всемогущий Бог, как гарант морали, как гарант воздаяния каждому по заслугам. Удивительная вещь: в Средние века мораль выводили из существования Бога (Бог дал людям заповеди, законы, правила поведения, на которых базировалась мораль), а у Канта все наоборот — раз есть мораль, должен быть Бог.

Соответственно, необходимо признать и бессмертие человеческой души. Если воздаяние за нравственные или, наоборот, безнравственные поступки не совершается в этом мире, то душа человека должна не умирать вместе с телом, во-первых, для того, чтобы Бог мог по заслугам оценить жизнь каждого человека, а во-вторых, чтобы у каждого был шанс исправиться, — бессмертие души дает возможность бесконечного, вечного ее совершенствования.

Таким образом, Кант показал зависимость мира явлений от нашего сознания (в своей теории познания), но утвердил абсолютную независимость морали (в своей этике).

Значение философии Канта нельзя переоценить. После его работ уже невозможно было наивное восприятие научных теорий как напрямую отражающих реальность: и его последователи, и его критики вынуждены были считаться с активностью человеческого сознания, которое привносило свои черты и особенности в познавательный процесс. В то же время, для великого Канта был очевиден примат морали и нравственной воли над теоретическими познавательными усилиями: сколь ни могущественна наука, она все равно слабее человеческой души, ее стремления к добру.

Крупнейшие немецкие мыслители, представители так называемой *немецкой классической философии* (основоположником которой был гениальный кенигсбержец) после Канта стремились преодолеть его *дуализм* (между явлением и «вещью в себе») и связанный с ним *агностицизм* (утверждение о непознаваемости «вещей в себе»). Об этом речь пойдет в следующей главе.

Вопросы и задания

1. Какие периоды принято выделять в творчестве Канта? Что для них характерно?
2. Что такое априорное знание? Почему Кант считал, что науки должны базироваться на таком априорном знании?
3. Возможны ли, с точки зрения Канта, математика, естествознание и метафизика в качестве рациональных наук? Почему?
4. В метафизике теоретический разум сталкивается с неразрешимыми противоречиями. Какие это противоречия? О чем они свидетельствуют?
5. Почему взгляды Канта можно назвать агностицизмом?
6. Кант писал, что предпринял свое исследование науки для того, чтобы «очистить место вере». Каким образом он выполнил эту задачу?
7. Что такое «практический разум» в системе Канта?
8. Сформулируйте категорический императив Канта. Что вы можете сказать об этом нравственном законе?
9. Приведите примеры легального и морального поведения из своей жизни. Какой критерий предложил Кант для их различения? Согласны ли вы с его критерием?
10. Булгаков в «Мастере и Маргарите» написал, что Кант предложил свое, шестое, доказательство бытия Бога. Что это за доказательство?
11. Объясните, почему мораль всегда предполагает наличие свободной воли у человека.

3.4.5. Развитие идей И. Канта в немецкой классической философии и учение Г. Гегеля

Важнейшая задача цивилизации — научить человека мыслить.

Томас Эдисон

Учение Канта положило начало немецкой классической философии, его идеи получили развитие в системах Иоганна Готлиба Фихте (1762—1814), Фридриха Вильгельма Йозефа Шеллинга (1775—1854) и Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770—1831). Эти системы стали завершением, высшей точкой развития философии Нового времени.

«Весь мир — это Я» (Фихте)

Фихте родился в саксонской деревне, в бедной семье и был старшим из восьмерых детей. Семья не смогла бы оплатить его

образование, но вмешался счастливый случай: Фихте обладал поразительной памятью, и однажды некий барон фон Мильтиц (имя которого история сохранила именно потому, что он помог Фихте) опоздал на воскресную проповедь в сельскую церковь. Крестьяне сказали ему, что если позвать «гусятника Фихте» (маленький Фихте пас в деревне гусей), тот повторит ему всю проповедь наизусть. Так и оказалось. Пораженный фон Мильтиц предложил родителям десятилетнего мальчика оплату его образования. Благодаря этому Фихте удалось окончить частную школу и поступить на богословский факультет Йенского, а потом Лейпцигского университета. После окончания университета он стал работать домашним учителем в богатых семьях Саксонии. Благодаря своей учительской деятельности он и узнал о философской системе Канта, — один из учеников задал ему вопрос о взглядах великого кенигсбернца. Фихте, взяв в руки книгу Канта, не смог от нее оторваться: кантовские идеи оказали на него огромное воздействие, он стал считать себя кантианцем. Сам Фихте писал о влиянии Канта на свои взгляды так: «Я растворился в философии Канта... Прочитав «Критику практического разума», я увидел себя живущим в новом мире: она превращает в руины то, что казалось неопровержимым. Доказывает то, что казалось недоказуемым». В 1791 г. Фихте поехал в Кенигсберг, чтобы познакомиться с человеком, перевернувшим его внутренний мир.

Этот визит обманул ожидания Фихте: Кант не обратил внимания на неизвестного учителя, а сам Фихте был разочарован лекцией уже пожилого Канта (в начале своей преподавательской карьеры Кант читал лекции блестяще). Однако Фихте остался еще на некоторое время в Кенигсберге и написал там работу в духе кантианства. На Канта рукопись молодого Фихте

произвела положительное впечатление, он помог ее опубликовать. Известность пришла к Фихте внезапно. В 1792 г., когда читающая публика ожидала увидеть новый труд великого Канта, был опубликован анонимный «Опыт критики всяческого откровения», написанный Фихте, но немедленно принятый читателями за работу Канта. Когда выяснилось, что автор — Фихте, то домашний учитель, о котором никто ранее не слышал, сразу прославился.

Фихте

После этого Фихте стал профессором Йенского университета. Его друзьями были Шиллер и Гете. Он читал лекции по теории права, этике и по новой, основанной им самой дисциплине, — «наукоучению». В философии Фихте содержались элементы пантеизма, но его противники приписывали ему *атеизм*. Эмоциональный Фихте защищался с присущей ему горячностью, спор довольно быстро перешел на личности, отношения с коллегами были испорчены, а Фихте покинул университет.

К этому моменту он был уже известным философом, поэтому получил приглашения на работу из различных университетов — в том числе, из Российской империи, на кафедру философии создававшегося тогда Харьковского университета. Фихте в конце концов остановился на Берлинском университете. Когда он жил в Берлине во время наполеоновской оккупации, он обратился к соотечественникам со своими знаменитыми «Речами к немецкой нации», в которых призывал к борьбе против иноземного ига. В этих «Речах» Фихте высказывал и националистические идеи, в том числе относительно того, что немцы — избранный народ, который должен стать во главе всех европейских народов и спасти их от внутреннего разложения и упадка. Эти идеи впоследствии пытались использовать нацисты в своей пропаганде. Во время войны с Наполеоном Фихте записался в ополчение, его жена ухаживала за ранеными в госпитале. Она заболела тифом и заразила мужа, что и стало причиной смерти Фихте.

Влияние Канта было велико, но Фихте никогда не считал идеи своего учителя истиной в последней инстанции. Со свойственным ему критицизмом свою философию Фихте построил так, чтобы исправить то, что он воспринимал как непоследовательность кантовской философии. Прежде всего, это касалось кантовского учения о «вещи в себе». Кант признавал «вещи в себе», то есть объективный, независимый от человека мир являлся для него безусловно существующим (хотя мы и не можем его познать). Фихте счел эту предпосылку кантовской философии недоказуемой и попытался вывести все разнообразие форм познания только из сознания.

У Канта опыт есть продукт двух начал: с одной стороны, «вещи в себе», действуя на наши органы чувств, вызывают ощущения, а с другой — априорные формы вносят порядок и закономерность в хаотический материал чувственных впечатлений. Фихте же едко высмеивал такое толкование кантовского учения (он был уверен, что и Кант вовсе не имел в виду такой двойст-

венности, но тут он ошибался). «Если слушаешь, — писал он, — некоторых кантианцев о понятиях а priori, то можно подумать, что априорные формы стоят в человеческой голове, как развернутые складки, и ждут, пока чувственный опыт не наполнит их своим содержанием». Что-нибудь одно, говорил Фихте, — или «вещь в себе» как внешний предмет, или сознание является источником и условием познания и опыта. В первом случае мы приходим к материализму, во втором — к субъективному идеализму. Всякая третья комбинация, считал Фихте, непослдовательна и ведет к противоречиям. Говорят, Кант, ознакомившись с этими рассуждениями Фихте, сказал: «Спаси нас, Боже, от наших друзей, а уж с врагами-то мы и сами справимся».

Свою систему Фихте называл «наукоучением», то есть в ней (так же, как и многие другие мыслители Нового времени, в том числе, Кант) он попытался построить новый образ науки. Основание науки Фихте выводил из трех основных принципов:

1. Я полагает само себя ($Я = Я$).
2. Я противопоставляет себя не-Я ($Я \neq \text{не-Я}$).
3. Я полагает себя и свою противоположность ($Я \rightarrow Я$ и не-Я).

На первый взгляд, не очень понятно, что хотел Фихте сказать этими тремя положениями. Попробуем в этом разобраться.

Я полагает само себя

Изначальным принципом, отправным пунктом любого познания может быть только тот, кто познает — субъект, или «Я». В принципе, об этом говорил еще Декарт, определяя как абсолютно достоверную и самоочевидную идею свое положение: «Мыслю, следовательно, существую». Ну, а после кантовских идей предполагать, что человек лишь пассивно отражает, копирует окружающий мир в своем сознании, было бы и вовсе наивно. Для Фихте активное сознание лежит в основании всей деятельности субъекта. В то же время, с точки зрения аристотелевской и любой другой логики, высказывание всегда тождественно само себе: $A = A$, $B = B$ и т. д. Значит, можно сказать, что и $Я = Я$, то есть Я (сознание) является фундаментом любой деятельности (познавательной в том числе), причем это Я совпадает само с собой. Я ощущает себя как данность благодаря самосознанию.

Я противопоставляет себя не-Я

Не-Я — это чувственно воспринимаемый мир вокруг нас. Когда мы определяем любой предмет, мы его тем самым выделяем из других. Например, когда мы определяем, кто такой «студент» (учащийся высшего учебного заведения, университета или

академии, а также колледжа), то тем самым мы проводим границу между студентами и не-студентами (всеми теми, кто не является учащимся высших учебных заведений и колледжей). Значит, мы противопоставляем студентам не-студентов. Но эта простая логическая операция применима и к Я. Очертив Я, мы таким образом показываем, что все остальное — это не-Я (или окружающий Я мир).

Я полагает себя и свою противоположность

Третий принцип Фихте является своеобразным синтезом, соединением двух первых. Получается, что Я определяет не только само себя как целостность (мы, несомненно, ощущаем себя как такую целостность в своем сознании), но и противостоящий ему окружающий мир, не-Я, объект. «Вещь в себе» — лишь воображаемый сознанием внешний предмет. Сознание невозможно вывести из материи, но материю вполне возможно вывести из деятельности сознания. Я творит мир, полагая не-Я. Именно субъект (Я) определяет не только себя, но все, что существует вокруг. Знаменитая кантовская непознаваемая «вещь в себе», утверждал Фихте, есть только мысль и она не может воздействовать на наше Я.

Известный фихтевский афоризм: «Каков человек, такова его философия» вполне применим к его собственным взглядам. Фихте был страстной, увлекающейся, свободолюбивой натурой, и его философия тоже призывает к творческой активности субъекта. Свою философию он всегда воспринимал как практическую философию и писал: «Не знание само по себе, но действие, соотношение своему знанию, есть человеческое назначение». Поэтому из довольно абстрактного наукоучения Фихте выводил вполне конкретные этические, политические, юридические положения, имевшие революционное значение для Германии того времени.

«Сила природы» (Шеллинг)

Оттолкнувшись от философии Фихте, следующий представитель немецкой классической философии — Шеллинг — попытался ввести в свою систему не только субъекта, но и природу.

Отец Шеллинга был священнослужителем, он мечтал видеть пастором и своего сына. Шеллинг учился на богословском факультете Тюбингенского университета, где судьба свела его с Гегелем и Гельдерлином, впоследствии знаменитым немецким поэтом-романтиком. Эта студенческая дружба повлияла на взгляды каждого из трех: дружбу они сохранили на долгое время, хотя с

Гегелем отношения у Шеллинга впоследствии испортились. Во время учебы в университете Шеллинг прочитал «Критику чистого разума» Канта и после этого решил заниматься не богословием, а философией. Затем он начал сотрудничать с Фихте в Йенском университете, а когда Фихте покинул университет, сменил его на кафедре. Он работал профессором и в других университетах — Эрлангенском, Берлинском, стал членом Мюнхенской Академии наук.

Взгляды Шеллинга не представляют собой цельной, единой системы. Иногда кажется, что сочинения Шеллинга писали разные люди, — так сильно менялись его философские убеждения в течение жизни. Особенно резкий перелом наступил после смерти его горячо любимой жены, Каролины, в 1809 г.: после этого трагического события Шеллинг практически не публиковал никаких работ. Шеллинг все больше склонялся к вере в бессмертие человеческой души, а в поздний период его философия стала носить ортодоксально христианский характер.

С точки зрения преемственности идей в немецкой классической философии, нам особенно интересен ранний период его творчества. В отличие от субъективного идеализма Фихте, Шеллинг обратил свое внимание на природу. Его не удовлетворял тот факт, что фихтеанское учение все свело к сознанию, совсем сбросив со счетов природный мир. Шеллинг, стремясь исправить это положение вещей, создал свою философию природы.

Шеллинг, как и Фихте, был диалектиком. Но диалектические закономерности развития он относил не только к сознанию, но и к внешнему миру. Он считал, что природа внутренне противоречива, а с точки зрения диалектики, противоречия как раз и являются источником, внутренней силой развития. Противоположности

можно найти в ней всюду: это и полярность полюсов магнита, и положительный и отрицательный электрические заряды, и противоположные свойства кислот и щелочей, и многое другое. В то же время, природа внутренне едина. Эти две характеристики природы Шеллинг объединил так: природа порождена духовным началом (отсюда ее единство), но, воплотившись в материи, духовное начало раздвоилось на противоположности и стало развиваться. В процессе своего эволюцион-

Шеллинг

ного развития природа породила человека, наделенного сознанием. Таким образом, то, что для Фихте было источником его наукоучения, для Шеллинга само стало продуктом развития природного мира. Дух породил природу, а природа, пройдя определенные ступени развития, породила дух. Шеллинг высказал идею тождества духа и природы, которая и стала основной проблемой его философии. «Материя — оцепеневший дух», — писал Шеллинг. Поэтому если Фихте можно назвать представителем субъективного идеализма, то Шеллинг, конечно, развивал объективный идеализм.

Абсолютный разум (то есть породившее мир духовное начало, которое можно назвать и Богом) содержал в себе все возможности развития. Затем от него «отпал» природный мир, в развитии которого заложенные изначально возможности реализуются, становятся реальностью. Взгляды Шеллинга были близки пантеизму (поскольку природа рассматривалась им как проявление Абсолютного разума). Человеческий разум — один из продуктов природного развития, который тоже, в свою очередь, начинает диалектически развиваться от ощущения через рассудочное познание к разуму, интеллектуальной интуиции. Диалектика объективного мира была дополнена у Шеллинга диалектикой субъективной мысли.

Как в природе всюду мы находим противоположности, точно так же и в себе можем увидеть два начала — бессознательное и сознательное. Формирование человека, личности (вернее, его самоформирование) осуществляется в результате борьбы бессознательного и сознательного, когда сознание становится все более значимой частью нашего Я.

Первоначально идеи Шеллинга нашли множество последователей и поклонников, в том числе, в России (И. В. Киреевский, Ф. И. Тютчев, В. И. Соловьев). Многим импонировала его ориентированность на природу, тот факт, что природа рассматривалась в его системе как развивающаяся реальность. Несколько позже взгляды Шеллинга сильно изменились, он стал писать о Боге, откровении, божественном спасении... Шеллинг был позабыт, а в интеллектуальной атмосфере эпохи царил Гегель, получивший европейское признание.

«Все разумное действительно, все действительно — разумно» (Гегель)

Гегель родился в семье финансового чиновника, в 18 лет он поступил в Тюбингенский университет, где и подружился с

Шеллингом. Несмотря на то, что Шеллинг был на 5 лет моложе Гегелю было с ним интересно общаться, — недаром Шеллинг считался «вундеркиндом» в философии. В студенчестве Гегель восхищался Французской революцией: говорят, в эти годы он даже посадил вместе с Шеллингом и Гельдерлином «дерево свободы» в университетском дворе. Но впоследствии Гегель изменил свое мнение об этом историческом событии. После окончания университета Гегель работал некоторое время домашним учителем в Берне и Франкфурте, а затем, когда ему было уже за тридцать, получил место преподавателя в Йенском университете без гарантированного жалования (25-летний Шеллинг был в это время уже профессором Йенского университета и автором пяти нашумевших книг). Лишь в 1807 г. Гегель опубликовал первую из своих значительных работ — «Феноменологию духа». После Йены Гегель переехал в Баварию, где некоторое время был редактором газеты, а затем — директором гимназии в Нюрнберге. В 1816 г. он вернулся к университетскому преподаванию, опубликовав другие свои знаменитые работы — «Науку логики», «Энциклопедию философских наук», «Философию права» и другие. Писал Гегель очень сложно, его терминология требовала специальной профессиональной подготовки, тем не менее, его идеи буквально захватили умы современников.

Гегель, как и Шеллинг, стоял на позициях *объективного идеализма*. Действительность для него — это *Дух*, который проходит различные стадии своего развития. Поскольку этот Дух обнимает собой все существующее, его можно считать *Абсолютном (Абсолютной идеей)*, не имеющим границ в своем становлении. Все вокруг нас — разные формы проявления этого Духа, его воплощения. Как всякий дух, Абсолют познает, но раз все вокруг — это Он сам, различные его формы и стадии развития, значит, Он познает самого себя. У Гегеля есть пример, иллюстрирующий фазы самопознания Абсолюта: человеческий эмбрион в теле матери уже существует, он реален, но не сознает себя, да и для других людей его еще нет. Затем он рождается: появляется человек, которого видят, любят, кормят, пеленают другие люди, но только когда разум ребенка созреет для самопознания, он становится личностью — для себя, и для других. То же самое происходит, по Гегелю, с Абсолютной идеей: сначала она существует в себе, как чистая мысль (Гегель называл эту стадию «бытием-в-себе»), затем она проявляется вовне, реализуется в природе («бытие-для-другого»), но лишь осознав свою суть, становится

Абсолютной идеей («бытие-в-себе-и-для-себя»). Соответственно этим трем стадиям становления Абсолюта и вся философская система Гегеля делилась на три части:

- 1) *логика* (исследовавшая жизнь «идеи-в-себе»);
- 2) *философия природы* (изучавшая «идею-в-другом», то есть воплощенную в природе);
- 3) *философия духа* (рассмотрение последней стадии развития идеи, когда она осознает себя духом).

Гегель отталкивался от идеи Шеллинга о том, что предметом философии является Абсолют как **тождество мышления и бытия**. Раз бытие и мышление совпадают, значит, логика (описывающая законы мышления в понятиях) совпадает с учением о бытии, а законы бытия — те же, что и законы логики. Это законы *диалектики*. Немецкий философ выделил три таких *основных закона*:

- 1) закон перехода количественных изменений в качественные;
- 2) закон единства и борьбы противоположностей;
- 3) закон отрицания отрицания.

С точки зрения диалектики, развитие совершается неравномерно, скачками. Происходит накопление количественных изменений, а затем, при переходе границы (*меры*) — качественный скачок. Например, нагревание воды (накопление количественных температурных изменений) сначала не вызывает качественных изменений, но переход меры — 100-градусной границы — приводит к качественному скачку, превращению воды в пар.

Согласно закону единства и борьбы противоположностей источником развития является противоречие внутри самого явления. Для всех процессов характерно наличие противоположных характеристик, «полюсов», которые взаимно предполагают друга. Например, в эволюционной теории такими противоположностями являются наследственность и изменчивость организмов, в результате взаимодействия которых и происходит появление новых организмов.

Возникшее противоречие разрешается («снимается») появлением новой стадии процесса, — происходит отрицание предшествующего развития. Но развитие на этом не останавливается, новое противоречие опять снимается отрицанием предыдущей стадии. Таким образом, по закону отрицания отрицания, развитие идет по *спирали* и описывается в виде **триад**. Наша мысль, природа, человеческая история, культура — все на свете может

быть схематично описано, по Гегелю, как закономерная смена трех ступеней:

тезис — антитезис — синтез

Тезис — это утверждение чего-либо, *антитезис* — отрицание предыдущего утверждения, *синтез* — их объединение.

Сама Абсолютная идея, как вы заметили, тоже развивается по этому принципу. Естественно, что все в мире (поскольку мир — только различные проявления Абсолюта) также подчиняется принципу триады. Недаром даже разделы в своих книгах, где он излагал собственное учение, Гегель строил по тому же принципу: например, «Наука логики» состоит из трех разделов, каждый раздел — из трех глав, в каждой главе — три параграфа. Именно в таком виде очень логично (можно сказать, по-немецки педантично) Гегель выводил все основные положения своей системы. Чтобы стало понятно, как это у него получалось, попробуем разобрать первый его шаг в логике.

В «Науке логики» Гегель изображает мировой Дух (называемый им здесь «Абсолютной идеей») таким, каким он был до возникновения природы. Значит, это — «чистое бытие», пустая мысль. Гегель описал это состояние категорией (понятием) «*ничто*». Но ничто, утверждает Гегель, противоположно чистому бытию (с него он начал), которое, стало быть, переходит в свою противоположность. «Бытие» и «ничто» начинают взаимодействовать, их единство дает «*становление*», то есть переход бытия в ничто и ничто в бытие. Таким образом, следующей категорией мысли оказывается «становление» как подвижное единство бытия и ничто. Посмотрите, что получилось у Гегеля:

бытие (тезис) — ничто (антитезис) — становление (синтез)

А через пару страниц выяснится, что итогом «становления» (возникновения) оказывается «наличное бытие», которое Гегель опять рассматривает как тезис, — и строится еще одна триада, а потом еще одна, и еще...

Разумеется, философия Природы (где Гегель рассматривает проявление Абсолютной идеи в окружающем нас мире) тоже делилась им на три части, как и философия Духа. Абсолютная идея порождает природу, а природа в своем развитии — Дух, который тоже проходит три стадии: субъективный дух (то есть человеческий), объективный дух (то есть общественный) и Аб-

солютный (который проявляется в трех духовных сферах — искусстве, религии и философии). Таким образом получается, что именно в философии (как последней ступени развития Абсолютного духа) идея воплощается наиболее полно, познает саму себя.

Грандиозную и схематичную систему гегелевской философии иногда кратко выражают фразой: «*Все разумное — действительно, все действительно — разумно*». Это означает, что *законы разума и законы мира совпадают*. Значит, все, что существует в мире, — не случайно, а является закономерной стадией развития Абсолютной идеи. И наоборот: если что-то «разумно» (то есть не противоречит законам разума), это обязательно осуществится. Известный русский мыслитель А. И. Герцен в замечательной книге мемуаров «Былое и думы» так описал свою первую встречу с выдающимся литературным критиком В. Г. Белинским, который был страстным гегельянцем, следовательно, признавал разумность всего действительного (существующего). Герцен спросил его: «Так Вы, батенька, и самодержавие признаете разумным? И крепостное право?» Хотя Белинский, будучи разночинцем, придерживался революционных взглядов, вера в истинность гегелевской философии была сильнее, и он ответил в том смысле, что да, признает, — раз самодержавие и крепостничество существуют, значит, они возникли не случайно, а являются необходимыми и закономерными стадиями развития общества. Разгоревшийся между Герценом и Белинским спор закончился только под утро... Вспомнили мы этот реальный исторический случай для того, чтобы показать, каким образом эта яркая и часто повторяющаяся в литературе фраза «накладывается» на обычную жизнь и к чему это порою приводит.

Не случайно сразу после смерти Гегеля разгорелся спор между его последователями. Одни (их прозвали «старогегельянами») трактовали изречение Гегеля «Все разумное — действительно, все действительно — разумно» консервативно (как Белинский в споре с Герценом): все существующее — закономерный этап развития Абсолютной идеи. Другие же («младогегельянцы», среди которых был и молодой Карл Маркс) сделали из этой фразы вполне революционные выводы: право на существование имеет лишь то, что разумно, а неразумное надо сломать, уничтожить. Таким образом, гегелевская философская система давала возможность различной интерпретации.

Вопросы и задания

1. Каких мыслителей относят к немецкой классической философии?
2. Кто из представителей этого течения отстаивал позиции субъективного идеализма, а кто — объективного? Подумайте, к какому направлению идеализма вы бы отнесли философию Канта?
3. Как понимать утверждение Фихте: «Весь мир — это Я»?
4. Объясните фразу Шеллинга: «Материя — это оцепеневший дух».
5. Каков был принцип развития Абсолютной идеи в философии Гегеля?
6. Какие стадии проходит в своем развитии Абсолютная идея у Гегеля?

3.4.6. Иррационализм

Едва ли люди стали бы философствовать, если бы не было смерти.

Артур Шопенгауэр

Немецкая классическая философия, о которой шла речь в предыдущих главах, стала своего рода вершиной развития рационализма в философии Нового времени. Но одновременно с развитием рационализма, как реакция на его крайности, происходило и становление **иррационализма** (от лат. *irrationalis* — неразумный). Под иррационализмом принято понимать *философское учение, настаивающее на ограниченности познавательных возможностей разума, мышления и признающее основным видом познания интуицию, чувство*. Если в гегелевской рационалистической системе все действительное объявлялось разумным, а все разумное — действительным, то в иррационалистических учениях *действительность была хаотичной, лишенной закономерности, подчиняющейся игре случая, стихии*. Философия стала говорить об иных, нерассудочных формах познания действительности, о том, что поведение человека тоже не всегда основывается на разуме и логике, да и весь мир в целом стал рассматриваться не с точки зрения упорядоченных процессов, которые можно описать четкими законами, а как иррациональная стихия, которую невозможно «разложить по полочкам». Последователей иррационализма было довольно много — С. Кьеркегор, Н. А. Бердяев, Л. И. Шестов и другие, но особое влияние на оформление этого течения оказали **Артур Шопенгауэр** (1788—1860) и **Фридрих Ницше** (1844—1900).

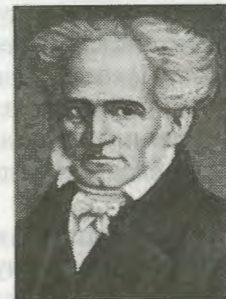
Пессимистическая философия А. Шопенгауэра

Шопенгауэр начинал свое образование как студент-медик Геттингенского университета. Вскоре он заинтересовался философией и перевелся на философский факультет, продолжая учебу и на медицинском. Он изучал Платона и Канта вместе с анатомией и физиологией. В 1811 г. Шопенгауэр переселился в Берлин, где продолжил образование и по философии, и по естественным наукам в Берлинском университете. Интересно, что Шопенгауэр посещал лекции Фихте, но они разочаровали его.

Шопенгауэр защитил докторскую диссертацию в Йенском университете, а в 30-летнем возрасте завершил свой основной труд *«Мир как воля и представление»* (1819). Успеха книга не имела. Через год Шопенгауэр получил место доцента в Берлинском университете. Но и на преподавательском поприще его ожидала неудача. Не принимая гегелевской философии (он называл ее «философией Абсолютной бессмыслицы»), которая была очень популярной в то время, Шопенгауэр специально назначил свои лекции на те же часы, что и Гегель, однако, в результате этой акции остался без студентов...

Уехав из Берлина во Франкфурт-на-Майне, Шопенгауэр попытался объяснить свою философскую позицию в других публикациях, но они тоже не были оценены современниками. Только перешагнув 50-летний рубеж, он узнал, что такое признание: Шопенгауэр получил премию Королевского норвежского научного общества за работу «О свободе человеческой воли» (1839). А еще через 10 лет его труды приобрели известность: великий композитор Рихард Вагнер, сам увлекавшийся философией, посвятил ему свой оперный цикл «Кольцо нибелунга»; книга Шопенгауэра «Афоризмы житейской мудрости» стала популярной не только в Германии, но и за ее пределами. Настоящая же слава ждала сочинения Шопенгауэра уже после смерти автора.

Философское учение Шопенгауэра необычно. В основание мира он положил *волю*. Она представляет собой проявление некой *космической силы, мировой воли*, которая и составляет истинное содержание всего сущего. Мир как воля — вечное движение, становление. Воля — это начало любого бытия, она порождает явления, или *«представления»*. «Мир — мое представление», — этой фразой

Шопенгауэр

начал свое главное произведение Шопенгауэр. Мы знаем мир только благодаря своим субъективным ощущениям: «Нет ни солнца, ни земли, а есть лишь глаз, который видит, и рука, чувствующая тепло земли», — писал он. Единственный образ окружающего человека получает на основании своего восприятия (с помощью глаз, рук, ушей и т. д.). Тело человека — не только предмет среди других предметов, но и «тайный подземный ход к сути реальности», как его называл немецкий философ, так как с его помощью у нас возникает представление о мире. Поэтому, считал Шопенгауэр, и материализм, и идеализм совершают ошибку, делают «крен в одну сторону»: материализм все сводит к объективному миру, к объекту, а идеализм — к сознанию, к субъекту. Но объект не может существовать без субъекта, и наоборот; они неотделимы друг от друга.

Как и Кант, Шопенгауэр разделил то, как мир нам является (*представление*), и то, что на самом деле составляет его сущность (*воля*). Об этом говорит название его основного труда — «Мир как воля и представление». Но, в отличие от Канта, Шопенгауэр считал возможным познать суть мира, она — в воле, «слепом и неостановимом натиске».

Мировая воля свободна, ненасытна, иррациональна, проявляется в борьбе, конфликтах, боли, мучениях. Воля обуславливает вечно ненасытную неудовлетворенность всех живых существ и, прежде всего, человека. По своей природе желание — это страдание, мы мучаемся, когда не имеем желаемого. Любое удовлетворение желания — недолговечно, порождает скуку и пресыщение, лишая нас тем самым радости от достижения своей цели. Счастье — это не блаженное состояние, а только избавление от страдания, но это избавление сопровождается новым страданием, связанным со скукой. Немецкий философ сравнивал жизнь с маятником между страданием и пресыщением: «шесть дней в неделю мы страждем и вождем, а в седьмой — умираем от скуки». Мало этого, достигнув желаемого, мы перестаем ценить достигнутое, а через короткое время начинаем желать чего-то еще: «Цель иллюзорна, с обладанием исчезает и тень притягательности, желание возрождается в новой форме, а с ним потребность, нужда».

Шопенгауэр писал, что человек — это сгусток вожелений, его постоянно мучает ненасытная жажда, хотение, которое мы никогда не сможем полностью удовлетворить. Но неудовлетворенные желания приносят страдания. Значит, сделал вывод Шо-

пенгауэр, нет конца страданиям. *Страдание — это постоянная форма проявления жизни*, человек может избавляться от страдания лишь в конкретном его выражении (если холодно, можно согреться, если мучает головная боль — поможет таблетка анальгина, но разрешив одну проблему, человек тут же сталкивается с новыми). Жизнь, с горечью писал он, это нужда и страдание, непрерывная борьба за существование с одной лишь определенностью — сокрушительным поражением в финале (во-первых, потому что нас ждет смерть, а во-вторых, потому что мы никогда не достигнем удовлетворенности).

Такие мрачные взгляды Шопенгауэра на человеческую судьбу называются пессимизмом. *Пессимизм* (от лат. *pessimus* — наихудший) — *мировоззрение, для которого характерно негативное отношение к действительности, ожидание в будущем наихудшего варианта развития событий*. Шопенгауэр сам применил этот термин для обозначения своей философии, чтобы подчеркнуть главную ее мысль: *счастье — это иллюзия, оно невозможно, в жизни торжествуют зло и бессмыслица, а страдание неотвратимо, потому что коренится в самой «воле к жизни»*. Именно поэтому человеку нужна философия, чтобы справиться с осознанием трагичности своего существования. «Не удивление, а недоумение и печаль суть начало философии», — писал Шопенгауэр. Для Шопенгауэра оптимизм — это просто насмешка над страданиями человека. «Между страданиями и скукой мечется каждая человеческая жизнь... Что дни нашей жизни были счастливы, мы замечаем лишь тогда, когда они уступают место дням несчастным. Часы протекают тем быстрее, чем они приятнее, и тем медленнее, чем они мучительнее», — с горечью заключал философ.

Естественно предположить, что при таком положении дел большинство людей должны были бы решить, что игра не стоит свеч. Между тем, напротив, люди берегут свою жизнь как самую большую драгоценность. Почему это происходит? Ответ Шопенгауэра: так проявляется вечная воля к жизни, определяющая все существующее.

Шопенгауэр видит два пути спасения от столь пессимистично понимаемой им жизни: *искусство и аскеза*.

При занятии *искусством* человек «переключает» свою волю с удовлетворения собственных потребностей на созерцание мира, он становится, как образно писал Шопенгауэр, «глазом мира». В процессе творчества человек отделяется от чистого «хотения»,

на первый план для него выходит цель создания прекрасного. Ведь когда художник рисует натюрморт с грушами, он это делает не потому, что хочет эти груши съесть, а потому что пытается передать свое представление о красоте и мире. Создавая произведение искусства, мы «всей мощью своего духа отдаемся созерцанию, всецело погружаясь в него, и наполняем все наше сознание спокойным видением предстоящего объекта природы, будь это ландшафт, дерево, скала, строение или что-нибудь другое, и... совершенно теряемся в этом предмете, то есть забываем свою индивидуальность, свою волю и остаемся лишь в качестве... ясного зеркала объекта», — писал Шопенгауэр. То же происходит и с теми, кто наслаждается искусством, — они забывают про свою волю к жизни, избавляются на время от ненасытных желаний. Шопенгауэр объяснял многочисленные факты враждебности «толпы», «духовной черни каждой эпохи» к прекрасному и его гениальным создателям как раз тем, что человек толпы полностью подчинен своим непосредственным интересам, а через них — воле к жизни, то есть практическим целям, а искусство этому противоречит и мешает.

Второй путь — **аскеза**, которая целенаправленно подавляет волю к жизни. *Под аскезой понимают добровольное ограничение или подавление чувственных желаний.* Аскетами называют людей, которые отказываются от комфорта и телесных удовольствий. Шопенгауэр призывал к аскезе, основанной на сострадании. Он считал, что первым шагом к человечности должно стать *признание других людей равными себе.* По сути, речь шла не только о сокрушительном ударе по эгоизму, но и о справедливости.

Если мы признаем других равными себе, то отсюда следует вывод, кажущийся очевидным на словах, но который очень нелегко почувствовать: не только я несчастен, не только мне бывает больно, обидно, плохо, но и другим — тоже. Все — несчастны. Результатом осознания этого факта и становится доброжелательность к людям, *сострадание.*

Шопенгауэр сделал сострадание основой своей этики. Да и могло ли быть иначе, если помнить о его пессимистическом взгляде на жизнь! Людям плохо (всем и всегда), значит, больше всего они нуждаются как раз в сострадании. «Каждая любовь — это сострадание», — утверждал философ. Сострадать непросто, ведь люди вокруг нас — разные, среди них есть глупые, злые, скучные, жадные, жестокие. Но помните, им тоже несладко приходится в этом мире: «Не судите людей объективно, согласно их

ценностям, их достоинству, обходите молчанием их злонамеренность и умственную ограниченность, ибо первая вызвала бы ненависть, а вторая — презрение, — советовал Шопенгауэр. — Надо уметь видеть невидимое — страдание, несчастья, тревоги, и тогда нельзя не почувствовать точку соприкосновения с ними... Подавить в себе ненависть и презрение — не значит вникнуть в чьи-то претензии на «достоинство», это значит понять чужое несчастье, из чего и рождается *pietas*, покаяние».

Сострадание представлялось Шопенгауэру тем более важным в связи с тем, что человек, как он писал, является «единственным животным, способным истязать другого ради самой цели: заставить страдать». Животные убивают себе подобных, преследуя цель выживания, человек же иногда бывает бессмысленно жесток. Почему так происходит? Шопенгауэр считал, что к этому толкает людей трагичность их существования, вечная неудовлетворенность желаний: «Когда человек... в жгучем вожделении хотел бы овладеть всем, чтобы утолить жажду своего эгоизма, и когда он неизбежно должен убедиться, что всякое удовлетворение только призрачно и достигнутое никогда не дает того, что сулило вожделенное, не дает окончательного успокоения неукротимой воли; когда он сознает, что от удовлетворения меняется только форма желания, а само оно продолжает терзать в другом виде, и после того как все эти формы исчерпаны, остается самый порыв воли, без сознательного мотива, сказывающийся с ужасающей мукой в чувстве страшного одиночества и пустоты; все это при обычной силе желания ощущается слабо и вызывает лишь обычную грусть, но у того, кто являет собой волю, достигнувшую необычайной злобы, это неизбежно возрастает до беспредельной внутренней пытки, вечной тревоги, неисцелимого мучения, и тогда он окольным путем ищет такого облегчения, на которое неспособен прямо: собственное страдание он стремится облегчить зрелищем чужого, в котором он вместе с тем видит проявление своей власти». Тот, у кого сильна воля к жизни, но кто не смог найти в себе сострадания к другим, может пойти по пути жестокости. Учение Шопенгауэра о спасительной силе сострадания и морали не потеряло своего значения и в сегодняшнем немилосердном мире, когда успехи науки, техники, цивилизации зачастую оплачиваются страданиями, кровью, угрозой существования человечества.

В «Афоризмах житейской мудрости» Шопенгауэр давал читателям советы, как сделать свою жизнь лучше, счастливее. В этой

замечательной книжке очень много советов, метких наблюдений; вы можете прочесть в ней об особенностях различных возрастов, о различиях между мужчиной и женщиной, о типичных национальных чертах и т. д. Но начинается книжка с самого главного совета Шопенгауэра, над которым, право слово, стоит задуматься: «Самым ценным и существенным должна быть для каждого его личность. Чем полнее это достигнуто... тем счастливее будет он... Ведь все внешние источники счастья и наслаждений по своей природе крайне ненадежны, сомнительны, преходящи, подчинены случаю и могут поэтому иссякнуть даже при благоприятнейших условиях; даже более — это неизбежно, так как нельзя всегда иметь их под рукою. Во всяком случае, почти все они иссякают к старости: нас покидают тогда любовь, шутовство, страсть к путешествиям, верховой езде и пригодность к обществу; наконец смерть лишает нас друзей и родных. В этом отношении, больше, чем в каком-либо ином, важно, что именно мы имеем *в себе*. Наши личные свойства сохраняются дольше всего. Впрочем, в любом возрасте они являются истинным, надежным источником счастья. В мире вообще немного можно раздобыть: он весь полон нуждой и горем, тех же, кто их избег, подкарауливает на каждом шагу скука... Вообще крайне глупо лишаться чего-либо внутри себя с тем, чтобы выиграть вовне, то есть жертвовать покоем, досугом и независимостью... ради блеска, чина, роскоши, почета или чести».

Средний человек, не задумывающийся о смысле своего существования, ищет жизненных наслаждений *вне себя*, — в имуществе, чинах, семье, друзьях, в обществе и т. д. Он пытается использовать их как фундамент своего счастья; поэтому его жизнь рушится, если он их теряет или в них обманывается: «его положение можно выразить формулой: центр его тяжести — вне его. Поэтому его желания и капризы постоянно меняются; если позволяют средства — он то покупает дачу, лошадей, то устраивает празднества и поездки, вообще ведет широкую жизнь. Удовольствия он ищет во всем окружающем, вовне, подобно больному, надеющемуся в бульоне и лекарствах найти здоровье, истинный источник которого — его жизненная сила». Гораздо лучше, если центр вашей жизни будет внутри вас, а еще лучше — если таких центров будет несколько. Если вы увлеклись математикой и мечтаете стать великим ученым, но со временем выяснится, что вы не сможете посвятить свою жизнь данной области знаний, — это может привести к крушению всех ваших

надежд. Если же кроме математики вас интересует, например, йога, вы выражаете свое творческое «я» в фотографии или живописи, находите радость в путешествиях или садоводстве — то есть, если у вас *несколько внутренних центров* бытия, — вероятность краха вашей жизни становится гораздо меньше; потеряв одно, вы сможете отдаться другому, богатая внутренняя жизнь станет «противоядием» от скуки и разочарований, сделает вас менее зависимым от внешних невзгод.

Взгляды Шопенгауэра оказали большое воздействие на последующее развитие философии. Его учение заставило задуматься над тем, возможно ли воспринимать мир как рационально устроенный, упорядоченный, всегда ли поведение человека определяется разумом. Да и наивная вера в то, что «человек создан для счастья, как птица — для полета», была серьезно поколеблена. В теме человеческого существования после Шопенгауэра появляется мотив *трагичности бытия* отдельного человека и человечества в целом, ставший столь популярный в XX столетии.

Ницше: «больше поле битвы, чем человек»

Сегодня вряд ли найдется человек, который не слышал имени Фридриха Ницше. Его критикуют, им восторгаются, цитаты из его работ можно встретить даже в газетных статьях, некоторых политических деятелей и идеологов обвиняют в «ницшеанстве»... Но на самом деле философия Ницше не так проста для понимания, как кажется, у нее есть «второе дно». Да и философия ли это? В творчестве Ницше грань между философией и литературой, искусством уловить трудно, почти невозможно. Попробуем хотя бы приблизиться к пониманию взглядов этого гениального мыслителя, писавшего «для всех и ни для кого» (таков был подзаголовок одной из его лучших книг).

Родился Ницше в 1844 г. и по отцовской линии происходил из польских дворян. Учился филологии в Боннском и Лейпцигском университетах, сразу обратив на себя внимание преподавателей феноменальными способностями. Затем Ницше получил степень доктора наук и переехал в Швейцарию. Примерно в это время завязалась дружба между Ницше и композитором Рихардом Вагнером. К Вагнеру была обращена одна из первых значительных работ Ницше «Рождение трагедии из духа музыки», но через несколько лет их отношения были разорваны по инициативе Ницше, а мировоззрение Вагнера было подвергнуто им жесткой критике.

В 35 лет Ницше серьезно заболел. «К 1876 году здоровье мое ухудшилось... Мучительная и неотступная головная боль истощала все мои силы. С годами она нарастала до пика хронической болезненности, так что год насчитывал тогда для меня до 200 невыносимых дней... Зрелость моего духа приходится как раз на это страшное время». Мучительная болезнь, сопровождавшаяся страшными головными болями, непереносимостью света, помутнением сознания привела Ницше в 1889 г. в лечебницу для душевнобольных, где он и умер.

После смерти его страстные работы, «написанные кровью» (только так и надо писать, был убежден Ницше), стали широко известными, популярными. Это было парадоксальным: Ницше был эстетом, аристократом духа, он никогда не писал для массового читателя и презрительно относился к толпе. На Ницше ссылались идеологи германизма, тексты Ницше стали изучать в гимназиях Германии. В рюкзаках немецких юношей, отправлявшихся на фронты Первой мировой, рядом с Библией и «Фаустом» лежали книжки Ницше...

Во многом это было связано с тем, что архив Ницше после его смерти перешел к сестре, Элизабет Фёрстер-Ницше. Впоследствии она написала многотомную «Жизнь Фридриха Ницше», где представила себя единомышленницей покойного брата. «Люди вроде моей сестры, — писал философ, как будто предвидя печальную судьбу своих рукописей, — неизбежно оказываются непримиримыми противниками моего образа мыслей и моей философии». Фёрстер-Ницше опубликовала тексты, искажив их до неузнаваемости, фактически, искажив идеи Ницше. Так на свет «появился» философ, который был близок идеям нарождавшегося нацизма, который мало что имел общего с реальным Ницше.

В творчестве Ницше можно выделить *два периода*: в ранних работах, когда он находился под сильным влиянием Шопенгауэра и Вагнера, он рассматривал, прежде всего, проблемы культуры. Второй же период его творчества, после разрыва с Вагнером и отказа от философии Шопенгауэра, связан с темой «сверхчеловека».

Так же, как и Шопенгауэр, Ницше весьма критически оценивал окружающую его действительность. Обычно люди, писал он, не задумываются над вопросом «зачем я живу?», а если и задают его себе, то отвечают на него приблизительно так: «для того, чтобы быть хорошим гражданином, ученым, отцом семейства и т. д.». То есть люди, по мнению Ницше, поглощены временными задачами, которые не могут стать смыслом жизни. Их

усилия направлены на то, чтобы заглушить в себе критическое сознание, забыться в погоне за счастьем, «не прийти в себя». Те, кто не задумывается над смыслом своего бытия, говорил Ницше, не поднялись над уровнем животного мира: «Пока человек ищет в жизни счастья, он еще не возвысился над кругозором животного; вся разница в том, что он с большим сознанием хочет того, чего животное ищет в слепом стремлении». От таких людей принципиально отличаются философы. Ницше здесь имел в виду, разумеется, не профессиональную принадлежность, а умение и желание мыслить, которое может быть свойственно и простому солдату, но не быть присуще университетскому профессору философии. Так вот, для истинного философа «самоусыпление» людей невыносимо, он хочет найти в текучей жизни безусловное, главное. Для этого он должен возвыситься над своим временем, встать, как писал Ницше, «на сверхисторическую точку зрения», чтобы видеть не временное, случайное, преходящее, а то, что имеет истинную, вечную ценность. Для этого философу (то есть мыслящему человеку) надо освободиться от «животного хотения» (очень похоже на аскезу Шопенгауэра). «Философ, — заключал Ницше, — это человек, переставший быть животным». Отсюда вытекала и главная задача общества: надо стремиться не к довольству масс, равенству и т. п., а к культивированию «сверхисторических личностей», философов. *Цель развития — не в «стадном, ходячем человеке», а в появлении подлинных философов, художников, святых.*

Ницше (как и Вагнер) стремился *обновить жизнь человечества средствами искусства*. Будучи профессором классической (то есть древнегреческой) филологии, он с тоской оглядывался на времена греческих героев, воспетых Гомером, считая, что современная культура, да и сам европейский человек измельчали. Чтобы понять разницу между классической античной культурной и современной, он попытался проанализировать и сравнить ту и другую. Ницше выделил *два начала в культуре — дионисийское и аполлоновское*. Напомним, что Дионис был сыном Зевса, могучим богом растительности, виноградарства, дающим людям силы и радость, дарящим плодородие. Его брат Аполлон — прекрасный бог красоты и гармонии. В *дионисийском* Ницше видел начало, открывающее стихии человеческого духа. Оно вызывает в человеке состояние животного ужаса и блаженного восторга одновременно и близко к состоянию алкогольного опьянения (недаром Дионис — и бог виноделия). В искусстве, считал философ,

это страстное, трагическое начало полнее всего выражается в музыке. (Кстати, сам Ницше тоже сочинял музыку и прекрасно играл на фортепиано.) Аполлоновское начало Ницше видел в пластических искусствах (балете, например) и поэзии и усматривал его суть в упорядоченности, гармоничности, иллюзорности. Аполлоновское начало имеет своей целью «вылгать прочь страдания из природы» и показать жизненную трагедию как прекрасный, но лживый образ. Представьте себе балет времен Ницше: это было искусством красивых поз, мало похожим на реальную жизнь; румяные пастушки на пуантах и с корзинками, полными цветов, изображали идиллические сцены сельской жизни, ничего общего не имеющие с тяжелым крестьянским трудом.

В древнегреческой культуре, по мнению Ницше, преобладало дионисийское начало: приоритет инстинктивной воли к жизни, игра жизненных сил, «опьянение» самой сущностью жизни вне контроля разума или рассудка. Затем в культуре и цивилизации все большую роль начинает играть аполлоновское начало — рассудочное, ориентированное на разумность, упорядоченность бытия, гармонию космоса. Если во времена Сократа и Платона эти два начала сосуществовали более или менее равноправно, то позднее дионисийское начало было почти вытеснено из европейской культуры. Цивилизация стала «прилизанной» и логичной, имеющей «инструкции» на все случаи жизни. Ницше видел в этом опасность и болезнь западной цивилизации: культура больна, человечество больно, человек болен и вырождается. Установилась тирания разума, а чувства, страсти (иррациональные влечения) подавляются. Все это требует лечения, которое он предлагал начать с «переоценки всех ценностей» и восстановления прав дионисийского начала в культуре и искусстве, как важнейшего творческого принципа.

Во второй период творчества философа мотивы иррационализма у Ницше усиливаются. Он, как и Шопенгауэр, исходил из понятия «воля». Но если у Шопенгауэра воля — единая мировая сила, то Ницше рассматривал жизнь как результат столкновения множества индивидуальных волей, конкурирующих друг с другом, сталкивающихся в борьбе. Эти воли проявляются как «воля к власти»: жизнь — борьба, а награда победителю в этой борьбе — власть. Выжить в борьбе значит реализовать свою волю к власти. Мир развивается по некоторым замкнутым циклам, поэтому Ницше вместо слова «развитие» употребляет слово «становление». *Воля к власти — источник становления*, а мир проходит

одни и те же циклы развития, все, что было, возвращается в будущем. *Идея вечного возвращения* иллюстрировалась им в виде «песочных часов бытия», которые переворачиваются для того, чтобы тот же самый песок сыпался в обратном направлении, и так — без конца.

Раз жизнь коренится в «воле к власти», которая присуща каждому живому существу, то нет и не может быть одинаковой всеобщей логики и всеобщих законов мышления. Логика — это просто усредненное значение жизни, то, что выражает взгляд посредственности, нивелирует и опошляет индивидуальность, делает ее похожей на других. Для Ницше воля к власти была критерием оценки любого явления и события. «Что хорошо? — спрашивал Ницше. — «Все, что повышает чувство власти, волю к власти, саму власть в человеке. Что дурно? Все, что происходит из слабости. Что счастье? Чувство нарастающей силы, власти, чувство, что преодолено новое препятствие... Пусть гибнут слабые и уродливые — такова первая заповедь нашего человеколюбия. Надо еще помогать им гибнуть. Что вреднее любого порока? Сострадать слабым и калекам». Как видите, из своей концепции воли к власти Ницше сделал радикальные выводы: мораль (особенно христианская), демократические идеи о равенстве, сострадание подрывают волю к власти, противоречат закону жизни, поэтому их надо отбросить.

Согласно Ницше, дух человека проходит три «превращения»: он становится *верблюдом, львом и ребенком*. Что кроется за этими метафорами? Сначала человеческий дух должен научиться быть выносливым, как верблюд: «все самое трудное берет на себя выносливый дух; подобно навьюченному верблюду, который спешит в пустыню, спешит и он в свою пустыню». Но затем, в процессе испытаний, происходит превращение во льва: «львом становится дух, свободу хочет он себе завоевать и господином быть в своей собственной пустыне». Лев — образ царя зверей, он никому не подчиняется, он свободен, зачем же духу надо превращаться еще в ребенка? Что может сделать ребенок, чего не может даже лев? Ницше отвечал на это так: лев завоевывает себе свободу, но он не может создавать новые ценности, творить. Ребенок же — «новое начинание, игра», он все видит впервые, он создает себе свой собственный мир, не похожий на мир других людей, поэтому высшая стадия развития человеческого духа — превращение в ребенка для «игры созидания». Но, конечно, не все люди могут пройти путь этих трех превращений. Кто-то так

и останется на всю жизнь «верблюдом», кто-то — хищным «львом», и лишь самые сильные духом смогут стать «детьми».

Ницше считал, что человеческое общество всегда состояло и будет состоять из сильных и слабых, рабов и господ, и никакого равенства быть не может. Всюду он видит разделение на «господское» и «плебейское». Относится это и к морали. Именно мораль слабых, «плебеев» зиждется на сострадании и человеколюбии. Наиболее полным выражением такой морали является, по его мнению, христианство. Такая мораль парализует закон развития, волю к власти, приводит к регрессу. Мораль же «господ» — это мораль сильного человека, который не должен себя связывать никакими общепринятыми нормами. Ницше стал автором концепции **сверхчеловека**, которому, если вспомнить слова Ф.М.Достоевского, «все позволено». Как из обезьяны когда-то появился человек, так из современного человека появится новая раса людей — «хищный зверь, великолепная, ищущая добычи и победы белокурая бестия». Сверхчеловек живет «по ту сторону добра и зла», то есть разрушает рамки общественной морали. Вы же не будете осуждать тигра за то, что он сожрал козлу? Так же не применимы обычные моральные нормы и к сверхчеловеку. Подлинной справедливости все равно нигде и никогда не было, более того, все попытки установить справедливость всегда жестоки. Поэтому Ницше заявлял, что разумнее признать справедливость функцией силы: кто силен, тот и устанавливает свой закон жизни. Именно эта концепция Ницше дала основание использовать его идеи для идеологического оправдания нацизма, хотя сам Ницше нигде и никогда не связывал появление сверхчеловека с какими-либо национальными признаками, а к родной ему немецкой культуре относился более чем критично. Учение о сверхчеловеке приобрело многих последователей, среди которых был, например, писатель Джек Лондон, в своих знаменитых северных рассказах, романе «Маленькая хозяйка большого дома» и других произведениях рисовавший образы именно таких сверхчеловеков. Многие русские мыслители (Л. Н. Толстой, Л. И. Шестов и другие) критиковали позицию Ницше с точки зрения морали — прежде всего его учение о сверхчеловеке. Но, даже отвергая это учение, надо помнить, что сверхчеловеков Ницше представлял себе как тех, «кому мышление и духовное обновление доставляет удовольствие».

Поразительно, но Ницше, который писал такие страстные и скандальные тексты и сам себя называл «динамитом, а не чело-

веком», «больше полем битвы, чем человеком», в жизни совсем не был похож на тот образ «хищного зверя», который рисовал в своих произведениях. Современники вспоминали, что у него была «привычка тихо говорить, осторожная, задумчивая походка, спокойные черты лица... В обычной жизни он отличался вежливостью, почти женской мягкостью, постоянной ровностью характера. Ему нравились изысканные манеры в обращении, и при первой встрече он поражал своей церемонностью», а Вагнер даже как-то сказал, что отдал бы сто тысяч марок только за то, чтобы научиться вести себя «как этот Ницше». Идеи и их автор — это не одно и то же, уж не говоря о том, что выводы из идей можно сделать самые разные и зависеть они будут не только от пишущего, но и от читающего...

Оценивая социальную жизнь с точки зрения воли к власти, Ницше приходил к выводу, что общество не развивается, а наоборот, регрессирует. Установление демократии в большинстве европейских стран привело, по его мнению, к «размельчанию человека», когда господствовать стали «плебеи», «рабы», «стадные люди». Набиравший же тогда силу социализм вообще вызывал у Ницше ужас, он называл его «тиранией низших и глупейших». Но Ницше был уверен, что социализм, если даже и победит в отдельных странах, не может быть установлен надолго (он сравнивал его с коротким «приступом болезни»), так как он противоречит силе, лежащей в основе бытия, — воле к власти.

Он предвидел несколько столетий войн, которые выпадут на долю человечества, и считал, что это будут войны за господство над Землей. В этих войнах, по мысли Ницше, главными соперниками станут Россия и Германия (внимание: это написано в XIX столетии, еще до 1-й мировой войны!). Германия, по его мнению, объединит Европу, а Россия — Евразию. Причем в результате такого столкновения, считал Ницше, победит, скорее всего, Россия, в которой он видел исключительную мощь — «грандиозную цель, близость к варварству, великодушные молодости и фантастическую силу». Но независимо от военного исхода такого столкновения, его объективным результатом станет становление новой культурной общности, где сольются воедино европейская и российская составляющие (Ницше писал о «сращении российской и германской рас»). Как вы видите, подобные пророчества были очень далеки от планов гитлеровского геноцида славянских народов, но сочинения Ницше в нацистской Гер-

мании интерпретировали так, как это было удобно и идеологически выгодно, не заботясь об истине.

В Советском Союзе книги Ницше долго были под запретом. Сегодня вы можете их найти на любом книжном прилавке. Если при жизни Ницше был вынужден издавать свои сочинения на последние деньги, то сегодня его книги — одни из самых покупаемых, несмотря на миллионные тиражи. Его идеи по-прежнему вызывают горячие споры, и споры эти не случайны, потому что сама философия Ницше противоречива, в ней не вызывает сомнений лишь яркий и последовательный *индивидуализм* и *иррационализм*. Возможно, именно поэтому влияние ницшеанства было велико не только на философов, но и на поэтов, художников, писателей, музыкантов. Сам Ницше как-то сказал: «Все в жизни, что меня не убивает, делает меня сильнее». Поэтому как ни оценивай философию Фридриха Ницше — как вредную и безнравственную или великую и гениальную, она, точно, не убивает, и мы надеемся, что ее знание сделает вас сильнее.

Вопросы и задания

1. Что такое иррационализм?
2. Что такое воля в учении Шопенгауэра?
3. Что такое пессимизм и оптимизм? Приведите примеры этих типов мировоззрения.
4. Объясните, как вы понимаете фразу Шопенгауэра: «Несчастье — обидный удел».
5. Какие средства избавления от желаний рассматривал Шопенгауэр? Какое из них вам кажется наиболее оправданным?
6. Какие начала в культуре выдвинул Ницше? Почему он решил, что современная культура «больна»?
7. Что такое «воля к власти» в концепции Ницше? В чем ее сходство и отличие от «воли к жизни» у Шопенгауэра?
8. Ницше говорил, что «любая справедливость жестока». Как вы думаете, почему?
9. Расскажите, как вы понимаете учение о сверхчеловеке Ф. Ницше. Согласны ли вы с этим учением?
10. Какие черты философии Ницше позволили нацистам использовать ее в своей пропагандистской практике? Как вы думаете, согласился бы сам Ницше с нацистской идеологией, если бы дожил до первой трети 20-го века?
11. Был ли Ницше сторонником идеи прогресса в истории человеческого общества?

3.5. Современная философия

Окончание Нового времени датируется по-разному, но большинство специалистов приходит к выводу, что на рубеже XIX—XX вв. появились коренные перемены в образе жизни и мировоззрении людей. Начиная с XX столетия историю называют «Новейшей», имея в виду, что изменения, произошедшие за это время, продолжают влиять и на сегодняшнюю жизнь общества. Поэтому глава называется «Современная философия», хотя многие мыслители, о которых в ней пойдет речь, уже ушли из жизни. Важно то, что их идеи живут, получают продолжение в работах современных авторов, воздействуют на нынешнюю культуру.

Современная философия не только продолжает прежнюю, но и спорит с ней. Дело в том, что в XX в. важные изменения произошли во всех областях жизни общества. *Огромное место заняла наука, которая превратилась в непосредственную производительную силу*. Науку и превозносят, и критикуют: она не только разрешает проблемы человеческого общества, но и порождает их. Вспомните хотя бы о нарастающем экологическом кризисе, угрозу которого человечество ощущает все более остро. *В самой науке стало меньше претензий на окончательность и абсолютность суждений*. Разработка теории относительности, квантовой теории и другие научные открытия заставили пересмотреть классическую модель Ньютона. Коренные изменения произошли и в математике: геометрия Евклида, считавшаяся образцом истинной научной теории и не подвергавшаяся сомнению в течение более двух тысяч лет, дополняется неевклидовыми геометриями Римана, Лобачевского и др.

Существенно *изменяется экономическая жизнь* западных стран. С конца XIX в. экономика все меньше обращает внимания на национальные и государственные границы, а сегодня она и вовсе приобретает *глобальный* характер: изменения в одной сфере, одном регионе отзываются изменениями во всех остальных сферах и регионах мира.

Происходит заметный *перелом в религиозной сфере*. Традиционные религии начинают занимать все меньшее место в общественной жизни, заметнее становятся модернистские, то есть изменяющиеся, реформирующие привычные религиозные взгляды и положения течения.

Человечество пережило в новейшей истории *две мировые войны*, изменившие мировоззрение современного человека. Горе и страдания, принесенные этими войнами, заставили осознать хрупкость привычного мира, по-новому поставили вопрос о предназначении и судьбах человечества. *Вера в неодолимость прогресса пошатнулась*, стало очевидным, что прогресс в одних областях общественной жизни сопровождается регрессом в других ее областях. Неочевидной становится и возможность прогресса в самой философии: если философы Нового времени претендовали на то, что их системы превосходят системы предшественников, являются своего рода завершением, «высшей точкой» развития, то современной философии несвойственна такая постановка вопроса. Общей установкой становится **плюрализм** (множественность) в философии: разные философские течения и школы сосуществуют, спорят, ведут диалог друг с другом, но не претендуют на абсолютную истинность. В этом смысле Платон и Кант, Юм и Гегель рассматриваются современными мыслителями не только как великое прошлое, но и как участники современных философских дискуссий.

Разумеется, мы не сможем в этой главе рассказать обо всех течениях современной философской мысли. Мы остановимся на наиболее значимых, оказывающих наиболее сильное воздействие на жизнь современного общества.

3.5.1. Марксистская философия

Не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание.

Карл Маркс

Возможно, именно марксизм стал тем философским течением, которое оказало наибольшее воздействие на общество в XX столетии. В СССР и целом ряде других стран была предпринята попытка построить новое, социалистическое общество, опираясь на эти философские идеи. Да и сегодня, уже в XXI в., марксизм влияет на политику, существуют многочисленные партии в разных уголках мира, которые опираются на выводы марксистской теории. Что же представляет собой эта философия?

Начиная разговор о марксизме, мы, как ни странно, должны вспомнить о Гегеле. Дело в том, что марксизм буквально «вырос» из гегелевской философии. После смерти Гегеля его последователи образовали два лагеря — «старогегельянцев» и «младогегельянцев», которые по-разному понимали гегелевское учение. Старогегельянцы делали из философии Гегеля консервативные выводы: если все действительное разумно, а все разумное — действительно, то любой этап в развитии общества закономерен, его нельзя «перепрыгнуть», историю невозможно «пришпорить» и подтолкнуть в нужном направлении. Младогегельянцы же, опираясь на гегелевскую диалектику, сделали из гегелевского учения прямо противоположные, радикальные выводы: если все разумное — действительно, а все действительное — разумно, то право на существование имеет только то, что не противоречит законам разума, все остальное же (как неразумное) подлежит разрушению. К кругу младогегельянцев принадлежал и **Карл Маркс** (1818—1883) — немецкий философ, социолог и экономист, один из наиболее глубоких критиков капитализма в истории человечества.

Родился К. Маркс в городе Трир в семье адвоката, учился на юридическом факультете Боннского, затем Берлинского университета. В 1842 г. Маркс стал редактором демократической «Рейнской газеты», а в 1843 г. переехал в Париж, потом в Брюссель. В 1844 г. началась дружба Маркса с **Фридрихом Энгельсом** (1820—1895), продолжавшаяся до конца жизни Маркса. Вместе с Энгельсом Маркс участвовал в работе международной организации «Союз коммунистов», для которой в 1848 г. они написали программу — «Манифест Коммунистической партии». 1848 г. был временем революционных потрясений в Европе, и именно тогда Маркс и Энгельс стали издавать «Новую Рейнскую газету», на страницах которой излагали свои убеждения. После поражения революции Маркс уехал в Париж, потом переехал в Лондон, где и прожил до последних дней. Энгельс, будучи материально обеспеченным человеком, практически взял на себя финансовое обеспечение теоретической и общественной работы Маркса, которого считал гениальным мыслителем.

В 1864 г. Маркс организовал *I Интернационал* — Международное товарищество рабочих, целью которого было освобождение пролетариата от эксплуатации и создание нового, коммунистического общества. В 1867 г. вышел главный труд Маркса, где он анализировал экономические законы капиталистического об-

щества, — «Капитал» (1-й том). Следующие тома Маркс не успел завершить, их подготовил к изданию уже после его смерти Энгельс.

Теория отчуждения

Свое научное становление Маркс начинал как гегельянец и идеалист. Но с первых шагов он (в числе других младогегельянцев) пытался сделать из философии Гегеля практические, прежде всего революционные выводы. Такая нацеленность на практику, на преобразование общества сохранилась в марксизме навсегда: учение марксизма носит ярко выраженный *практический характер*. Именно внимание к реальной общественной жизни и осознание потребности ее преобразования способствовали тому, что Маркс отошел от гегельянства и стал упрекать философов, что они «воюют с фразами, а не с миром, который они отражают». Вывод Маркса был таков: надо соединить теорию с практикой! «Философы лишь различным образом объясняли мир, а дело заключается в том, чтобы изменить его», — эта мысль выражала задачу марксизма.

Конечно, марксизм сформировался не сразу. Взгляды Маркса эволюционировали, изменялись. Но еще молодой Маркс поставил проблему, которая оказала большое влияние на дальнейшее развитие марксизма уже во второй половине XX столетия — *проблему отчуждения*.

Частная собственность, справедливо заметил Маркс, *меняет характер труда*, делает его принудительным. Представьте себе рабочего, собирающего часы на заводе, который не является его собственностью. Очевидно, что и часы тоже ему не принадлежат. Результат труда противостоит рабочему как нечто чуждое, чем он не может распоряжаться по своему усмотрению. Таким образом, получается, что в результате господства частной собственности происходит *отчуждение производителя от продуктов его труда*. Если, скажем, сваренным на досуге вареньем вы можете распоряжаться как угодно, — съесть его, подарить или даже выбросить, то в ситуации, когда вы продаете свою *рабочую силу* (свои навыки, умения, способности) собственнику средств производства (завода, фабрики, мастерской, ресторана, плантации), продукт вашего труда — не в вашей власти. Он становится *товаром* и принадлежит собственнику, на которого вы работаете.

А что такое товар? *Товар* — это, во-первых, вещь, удовлетворяющая какую-нибудь потребность человека, а во-вторых, вещь,

которую можно обменять на другую. Полезность вещи, ее способность удовлетворить ту или иную потребность человека — это ее *потребительная стоимость*. *Меновая же стоимость* (или просто стоимость) выражается в отношении, пропорции при обмене некоторого числа вещей (потребительных стоимостей) одного вида на некоторое число вещей (потребительных стоимостей) другого вида. Например, часы как потребительная стоимость удовлетворяют потребность человека знать точное время. Но их меновая стоимость, выраженная, например, как тысяча рублей, позволяет приравнять эти часы к ста компьютерным дискетам или к двум калькуляторам. Но как это возможно? Ведь часы совсем не похожи на два калькулятора! Ежедневный опыт показывает нам, что миллионы и миллиарды таких обменов приравнивают самые различные вещи друг к другу, поскольку все они — *продукты труда*.

Обменивая продукты (как правило, через посредство денег), люди сравнивают самые разные виды труда. Каждый отдельный товар — это частичка общественно-необходимого труда, который выражается, прежде всего, в затраченном на производство данного товара времени. Если среднее время, затраченное на производство часов или компьютерных дискет, уменьшится благодаря техническим новшествам, их стоимость упадет и они будут обмениваться на меньшее количество калькуляторов. Получается, что в условиях рынка рабочий отчуждается не только от продуктов труда, но и *от собственной трудовой активности*: труд для рабочего — лишь средство к существованию, мотив трудовой деятельности (нравится или не нравится вам эта работа, соответствует или нет она вашему характеру и т. д.) становится делом второстепенным. Ни средства труда, ни продукт труда не принадлежат рабочему, а это значит, что и сам он в процессе труда принадлежит не себе: он продает свою рабочую силу собственнику за определенную заработную плату. Значит, в условиях господства частной собственности процесс труда меняет свой характер: он тоже отчуждается от человека.

Это приводит к *отчуждению человека от самой своей человеческой сущности*: труд — это специфически человеческая характеристика, свойственная только людям; именно в труде человек выражает свое «я», проявляет себя. Но наличие частной собственности на средства производства в корне меняет ситуацию: именно в труде человек не ощущает себя свободным, он *вынужден* трудиться, чтобы заработать себе на жизнь. А вот свободным он себя ощуща-

ет в тех ситуациях, которые не являются чисто человеческими, но присущими многим животным. У Маркса есть примечательная фраза: «Рабочий чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций: при еде, питье, половом акте, у себя в жилище, украшая себя и т. д., а в своих человеческих функциях (в труде. — Авт.) он чувствует себя животным».

Такое положение вещей было подвергнуто Марксом критике, в результате которой он пришел к созданию своей оригинальной социально-философской теории.

Материализм во взглядах на общество

В то время появились различные подходы к пониманию истории: с одной стороны, каждое историческое событие — уникально, неповторимо, оно совершается один-единственный раз, а значит, никакой повторяемости в истории нет. Но можно ли тогда говорить об исторических законах? Ведь закон — это повторяющаяся необходимая связь явлений. С другой стороны, интуитивно было ясно, что и в истории есть некие взаимосвязи, определяющие ее развитие и ход. Что же определяет историческое развитие человечества? Маркс предложил оригинальный подход к истории и общественной жизни: он *распространил материализм не только на природу, но и на общество*. Если материалисты признают, что в природе материя определяет сознание, то и в обществе надо признать приоритет материальных факторов жизни над духовными явлениями. Что является такими материальными факторами, определяющими жизнь общества? Маркс обратил взгляд на экономику: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независимые, отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание».

Таким образом, марксизм постулировал, что экономические отношения лежат в фундаменте общественной жизни, являются

ее «материей». Следующим шагом было выделение нескольких типов таких экономических (производственных) отношений, каждому из которых соответствовал и определенный тип общества: *первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический* и — в будущем — *коммунистический*. Базисом общества является экономика, а *надстройкой*, которая вырастает из этого базиса, — определенные политические учреждения, законы, культура и т. д. Совокупность определенного базиса и надстройки дает своеобразный *тип общества* — **общественно-экономическую формацию**. Если так рассматривать историю, в ней можно увидеть повторяемость и закономерность: хотя французская история не похожа на английскую или немецкую, мы, тем не менее, можем выделить общие черты, присущие, например, феодальному обществу в этих регионах Европы. Причем смена одной общественно-экономической формации другой тоже закономерна: на определенной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, внутри которых они до сих пор развивались. Устаревшие производственные отношения начинают сдерживать развитие производительных сил, становятся их оковами. Тогда наступает эпоха *социальной революции*: возникает необходимость смены производственных отношений, перехода к новой формации. А когда экономическая основа меняется, быстро или медленно, но происходят изменения и во всей надстройке, — меняются государственные институты, законы, система образования, культура.

Теория классов и классовой борьбы

В каждой общественно-экономической формации Маркс выделил два основных противостоящих друг другу по своим интересам класса. Наиболее полное определение класса дал, анализируя идеи Маркса, В. И. Ленин: «*Большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению... к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают*». Основным признаком класса, по Марксу, стало именно отношение к средствам производства — являются ли представители класса собственниками средств производства (как рабовладельцы были собственниками рабов, феодалы — земли,

капиталисты — фабрик, заводов и т. п.) или нет. В конечном счете получалось, что любую общественно-экономическую формацию, имевшуюся в истории человечества (кроме первобытно-общинной, где не было еще частной собственности), можно рассматривать как противостояние двух основных классов: при рабовладении это рабовладельцы и рабы, при феодализме — феодалы и зависимые крестьяне, при капитализме — рабочие и капиталисты. Поскольку их интересы объективно противоположны, в этих обществах неизбежна **классовая борьба**: «История всех до сих пор существовавших обществ, — писали Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии», — была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной... короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, но скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов». Именно борьба классов была, по Марксу, основным «локомотивом истории», двигателем важнейших исторических событий, их «пружиной».

Современную ему эпоху Маркс тоже рассматривал как борьбу пролетариата (рабочего класса) и буржуазии (капиталистов). Но противостояние буржуазии и пролетариата Маркс считал последней точкой развития классового общества: по его мнению, при капитализме классовая борьба достигла своей вершины, и победа пролетариата в этом противостоянии будет означать освобождение всех угнетенных и эксплуатируемых. «Пролетариату нечего терять, кроме своих цепей», поэтому его требования, считали и считают марксисты, наиболее последовательны и радикальны: трудящиеся заинтересованы в самом уничтожении частной собственности, в разрушении классового общества, в установлении коммунизма. Под коммунизмом принято понимать *тип общества, основанный на общественной собственности на средства производства*. Первой стадией коммунистического общества является социализм, когда государство еще сохраняется, хотя и становится орудием интересов рабочего класса (Маркс писал о *диктатуре пролетариата*), а не эксплуататоров (как это было ранее), при построении же полного коммунизма государство должно отмереть, «заснуть».

Неизбежность наступления коммунизма Маркс выводил из тенденции все большего обобществления производства: от маленьких фабрик с локальным рынком сбыта человечество пере-

шло к огромным корпорациям и международным монополиям. Значит, рано или поздно встанет задача контроля за производством в мировом масштабе, что возможно только тогда, когда производство будет поставлено на службу интересам всего общества. Он считал, что союзы и объединения капиталистов, создание ими монополий и раздел между ними рынков сбыта приведут к уменьшению конкуренции между собственниками, обратной стороной чего станет обнищание рабочих масс: собственники, не опасаясь конкуренции, смогут установить предельно низкую заработную плату рабочим. В результате, по его мнению, социалистическая революция, разрушение несправедливого общества станут неизбежными: на одном полюсе будут находиться обнищавшие рабочие, составляющие подавляющее большинство общества, на другом — кучка капиталистов, владеющая всеми богатствами. Столкновение между ними приведет к переворачиванию «социальной пирамиды»: к власти придет пролетариат и установит свою *диктатуру* для подавления сопротивления свергнутых эксплуататоров; собственность на средства производства будет уничтожена; классы постепенно отомрут; человечество будет развиваться гармонично и в интересах большинства.

Эта идея Маркса буквально захватила умы многих его современников и последователей. В разных странах были созданы политические партии рабочего класса, ставившие перед собой задачу построения коммунизма. Но уже при жизни Маркса появились и первые критики его учения. За что же критиковали марксизм чаще всего?

Во-первых, за абсолютизацию экономики как единственного решающего фактора исторического развития. Например, другой известный немецкий историк, экономист и социолог **Макс Вебер** (1864—1920) показал в своих исследованиях обратное влияние «надстройки» на «базис» — вещь немыслимая для марксистского учения, в котором экономические отношения определяли все остальные проявления общественной жизни! Вебер проанализировал роль протестантизма в становлении капиталистического общества и заявил о решающей роли религии в формировании способа производства.

Во-вторых, многие теоретики критиковали марксизм за принижение роли личности в истории. Марксистов с юмором стали называть «партией лунного затмения»: действительно, если все определяется экономическими отношениями, интересами классов и их борьбой, то человек и даже политическая партия мало

что могут изменить в истории, — время наступления социальной революции зависит не от забастовок, манифестов и восстаний, а от объективных законов развития производства. Как ни одна партия не в силах приблизить или отсрочить лунное затмение, так не под силу ее идеологам и активистам изменить экономические процессы.

В-третьих, Маркса стали критиковать за неприменимость его теории общественно-экономических формаций ко многим обществам. Подумайте, например, о российской истории, — очевидно отсутствие в ней рабовладельческой общественно-экономической формации. Да и с переходом от капиталистического общества к социализму в России все не так уж ясно: согласно Марксовой теории, такой переход возможен в наиболее развитых странах, где производственные капиталистические отношения уже начали мешать развитию передовых производительных сил, а в России этого не было. Россия не была самой развитой капиталистической страной в Европе, пролетариат не составлял в ней большинства населения, поэтому с точки зрения классического марксизма, она была просто не готова к социалистическим преобразованиям (о чем, кстати, спорили с Лениным многие видные марксисты — Г. В. Плеханов, Р. Люксембург, К. Каутский и другие).

Кроме того, многие прогнозы Маркса не подтвердились историей. Маркс, например, предсказывал нарастание классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией, но развитие демократии и возможность использования для решения возникающих проблем демократических средств, наоборот, сделало эту борьбу гораздо менее острой. Маркс говорил о грядущем абсолютном обнищании рабочих масс, но и этот прогноз в силу ряда причин не сбывся: квалифицированный рабочий сегодня по уровню своего достатка мало чем отличается от буржуа. Не победил социализм в самых развитых в экономическом отношении странах; из-за того, что рабочие многих предприятий стали акционерами этих предприятий, конфликт экономических интересов рабочих и капиталистов не усилился, а ослабел. И т. д., и т. п. Все это привело к частичному изменению, «ревизии» учения Маркса со стороны его последователей.

Диалектический материализм

В принципе, философия марксизма распадается на две основные части — *исторический материализм* (взгляды Маркса на общество) и *диалектический материализм* (взгляды на природу).

В разработке диалектического материализма большую роль сыграл Ф. Энгельс, написавший несколько фундаментальных работ, определивших позицию философов марксистского направления в рассмотрении природы.

Само название этого раздела марксизма — **диалектический материализм** — раскрывает его суть: с одной стороны, это последовательный *материализм*, признание первичности материальных процессов перед духовными, сознательными, а с другой — это использование *диалектического* метода, заимствованного у Гегеля, для описания мира. Гегелевскую диалектику, как всестороннее и глубокое учение о развитии, Маркс и Энгельс считали величайшим достижением классической немецкой философии. Маркс писал, что *диалектика является «наукой об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления»*. Именно *диалектика стала методологическим основанием учения Маркса* о перспективах развития истории: если диалектика видит во всем борьбу противоположностей, то Маркс конкретизировал это положение, рассмотрев историю как историю борьбы классов; если диалектика говорит о переходе количественных изменений в качественные, то для Маркса это проявляется, в том числе, в необходимости смены производственных отношений в результате развития производительных сил; если диалектике присущ закон отрицания отрицания (помните гегелевские триады?), то иллюстрацией этого закона может стать движение человечества от бесклассового первобытно-общинного строя через историю классовой борьбы к установлению бесклассового коммунистического общества. Согласно марксизму, «для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед нею, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу».

Неомарксизм

Как вы знаете, марксизм стал официальной идеологией в СССР после революции 1917 г. Но советский марксизм, опиравшийся не столько на работы К. Маркса, сколько на их трактовку В. И. Лениным, был не единственной версией. На Западе марксистские идеи тоже получили свое продолжение, особенно в той части, которая была центральной для творчества молодого

Маркса, — в теории отчуждения. В XX в. возникает *неомарксизм*, — этим термином называют творческое развитие положений марксистской теории, для которого, прежде всего, свойственен гуманизм и критика тоталитарных форм организации общественной жизни (в том числе, и той формы тоталитаризма, что сложилась в Советском Союзе). Большинство представителей неомарксизма отказались от предложенной Марксом и развитой позднее Лениным идеи диктатуры пролетариата, считая, что развитие демократических институтов в современном обществе позволяет достичь цели освобождения трудящихся без насилия. Некоторые теоретики стали сомневаться и в осуществимости самого коммунистического идеала: совершенного общества не бывает, это недостижимая мечта. Надо вести речь о постоянном совершенствовании, реформировании общественных институтов, но понимать, что идеального состояния человечество никогда достигнуть не сможет. В то же время, неомарксизм унаследовал многие черты марксистского учения: он тоже делал акцент на роль общественной практики, критиковал современное ему буржуазное общество, пытался наметить пути преодоления отчуждения во всех сферах общественной жизни.

Наиболее интересная версия неомарксизма сложилась в Институте социальных исследований в Германии, она получила название «**Франкфуртская школа**». Институт социальных исследований возник в 1930 г. благодаря усилиям философа и социолога **Макса Хоркхаймера** (1895—1973) и просуществовал около 45 лет, хотя во время второй мировой войны в связи с приходом к власти нацистов многие представители Франкфуртской школы вынуждены были покинуть Германию и уехать в США и другие страны.

Основной задачей, которую ставила перед собой Франкфуртская школа, было *критическое осмысление социальной реальности*. Усиление нацизма в Германии подтолкнуло М. Хоркхаймера и его соратника, музыканта, философа и социолога **Теодора Адорно** (1903—1969), к опубликованию программной работы «*Диалектика Просвещения*». В этой работе они показали, что развитие науки и технологий толкают человечество к «новому типу варварства». По сути, они критиковали саму установку мыслителей Нового времени — установку на просвещение. Проект Просвещения — просветить умы людей, разрешить с помощью науки, образования, технологий стоящие перед человечеством проблемы, по их мнению, потерпел крах. Около трех столетий этот

проект был господствующим во всех странах Европы (тут уж нельзя пожаловаться на недостаточность времени и усилий по его осуществлению), но к чему пришло европейское сообщество? К печам Освенцима, созданию оружия массового уничтожения, экологическим проблемам. Значит, сделали вывод Хоркхаймер и Адорно, что-то в этом проекте было неверным с самого начала.

Проект Просвещения был задуман как *проект господства человека над природой*. Но господство, власть не имеют пределов, поэтому «оптимальной», «рациональной» власти быть не может. Человек, движимый желанием господства, никогда не сможет остановиться в своем стремлении, — он будет стараться простираť свое господство на все новые области жизни. Сначала целью было господствовать над природой, а потом и над человеком. Овладение внешней природой возможно только при подчинении внутренней, искоренении всего того в самом человеке, что мешает установлению господства. Человек стал лишь средством, инструментом власти, человеческие желания и устремления деформировались. В итоге сегодня человек вынужден использовать свой разум как инструмент для выживания. Просвещение, начатое как гимн человеческому разуму и его могуществу, пришло к собственному отрицанию: разум стал рассматриваться лишь как полезный инструмент для решения тех или иных задач, играть служебную роль.

Мыслители Франкфуртской школы говорили о *саморазрушении Просвещения*. Для разъяснения своих позиций они использовали аллегорию — образ Одиссея, плывущего на своем корабле мимо острова, где жили Сирены, полуптицы-полуженщины, поющие божественными голосами. Их сладкозвучное пение так действовало на гребцов, что они направляли свои корабли к берегу, на острые скалы, и находили там свою погибель. Чтобы услышать пение, но при этом уцелеть, Одиссей залил гребцам уши воском, а себя велел крепко-накрепко привязать к мачте, дабы не спрыгнуть с корабля, как бы ему этого ни захотелось. Хоркхаймер и Адорно нашли в этом мифе много общего с Просвещением: тот, кто гребет, — не слышит звуков извне, он не в состоянии оценить то, мимо чего проплывает корабль. Тот же, кто воспринимает окружающее, — не может повлиять на ход корабля, в его руках нет весел. Одиссея эта выдумка спасла, но человечество такое положение дел может погубить: те, кто понимает пагубные тенденции развития культуры, не в силах повлиять на ход собы-

тий, а те, кто определяет ход истории, не понимают опасности выбранного курса.

Итак, человеческий разум болен, и эту «болезнь разума породила жажда человека господствовать над природой». На первый план в современной культуре вышел «инструментальный разум», то есть то мышление, которое направлено на решение конкретных задач, а не на осмысление судеб общества и индивида. Востребовано только то мышление, которое обслуживает интересы социальных групп, имеющих власть: «придворные» мыслители пропагандируют стандартизированный образ жизни, общепринятые нормы поведения, усредненные желания и стремления. Разум поработается социальными целями. Критерием всей культуры стала инструментальная ценность, полезность, чтобы господствовать над людьми и природой. Прикладная наука победно торжествует «на руинах философии». Где же выход? Франкфуртская школа призвала развивать *критическое мышление*, которое и станет подлинной философией, не имеющей социального заказа от власть имущих. Если критической мысли не станет, — исчезнет сама возможность изменений, ведь для любых изменений требуется несогласие с существующим положением дел.

Таким образом, марксистское учение сильно изменилось в XX столетии: от пропаганды диктатуры пролетариата и классовой борьбы до проповеди гуманизма и обоснования свободы мышления.

Вопросы и задания

1. Когда возникла марксистская философия? Какие две части можно в ней выделить?
2. Объясните, что такое отчуждение. Существует ли отчуждение в современном обществе? В каких формах оно проявляется?
3. Объясните, почему взгляды Маркса и его последователей на общество могут быть названы материалистическими.
4. Что такое базис и надстройка общества согласно марксистскому учению? Какова их взаимосвязь?
5. Что такое теория общественно-экономических формаций? Какие формации выделил Маркс? Является ли социализм особой общественно-экономической формацией?
6. С точки зрения сторонников теории общественно-экономических формаций, в истории действуют объективные законы. Но законы подразумевают повторяемость явлений. Объясните с помощью примеров, в чем марксисты усматривали такую повторяемость.

7. Маркс назвал революции «праздником угнетенных и эксплуатируемых», «локомотивом истории». Объясните, что он имел в виду.
8. Что такое социальный класс? Как вы думаете, какие классы существуют в современном российском обществе? Посмотрите в учебниках по обществознанию, социологии или в Интернете, что сегодня понимают под «средним классом».
9. В литературе часто говорят об особом марксистском течении — «русском марксизме». Наиболее яркими его представителями были Г. В. Плеханов и В. И. Ленин (Ульянов). Найдите материал о взглядах этих мыслителей и расскажите о них.
10. Что такое неомарксизм? Чем он отличается от взглядов К. Маркса?
11. За что мыслители Франкфуртской школы критиковали «проект Просвещения»?

3.5.2. Прагматизм

Мир есть то, что мы из него делаем.
Уильям Джеймс

В предыдущих главах шел разговор о европейской философии. Прагматизм же появился в Северной Америке и превратился в одну из наиболее популярных там философских школ. Само название этой школы произошло от греческого слова «*pragma*» — дело, действие и говорит о тесной связи данной философии с практикой. Для представителей этой школы философия — не метафизические размышления о мире и человеке, а *метод разрешения проблемных ситуаций*.

Родоначальником прагматизма стал Чарльз Сандерс Пирс (1839—1914) — крупный математик, астроном, логик, философ, читавший лекции в Гарвардском университете.

Теория «сомнения — веры»

На формирование взглядов Пирса самое глубокое влияние оказал Кант, которого он считал гениальным мыслителем. Так же, как и Кант, Пирс хотел примирить науку и христианство. В конце XIX в., после публикации трудов Чарльза Дарвина, религиозные споры приобрели особую остроту: казалось, что наука несовместима более с религией, ее выводом является атеизм. Но Пирс так не считал и попытался создать философскую систему, которая учитывала бы новейшие научные результаты, но в то же время была совместима с христианством.

Опираясь на эволюционную теорию Дарвина, Пирс рассматривал мышление как вид приспособительной функции организма. Получалось, что задачей мышления является не отражение мира, а регуляция отношений между организмом и средой. Человек, живя в мире, вырабатывает различные привычки, свойственные ему типы действий и т. п., которые заменяют ему инстинкты и, будучи осознанными, образуют верования (*веру*). По Пирсу, *вера — это готовность действовать определенным образом*. Если мы верим, что завтра — наступит, то мы планируем свой завтрашний день, если верим, что не умеем летать, — пользуемся лестницей, чтобы спуститься с третьего этажа, а не прыгаем с балкона, и т. д. Но в процессе жизни мы сталкиваемся с противоречащими нашим верованиям фактами и явлениями, это порождает *сомнение*, а сомнение вызывает психологический дискомфорт, *беспокойство*. Тогда мы исследуем сложившуюся ситуацию — делаем усилие, направленное на преодоление сомнения, чтобы достичь нового верования. Как считал Пирс, *единственной целью исследования и познания является достижение верования, устранение сомнения*: «Деятельность мысли возбуждается раздражением, вызванным сомнением, и прекращается, когда верование достигнуто, таким образом, достижение верования есть единственная функция мысли».

Пирс выделил четыре основных метода преодоления сомнения:

- 1) метод упорства;
- 2) метод авторитета;
- 3) априорный метод;
- 4) метод науки.

Одним из методов преодоления сомнения является *метод упорства*. Иногда человек предпочитает придерживаться сложившихся взглядов, несмотря ни на что. Представьте себе, например, религиозных фанатиков: для них любые аргументы против их веры не будут иметь никакого значения. Но и обычные люди зачастую упрямо держатся привычных взглядов, отвергая любую, даже обоснованную критику.

Метод авторитета — самый распространенный в истории человечества, мы обращаемся к нему чаще всего. Ребенок, столкнувшись с непонятным явлением, обращается за разъяснениями к родителям, студент изучает различные дисциплины по учебникам, ученый при возникновении вопросов прибегает к помощи научной литературы или коллег, специализирующихся в

определенной области, — все это обращение к авторитету. Именно так происходит обучение: ведь мы не открываем каждый раз заново законы физики, химии, биологии, а опираемся на то, что было сделано авторитетными учеными в этой области — Ньютоном, Менделеевым, Дарвином.

Априорный метод тоже достаточно часто используется для преодоления сомнения. Столкнувшись с необъяснимым с точки зрения наших старых верований явлением, мы не всегда беремся за учебники или начинаем научное исследование. Иногда мы вырабатываем объяснение без каких-либо доказательств и фактов (априорно), потому что оно кажется нам логичным и правильным, согласуется с нашими взглядами и установками. По сути, мы произвольно принимаем те объяснения, которые нам нравятся.

Самым сложным, но и самым обоснованным, является преодоление сомнения *методом науки*. В этом случае новое верование, к которому мы пришли, зависит уже не от нашего произвола, а от некоторого постоянного внешнего фактора (окружающего мира), с которым мы должны считаться. При таком подходе полученные верования будут устойчивыми, так как научное верование (то, что обычно называют научной истиной) возникает в процессе исследования, это такое мнение, к которому пришло сообщество ученых, — людей наиболее компетентных в данной области. Тем не менее, для Пирса наука, по сути, остается *лишь средством преодоления сомнения*, пусть и привилегированным, своеобразной психотерапией, задачей которой является не постижение мира, а достижение уверенности.

Более того, по Пирсу, ученый (и любой человек) говорит не об объективных вещах, а о значениях для него тех или иных слов, знаков. Если я говорю вам «корова», то это слово (знак) может означать для вас молоко для каши, йогурт по утрам, возможность погладить теплый коровий нос во время прогулки на даче, а может — опасные рога. В любом случае это слово означает для вас определенную *совокупность практических последствий*: «Рассмотрите, каковы практические последствия, которые могут быть произведены объектом нашего понятия. Понятие об этих следствиях есть полное понятие объекта», — писал Пирс. Принцип Пирса звучал так: «Мы постигаем предмет нашей мысли, рассматривая те его свойства, которые предположительно имеют практическое значение; наше представление об этих свойствах и образует в целом понятие данного предмета». Получалось, что речь идет не о соответствии наших представлений реальному

объекту, а о соответствии этих представлений нашей (всегда ограниченной) практике. *Истина — это то, во что я верю, а верю я в то, что полезно, что «работает» в моей жизненной ситуации.*

Но как в каждый конкретный момент времени отличить истину от лжи? Древние мореплаватели верили, что Земля плоская и прокладывали свои маршруты, исходя из этого верования. Затем практика мореплавания, открытие новых территорий и другие факты заставили принять другие верования, исходить из того, что Земля круглая. Утверждение, что Земля плоская, было истинной в Древнем мире, оно «работало», было полезно и эффективно для того уровня человеческой практики. Сегодня работоспособным является другое верование, истиной для нас стало иное утверждение. Процесс изменения истин — *бесконечен*, человечество постоянно будет переходить от одного верования к другому, но на каждом этапе этого движения единственным критерием будет практика, полезность верования, возможность достигнуть успеха в действии благодаря тому или иному верованию.

Теория познания У. Джемса

Идеи Пирса были развиты другим видным американским мыслителем — Уильямом Джеймсом (1842—1910). Джеймс был медиком по образованию, преподавал в Гарварде анатомию и физиологию, первым в Америке стал читать курс лекций по психологии.

Так же, как и Пирс, Джеймс хотел примирить науку и религию. Материализм и вытекающий из него атеизм он считал «мрачным, похожим на кошмар мировоззрением». Веру же в Бога Джеймс сравнивал с «моральными каникулами», так как уверенность в том, что рядом с нами есть высшее существо, дающее человеку силу для осуществления его планов, воздающее каждому по заслугам, облегчает жизнь. Верить в Бога *выгодно*: вы ничего не теряете от такой веры, но многое приобретаете, — эта вера помогает вам в жизни. Джеймс понимал веру прагматически: существование Бога — недоказуемая, но полезная гипотеза.

В своих философских взглядах Джеймс проповедовал «*радикальный эмпиризм*»: по его мнению, раз единственным источником нашей информации о мире являются ощущения, опыт, то нет никакой противоположности субъекта и объекта, внешнего мира и внутреннего восприятия: «опыт и реальность составляют одно и то же». Мы имеем дело лишь с отражением мира в нашем сознании. Но наш опыт — это «нерасчлененная Вселенная», «ве-

ликий цветущий и жужжащий беспорядок», из которого наша избирательная активность выделяет «сгустки», группы ощущений — вещи. «*Мысли сделаны из того же самого вещества, что и вещи*», — утверждал Джеймс, потому что все сводил к содержанию человеческого сознания.

Мы выбираем из множества впечатлений лишь то, что соответствует нашим интересам. В этом смысле человека можно сравнить с лошадью, которой на глаза надели шоры, чтобы она, не отвлекаясь, могла смотреть только прямо, на дорогу. Так и наши интересы заставляют нас обращать внимание на одно и совершенно не придавать значения другому. Поэтому из «великого... жужжащего беспорядка» мы строим свой собственный уникальный мир (интересы-то наши похожи, но никогда не совпадают полностью). Мой и твой миры различны, но врезаны в первоначальный хаос впечатлений. «*Мир есть то, что мы из него делаем*», — писал Джеймс.

Инструментализм Дж. Дьюи

Свою версию прагматизма (получившую название *инструментализма*) предложил известный американский мыслитель и педагог Джон Дьюи (1859—1952).

С точки зрения Дьюи, человек начинает мыслить тогда, когда наталкивается на трудности, которые надо преодолеть (Пирс в этой связи говорил о возникновении сомнения в прежних верованиях). Поэтому *понятия, идеи, теории — лишь инструменты, «ключи к ситуации», «планы действия» человека, ценные постольку, поскольку ведут к успеху.* Дьюи утверждал, что «функция интеллекта — не в том, чтобы копировать объекты, а в том, чтобы устанавливать с ними наиболее выгодные отношения».

Познание — и здесь Дьюи был согласен с Джемсом — имеет только приспособительное значение: человек должен выжить, для этого он приспособляется к окружающей среде, используя свои познавательные способности. Значит, основное отношение человека к миру — практическое, заинтересованное, то есть всегда субъективное. Поэтому, считал Дьюи, в процессе познания мы обязательно оцениваем идеи с точки зрения их полезности: *истинно то, во что удобнее верить.*

Мир вокруг нас неустойчив, он меняется, значит, должны меняться и наши верования. Идеи — это инструменты, с помощью которых мы решаем встающие перед нами проблемы. Поэтому лучшим способом воспитания и обучения является поста-

новка практических задач: Дьюи предложил столь модную сегодня педагогику «деланья», когда обучаемые должны были получать знания в процессе решения конкретных задач, а не как отвлеченные рассуждения.

Прагматизм, став популярным в начале XX в., оказывает влияние и на сегодняшнюю философию. Принципы и идеи прагматизма развивают и ныне живущие философы (например, **Ричард Рорти**), хотя каждый из них видоизменяет эти идеи, вносит в них что-то свое. Тем не менее, можно выделить несколько положений, общих практически для всех представителей прагматической философии:

- во-первых, это рассмотрение мышления как *способа приспособления* человека к окружающей его среде;
- во-вторых, с точки зрения прагматизма, ценность мышления — в его эффективности как *средства для достижения успеха*;
- в-третьих, субъект познания, считают представители прагматизма, не нейтрален, это всегда *заинтересованный субъект*;
- в-четвертых, *истина* — это не всегда то, что точно отражает реальность, правильнее определить ее как *устойчивое верование, приводящее к успеху*.

Вопросы и задания

1. Как вы думаете, к какому направлению в философии — материализму или идеализму — можно отнести прагматизм?
2. Согласны ли вы с тем, что истиной для нас является то, во что мы верим? Какие выводы из этого положения сделали представители прагматизма?
3. Каких представителей прагматизма вы знаете? Что характерно для взглядов каждого из них?
4. В чем суть теории «сомнения — веры», предложенной Ч. Пирсом? Какие методы преодоления сомнений он выделил? Каким методом чаще всего пользуетесь вы сами?
5. Почему взгляды Дж. Дьюи называют «инструментализмом»?
6. Объясните фразу У. Джеймса: «Мир есть то, что мы из него делаем».
7. Каким образом Пирс, Джеймс и Дьюи пытались сочетать науку и религию? Каково прагматическое обоснование необходимости веры в Бога? Согласны ли вы с таким обоснованием?

3.5.3. Экзистенциализм

Быть — значит быть любимым.

Габриэль Марсель

В XX в. в философии складывается направление, названное «экзистенциализм», или философия существования. Центральное понятие этого течения — «экзистенция» (от лат. *existentia* — существование), или «возможность быть». Для философов-экзистенциалистов каждый человек — целый мир, который достоин изучения. Причем человеческое существование приоритетно. А сущность, способ бытия человека в мире — его свободное индивидуальное сознание, мысль. Следовательно, анализ существования в экзистенциализме — это анализ сознания индивида, с помощью которого человек создает себя, становится неповторимой личностью. Казалось бы, человеческое сознание рассматривалось философами и раньше, что же тут особенного и нового? Дело в том, что экзистенциализм говорит о сознании не познающего, триумфального субъекта (как это было, например, в философии Просвещения XVIII в.), а о сознании страдающего, смертного, одинокого человека. Философы-экзистенциалисты критиковали рационализм: действительность должна не познаваться, а переживаться — через страх, осознание своей хрупкости и конечности, понимание чуждости и враждебности мира. Человеческая жизнь предстает как трагедия: одинокий человек «заброшен» в чуждый ему мир, который он пытается «согреть своим дыханием», но у него ничего не получается. Мир остается холоден и жесток к его страданиям.

XX столетие с его войнами, революциями, социальными потрясениями дало богатую почву для такого трагического мировоззрения. Уже в 20—30-е гг. возникла прямо-таки мода на экзистенциализм, которая продержалась вплоть до 70-х гг. В Париже открылись экзистенциалистские кафе, на разных языках выходили экзистенциалистские романы, пьесы писателей-экзистенциалистов ставили театры всего мира. Философия существования стала *интернациональным явлением*: она возникла в России (Н. А. Бердяев, Л. И. Шестов) и Германии (К. Ясперс, М. Хайдеггер, М. Бубер), затем на несколько десятилетий определила духовную жизнь Франции (Г. Марсель, Ж.-П. Сартр, А. Камю, М. Мерло-Понти), ее представители имелись в США (Х. Арндт), Испании (Х. Орте-

га-и-Гассет), Италии (Н. Аббаньяно). Кстати, в связи с распространением экзистенциализма в мире вырос интерес к русской литературе и философии, — одним из источников его было творчество Ф. М. Достоевского.

В философии экзистенциализма принято выделять два направления — *атеистическое* и *религиозное*. Для религиозных экзистенциалистов (Н. А. Бердяев, К. Ясперс, Г. Марсель) человеческое бытие связано с обращением к Богу, а смысл существования заключается в том, что человек — Его образ и подобие. *Атеистическое* течение экзистенциализма (Ж.-П. Сартр, А. Камю, Х. Арендт) исходит из того, что человек абсолютно одинок в этом мире, он должен сделать свою жизнь сам, не рассчитывая на помощь высшего существа; то короткое время, что отпущено ему природой, — единственный шанс выразить себя.

Влияние экзистенциализма до сих пор ощущается в современной культуре. Рассказать здесь обо всех его представителях и школах невозможно, поэтому остановимся лишь на некоторых, чья философия, на наш взгляд, оказала наибольшее воздействие на художественную культуру.

Ясперс: пограничные ситуации

Одним из основателей немецкого экзистенциализма стал философ и психиатр **Карл Ясперс** (1883—1969). Он преподавал в Гейдельбергском университете, но с приходом нацистов к власти был отстранен от преподавания. Ясперс не только был противником национал-социализма, он был женат на еврейке, что делало его человеком неблагонадежным в глазах германских властей. В 1938 г. Ясперсу было запрещено даже публиковать его работы. После поражения нацизма Ясперс вернулся к преподаванию; он был одним из первых, кто заговорил со страниц журналов и по радио о «немецкой вине».

Универсальным условием человеческого существования Ясперс считал *коммуникацию*, взаимодействие с другими личностями (людьми или Богом): «Все то, что есть человек и что есть для человека, обретается в коммуникации». Но такая коммуникация бывает различной по своему характеру: когда вы садитесь в троллейбус, вы вступаете в коммуникацию с кондуктором или другим пассажиром, прося его прокомпостировать вам талон, но в этом общении вы выступаете не как уникальная, непохожая на других личность, вы играете роль усредненного пассажира городского транспорта. В своей жизни вы играете множество

таких ролей, носите множество масок — студента и пациента городской поликлиники, зрителя в театре и посетителя ресторана. Здесь вас может заменить любой другой человек, заняв ваше место и надев ту же социальную маску. Такая *массовая коммуникация* стирает различия между людьми, делает их похожими друг на друга. Но встречается и другая коммуникация, — когда вы незаменимы, когда вашего партнера по коммуникации интересуете вы сами, ваша неповторимая индивидуальность, личность. Такую коммуникацию Ясперс называл «экзистенциальной», она возникает чаще всего между любящими людьми. В *экзистенциальной коммуникации* («любви борьбе») человек играет не роль, уготованную ему обществом (отца или мужа, ученого или военного), а самого себя, здесь раскрывается не роль, а сам «актер».

В жизни каждого человека наступают переломные моменты, ситуации экзистенциального выбора, в которых личность проявляется полнее всего. Ясперс называл их «*пограничными ситуациями*» — теми, что нельзя обойти, «перепрыгнуть». Это ситуации болезни, страдания, борьбы, переживания вины, но самым ярким примером такой пограничной ситуации является смерть. Даже если рядом с нами находятся наши близкие, в этих пограничных ситуациях мы одиноки, именно в них «просветляется» наша суть — экзистенция. Получается, что в страдании человек полнее всего осознает свою неповторимость, именно здесь он способен показать себя подлинным человеком, проявить «мужество быть». В этом заключается трагичность человеческого бытия: только через глубочайшие личностные потрясения мы осознаем смысл своего существования, который в другое время прячется от нас за «предметным бытием», привычными вещами и событиями.

Сартр: абсолютная свобода и абсолютная ответственность

Другим видным представителем экзистенциализма, его французского варианта, стал **Жан-Поль Сартр** (1905—1980). Он известен не только как философ, но и как писатель, драматург. Впрочем, все эти определения вызывают вопросы: немецкий

К. Ясперс

философ-экзистенциалист М. Хайдеггер считал его, скорее, писателем, чем философом, зато великий русский писатель В. Набоков называл его, напротив, скорее философом, нежели писателем. Но все, пожалуй, согласились бы с емким определением «мыслитель».

Молодым человеком Сартр преподавал философию в лицеях. В конце 30-х гг. он публикует несколько крупных произведений, в том числе известный роман «Тошнота», который был объявлен во Франции «книгой года». Вторая мировая война перевернула жизнь Сартра: он не был в армии из-за глаукомы, но после прихода нацистов попал в концлагерь. Выйдя из лагеря, Сартр вступил во французское Сопротивление. В это же время сформировались и его политические взгляды: Сартр был «левым», он защищал идеи коммунизма и революции, всю жизнь писал политические статьи, участвовал в демонстрациях и критиковал буржуазное общество. Он встречался и переписывался с Че Геварой, Фиделем Кастро, Никитой Хрущевым. Но после венгерских событий 1956 г. Сартр порвал с советскими марксистами (считая, что они извращают подлинный революционный дух учения Маркса), а в конце жизни стал сторонником идей Мао Цзэдуна. В 1964 г. ему была присуждена Нобелевская премия в области литературы. От получения этой премии (как «буржуазной») Сартр отказался, заявив, что она присуждена ему консервативными силами. В 1968 г. в Париже произошли серьезные студенческие волнения, и 63-летний мыслитель решил, что настал час свержения буржуазного общества. Особенно вдохновлял его лозунг бунтующих студентов — «Вся власть воображению!» Ведь воображение, по Сартру, — самая драгоценная способность человека. Показательно, что одна из последних его книг называлась «Бунт — дело правое».

Свое писательское кредо он излагал так: «Ни дня без строчки. Вот моя привычка, мое ремесло. Давно я вместо шпаги стал пользоваться ручкой». Когда Сартр неожиданно умер от сердечного приступа, в стихийной похоронной процессии приняло участие около 50 тысяч человек, хотя по желанию Сартра никаких официальных объявлений о похоронах не публиковалось.

Для Сартра было характерно негативное отношение к физиологической основе человеческого существования. Название одного из самых известных его романов — «Тошнота» — не является случайным. Роман представляет собой дневник человека, который, работая над биографией деятеля XVIII в., проникается

абсурдностью жизни. Будучи не в состоянии изменить окружающую действительность, он испытывает чувство тошноты; в финале герой приходит к заключению, что единственный способ сделать свое существование осмысленным, — творчество, поэтому он должен написать роман. Творчество — единственное занятие, имеющее, по мнению Сартра, хоть какой-то смысл, потому что оно приподнимает человека над его природным, материальным бытием. Природа омерзительна, вездесуща, агрессивна, физиологическая основа человеческого бытия (мы вынуждены думать о пище, мы потеем, зависим от пищеварения и т. д.) унижает человека, она выносятся Сартром за скобки человеческой личности. Мысль о зависимости думающего существа от физиологических функций организма (как правило, неэстетичных и унижительных) вызывает тошноту. Подчиняясь требованиям природы, человек теряет свою уникальность, — у всех нас потребности организма похожи. Если следовать только физиологии, люди станут почти неотличимы друг от друга.

Тем не менее, человек отличается от всего остального мира тем, что он не «сводится» только к природе, к физиологии. В одном из своих эссе Сартр сформулировал суть атеистического экзистенциализма, представителем которого он был, так: для человека «существование предшествует сущности». Что это означает? Нож, книга, стул и др. изготавливаются, когда их сущность уже известна, то есть сущность вещи предшествует ее существованию. В случае же с человеком — все происходит наоборот: «человек сначала существует... появляется в мире и только потом он определяется... Он станет человеком позже и станет таким человеком, каким сам себя сделает». Получается, что «человек — это замысел, который живет своей собственной жизнью, вместо того, чтобы быть мхом, плесенью или цветной капустой».

Мы делаем себя сами. Если существование предшествует сущности, значит, человек полностью ответственен за то, что он есть, какой личностью он стал. Причем отвечает он не только за себя, — он «отвечает за всех людей». Почему? С точки зрения Сартра, в любой жизненной ситуации у человека всегда есть выбор, как поступить, значит, любые ссылки на обстоятельства, которые заставили нас совершить тот или иной поступок, на принятые правила поведения, на традиции и т. п. — лишь отговорки. Мы свободны, мы выбираем свои поступки сами, значит, мы и отвечаем за все, что с нами происходит. Более того, любым своим поступком мы утверждаем определенные ценности: когда

мы делаем выбор между тем, посвятить ли себя воспитанию детей или направить все усилия на политическую деятельность, мы тем самым утверждаем, что семейные ценности для нас важнее или, наоборот, ниже ценностей общественных. И так происходит с каждым нашим действием: мы неявно, не всегда даже отдавая себе в этом отчет, своим выбором показываем, что для нас важнее. Получается, что человек делает не только себя, но и мир вокруг, — ведь своей жизнью он «пропагандирует» определенные ценности.

В обществе всегда есть различные системы ценностей, разные моральные нормы. Практически любой поступок можно оправдать ссылкой на ту или иную моральную норму: я не вступил в Сопротивление, потому что не мог покинуть больную мать. Или наоборот: я покинул больную мать, потому что не мог не вступить в Сопротивление. Речь идет не о том, какой поступок, «правильный», а какой — нет. Мы сами определяем, что для нас важнее, что согласуется с нашими (а отнюдь не общепринятыми) моральными нормами. Человек делает себя, *выбирая мораль.*

Широкая популярность экзистенциализма объяснялась тем, что эта философия придавала большое значение *свободе*. По Сартру, мы всегда свободны, а быть свободным — значит быть самим собой, «человек обречен быть свободным». Свобода предстает у него не только как счастье, но и как тяжелое бремя: иногда гораздо легче, чтобы за тебя все решили, тогда не надо сомневаться и мучиться, делая выбор. Но человек должен нести бремя свободы, если он личность. Он может отказаться от своей свободы, перестать быть самим собой, стать «как все», но только ценой отказа от себя как неповторимой индивидуальности. Сартр сформулировал свой категорический императив, отличный от кантовского: *пользуйся своей свободой, чтобы быть самим собой.*

Камю: философия абсурда

Другой выдающийся писатель и философ-экзистенциалист, определивший облик французской философии существования, — **Альбер Камю** (1913—1960). Он родился во французском Алжире, учился на философском факультете в Алжирском университете, где организовал передвижной студенческий театр. В этом театре по инициативе Камю ставили Достоевского. Сам Камю позднее вспоминал о своей молодости: «Я находился на полпути между нищетой и солнцем. Нищета помешала мне уве-

рывать, что все благополучно в истории, солнце научило меня, что история — это не все».

В 1940 г. Камю переехал в Париж, где работал журналистом. С самого начала своей творческой деятельности Камю был убежден, что писатель, интеллигент не может отгородиться от общества, от истории: «все башни из слоновой кости уже разрушены... с несправедливостью либо сотрудничают, либо сражаются». Сам Камю сражался с несправедливостью всю свою жизнь. В 1942 г. он вступил в группу Сопротивления «Комба» («Борьба»), руководил подпольной газетой. Он писал позднее: «Я думал, и думаю так до сих пор, что сторону концлагерей принимать нельзя».

В годы войны и после нее вышли повести, романы и пьесы Камю (некоторые из них вы можете увидеть на сценах и московских театров). В 1957 г. писателю была присуждена Нобелевская премия в области литературы. В своих знаменитых «Шведских речах», написанных в связи с премией, Камю так оценил свое время: «Каждое поколение уверено, что именно оно призвано переделать мир. Мое, однако, уже знает, что ему этот мир не переделать. Но его задача, быть может, на самом деле еще величественнее. Она состоит в том, чтобы не дать миру погибнуть». После двух мировых войн, Камю понимал неустойчивость современной цивилизации. Он даже разорвал свои отношения с Сартром (в кружок которого некоторое время входил) из-за призывов последнего к революции. Не надо революций и потрясений, считал Камю, нужна лишь осторожная починка «взрывоопасных узлов» цивилизации, которая, по его мнению, после Хиросимы опустилась на последнюю ступень варварства. Камю уже при жизни называли «совестью Запада», и это имело под собой реальные основания.

Главной темой философии Камю стала тема абсурдности человеческого существования. Представьте себе: изо дня в день вы встаете по будильнику, завтракаете, едете на работу, отсиживаете там положенное количество часов, потом едете домой для того, чтобы утром все повторилось вновь. И так день за днем, неделя за неделей, год за годом: «Вставание, автобус, четыре часа в конторе или на фабрике, еда, автобус, четыре часа работы, еда, сон, и понедельник, вторник... и суббота в том же ритме — таким путем легко следовать большую часть времени. Но однажды встает вопрос «зачем?». Индивид выпадает из рутины повседневной жизни, начинает осмысливать происходящее («мысль, начавшись,

подтачивает», — писал Камю) и понимает, что его единственная и очень короткая жизнь полна абсурда, он тратит ее на совершенно ненужные и бессмысленные вещи. Тогда и встает перед человеком важнейший вопрос: *а стоит ли эта жизнь того, чтобы быть прожитой?* Камю рассуждал с позиций атеиста, он не верил в существование Бога, поэтому не мог спрятаться за отговорками, что человеческое существование имеет смысл благодаря божественному предназначению и т. д. Для него вопрос о том, зачем мы живем, был труднее и трагичнее, чем для верующего человека. Любые объяснения, если проверить их на прочность, ничего не объясняют: самые великие и важные деяния забудутся, самые великодушные поступки не изменят кардинальным образом мир и не уменьшат в нем количество зла, самые гениальные идеи будут поставлены рано или поздно на службу истребления людей. Камю — пессимист, но в то же время, он мужественный человек, поэтому его вывод из осознания абсурдности человеческого существования — не проповедь самоубийства, а «изживание» абсурда: «жить — это уметь жить абсурдно». Мыслящий человек должен видеть, что нет никакой надежды, «прекрасного будущего», бессмертия, но надо жить здесь и сейчас, бросая всей своей жизнью вызов абсурду, *бунтуя* против него.

Конечно, не все люди ощущают абсурдность своего существования. Многие проживают свои жизни, успокоенные объяснениями, что они являются полезными членами общества, что они получают продолжение в своих детях, делах и т. д. Понимание того, что жизнь, по большому счету, — бессмысленна, доступно не всем. Таких думающих людей Камю назвал «людьми абсурда»: они понимают тщетность своих усилий, у них нет иллюзий о своем будущем, но они не покоряются судьбе, живут «с открытым забралом», проявляя свое «я» в бунте против абсурда.

Камю приводил примеры «*абсурдного человека*»: Дон Кихот, Дон Жуан, Завоеватель, Комедиант, Писатель. По сути, речь шла о различных путях «изживания» абсурда: можно бунтовать против абсурдности существования, влюбляясь в женщин, как Дон Жуан, завоеывая страны, как Александр Македонский, проживая различные жизни на сцене, как Комедиант, или создавая литературные произведения, как Писатель. Но самый яркий образ, который использовал Камю для иллюстрации своей мысли о «человеке абсурда», — это Сизиф. Боги обрекли Сизифа вечно вкатывать на гору тяжелый камень, откуда он всегда скатывается назад, к подножию. Боги не без оснований предпола-

ли, что бессмысленный постоянный труд — самое тяжкое из наказаний. Сизиф заслужил это страшное наказание тем, что несколько раз проявил непокорность богам, взбунтовался против их воли. И Камю сделал неожиданный, на первый взгляд, вывод: «Надо представлять себе Сизифа счастливым». Почему?

Задумайтесь, разве обычная человеческая жизнь так уж сильно отличается от наказания Сизифа? Каждый из нас изо дня в день вкатывает на гору свой «камень», — работа, семейные обязанности, усилия сделать то одно, то другое. Камю писал: «Сегодня рабочий так же трудится каждодневно на протяжении всей своей жизни, и его судьба ничуть не менее абсурдна (чем судьба Сизифа. — *Авт.*)». Обычный человеческий удел так же трагичен, как и удел героя древнегреческого мифа. Но Сизиф хотя бы знает, что он понес наказание за бунт, за непокорность, люди же катят свой камень, покорно смиряясь со своей судьбой. Судьба Сизифа принадлежит ему самому, он сам сделал ее, это его выбор. Большинство же людей испытывают то же самое, но даже не осознают, почему и за что. «От собственной ноши не отделаешься», — говорил Камю. Но ноша Сизифа добровольна и сознательна, каждый раз, вкатывая камень на гору, он утверждает свое право на бунт, поэтому он счастливее большинства покорных людей. Сизиф счастлив, потому что «одного восхождения к вершине достаточно, чтобы наполнить до краев сердце человека», — утверждал Камю. Пусть протест против человеческого удела обречен на поражение, но он вечен, как труд Сизифа. Камю проповедовал бунт, направленный на утверждение ценности человеческой личности. В конечном счете Камю утверждал, что источник радости и счастья — в самом человеке и его свободе.

Ортега-и-Гассет: восстание масс

В Испании одним из самых ярких представителей философии существования был Хосе Ортега-и-Гассет (1883—1955). Писатель, журналист, философ, Ортега-и-Гассет прославился, прежде всего, благодаря своей книге «Восстание масс».

Ортега поставил диагноз современной эпохе: это *эпоха восстания масс*. Во все времена в обществе выделялись *элита* и *масса*, толпа. Но сейчас, писал испанский философ, их взаимоотношения изменились: если раньше масса шла за элитой, признавая ее превосходство, то сейчас она навязывает свои стереотипы поведения, она главенствует. «Сегодня весь мир становится *массой*», — с горечью писал Ортега. Надо сказать, что под «элитой»

и «масса» Ортега понимал отнюдь не социальные классы, как Маркс. Речь шла о другом. «Масса — это средний человек. Масса — всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает себя таким же, «как все», и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью. Представим себе, — писал Ортега-и-Гассет, — что самый обычный человек, пытаясь мерить себя особой мерой, — задаваясь вопросом, есть ли у него какое-то дарование, умение, достоинство, — убеждается, что нет никакого. Этот человек почувствует себя заурядностью, бездарностью, серостью. Но не массой». Значит, речь идет не о «благородном» происхождении, не о наличии денег, даже не об особых талантах: граница между элитой и массой проходит в отношении к себе. Элита — это тот человек, который предъявляет к себе высокие требования (даже если они непосильны), а массовый, «стадный» человек — тот, кто всем доволен, а для своей бездарности всегда может найти оправдание: я такой же, как все. По этому критерию к элите может относиться даже бродяга, а человеком массы может быть и президент, и университетский профессор. Ортега сделал вывод: «Радикальнее всего делить человечество на два класса: на тех, кто требует от себя многого и сам на себя взваливает тяготы и обязательства, и на тех, кто не требует ничего и для кофó жить — это плыть по течению, оставаясь таким, какой ни на есть, не сляясь перерасти себя».

Почему же в современную эпоху массы восстали? Ортега-и-Гассет выделил несколько причин. Во-первых, это *демографический взрыв*, скачок в росте народонаселения. «Три поколения подряд человеческая масса росла как на дрожжах и, хлынув, затопила тесный отрезок истории», — объяснял испанский философ. — «...Толпы с таким ускорением извергаются на поверхность истории, что не успевают пропитаться традиционной культурой». Во-вторых, восстание масс коренится в распространенной *идее равноправия*. Благородная идея о естественном равенстве людей, за победу которой в сознании общества отдали жизнь многие герои, в конце концов стала общепринятой. В современном обществе нет каст, сословных привилегий, имущественных цензов на общественную деятельность. Но любая медаль имеет две стороны: оборотной стороной равноправия стала уверенность человека массы, что ему «все положено» по одному факту его рождения. Такой человек *хочет иметь права, но не хочет обязанностей*. Он не видит разницы между собой и гением:

по его мнению, он ничем не отличается от Шекспира или Эйнштейна, ему «положено» не меньше, чем им. Третьим важным фактором, вызвавшим восстание масс, является, по Ортеге, *выравнивание качества жизни в результате прогресса техники*. Если раньше разница в положении царя Креза и раба была колоссальна, можно было говорить буквально о пропасти между их образами жизни, то сегодня уровень комфорта, которым пользуется, например, владелец фирмы и уровень жизни его наемного рабочего, вполне сопоставимы: и у того, и у другого есть возможность принимать душ по утрам, разговаривать по мобильному телефону, летать на самолете и т. д. И опять-таки: это замечательно, что прогресс техники сделал тривиально легким удовлетворение основных потребностей каждого человека. Страшно то, что человек массы считает это благополучие естественным и положенным ему по самому праву рождения, он не видит его истоков, он не благодарен тем ученым, инженерам, исследователям, которые сделали его возможным.

Ортега-и-Гассет выделил наиболее характерные признаки «человека массы»: довольство собой («я не хуже, чем другие»), беспрепятственный рост жизненных запросов (как капризному ребенку всегда хочется новых игрушек, так и человек массы не имеет ограничений в желаниях), принципиальная неблагодарность («мне положено»), агрессивность, стремление установить свой образ мысли насильем («нас много, значит, мы правы»). С точки зрения Ортеги, ситуация восстания масс чрезвычайно опасна, она может привести к «новому варварству». Современная цивилизация, благами которой пользуются массы, очень сложна, ее надо поддерживать и сохранять. Но люди массы не представляют себе даже принципов, на которых она устроена, не знают ее истории, не понимают ее научных оснований, не разбираются в механизмах ее функционирования. Поэтому цивилизация держится только усилиями стремительно тающей интеллектуальной элиты, деятельности которой массовый человек не ценит. «Цивилизация не данность и не держится сама собой. Она искусственна и требует искусства и мастерства. Если вам по вкусу ее блага, но лень заботиться о ней, — плохи ваши дела. Не успеете моргнуть, как окажетесь без цивилизации», — предупреждал Ортега. Если массы по-прежнему будут определять ход общества, — нам грозит одичание. Таков вывод испанского философа.

Экзистенциализм — сложное и противоречивое явление не только истории философии, но и духовной жизни в целом. На-

верное, главной его темой является утверждение, что человек несчастен, он страдает (в том числе, от ощущения неизбежности смерти и чуждости мира). Поэтому философам пора вернуться к изучению человека. Хватит изучать материю, первоначало, абсолютный разум, Бога и т. д., и т. п. — ведь есть люди, и трагедия их бытия должна стать центральной проблемой философии. Многие идеи философии существования определили развитие искусства и литературы XX столетия.

Вопросы и задания

1. Когда и в каких странах возник экзистенциализм? Каких представителей этого философского направления вы знаете? Что стало центральными темами философии существования?
2. Как вы думаете, почему тема смерти является одной из главных в экзистенциализме?
3. Что такое «массовая» и «экзистенциальная коммуникация»? Приведите примеры той и другой.
4. Что такое «пограничные ситуации» в философии Ясперса? Приведите пример такой пограничной ситуации.
5. Как понимать утверждение Сартра, что человек отвечает за все, что происходит вокруг? Каков был его взгляд на свободу и ответственность человека?
6. Кто такой «человек абсурда»? Как вы думаете, положительная это характеристика человека или отрицательная, исходя из философии Камю?
7. Что такое «восстание масс» у Ортеги-и-Гассета? Каковы его причины и в чем опасность?
8. Кого Ортега-и-Гассет относил к элите, а кого — к массе? Каковы, по его мнению, признаки «человека массы»? Согласны ли вы с ним?

3.5.4. Психоаналитическая философия

Снился мне Фрейд. Что бы это значило?
Станислав Ежи Лец

Сегодня, наверное, нет взрослого человека, который не слышал бы о психоанализе. Но о философской теории, положившей начало терапии бессознательной психической жизни, знают го-

раздо меньше людей. Попробуем разобраться, в чем же заключается суть психоаналитической теории. Прежде всего, заметим, что о психоанализе можно говорить в двух смыслах: во-первых, это метод лечения психических расстройств, а во-вторых, это учение о бессознательных процессах, изменившее взгляд человека на себя. Именно об этом «лице» психоанализа и пойдет речь.

Классическая философия всегда представляла человека разумным, сознательным существом. В этом впервые усомнился иррационализм, заговоривший о воле как о неразумном начале жизни и мира. Но окончательно подход к человеку как логичному, рационально мыслящему существу развенчал именно психоанализ. Оказалось, что человек — не столько *Homo sapiens* (человек разумный), сколько *homo naturalis* (человек природный). Основателем психоанализа стал австрийский ученый и врач Зигмунд Фрейд (1856—1939).

Сам доктор Фрейд считал психоанализ строгой наукой, а не философией, но позднее «строгость» была поставлена под сомнение, зато влияние концепции Фрейда на всю культуру стало столь велико, что психоанализ привел к формированию новой философии, нового взгляда на человеческую природу.

Концепция бессознательного З. Фрейда

Фрейд начинал как физиолог, затем увлекся психиатрией и занялся частной практикой. Нельзя сказать, чтобы практика Фрейда сразу принесла ему успех: он пытался лечить своих пациентов электричеством, гипнозом, циркулярным душем и т. п. Но затем он заметил, что больному зачастую становилось легче от одного лишь рассказа о своих переживаниях. Так, постепенно, выкристаллизовался метод психоаналитического лечения: пациенты рассказывали врачу о том, что их беспокоит. Это получило название «метода свободных ассоциаций»: «Пациентам предлагалось расслабиться на кушетке и говорить все, что приходит им в голову, каким бы абсурдным, неприятным или непристойным оно не представлялось с точки зрения обыденных стандартов». Врач расшифровывал «свободные ассоциации», толковал сновидения, изучал ошибочные действия пациентов (описки, оговорки и т. д.) и те «мелочи жизни», на которые, как правило, не обращают внимания. Анализируя все это, врач мог сделать вывод о подлинных причинах нервного расстройства. Почему же сами пациенты не видели этих причин?

Фрейд пришел к мысли о том, что психика человека не сводится только к сознательному. В несколько упрощенном истолковании, психика человека представилась Фрейду противопоставлением двух сфер — *сознательного и бессознательного*. Однако в структуре личности эти сферы неравнозначны. Сутью человеческой психики, ее центральным компонентом Фрейд считал именно *бессознательное*, а сознательное — лишь надстройкой над бессознательным. В одной из работ Фрейда можно найти такую иллюстрацию этой мысли: психика человека может быть уподоблена всаднику на сильном и норовистом коне. Всадник — это наше сознание, конь — бессознательное. Силы их несравнимы, но в обычной ситуации всадник способен управлять конем с помощью шпор, узды, хлыста. Тем не менее, бывают ситуации, когда конь выходит из повиновения.

Человек, по Фрейду, — природное существо, поэтому у него, как и у животного, есть инстинкты, природные (*первичные*) влечения, именно они и составляют содержание бессознательного. Человек рождается в мир и ведет себя сначала как животное: он пытается удовлетворять свои желания сразу же, как только они возникают. Ребенок хочет есть, — он будет искать материнскую грудь, а если не найдет ее, заплачет. Объяснить ему, что мать придет через несколько минут и накормит его, невозможно, он еще не умеет «откладывать» свои желания. Но постепенно человек учится это делать, сознает, что такова реальность, не всегда желания можно удовлетворить мгновенно, а от некоторых вообще приходится отказываться. Получается, что при рождении человек руководствуется *принципом удовольствия*, но постепенно ему на смену приходит *принцип реальности*.

В конце концов, Фрейд предложил такую структуру человеческой личности:

«*Оно*» — *бессознательное*. Представляет собой инстинктивное ядро личности, является примитивным, импульсивным, использует рефлекторные реакции. Это область бессознательных влечений, которая руководствуется принципом удовольствия.

«*Я*» — *сознательное*. Представляет собой рациональную часть личности и руководствуется принципом реальности. Это своеобразный посредник между Оно и реальным миром. Благодаря Я осуществляется связь человеческой личности с внешним окружением: природой, социальными институтами и т. п. Я сдерживает агрессивные импульсы Оно посредством различных защитных механизмов. Задачей Я является разработка для индивидуума

плана действий по удовлетворению требований «Оно» в рамках ограничений социального мира.

«*Сверх-Я*» — *область социальных идеалов, норм и нравственных установок*. Это своего рода «цензура», которая возникает между Оно и Я. *Конфликт между Я и Оно в психоанализе считается неразрешимым*. Сознательное Я не в состоянии полностью обуздать агрессивные или сластолюбивые порывы бессознательного Оно. Для подчинения их требованиям «принципа реальности» необходимо еще Сверх-Я — *совесть*.

Становление человеческой психики выглядит так: глубокий слой бессознательных влечений (Оно) функционирует по стихийной программе достижения наибольшего удовольствия. Однако на этом пути человек сталкивается с реальными условиями, которые этой задаче противостоят. При этом столкновении формируется сознательное Я, которое стремится сдерживать бессознательные стихийные влечения и направить их в русло социально одобренного поведения.

Я всегда старается сохранить свою связь с Оно и внешним миром. Постепенно, в процессе воспитания в человеческой личности образуется и новая сфера — Сверх-Я. Это то, к чему человек стремится, чему он бессознательно поклоняется. По Фрейду, Сверх-Я довлеет над Я как совесть или бессознательное чувство вины. Формирующееся последним в процессе развития личности, Сверх-Я представляет собой ее моральную сторону, отражает заповеди, запреты, власть родителей и т. п. Сверх-Я должно осуществлять контроль за стихийными влечениями и в этом смысле призвано поддерживать Я. Но вместе с тем, Сверх-Я часто противостоит Я: наш сознательный выбор не всегда согласуется с тем, что считается принятым в обществе, мы иногда стыдимся своих действий и поступков, мы ощущаем свою неполноценность по сравнению с идеалом. Таким образом, наше Я всегда вынуждено поворачиваться то в сторону Оно, то в сторону Сверх-Я и постоянно искать согласия с той и другой сферой. В противном случае возникает тот самый *внутренний конфликт*, который ведет к нарушению психики человека.

Фрейд считал задачей психоанализа перевод бессознательного в человеческой психике в область сознания и подчинение его целям сознания. В этом смысле учение Фрейда, несмотря на введение им в научный оборот понятия бессознательного, глубоко рационалистично. Девиз Фрейда был: «Там, где было Оно, должно стать Я», — то есть человек с помощью психоаналитика

должен «вытащить» на свет сознания свои бессознательные влечения и научиться их контролировать.

Что же составляет «первичные влечения»? Этот вопрос оказался камнем преткновения для различных последователей психоанализа, и именно в этом пункте обнаружилось серьезное расхождение между Фрейдом и его учениками — К. Г. Юнгом, А. Адлером, В. Райхом, Э. Фроммом и другими. В качестве основы «первичных влечений» Фрейд принял:

- инстинкт жизни — стремление к продолжению рода и самосохранению, *Эрос* (древнегреческий бог любви);
- инстинкт смерти — стремление к агрессии и разрушению, *Танатос* (древнегреческий бог смерти).

Сексуальные влечения (в более поздних работах Фрейда появляется термин для их обозначения — «*либидо*», сексуальная энергия) являются основой активности человека. Но руководствуясь принципом реальности, человек не может полностью удовлетворить все свои сексуальные желания, он их сознательно ограничивает («вытесняет» в бессознательное), переносит на другие предметы. Такой перевод энергии либидо в другое русло, например, в сферу художественного творчества, спортивных достижений, общественной и политической деятельности называется в психоанализе *сублимацией* (от лат. *sublimare* — возносить). Именно результатом сублимации, с точки зрения психоаналитической философии, являются и симфонии Моцарта, и картины Пикассо, и романы Достоевского, и научные теории Эйнштейна, — вообще любое человеческое творчество. Инстинкт Танатоса находит свое выражение в войнах, убийствах, преступлениях, насилии, которые тоже сопровождают всю историю человеческого общества.

Опираясь на свою психологическую модель, Фрейд создал оригинальную *философию культуры*. Он утверждал: «Каждый отдельный человек является фактическим врагом культуры, которая, казалось бы, должна представлять общечеловеческий интерес». Почему?

С точки зрения Фрейда, культура принуждает человека ограничивать его влечения, она порождает антагонизм между принципом удовольствия и принципом реальности. Чем более развита культура, чем она сложнее, тем большее количество запретов, норм, правил она содержит, значит, тем большее количество своих природных влечений мы должны ограничивать. Но изгнать из себя эти первичные, инстинктивные влечения человек

не может, он может лишь «вытеснить» их. В тех случаях, когда он их осознает, у него возникает чувство вины, что он не такой, каким должен быть согласно социальным нормам и требованиям. Поэтому, писал Фрейд, культура виновна во многих наших несчастиях, так как с ее развитием у индивида растет чувство вины и страха: «*Вследствие усиления чувства вины прогресс культуры оплачивается ущербом счастья*».

Неофрейдизм

Идеи Фрейда постепенно получили широкое признание. Уже при жизни Фрейда его стараниями была создана Международная психоаналитическая ассоциация, а концепция бессознательного прочно вошла в научный обиход. Но почти сразу же вслед за этим наступил раскол в психоаналитическом движении: многие ученики и ассистенты Фрейда начали критиковать учителя. Главным объектом их критики стало сведение человеческой психики только к биологическим основаниям, недооценка Фрейдом социальных факторов жизни человека. Возник *неофрейдизм* — следующий этап развития идей Зигмунда Фрейда, причем для этого этапа *социальное становится главным в объяснении поведения человека*.

Один из бывших сотрудников Фрейда, Карл Густав Юнг (1875—1961), выдвинул идею: индивидуальное бессознательное, о котором писал Фрейд, — лишь часть *коллективного бессознательного*. Он совершил путешествия в Алжир, Тунис, Кению, Мексику, Соединенные Штаты и другие страны и был поражен, насколько, например, сны утонченных венских барышень повторяют сюжеты снов полуграмотных грузчиков-марокканцев или американских негров. Задумавшись над этим фактом, он решил, что содержание снов обусловлено не только личным опытом, но и чем-то, что присуще всем людям. Юнг выдвинул гипотезу о существовании коллективного бессознательного, под которым он понимал итог жизни человеческого рода, то, что присуще всем людям. Коллективное бессознательное трактовалось им как универсальное начало психики, память всего человечества, общечеловеческий опыт. Юнг писал: «Наша психология тащит за собой длинный, как у ящерицы, хвост, заключающий в себе всю историю индивидуального рода, нации, Европы и всего человечества».

В этом коллективном бессознательном Юнг выделил *архетипы* — типичные, устойчивые формы коллективной памяти. По-

хожие образы и представления повторяются в различных формах в мифах, сказках разных народов, встречаются в религиозных учениях, легендах, песнях, воспроизводятся в романах и стихах. По сути, архетип является своеобразной схемой мысли или поступка, которая свойственна каждому человеку, его восприятию мира. Юнг сравнивал архетип с пересохшим руслом реки, которое определяет направление психического потока, но характер течения зависит только от самого потока. Архетипы могут присутствовать в сознании в виде *типичных образов*. При чем каждый архетип можно представить в разных образах: это зависит и от культуры, к которой принадлежит человек, и от его личных представлений об окружающем мире. Так, например, архетип матери может выразиться и через образ Девы Марии, и через образ двуликой богини Кали, которая является и богиней рождения, и богиней смерти, и через Бабу-ягу. Именно архетипы (образы героя, матери-земли, демона, мудрого старца и др.) лежат в основе мифов, сказаний, художественного творчества, сновидений.

Культуру Юнг, как и Фрейд, рассматривал как процесс подавления инстинктов. Разрыв между культурой и природой, по его мнению, порождает универсальный человеческий невроз. Этот невроз сильнее выражен в западных культурах, чем в восточных, что связано с *интровертностью* психики человека восточной культуры и *экстравертностью* западного человека (эти понятия, введенные не только в психологию, но и в повседневную жизнь благодаря работам Юнга, характеризуют различия в психическом складе людей). *Экстравертов* отличает направленность на окружающий мир, им свойственны импульсивность, инициативность, гибкость поведения, общительность. Противоположный тип личности представляют *интроверты*, для которых характерны сосредоточенность на собственном внутреннем мире, обращенность на самого себя, замкнутость, социальная пассивность, склонность к самоанализу.

Юнг предположил, что подобная характеристика может быть применена не только к отдельной личности, но и к культуре в целом, причем, с его точки зрения, интровертность является предпочтительной характеристикой психики, — тогда она устойчивее, менее подвержена неврозам. Юнг считал, что причина кризиса европейской культуры — неспособность опереться на нечто «внутреннее»: «на Востоке внутренний человек всегда имел над внешним человеком такую власть, что мир уже был не

в состоянии оторвать его от внутренних корней; на Западе же внешний человек окончательно вышел на первый план и потому оказался отчужденным от собственной внутренней сущности. Единый дух, единство, неопределенность и вечность остались зарезервированными за Единым Богом. Человек же превратился в мелкое, ничтожное существо и окончательно погряз в нечистоте». Но, по мнению Юнга, и Запад, и Восток — однобоки, обе культуры лишают своих представителей половины мира.

Другой представитель неотрейдизма, Эрих Фромм (1900—1980), в центр своих исследований тоже поставил социальные характеристики человека: он ввел понятие *социального характера*. Неизменная человеческая природа, по его мнению, реализуется различными способами в зависимости от социальных условий, — формируется социальный характер, который *является общим у людей одной культуры*. Индивидуальный же характер — это то, что различает людей одной и той же культуры. Причем Фромм считал, что именно социальная составляющая представляет собой «ядро структуры характера», определяет человека. Действительно, француз, живший в Средние века, имеет мало общего со своим современным соотечественником, даже если их индивидуальные характеристики (темперамент, способности и др.) схожи.

Любопытную версию соединения психоанализа и марксизма («фрейд-марксизм») предложил Вильгельм Райх (1897—1957), начинавший как ассистент Фрейда. Будучи психологом и психоаналитиком, он вступил в Германскую коммунистическую партию, но затем был исключен и из партии, и из Международной психоаналитической ассоциации. Райх считал, что причиной неврозов является невозможность разрядить сексуальное напряжение, поэтому составной частью социальной революции и освобождения общества должна стать сексуальная революция. Райх эмигрировал в Данию, но был изгнан оттуда за пропаганду сексуальной революции. В конце концов он оказался в США, где основал Институт оргона (по мнению Райха, существует некая сексуальная энергия — оргон, которая лежит в основе либидо). Однако его теория была объявлена несостоятельной, исследования представлены как нелегальная медицинская деятельность и запрещены.

Но в «копилку культуры» попала совсем другая теория Райха. Он предложил своеобразный взгляд на структуру человеческой

личности, схему которой можно представить в виде «матрешки». Райх выделил в ней три уровня:

1) глубинную основу личности составляют потенции любви, работы и самосохранения;

2) из-за давления общества, культуры это ядро обрастает слоем деструктивных (разрушительных) импульсов;

3) этот деструктивный слой покрыт у человека «панцирем» — приспособленческими чертами, которые формируются в связи с необходимостью адаптировать разрушительные стремления к принятым стандартам поведения, общежития.

Свою позицию Райх объяснял так: «Для поверхностного уровня личности среднего человека характерны сдержанность, вежливость, сострадание, ответственность, добросовестность. Не было бы никаких общественных трагедий, если бы этот поверхностный пласт... находился в непосредственном контакте с глубинной, естественной основой. К сожалению, дело обстоит иначе. Поверхностный слой личности не соприкасается с глубинной биологической основой индивидуальности, он опирается на второй, промежуточный слой характера, который состоит исключительно из импульсов жестокости, садизма, сладострастия, жадности и зависти». Райх считал, что именно этот второй слой Фрейд и называл «бессознательным». Сам же он думал, что есть и более глубокий пласт человеческого личности: «После прохождения второго слоя «извращений»... всегда обнаруживается третий, самый глубокий слой, который мы называем биологической основой. В этой основе, при благоприятных условиях, человек... представляет собой искреннее, трудолюбивое, склонное к сотрудничеству, любящее... существо... Но сбросьте маску воспитанности, и пред вами предстанет не естественная общительность, а лишь извращенный, садистский слой характера».

Извращение положительной биологической основы человеческой личности, считал Райх, совершается под влиянием общественных условий. Эксплуатация, подавление естественного сексуального влечения, неравенство превращают человека в существо с рабской психологией. Особенно явно это, по мнению Райха, проявляется в тоталитарных обществах. Он выделил даже сходные черты, присущие большинству людей при таких тоталитарных режимах: готовность выполнить любой приказ «фюрера», неумение брать на себя ответственность, проявлять инициативу, уважать чужое мнение и т. п. Фашизм, считал Райх, порождается не столько экономическими и политическими условиями, сколь-

ко самой психологией масс, подготовленных к принятию Вождя. Этот взгляд отражает марксистские идеи Райха.

Как бы ни оценивались сегодня конкретные идеи и выводы представителей психоанализа, влияние, которое они оказали на культуру и философию, трудно переоценить. Человеческая природа стала пониматься совершенно иначе. Стало ясно, что человека нельзя свести к разумному, логически выверенному поведению и познанию, что в его жизни присутствует огромный пласт неразумных, бессознательных влечений, что несмотря на все достижения культуры, он остается природным существом с животными инстинктами и стремлениями. Благодаря психоанализу и связанному с ним пониманию бессознательного, современные исследования различных концепций, языка, категорий и символов, которыми пользуется человек, стали иметь совершенно другой вид. Вместо наивного отношения к слову и действию как к «прозрачному» материалу (что есть на самом деле, о том и говорят, как думают, так и поступают) стал господствовать подход гораздо более усложненный, но и открывающий человека в новом свете. Язык и действие представляются переплетением сложных, не всегда осознанных влечений и желаний, результатом прошлого опыта человека, его связи с другими людьми и обществом. Таким образом, психоаналитическое истолкование человеческого существования открыло новые горизонты в понимании человека.

Вопросы и задания

1. Что такое психоанализ? Когда он возник? Кто стал его основоположником?
2. Что такое бессознательное в учении Фрейда? Как соотносятся сознание и бессознательное, с его точки зрения?
3. Какую модель человеческой психики предложил Фрейд? Что такое «Оно», «Я», «Сверх-Я» в этой модели?
4. Почему Фрейд считал, что культура делает человека несчастным?
5. В чем состояло расхождение между фрейдизмом и неофрейдизмом?
6. Что такое «коллективное бессознательное» у Юнга?
7. Как вы понимаете слово «архетип»?
8. Каково было понимание социального характера у Фромма?
9. Как себе представлял структуру человеческой личности Райх?
10. Подумайте, почему историки культуры часто говорят, что самолюбование человека было нанесено три ощутимых удара в истории, — Н. Коперником, Ч. Дарвином и З. Фрейдом?

3.6. Отечественная философия

Русская философская мысль — явление чрезвычайно многоплановое и сложное, требующее к себе бережного и творческого отношения. В ее истории много спорных проблем, например, вопрос о ее начале. Кто-то ведет отсчет отечественной философской традиции с XI в., а кто-то — только с петровских времен. Мы оставим за пределами изложения идеи Иоанна Дамаскина, Илариона, Максима Грека, Андрея Курбского и многих других мыслителей средневековой Руси. За рамками изложения останется и более поздний период развития, связанный с именами Григория Сковороды, Феофана Прокоповича, философией декабристов, деятельностью философского кружка «любомудров»; ничего не будет сказано о философских исканиях Л. Толстого и Ф. Достоевского; к сожалению, «за бортом» останутся интуитивизм Н. Лосского и философия пола В. Розанова, система П. Флоренского и взгляды С. Франка.

Мы постараемся рассказать лишь о наиболее значимых концепциях и учениях, начиная с достаточно поздних по времени работ П. Чаадаева, А. Хомякова и других мыслителей XIX в. Именно они вызывают наибольший интерес сегодня, именно с ними ведется диалог. Именно поэтому первый параграф раздела посвящен раскрытию особенностей отечественной философской традиции в целом.

3.6.1. Особенности отечественной философской мысли

Есть очень большая трудность в определении национального типа, народной индивидуальности. Тут невозможно дать строго научного определения. Тайна всякой индивидуальности узнается лишь любовью, и в ней всегда есть что-то непостижимое до конца, до последней глубины.

Н. Бердяев

История философии, несмотря на свой общечеловеческий характер, рассказывает нам и о диалогах разных философских школ, различных культур, и о влиянии особенностей той или

иной страны, народа на философскую мысль. Вопросы мыслителями разных стран ставились похожие: о смысле и назначении человеческой жизни, о принципах бытия, о том, что есть добро и зло, однако ответы на них были различны и зависели не только от личности самого философа, но и от той культурной, национальной среды, в которой он творил. Очень трудно спутать сочинение древнегреческого мыслителя с древнекитайским трактатом или принять текст французского автора за произведение немецкого философа. Любая философская система национально окрашена: каждая национальная философская традиция имеет свой «голос», который проявляется в характерных особенностях проблематики и средств решения философских вопросов, в специфике связи с другими явлениями культуры и т. п.

Многонациональный характер

Философская мысль на громадной территории России, разумеется, не сводится лишь к какой-то одной традиции, к одной «линии развития». Это чрезвычайно сложное и многоплановое явление. Оно включает в себя сочинения выдающихся мыслителей, которые не могут быть отнесены к одной философской традиции. В их творчестве переплетаются самые разные культурные влияния. Выдающийся русский мыслитель Пытирим Сорокин (1889—1968) справедливо отметил, что «с момента возникновения русской нации ее единство... всегда основывалось на расовом и этническом разнообразии... Восточные славяне представляли собой смешение различных индо-европейских и арийских расовых линий с осязательным добавлением урало-алтайских ветвей монгольских, тюркских и финских народов. С тех пор... разнообразие русских народов еще более возросло». Это во многом способствовало прогрессу и росту русской культуры.

Позднее начало

Русская философия как особая сфера духовной жизни общества, складывается сравнительно поздно. По словам выдающегося отечественного мыслителя Густава Густавовича Шпета (1879—1937), история нашей философии «началась с Петра, но протекала в потемках общественного философского сознания. Лишь к концу второго века после Петра стало светать, отдельные и одинокие вершины зарделись золотым светом, умы стали просыпаться и разбрелись для работы. В этом — история русской философии...». Возможно, Шпет слишком категоричен, отказывая русской культуре до XVIII в. в философском статусе.

Философские идеи органично входили в древние летописи, литературные произведения, удивительно философична была русская живопись (особенно иконопись). Но лишь к XVIII в. философия в России складывается как *самостоятельная форма духовного освоения мира*. В это время западноевропейская философия имела уже богатое прошлое, которое включало в себя и великую античность, и отточенную средневековую схоластику, и гуманизм эпохи Возрождения, и просветительские идеи. Россия, создавая собственную оригинальную философскую традицию, не могла избежать *ученичества*. Многие идеи и темы в философии России были заимствованы, например, русское Просвещение явно испытывало влияние французского, социалистические теории в России имели, как правило, западные корни и т. д. Но русская философия в целом ученической не осталась, она смогла создать драгоценный *сплав свободного и оригинального творчества и традиций мировой философской мысли*. Что же характерно именно для русской философии? Есть ли у нее свои собственные темы, отличительные черты?

Социальная направленность

Видимо, важнейшая особенность философской мысли в России — это пристальное внимание философов к *социальной проблематике*. Практически все русские мыслители в своих философских построениях давали «рецепты» переделки общества, строили некую модель будущего развития страны. Эта особенность во многом была связана со спецификой исторического пути России, который не укладывался полностью ни в западную, ни в восточную схему смены формаций. Россия всегда была проблемой для самой себя. Причем вопрос ставился не только о реальной России и ее месте в мире, но и — с гораздо большей страстностью — о том, какой Россия *должна* быть. Страна явно отставала в развитии цивилизации, быта, права от Западной Европы. Все это не могло не поставить перед русской интеллигенцией вопросов о том, каким путем должна пойти Россия в своем развитии, какие социальные преобразования необходимы, чтобы переделать «гнусную российскую действительность» (по выражению В. Г. Белинского), к какому будущему должна стремиться Россия. Нет истории, которая так бы заботилась о завтрашнем дне, как русская, метко заметил Г. Г. Шпет. Поэтому русская философия *утопична, устремлена в будущее*, она ищет место России в этом вселенском будущем. В этой связи

Н. А. Бердяев писал: «Русские в своем творческом порыве ищут совершенной жизни... Русская эмоциональная революционность определялась... непереносимостью действительности, ее неправдой и уродством».

Проекты социальных преобразований давались самые разные: от страстных призывов к народной революции и социалистическому переустройству общества до религиозных утопий всеобщего братства и христианской любви, поражавших своей нравственной чистотой и красотой. Но, несмотря на несхожесть «диагнозов» социальных болезней России и еще более явное несовпадение «рецептов» их лечения, практически все русские мыслители не обошли стороной проблемы, связанные с настоящим и будущим России, почти все пытались дать свои ориентиры ее развития. Поэтому русская философия — это *философия, обращенная к вопросам о смысле истории и месте в ней России*, это философия социально активная, связанная не только с познанием и описанием мира, но и с изменением его.

Народопоклонство

Еще одна отличительная черта отечественной философской традиции, тесно связанная с первой, была названа Н. А. Бердяевым «*народопоклонством*». Что здесь имеется в виду? Русской интеллигенции всегда было свойственно болезненное ощущение «долга перед народом»: народник, ученый и философ П. Л. Лавров образно сравнивал интеллигенцию с цветком, выросшим из грязи: за получение ею образования и возможность заниматься творческим интеллектуальным трудом простой народ должен был заплатить страшной ценой — своей темнотой, невежеством, забитостью. Значит, делает Лавров вывод, типичный для русского интеллигента, «мы должны народу и обязаны вернуть этот долг», всячески способствуя просвещению и изменению его образа жизни. Русская интеллигенция, писал и Н. А. Бердяев, «противополагала себя народу, чувствовала свою «вину» перед народом и хотела служить народу. Тема «интеллигенция и народ» — чисто русская тема, мало понятная Западу». Такие настроения, широко распространенные в русском обществе, и приводили к «народопоклонству». Любую идею, мысль, систему надо было «проверить на прочность», оценить с точки зрения содействия делу освобождения народа.

Разумеется, такой подход к оценке философских систем говорит о гуманистической традиции русской философии, ее де-

мократизме и нравственном пафосе. Но любая медаль имеет две стороны. Обратной стороной такого «народопоклонства» явилась недооценка русской интеллигенцией многих великих философских систем и идей вследствие их «нейтральности» по отношению к борьбе за решение социальных проблем. В результате оценки философии не с точки зрения ее гносеологической ценности (истинна она или нет), а с позиций (пусть даже гуманных и прогрессивных!) «полезности» тому или иному этапу освободительного движения, русская интеллигенция нередко пленялась посредственными и неоригинальными философами только из-за того, что их идеи можно было истолковать в духе социальных преобразований. И наоборот, самобытные и интересные философские системы отбрасывались и отвергались лишь потому, что такая интерпретация представлялась невозможной. Уже упоминавшийся Н. А. Бердяев в данной связи с горечью отмечал (несколько сгущая краски), что русская интеллигенция *никогда не понимала философии*, так как подходила к ней чисто утилитарно, не как к свободному творчеству, обладающему относительной самостоятельностью и внутренней логикой развития, а как к теории, имеющей лишь прикладное значение для дела социального преобразования России.

Место этики в философских концепциях

Такое положение дел тесно связано с еще одной особенностью русской философской мысли — ее *этической направленностью*. Немецкая марксистка Роза Люксембург назвала русскую литературу «учительной и мучительной». Думаем, эту характеристику можно отнести и к философии. Русская философия — «учительная» и мучительная одновременно, для нее характерна нравственная точка отсчета во всех теориях и построениях. Для русских мыслителей *философское творчество приобретает характер нравственной проповеди*. Ярким примером тут могут быть сочинения Л. Н. Толстого, который не только свою философию строил, пытаясь дать теоретическое обоснование моральным нормам, но и фабулу своих художественных произведений ставил в зависимость от воспитательной функции искусства. Если Анна Каренина изменила мужу, то, с точки зрения Толстого, она просто не могла счастливо прожить жизнь. Конечно, такая трактовка сочинений Толстого — грубое упрощение. Но проанализируйте судьбы героев его романов — вы поймете, что в этом упрощении есть момент истины. Очевидно, что для русских

мыслителей, даже если они не писали специальных сочинений по этике (что, кстати, бывало редко), нравственность была точкой отсчета. Если для западноевропейской философии характерно отношение к этике как к своеобразной «надстройке» над онтологией, гносеологией, философией истории, как к выводу из этих областей философского знания, то русскими мыслителями этика положена в самое основание систем, они видят в ней фундамент своего философствования. Пояснить эту мысль можно характерным примером решения гносеологических проблем Н. А. Бердяевым, Л. И. Шестовым и многими другими: они ставили в прямую зависимость от нравственных качеств человека его возможности познать мир: мир открывается лишь нравственно целостной, духовной личности. Поэтому само понятие истины является для них не только гносеологической, но и этической категорией. В силу такой моралистской направленности русская философия, как уже отмечалось, и тяготела всегда к социальной проблематике, к нравственной оценке своего отношения к народу.

Спор западников и славянофилов

Еще одним очень важным моментом развития отечественной философии стала борьба западничества и славянофильства в духовной жизни русского общества. Историческая судьба России опровергает схемы, устанавливающие жесткие границы культурно-исторических ареалов Запада и Востока. *Евразийское положение* страны приобрело символическое значение для национального самосознания. Борьба западничества, у истоков которого стоял П. Я. Чаадаев, и славянофильства, связанного прежде всего с именами К. С. Аксакова, А. С. Хомякова и И. В. Киреевского, стала постоянным фактором развития русской философии и культуры. Призывы западников приобщить Россию к плодам западной культуры и цивилизации, взять европейскую модель развития за образец для нашей страны принимали иногда крайние формы отрицания ценности всего русского, пренебрежения прошлым страны. Такое крайнее западничество (не изжитое, к сожалению, и сегодня) во многом само, «от противного», порождало свою противоположность — славянофильские концепции самобытности России, ее особого исторического пути и предназначения. Это были *два взаимно предполагавшие друг друга полюса русской культуры*.

Спор между западниками и славянофилами ставил перед русской философией проблему взаимоотношения различных культурных традиций. Критика Запада славянофилами во многом явилась протестом против европоцентристской идеологии, отрицавшей многообразие духовного опыта человечества и утверждавшей в качестве единственно возможной модели исторического развития схему прогресса западной цивилизации. Именно из славянофильской «почвы» выросла так называемая «русская идея» — мысль об особой всемирной исторической миссии России. Логика рассуждения была приблизительно следующей: Россия — это и не Восток, и не Запад, она причудливо соединяет в себе и то, и другое. Значит, она сможет сыграть роль объединяющей человечество силы.

Идейное столкновение двух подходов к объяснению исторического процесса помогло выработке специфических тем русской философии: проблема «Восток — Запад», интерпретация смысла западноевропейской и русской истории, попытки решения «славянского вопроса», обоснование «русской идеи» и др. Многие из названных тем волнуют российское общество и сегодня. Видимо, точка в споре между западниками и славянофилами еще не поставлена, хотя он и принял сейчас форму обсуждения различных путей реформирования общества.

Философско-художественный комплекс

Русскую философию характеризует и такое явление духовной жизни общества, как *философско-художественный комплекс*. Что это значит?

Дело в том, что, как мы уже говорили в первых главах учебника, философия выступает своеобразным мировоззренческим воспроизведением культуры. Человек, являющийся объектом и субъектом философского сознания, существует в культурном «космосе», в мире, который ему удалось согреть и изменить. Поэтому философия — это своего рода комплексная характеристика, «квинтэссенция культуры своего времени» (К. Маркс). Философия «вырастает» из культуры, черпая в ней свои темы, но философия и сама воздействует на культуру, в том числе и художественную, воплощая в ней свои находки и открытия, облекая в художественную форму свои проблемы. История знает немало примеров решения философских по своей сути проблем художественными средствами. Музыка Бетховена или живопись Дюрера, «Гамлет»

Шекспира или «Фауст» Гете по праву относятся к философско-художественным произведениям, ибо в них поставлены сугубо философские вопросы, но ответ дан средствами искусства.

Во все времена философия и художественная культура были очень тесно связаны, у них всегда было очень много общего — общие вопросы о смысле и назначении человеческой жизни, общие задачи духовного воздействия на человека, общий способ существования в неповторимом творчестве уникальной личности философа или художника. Это и позволяет говорить о наличии у философии, наряду с познавательной, мировоззренческой, методологической и другими функциями, еще и функции художественно-эстетической, эмоциональной. Философия во все времена воспринималась как средство для самовыражения, индивидуального совершенствования, самопознания и т. д. Но хотя это свойственно каждой философии, степень взаимопроникновения ее с художественной культурой бывает различной. О тончайшей *пронизанности почти всей русской литературы и всего искусства философской проблематикой* и «беспокойством» (Г. Флоровский) говорили очень многие русские мыслители. А в конце XIX — начале XX вв. происходит становление *целостной общности философии и художественной культуры*, когда грань между ними становится условной, подвижной, подчас трудно определяемой, что и говорит о складывании философско-художественного комплекса.

В русской истории 19-й век — период неимоверно интенсивного развития самосознания общества, который отличался стремлением философски осмыслить все явления действительности. Это столетие отличает в буквальном смысле слова очарование философской терминологией и проблематикой. Для русских интеллигентов той поры вся совокупность жизни подлежала философскому толкованию, и потому любой жизненный факт мог быть теоретически осмыслен, превращен в проблему. Философия была в то время обязательной составной частью образования, философские статьи и идеи находили своих поклонников не только среди профессионалов (которых, кстати, было мало), философская терминология использовалась даже в личных письмах, идеи Гегеля, Шеллинга, В. С. Соловьева обсуждались в кружках и салонах, на страницах журналов и газет. Философия стала неотъемлемой частью духовной жизни русского общества того времени, вошла в плоть и кровь его культуры.

Особенно характерен в этом смысле Серебряный век отечественной культуры, так называемый *русский религиозно-философский ренессанс* начала XX в. Религиозно-философские искания того времени, опиравшиеся на идеи Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьева, не были изолированы от общего потока культуры. Философия имела очень тесную связь с искусством того времени. Даже поиск социального идеала в рамках философии истории зачастую принимал художественный характер. Музыкальное творчество композиторов А. Н. Скрябина, И. Ф. Стравинского, картины художников К. А. Сомова, Л. С. Бакста несли в себе громадный мировоззренческий заряд, шли в том же русле культурного обновления, вырастали из той же почвы, что и религиозная философия того времени.

Особенно очевидно «родство» философских идей и художественного творчества проявилось в поэзии *русского символизма*. Андрей Белый, Вячеслав Иванов, К. Д. Бальмонт, В. Я. Брюсов, Д. С. Мережковский, А. А. Блок неразрывно сплели в своих произведениях философскую идею и художественную форму. Русский символизм выступил на рубеже веков одновременно и как художественно-поэтическое течение, и как течение философское. Он ставил перед собой задачу — создать средствами искусства новую иррационалистическую философию, новое учение о человеке («новый гуманизм»). Большинство произведений этих поэтов носило философско-концептуальный характер, а их создатели являлись философски мыслящими художниками. Недаром даже известные стихи о Прекрасной Даме Блока являются не столько любовной лирикой, сколько рассуждениями о Софии-мудрости — центральном понятии религиозной философии того времени. Таким образом, для отечественной философской традиции характерно тесное взаимодействие и взаимопроникновение с русской художественной культурой, которое и привело к складыванию в стране на рубеже XIX—XX вв. философско-художественного комплекса.

Крайние позиции в оценке религии

Еще одной чертой, отличающей русскую философию, является пристальное внимание к *религиозной проблематике*. Долгое время в советский период истории русскую философию рассматривали как преимущественно материалистическую по сути и революционную по направленности. Это приводило к внимательному и вдумчивому изучению философии А. И. Герцена, Н. Г. Черны-

шевского, П. Л. Лаврова и других мыслителей революционно-демократического направления, но и к забвению таких крупных религиозных философов, как В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев или П. А. Флоренский. Для зарубежных историков русской философии была характерна другая крайность: материалистическая философия объявлялась полностью «ученической» по отношению к западной философии, неоригинальной, а собственно русскую традицию, самобытность отечественной мысли связывали лишь с религиозно-идеалистической линией развития.

Очевидно, что действительное развитие русской философии — процесс, предполагающий противоречивое единство материалистического и идеалистического направлений, реальное взаимовлияние, спор самых разных школ и течений. Тем не менее, как материалисты, так и идеалисты редко обходили стороной вопросы, связанные с верой, религией, церковью, хотя и решали их совершенно различно. И бунтарь-атеист М. А. Бакунин со своим выводом, что признать Бога — значит признать рабство человека, и страстный, пламенный мыслитель Н. А. Бердяев, видевший в способности человека к творчеству «божью искру», несмотря на диаметрально противоположность позиций, поставили в своем философском наследии вопросы, связанные с религией. Эта черта русской философии, видимо, объясняется тем, что долгие годы, вплоть до XVII—XVIII вв., философские идеи в России не носили светского характера, развивались преимущественно в богословской литературе.

Кроме того, сам православный характер христианства в стране предполагал тесное взаимопроникновение религиозных и философских проблем. Недаром православие считают «духовной» формой христианства в отличие от политизированного католицизма. Внимание к проблемам внутреннего самосовершенствования, духовности было во многом следствием политической слабости русской православной церкви, зависевшей от государства. Это привело к тому, что в православном богословии была сильно развита философская мысль, и многие вопросы, поставленные в нем (о свободе человека, о его нравственной природе и смысле жизни, о соотношении рационального знания и веры), дали толчок развитию светской философии. Вопросы были заданы, надо было искать ответы на них. Русским мыслителям часто присущ своеобразный максимализм: либо глубокая религиозность, либо убежденный атеизм. Трудно найти нейтральное, объективистское отношение к вопросам религиозной веры.

Разумеется, эти характеристики не исчерпывают всей полноты русской философской традиции. Но даже перечисленные нами черты говорят о наличии *национальной специфики* в философских исканиях, что присуще, конечно, не только русской философии, но и философской мысли любого народа. Философское сознание отражает конкретные исторические судьбы и духовный опыт народов, преломляет в себе особенности национального характера.

Вопросы и задания

1. Что имеют в виду, когда говорят о «проблеме происхождения русской философии»? Какие точки зрения существуют в вопросе о ее начале?
2. Какие характерные черты отечественной философской традиции вы можете назвать?
3. Что такое «философско-художественный комплекс»? Когда он сложился в истории российской философии? Что для него характерно?
4. В литературе очень часто говорят о философии Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и других русских писателей. Вы изучали их произведения в школе. Попробуйте предположить, какого рода философские взгляды были им присущи, можно ли их характеризовать как рационализм или иррационализм, материализм или идеализм.
5. С помощью справочных пособий, Интернета, других изданий подготовьте сообщение о каком-либо русском мыслителе, его философских взглядах.

3.6.2. Религиозная философия П. Я. Чаадаева

*Я предпочитаю бичевать свою родину,
предпочитаю огорчать ее, предпочитаю
унижать ее, только бы не обманывать.*

П. Я. Чаадаев

В 1836 г. московский журнал «Телескоп» опубликовал письмо, которое, по словам Герцена, «потрясло всю мыслящую Россию». Это письмо произвело колоссальное воздействие: в течение месяца-двух не было салона Москвы или Петербурга, где бы оно ни обсуждалось. Студенты Московского университета, прочитав его, публично заявили, что готовы с оружием в руках за-

защищать оскорбленную честь России. От кого же разгоряченные молодые люди хотели защищать свою родину? От блестящего в прошлом гусарского офицера, прославившегося личной храбростью и отвагой в войне 1812 г., близкого друга Пушкина, ротмистра в отставке Петра Яковлевича Чаадаева.

Петр Яковлевич Чаадаев (1794—1856) получил блестящее образование и мог рассчитывать на удачную карьеру. Но в 1821 г. он вышел в отставку и вступил, при содействии своего давнего товарища И. Д. Якушкина, в Северное общество (ранее, с 1819 г., он состоял в Союзе благоденствия). В это же время Чаадаев увлекся мистической литературой и пережил своеобразный духовный кризис, в результате которого был вынужден в 1823 г. уехать за границу для лечения. Поэтому в восстании *декабристов* Чаадаев участия не принимал. По возвращении в 1826 г. в Россию он был подвергнут допросам о его роли в декабристском движении.

Во время пребывания в Европе Чаадаев увлекся немецкой философией, познакомился с Шеллингом, который охарактеризовал его позднее как «самого блестящего современного философа в Европе». Общаясь с Шеллингом, Чаадаев обратился к философии истории, ставшей предметом его интереса до конца жизни.

Вернувшись в Россию, Чаадаев вел затворнический образ жизни, много читал, а в 1828—1831 гг. написал так называемые «Философические письма». Первоначально они были адресованы Е. Д. Пановой, с которой у Чаадаева установились приятельские отношения. Всего было написано восемь писем. По своему содержанию и значению эти письма не укладываются в рамки эпистолярного жанра. Постепенно к этой мысли пришел и сам Чаадаев, для которого «Философические письма» стали изложением его философского кредо. Поэтому с начала 30-х гг. он предпринимает попытки напечатать свое сочинение, дает читать его друзьям, и, наконец, первое «Философическое письмо» появляется в «Телескопе» в 1836 г.

Публикация вызвала бурю: журнал был закрыт, его издатель Н. И. Надеждин — сослан, цензор, пропустивший номер в свет, отстранен от должности, а сам Чаадаев по высочайшему повелению объявлен сумасшедшим, взят под домашний арест и полтора года находился под медико-полицейским надзором. Гневные отповеди автору звучали со страниц различных журналов, газет, в личных письмах. И Чаадаев, не ожидавший такой резкой (и подчас несправедливой) критики, стал писать статью, где пы-

тался отвести от себя обвинения в антипатриотизме и пояснить свою позицию. Статью (под названием «Апология сумасшедшего») он не закончил, но для выяснения взглядов мыслителя ее рукопись представляется чрезвычайно важной.

В конце концов полицейский и принудительный медицинский надзор были сняты, но с жестоким условием: Чаадаеву запрещалось печатать что-либо до конца жизни. И запрет этот соблюдался. Тем не менее, мы имеем дело с парадоксальной ситуацией: человек, который опубликовал за свою жизнь лишь одну небольшую статью, стал заметной фигурой в истории отечественной мысли.

Что же содержала в себе нашумевшая статья, напечатанная в «Телескопе»?

Критика русской истории

Чаадаев дал в ней уничтожающую критику русского общества и отечественной истории. Он с горечью писал: «...опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесплодно... Одиноким в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого ума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили. Начиная с самых первых мгновений нашего социального существования, от нас не вышло ничего пригодного для общего блага людей, ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей родины, ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды; мы не дали себе труда ничего создать в области воображения и из того, что создано воображением других, мы заимствовали одну лишь обманчивую внешность и бесполезную роскошь... В нашей крови есть нечто, враждебное всякому истинному прогрессу».

Чаадаевская критика была беспощадна, суждения афористичны и печальны... С утверждением Чаадаева, что *Россия вообще не была бы замечена во всемирной истории, если бы не ее географические пространства и просторы*, многие не согласились. Позднее похожую мысль высказал и известный русский писатель И. С. Тургенев: один из героев романа «Дым» описывал некий «Хрустальный дворец» возле Лондона, в котором было выставлено все, «до чего достигла людская изобретательность», и заключал, что если бы «наша матушка, Русь православная» провалилась бы в тартарары, то «ни одного гвоздика, ни одной бу-

лавочки» бы в этом дворце не потревожила, все осталось бы на своих местах и ничего бы не изменилось, потому что «даже самовар, и лапти, и дуга, и кнут... не нами выдуманы». Оценка, близкая чаадаевской: «Если бы мы не раскинулись от Берингова пролива до Одера, — писал философ, — нас и не заметили бы». Наверное, самым мягким был ответ А. С. Пушкина, который решительно не соглашался с Чаадаевым в его выводе об исторической ничтожности России и утверждал, что «ни за что на свете... не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю». Вряд ли и сам Чаадаев согласился бы переменить отечество. Его горькие характеристики русской истории диктовались во многом именно любовью к родине, своеобразным «негативным патриотизмом». «Люблю отчизну я, но странною любовью...», — скажет М. Ю. Лермонтов, испытывая похожие чувства.

Воздействие казенного патриотизма, «вырабатываемого» идеологами николаевского царствования, приводило к распространению официальными изданиями идеи о превосходстве России над Европой (в силу ее «православия, самодержавия, народности»). В этой связи достаточно характерна известная формула графа Бенкендорфа, шефа российской жандармерии: «Прошлое России было блестяще, ее настоящее более чем великолепно, а что касается будущего, оно превосходит все, что может представить себе самое смелое воображение». Победа России в войне 1812 г. подкрепила мысль о том, что не об отставании от Запада надо говорить, о превосходстве над ним. Реакцией на эту официальную идеологию и стали «Философические письма».

«Религиозная отделенность» от Европы

Чаадаев обращает внимание на тот факт, что Россия *не вошла «в семью европейских народов»*, оказалась на обочине всемирной истории. История России рисуется Чаадаеву достаточно мрачно: «Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее — иноземное владычество, жестокое, унижительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, — вот печальная история нашей юности... Никаких чарующих воспоминаний, никаких прекрасных картин в памяти... Окиньте взором все прожитые нами века, все занятые пространства — и вы не найдете ни одного приковывающего к себе воспоминания, ни одного почтенного памятника, который бы говорил о прошедшем с силою и рисовал его живо и картинно. Мы живем лишь в самом

ограниченном настоящем, без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя».

Не о превосходстве над Западом надо вести речь, а о колоссальном отставании от него! Попытки «догнать» европейские народы уже предпринимались. Чаадаев вспоминает Петра I, «величайшего из наших царей», который, по его мнению, «начал для нас новую эру». В чем же состояла эта новая эра? В *заимствовании*. В преклонении перед Западом. «С этого времени мы только и делали, что, не сводя глаз с Запада... вбирали в себя веяния, приходившие к нам оттуда, и питались ими... Из западных книг мы научились произносить по складам имена вещей. Нашей собственной истории научила нас одна из западных стран, мы целиком перевели западную литературу, выучили ее наизусть, нарядились в ее лоскутья и, наконец, стали счастливы, что походим на Запад...», — так с горечью писал Чаадаев.

Далее Чаадаев задался вопросами, почему же столь печальная участь постигла Россию? Почему *«единственный урок»*, который она может дать другим народам, — это *урок отрицательный, как не надо жить?* Почему «мы никогда не шли об руку с прочими народами... не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода»? Для Чаадаева, называвшего себя *«христианским философом»*, ответ очевиден: дело в *духовных основаниях общества*. А таким духовным фундаментом общественной жизни для Чаадаева является религия. Значит, *разница путей европейских народов и отечественной истории коренится в различии господствующих форм христианства — католицизма на Западе и православия в России*.

Для Чаадаева народы являются такими же духовными и нравственными существами, как и отдельные личности. Поэтому для жизни народа, как и для жизни отдельного человека, необходимо не только правильный физический, но и правильный духовный режим.

Католическая форма христианства стала связующим звеном в истории европейских народов, силой, объединявшей Западную Европу даже во времена феодальной раздробленности (и здесь Чаадаев во многом прав). «В течение пятнадцати веков у них был один язык при обращении к Богу, один нравственный авторитет, одно и то же убеждение», — восклицал Чаадаев.

Для Чаадаева *история Европы определяется идеей религиозного единства* прежде всего потому, что европейская цивилизация была сформирована католицизмом и его принципом духовного

единоначалия, выраженного в папизме (власти папы римского, наместника Христа на земле). Папство централизовало, вносило принцип религиозного единства в европейскую жизнь, католическая церковь стала универсальной общественной силой воспитания и духовного объединения рода человеческого. Чаадаев был потрясен и пленен активностью католической церкви в истории, он видел в ней силу, придающую цивилизации единство и динамизм. Поэтому все беды России он выводил из «религиозной отделенности» России от Европы, которая приводит и к ее отделенности и от западной интеллектуальной, культурной традиции. По мнению Чаадаева, Россия, приняв православие (которое он называет «домашней» религией в отличие от политизированного католичества), лишилась возможности духовного слияния с Европой.

В русской общественной мысли Чаадаев был первым, кто высказал положение об отсталости России, причины которой он усматривал во влиянии православия, унаследованного от «жалкой» Византии. Таким образом, *европоцентризм был обоснован Чаадаевым с христианской точки зрения*. Запад предстал у Чаадаева антиподом Востока, как истинно христианское общество, которое «одухотворено духовными интересами», а они никогда не могут быть удовлетворены, так как они беспредельны по своей природе. Именно поэтому христианство для Чаадаева — не только связующая сила между разными народами, но и *универсальный двигатель истории*. Дело в том, писал Чаадаев, что «как только материальный интерес удовлетворен, человек больше не прогрессирует: хорошо еще, если он не идет назад. Только христианское общество... одушевлено духовными интересами, и именно этим обусловлена способность народов к совершенствованию, именно здесь вся тайна их культуры...».

Христианская духовность, по мнению Чаадаева, затронула русское общество лишь *поверхностно*, в своей основе оно осталось языческим, не идущим далее «материальных» целей. Россия отстала. Но Чаадаев (особенно в «Апологии сумасшедшего», где он, пораженный гневной критикой, пытался объяснить свою позицию) поставил вопрос *о преимуществах неразвитости*, в чем было немало романтического преувеличения и утопизма.

Предназначение России

«Западник» Чаадаев не чужд славянофильской нотки, когда от резкой и беспощадной критики переходит к предвидению будущего России. «Я считаю наше положение счастливым, если

только мы сумеем правильно оценить его», — оптимистично умозаключал Чаадаев. Отсталость и неразвитость дают возможность учиться на чужих ошибках. Россия, приобщившись к западной культуре и влившись в «европейскую семью» народов, сможет претендовать даже на роль лидера общественного движения. Слабости «домашнего», духовного православия могут стать достоинствами, так как восполняют недостатки излишне политизированного (а потому и подчас эгоистичного) католичества. Чаадаев страстно уверял читателя: «...у меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество». «Оживление» веры в России приведет ее, в конце концов, к слиянию с остальными народами, к объединению различных христианских конфессий и установлению Вселенской Церкви, причем именно Россия должна сыграть в этом процессе главную роль.

Удивительный и парадоксальный факт: в России даже западники были чуть-чуть славянофилами. Чаадаев, пророчествовавший о грядущем величии отечества, западник Герцен, мечтавший о социализме, но своем, особенном, «русском крестьянском социализме», — все они признавали самобытность и особое место России во всемирной истории. «Что же, разве я предлагаю моей родине скудное будущее?» — запальчиво спрашивал Чаадаев. С ним можно согласиться — будущее великое. Но не слишком ли безоглядно приносил он в жертву этому будущему прошлое России, отрекаясь от ее истории? Именно с подобными возражениями обратились к Чаадаеву его оппоненты из «лагеря» славянофилов.

Критику, задевающую подчас национальное достоинство, католические симпатии «басманного философа» (так прозвали Чаадаева, жившего на Басманной улице в Москве), искусственное разделение и размежевание России и Европы в его письмах трудно принять и современному читателю. Тем не менее, независимо от оценки и отношения к чаадаевской философии истории, очевидно, что Чаадаев был одним из первых русских мыслителей, задумавшихся о месте России во всемирной истории, он как бы спровоцировал развитие русского самосознания. Бердяев позднее скажет, что «вся русская философия истории будет отвечать на вопросы, поставленные в философских письмах Чаадаева». При всей своей обличительности в отношении Рос-

сии и обращенности к Западу Чаадаев остался в истории русской мысли искренним патриотом, который с полным правом мог написать о себе: «Слава Богу, я всегда любил свое отечество в его интересах, а не в своих собственных».

Вопросы и задания

1. Расскажите о жизни П. Я. Чаадаева. Что вы знаете о его дружбе с А. С. Пушкиным? Какие стихи Пушкин посвятил Чаадаеву?
2. Как Чаадаев оценивал русскую историю? Почему Россия, по его мнению, «ничего не дала миру»?
3. Очевидно, что немецкая культура не похожа на французскую, английская — на немецкую и т. д. Почему же все-таки можно, с точки зрения Чаадаева, говорить о единой европейской культуре? Как она сложилась?
4. В чем причина того, что Россия не вошла в «европейскую семью народов», несмотря на несколько попыток это сделать?
5. Что, по Чаадаеву, определяет развитие народов?
6. Какое будущее Чаадаев рисует для своей страны?

3.6.3. Философия славянофильства

*Нет любви к человечеству в том,
кто чужд своему народу.*

А. Хомяков

Россия опровергает своей исторической судьбой рассуждения о жесткой обособленности Востока и Запада. «Евразийское» положение страны приобрело символическое значение в национальном сознании. До сегодняшнего дня не смолкают споры о «русской идее», о высоком предназначении России, об особой, объединяющей роли русской культуры. Они имеют поистине громадное значение для духовной жизни русского общества.

В такой своеобразной (с географической и исторической точкой зрения) стране, как Россия, течения, подобные западничеству и славянофильству, должны были возникнуть в силу объективных условий. Запоздывание России в социально-экономическом развитии по сравнению с развитыми западноевропейскими странами ставило русскую общественную мысль перед выбором пути, «образца», «модели» дальнейшего развития. Сама поста-

новка вопроса о преимуществах неразвитости, исторической «юности» содержала в себе немало наивного преувеличения и утопизма, но имела под собой и реальную почву. Одним из первых ответ на этот трудный вопрос в отечественной мысли попытался дать П. Я. Чаадаев, с горечью отмечавший, что его родина оказалась «в стороне от общего движения», и чтобы достичь великого будущего, ей необходимо влиться в европейскую семью народов, усвоить достижения западной культуры. Суть подобной позиции в нескольких словах изложил Л. И. Шестов: «Старший Запад был несомненно умнее, богаче, красивее нас. И мы полагали, что причина тому — его знание, его опыт. Мы верили, что у него есть «слово», которым он разрешит все». Однако такая западническая ориентация, особенно в форме безоглядного пренебрежения российским прошлым, вызвала и обратную реакцию — поиски собственного, особого пути в истории. «Философические письма» П. Я. Чаадаева во многом ускорили консолидацию *славянофильства* в мощное течение русской общественной мысли, помогли его оформлению.

Темы и эволюция славянофильства

Долгое время в советский период славянофильство оценивалось как реакционное течение, выступавшее против прогрессивного развития России. Такая оценка неправомерна. Славянофильство так же, как западничество, имело множество оттенков — от «полицейского» до леволиберального, которому чужда была идея национальной замкнутости и обособленности. В целом же, славянофильство возникло как закономерная реакция на крайности западнической имитации европейских порядков и структур, как протест против европоцентристской идеологии. Славянофилам более, чем западникам, были присущи *органический* подход к историческому процессу, понимание истории как культурного единства, целостности. Недаром западник А. И. Герцен отмечал, что западничество только тогда получит место и значение общественной силы, когда овладеет темами и вопросами, пущенными в обращение славянофилами. Что же это за темы и вопросы?

Как уже отмечалось, славянофильство никогда не было единым, монолитным течением. Оно объединяло и «правую» партию (А. С. Шишков, М. П. Погодин), олицетворявшую «полицейскую» тенденцию и имевшую непосредственное отношение к идеологии «официальной народности». Православие, самодер-

жавие, народность — три «кита» этой идеологии, лозунг государственной политики империи. Доведенные до карикатурности представителями этого крыла идеи избранности русского народа, его особого исторического предназначения приводили иногда к курьезам, например, критике употребления иностранных слов, когда калоши предлагалось называть «мокроступами», ношения одежды европейского образца, бритья бород и т. п.

Однако облик славянофильства определяли мыслители иного масштаба и образа мысли. Проблема *взаимопроникновения различных культурных традиций* была воспринята русской общественной мыслью во всей ее сложности, и критика Запада славянофилами либерального, умеренного направления вовсе *не отрицала ценности европейской культуры*. Скорее, это был своеобразный протест против слепого «ученичества» и утверждения западниками исторической модели западноевропейской цивилизации как единственно возможной. Говоря о направлении славянофильства, связанного с такими именами, как А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, вернее отмечать не антизападническую, а *внезападническую* их ориентацию. Хомяков, называвший Западную Европу «страной святых чудес», или Киреевский, участвовавший в издании журнала «Европеец», не отрицали Запад, а относились к нему как к прошлому, пусть и великому.

Славянофильство — это не идеология узколобого национализма. Националистическим идеям противоречит сам *христианский характер* религиозной философии славянофилов. Ведь для христианства «нет ни эллина, нет ни иудея», ему претит противопоставление людей по национальному признаку. Отсюда и осознание целостного характера человеческой истории, чувство родства с Западом (это тоже христианский мир!).

«Славянский вопрос», осознанный русской интеллигенцией как сложная социально-философская, политическая и культурная проблема, будоражил в то время умы. Он привлекал внимание самых разных людей — М. Бакунина, М. Погодина, Ф. Тютчева, К. и И. Аксаковых, Ф. Достоевского и К. Леонтьева. Реакция на недооценку русского национального (и шире — славянского) гения помогла оформиться славянофильству в мощное идейное течение, темы которого долгое время влияли на духовную жизнь русского общества. Поэтому говоря о славянофильстве, необходимо иметь в виду значительную духовную эволюцию данного течения: от «старших», или «ранних», славяно-

филов (А. Хомяков, И. Киреевский, Ю. Самарин и др.) к «*младшим*», *неославянофилам* (Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев и др.), и мыслителям, которые, испытав колоссальное воздействие славянофильских идей, интерпретировали это учение в духе *синтеза западной и незападной культур* на христианской основе (Ф. Достоевский, В. Соловьев, Н. Бердяев).

Но несмотря на значительные расхождения во взглядах, есть нечто общее у всех мыслителей славянофильского направления.

Во-первых, это признание самобытности российской истории, ее непохожести на западную.

Во-вторых, поиск объяснения этой самобытности в православии как одном из центральных моментов исторического развития России. Специфика православного христианства рассматривалась славянофилами как «ключ» к специфике исторического пути страны.

В-третьих, мысль о том, что Запад уже прошел верхнюю точку своего развития, он больше не может быть лидером всечеловеческого прогресса; отношение к западной культуре как к прошлому, а не будущему.

В-четвертых, идея всемирно-исторического предназначения России. Если Запад уже стареет, то новая, более молодая культура — российская — способна дать «новое слово» миру. Позднее такие размышления о всемирной миссии России оформились в концепцию «*русской идеи*».

Оформление славянофильства как особого течения отечественной мысли, которое принято датировать 1838—1839 гг., связано, прежде всего, с деятельностью «старших» славянофилов, — А. С. Хомякова, И. В. и П. В. Киреевских, Ю. Ф. Самарина, А. И. Кошелева, К. С. Аксакова. Едва возникнув, славянофильский кружок стал вызывать подозрения у властей, которые видели (и обоснованно!) в славянофилах оппозицию николаевскому правительству. Цензурные запреты, аресты, тайный надзор полиции — все эти средства борьбы с инакомыслием были применены к славянофильской «партии». В глазах правительства славянофилы были выразителями *либеральных* общественных настроений. Они проповедовали так называемую «*теорию воспитания общества*». «Воспитание общества» при этом понималось ими как его преобразование в результате целенаправленного распространения славянофильского идеала в «общество христианское, православное, скрепленное в своей вершине законом живого единства и стоящего на твердых основах общины и семьи».

Концепция истории А. С. Хомякова

Своеобразным духовным лидером этой группы стал Алексей Степанович Хомяков (1804—1860), которого А. Герцен назвал «Ильей Муромцем славянофильства». Личностью он был удивительно интересной, незаурядной. Родился Хомяков в старинной дворянской семье, получил строгое религиозное воспитание (всю свою жизнь не пропускал воскресных богослужений, соблюдал посты и другие обряды); 18-летним юношей поступил на военную службу, а в 1828 г. участвовал в русско-турецкой войне, но через год, в 1829 г., вышел в отставку и уехал в одно из своих имений, где с увлечением занялся сельским хозяйством. В то же время, обладая очень живым темпераментом, Хомяков не остался в стороне от общественной жизни. Он писал стихи, пьесы, статьи на самые разные темы, много сил отдавал работе над 3-томными «Записками по всемирной истории». Но спорить и беседовать Хомяков любил гораздо больше, чем писать. По воспоминаниям современников, он обладал настоящим талантом в этой области и был непобедим в словесных сражениях. Его удивительная эрудиция, многосторонность интересов (от изобретательства сельскохозяйственных машин до профессиональных занятий живописью), необыкновенная память, редкий дар слова, остроумие, способность спорить до четырех утра, начавши в девять вечера (по свидетельству Герцена), сделали Хомякова неуязвимым для оппонентов.

Споры в салонах для русского общества того времени, когда запреты и цензура ставили жесткие границы печатному слову, не были развлечением, это была своеобразная форма развития общественной мысли, распространения передовых идей. Поэтому данная сторона жизни Хомякова имеет не меньшее значение для понимания его личности, чем анализ его напечатанных работ.

Главной темой творчества Хомякова стало *осмысление истории человеческого общества и выяснение в ней судьбы России*, ее исторической миссии. Представление русского мыслителя об истории человечества принципиально отличалось от европоцентристских моделей развития (гегелевской прежде всего) тем, что история рассматривалась Хомяковым как борьба двух полярных начал, лишенных постоянного культурного, географического или этнического центра, благодаря чему история действительно приобретала в его концепции всеобщий характер, переставала быть историей отдельных народов. Какие же силы, по мысли Хомякова, сталкиваются в истории?

Хомяков идиллически представлял себе жизнь первобытных людей, так как, по его мнению, этой жизни присуща была общность, единство. Это проявлялось, прежде всего, в «тождестве религий, обрядов и символов с одного края земли до другого». Но, расселяясь по земле, люди постепенно утрачивали это единство и общность, происходило разъединение, раскол на два основных характерных типа: *иранские племена* и *кушитские*. Первоначально принадлежность к тому или другому типу была связана с этнической принадлежностью, но позднее «*иранство*» или «*кушитство*» утратили связь с каким-то определенным географическим ареалом, стали *символическими обозначениями различных духовных начал культуры*. «Иранство» для Хомякова — это символ свободы, а значит, и миролюбия. Тот же тип культуры, в котором господствует подчиненность материальной необходимости, мыслитель называл «кушитским». Оба типа переплетаются в истории отдельных народов, ведь «история уже не знает чистых племен. История не знает также чистых религий». Но всегда можно заметить преобладающее влияние того или иного типа в конкретной культурной целостности.

Хомяков прослеживал историческое движение человечества через призму борьбы этих двух начал. Порой его можно упрекнуть в некоторой тенденциозности, тем не менее в концепции Хомякова привлекает образ мировой истории как некоего единства, как своеобразной *драмы*, в которой участвуют все племена и народы. В конечном счете противостояние иранства и кушитства в современную ему эпоху Хомяков раскрывал как противостояние европейской культуры, воплощающей кушитство (Европу «сгубило» римское наследие — агрессивность, аристократизм, государственность, основанная на насилии, и т. п.), и культуры славянской, воплощающей иранство. В чем же суть различия исторических путей Европы и славянского мира, лидером которого является Россия? Ответ Хомякова — единственно возможный ответ религиозного философа и глубоко верующего человека: все различия коренятся в неодинаковости духовных начал, то есть в *неодинаковости религиозных оснований общественной жизни*. Европа — это католико-протестантский мир, которому противостоит мир православно-славянский.

Доказывая превосходство православия, ориентированного на духовность (в отличие от «политизированного» католичества и «экономического» протестантства), Хомяков, тем не менее, был довольно критичен по отношению к русской православной

церкви, которая, по его мнению, не справилась со стоящей перед ней задачей построения в России христианского соборного общества. Что же такое *соборность*?

У Хомякова принцип *соборности* — один из основополагающих в его философских воззрениях. Идеалом для него выступал *образ духовной целостности как личности, так и общества*. Но как может быть достигнута такая гармоничная целостность? Только в духовном союзе с другими людьми, основанном на любви. Соборность как раз и подразумевает такое включение человека в наиндивидуальное единство духовного союза, которое не подавляет отдельную личность (что, по мнению Хомякова, характерно для внешних, «механических» объединений, коллективов), создает условия ее расцвета. Именно так представлял себе Хомяков истинную христианскую церковь. Его определение церкви как «*духовного союза*» привлекло внимание многих русских религиозных мыслителей, было подхвачено и развито ими, оно же послужило и основой для критики исторического, реального христианства.

Хомяков был против «отъединения» личности, приводящего к гордыне и самоуверенности. Но он не был согласен и с рассмотрением человека как «подданного церкви», смиренно подчиняющегося ей (что характерно, по его мнению, для католичества). Церковь должна быть соборным организмом, новым, более высоким типом общности людей, основанным на единстве веры и любви.

Осуществление принципа соборности рассматривалось Хомяковым как идеал общественной жизни. И именно из сравнения российской действительности с таким идеалом вытекало критическое отношение мыслителя к государству. Анализируя историю (в том числе, русскую), Хомяков пришел к убеждению, что никакое государство не может руководствоваться христианскими принципами, так как политика всегда основана на насилии. Поэтому чем меньшее количество людей принимает участие в управлении государством и подвергается опасности нравственного разложения (ибо любое насилие — безнравственно), тем лучше для общества.

Вывод Хомякова был своеобразен: наименьшим злом является *самодержавие*, отстраняющее широкие массы от политики и, значит, освобождающее их от участия в безнравственном деле. Такое утверждение Хомякова вряд ли можно истолковать в духе защиты самодержавия: *Хомяков против государственности вообще*

ше, он проповедовал идеал соборного общества, то есть общества безгосударственного, анархического, основанного на христианской религии любви, братства и свободы.

В построении свободного общества, основанного на соборности, главную роль Хомяков отводил России и русскому народу. Преимущество славянско-православного мира над западным было очевидно для философа и заключалось, прежде всего, в характере православия, как наиболее духовной и полной формы христианства. *Православие*, по мнению Хомякова, является высшей формой «иранской» идеи о примате нравственной свободы. Кроме того, эта религиозная идея попала в славянском мире на превосходную почву: национальными чертами характера славян являются миролюбие, восприимчивость к чужому, способность к изменениям. Именно поэтому славяне и прежде всего — Россия должны сыграть всемирно-историческую роль в духовном объединении человечества.

Но говоря о «призванности» русского народа, Хомяков, тем не менее, был критичен к прошлому и настоящему России. Чтобы исполнить свою роль в истории, России самой надо коренным образом измениться. Для осуществления идеала всечеловеческого братства Россия, клейменная «иглом рабства», полная «лени, мертвой и позорной», должна переродиться. Если этого не произойдет, свобода будет окончательно порабощена «механической», «кушитской» западной цивилизацией. В одном из своих стихотворений (Хомяков писал стихи, был председателем Общества российской словесности) он пророчествовал:

О Русь моя! Как муж разумный,
Сурово совесть допросив,
С душою светлой, многодумной,
Идет на божеский призыв,
Так, исцелив болезнь порока
Сознанием, скорбью и стыдом,
Пред миром станешь ты высоко,
В сиянии новом и святом!

Пороки России происходят из ее главной болезни, о которой один из персонажей драмы Хомякова «Разговор в Подмосковной» сказал следующее: «Мы больны своей искусственной безнародностью, и если бы не были больны, то и толковать бы не стали о необходимости народности. Подите-ка, скажите французам, или англичанину, или немцу, что он должен принадлежать

своему народу; уговаривайте его на это, и вы увидите, что он потихоньку будет протягивать руку к вашему пульсу с безмолвным вопросом — «в своем ли уме этот барин?»... А мы признаем законность толков об этом предмете. Почему? Потому что больны». И далее в уста этого же персонажа Хомяков вложил удивительно актуальные сегодня рассуждения о диалектике общечеловеческого и национального: «Служение народности есть в высшей степени служение делу общечеловеческому... За странным призраком погнались у нас многие. Общеευропейское, общечеловеческое!.. Но оно нигде не является в отвлеченном виде. Везде все живо, все народно». Для Хомякова было очевидно, что народность «служит единственной основой всего... развития, одна может быть для него источником силы», ибо она есть «начало общечеловеческое, облеченное в живых формах народа».

Хомяков был чужд национализму, но он совершенно справедливо не противопоставлял дело объединения всего человечества (как идеал) и развитие национальных культур. Для него объединение было возможно только на основе христианской любви, но любовь никогда «не довольствуется отвлеченностями, призраками, родовыми названиями, географическими или политическими определениями». Она конкретна, жива, и поэтому нельзя любить «готтентотов или североамериканцев, не испытав этого чувства к ближним — к своей семье, к своему народу, к своей родине». Именно таким подходом объясняется попытка Хомякова «вписать» Россию во всемирно-исторический процесс, «прозреть» ее будущую судьбу.

Концепция культуры И. В. Киреевского

Похожую задачу ставил перед собой и другой выдающийся мыслитель славянофильского направления, друг Хомякова Иван Васильевич Киреевский (1800—1856).

Иван Васильевич Киреевский родился в дворянской семье, находившейся в родственных отношениях с В. Жуковским, стихи которого составили целый этап в развитии русской литературы. Отец Киреевского умер, заразившись тифом в госпитале для раненых солдат, организованном по его инициативе и на его собственные средства, в 1812 г. После смерти отца в воспитании мальчика большую роль начинает играть Жуковский, много сделавший для развития литературного таланта Киреевского. Жуковский неоднократно высказывал убеждение, что его молодой родственник может стать хорошим писателем.

В 1822 г. Киреевский переехал в Москву, где сблизился с такими выдающимися людьми своего времени, как Пушкин, Вяземский, Баратынский, Языков, Веневитинов, Хомяков, Шевырев. Он познакомился и с В. Одоевским, руководителем философского кружка «любомудров», который ввел молодого литератора в мир немецкой философии (прежде всего, Шеллинга), благодаря чему Киреевскому всегда был свойствен *диалектический* подход к явлениям литературы, общественной жизни.

В 1830 г. Киреевский уехал за границу. В Берлине он познакомился с Гегелем, в Мюнхене — с Шеллингом. Но, узнав об эпидемии холеры в России, волнуясь за близких и друзей, Киреевский прервал свое путешествие и вернулся в Москву. Путешествие помогло Киреевскому еще более утвердиться в мысли, что Европа уже прошла высшую точку своего культурного развития, а в качестве нового центра «просвещения» должен выдвинуться народ, не обремененный «односторонностью зрелости». Тем не менее, европейская модель исторического развития еще принималась Киреевским. В 1831 г. он даже начал издавать журнал «Европеец», ориентация которого была несколько «прозападнической», несмотря на то, что Киреевский ставил перед собой задачу синтетического соединения западноевропейской и русской мысли. Киреевский написал в журнал ряд блестящих статей, привлек к сотрудничеству Жуковского, Языкова, Баратынского. Однако просветительскому энтузиазму Киреевского был положен конец запретом журнала ввиду неблагонадежности его создателя.

Дальнейший духовный путь Киреевского тесно связан со славянофильством. Хотя Киреевский ранее критиковал европейский рационализм, который, по его мнению, духовно порабощает людей, его славянофильским «крестным отцом» стал А. Хомяков. Постоянный теоретический диалог с этим мыслителем, ставшим и ближайшим другом, единомышленником Киреевского, во многом определил его взгляды. На духовное становление Киреевского большое влияние оказали его глубоко верующая жена и старец Филарет. Именно благодаря их советам Киреевский начал изучать святоотеческую литературу.

Центральной идеей для построений Киреевского становится *идея цельности духовной жизни человека*: личность только до тех пор может оставаться личностью, пока сохраняет *единство «ума и сердца»*, «цельность» сознания, «внутреннего устройства» человека. Только при достижении гармоничного «цельного мышле-

ния» личность и общество могут избежать двух главных опасностей, крайностей духовной жизни — невежества, отлучающего народы от «живого общения умов», и «отделенного логического мышления» (рационализма), дробящего, разлагающего цельность духа на отдельные элементы.

Современный западный человек, по мнению Киреевского, «раздробляет свою жизнь на отдельные стремления», в «одном углу его сердца живет чувство религиозное... в другом — отдельно — силы разума и усилия житейских занятий; в третьем — стремление к чувственным утехам; в четвертом — нравственно-семейное чувство, в пятом — стремление к личной корысти» и т. д. То есть душа его мозаична, раздроблена. Такое превращение сознания человека в «счетную машину», а сердца его — в «собрание бездушных струн, в которых свищет случайный ветер», приведет в конце концов к торжеству низких желаний, инстинктов, когда человек замкнется лишь на своей собственной физической жизни, на материальном комфорте. Именно поэтому рационализм, господствующий в сознании европейских народов, был подвергнут критике Киреевским. Именно поэтому он начал поиски истоков «новой», «молодой» философии, которая должна прийти на смену рационализму, и обратил свой взгляд на русско-славянскую культуру.

Киреевский пытался определить начала, истоки современной ему европейской культуры. В конечном счете он выделил *три таких начала*: первое — *влияние христианской религии*; второе — *дух варварских народов*, разрушивших когда-то Римскую империю; третье — *остатки классического древнего мира, античности*.

Европейская культура, основанная на этих трех началах, «стихиях», «не имела на Россию того влияния, какое она имела на другие государства Европы... Какая-то китайская стена стоит между Россией и Европой и только сквозь некоторые отверстия пропускает к нам воздух просвещенного Запада...». В чем же дело? Почему русско-славянская культура так отличается от европейской?

Киреевский анализировал выделенные им начала западной цивилизации. Христианство присуще России не в меньшей степени, чем «дух варварских народов», который тоже имеется у нас в избытке («да, скифы мы, да, азиаты мы», — скажет позднее Блок), значит, все дело в том, что *«классического древнего мира не доставало нашему развитию»*. К чему же это привело? Хотя «в

России христианская религия была чище и святее», однако «недостаток классического мира был причиной тому, что влияние нашей церкви... не было ни так решительно, ни так всемогуще, как влияние церкви римской», которая сама испытала огромное воздействие римского государства и права на свое устройство. В результате христианская церковь в России не смогла стать той силой, которая связала бы духовно и политически раздробленную Русь, попавшую из-за этого на несколько веков под татарское иго.

Не имея духовного центра (каким был Ватикан для раздробленной Европы), Россия «собиралась» не духовно, а только материально, что потребовало долгих столетий. По мнению Киреевского, «соединение наше было не столько выражением единой души, сколько простым материальным совокуплением, и сосредоточение сил было единственно сосредоточением физическим, не смягченным, не просвещенным образованностью». Здесь Киреевский был прав: влияние античности и затем Возрождения (возрождавшего, как вы помните, именно античные «образцы») практически не ощущалось в российской культуре.

Но, с другой стороны, особенность развития России привела к тому, что русско-славянский мир оказался чужд мертвящему рационализму Европы, внешнему, формальному характеру юридического права (унаследованному от Рима), насильственному характеру европейской государственности, складывающейся в результате завоеваний. «Начавшись насилием, государства европейские должны были развиваться переворотами, ибо развитие государства есть не что иное, как развитие внутренних начал, на которых оно основано. Поэтому европейские общества, основанные насилием, связанные формальностью личных отношений, проникнутые духом односторонней рассудочности, должны были развить в себе не общественный дух, но дух личной отделенности, связываемой узами частных интересов и партий».

В России же положение сложилось совершенно иное. Христианство пришло на русскую землю из Византии. Восточное христианство (по оценке Киреевского, более глубокое, живое, возвышающее разум, ведущее от рассудочного механизма к свободному нравственному умозрению) было усвоено Россией добровольно, беспрепятственно (тут, правда, с Киреевским можно поспорить и вспомнить, как Путята крестил Русь «огнем и мечом»), поэтому в неискаженном античным наследием виде. Именно чистота христианских начал, неискаженность *русской*

религиозной идеи дают право русской культуре претендовать на духовный переворот в истории человечества.

Киреевский сравнивает православное христианство с семейным, славянскую народную душу, которой свойственно спокойствие, достоинство, глубина и смирение — с почвой, на которую упало это семя. И главное, славянскому миру присущ особый, самобытный принцип устройства общественной жизни — *община*. Не личное право собственности (как на Западе), а общинная поземельная собственность лежит в основании «общежительных отношений» русского общества. Каков же будет плод, выросший из православного семени на такой почве?

Киреевский верит, что столь необходимая человечеству «новая» философия и культура могут возникнуть в его стране. Они должны переориентировать духовную жизнь общества, привести общество и личность к внутренней цельности самосознания, к «стройности» общественной жизни.

Чтобы обосновать историческое предназначение православно-славянского мира, Киреевский проводит характерное для славянофильства сопоставление европейских и русских начал общественной жизни, яркое и страстное (но совсем не объективное) сравнение «там» и «здесь»: «Богословие на Западе приняло характер рассудочной отвлеченности — в православном мире оно сохранило внутреннюю цельность духа; там раздвоение сил разума — здесь стремление к их живой совокупности... там искание наружного, мертвого единства — здесь стремление к внутреннему, живому; там церковь смешалась с государством... в России она оставалась не смешанною с мирскими целями и устройством... там государственность из насильий завоевания — здесь из естественного развития народного быта... там поземельная собственность... здесь собственность только как случайное выражение отношений личных... там законы исходят искусственно из господствующего мнения — здесь они рождались естественно из быта; там улучшения всегда совершались насильственными переменами — здесь стройным естественным возрастанием... там прихоть моды — здесь твердость быта; там шаткость личной самозаконности — здесь крепость семейных и общественных связей...». Очевидна тенденциозность позиции Киреевского в таком сопоставлении, за что его критиковали даже другие славянофилы, например, Хомяков.

Но такое противопоставление раздробленности Запада российской цельности отнюдь не приводит Киреевского к отрица-

нию западной традиции. Он мечтает о «цельности», и здесь его идеал — *синтез лучших (в его понимании) черт духовной жизни Запада и Востока*, чтобы «русские начала, господствуя над европейским просвещением и не вытесняя его, а, наоборот, обнимая своей полнотой, дали ему высший смысл и последнее развитие».

Своеобразный итог первому этапу споров русских западников и славянофилов подвел в своей знаменитой «пушкинской» речи (на открытии памятника А. С. Пушкину в Москве) Ф. М. Достоевский. Великий писатель показал, что идеал всечеловеческого братства глубоко укоренен в национальном самосознании русского народа и именно он в конечном счете является тем нравственным ориентиром, который должен объединить и западников, и славянофилов.

И хотя идейного примирения не произошло, мысль Достоевского оказала огромное воздействие на сознание общества. Идеи «старших» славянофилов подхватывают мыслители, которых уже нельзя однозначно отнести к этому направлению, так как они еще более явно интерпретируют «русскую идею» в духе вселенского, культурного синтеза, единства духовного мира человечества. Это В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев и другие.

Но наряду с этим линия «старших» славянофилов была развита отчасти «почвенничеством» (А. А. Григорьев, Ф. М. Достоевский), а также «младшими» славянофилами (неославянофильством) — Н. Я. Данилевским, К. Н. Леонтьевым и др.

Неославянофильство

Среди «младших» славянофилов одним из самых ярких мыслителей был Николай Яковлевич Данилевский (1822 — 1885). Естествоиспытатель, участвовавший во многих экспедициях по изучению рыболовных запасов Волги, Каспийского моря, озер России, увлекавшийся ботаникой (целый период его жизни был связан с Никитским ботаническим садом в Крыму, куда он был назначен директором в 1879 г.), он стал автором оригинальной *теории культурно-исторических типов*. Наиболее полно его взгляды на философию истории изложены в работе «Россия и Европа».

Данилевский был сторонником *органицизма* в своих историко-философских построениях, то есть переносил природные закономерности на всю окружающую человека действительность, в том числе, на общество и культуру. Он считал, что все существующие системы, будь то живые организмы или социальные, развиваются по одному и тому же закону — *зарождение, расцвет,*

умирание. Любая сложная система *замкнута*, подчиняется закону *саморазвития*; не являются исключениями и человеческие общества. По аналогии с природой, характеризующейся многообразием биологических видов, Данилевский рассматривал *историю как дискретный процесс, как совокупность самобытных культурно-исторических типов*. Он выделил десять «полноценных» культурно-исторических типов: египетский, китайский, древнесемитский (ассирийско-вавилоно-финикийско-халдейский), индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, новосемитский (арабийский) и романо-германский (европейский). Кроме того, он писал и о двух американских типах — мексиканском и перуанском, которые прекратили свое существование в результате завоеваний до завершения цикла своего развития.

Таким образом, не каждый народ, по мнению Данилевского, создает свой культурно-исторический тип. Согласно его позиции, *народы можно разделить на три основные группы*: 1) «положительные деятели в истории человечества» — те, кто создают свой культурно-исторический тип; 2) «отрицательные деятели человечества» — те, кто разрушают культурно-исторические типы и 3) «этнографический материал» — народы, которым не суждена ни положительная, ни отрицательная роль в истории, поскольку они не достигают в своем развитии «индивидуальности».

Каждый культурно-исторический тип проходит в своем становлении и развитии определенные этапы: первоначальное формирование на основе языкового родства; складывание государственности и обретение политической независимости; достижение культурно-историческим типом после относительно долгого периода роста сравнительно короткой эпохи «цветения и плодоношения», «раз и навсегда истощающей жизненную силу» данной цивилизации; умирание культурно-исторического типа, утрата им культурной самобытности и политической независимости, превращение его в «этнографический материал». По сути, речь идет о прямой аналогии с живым организмом, для которого тоже характерны периоды рождения, молодости, зрелости, старости, умирания.

Данилевский настаивал на невозможности передачи «эстафеты» от одного культурно-исторического типа другому. Их развитие, по его мнению, имеет замкнутый характер, продолжительность жизни той или иной культуры ограничена во времени, *дух культуры умирает вместе с ней и не может быть продолжен другими народами*. Данилевский упоминал о трех возможных формах

воздействия народов друг на друга — «пересадке», «прививке» и «удобрении». Причем он был убежден, что и «пересадка», и «прививка» пагубно сказываются и на культурах-«реципиентах», и на культурах-«донорах», они не могут быть эффективны, так как разрушают самобытный строй народа-«реципиента» (которому пересаживают чуждую культуру), поскольку он все равно никогда не в состоянии полностью усвоить культуру народа-«донора». В результате, потеряв свою индивидуальность, народ превращается в «этнографический материал». Единственная форма взаимодействия культур, которая, по мнению Данилевского, может иметь положительное значение, — это «удобрение». Речь здесь идет о культуре, которая умерла, но ее отдельные достижения (например, водопровод, изобретенный еще в Древнем Риме) используются другой культурой.

Почему же концепцию Данилевского часто относят к неославянофильству? Дело в том, что Данилевский в своей книге особое внимание уделяет рассмотрению двух современных ему культурно-исторических типов — романо-германского (европейского) и славянского. *Романо-германский тип*, по мнению мыслителя, уже прошел высшую точку своего развития, вступил в период упадка и умирания, а на смену ему как раз и идет молодой *славяно-русский культурно-исторический тип*, за которым будущее. Более того, Данилевский дал повод В. С. Соловьеву и другим современникам критиковать свою концепцию за националистические моменты, так как он рассматривал *славянский тип как наиболее развитый — «четырёхосновный»*. Большинство существовавших ранее культурно-исторических типов, по мнению Данилевского, были «одноосновными», то есть их общность основывалась либо на экономическом, либо на религиозном, либо на нравственном, либо на художественном фундаменте. Европейский культурно-исторический тип был уже «двухосновным», — единство базировалось и на экономической, и на художественно-культурной общности. Но именно складывающаяся славянская цивилизация сможет, как считал Данилевский, совместить в себе все четыре начала — экономику, религию, нравственность, культуру, — явив собой самый «полный» тип.

Неославянофильство во многом утратило многосторонность и широту взгляда, которые были присущи концепциям «старших» славянофилов, их вселенский универсализм. На смену идее всечеловеческого братства, построения общества на основе «со-

борности» пришли концепции, говорящие, скорее, не о слиянии Запада и Востока, а о духовном подчинении Европы славянскому миру. Необходимо сказать однако, что и Н. Данилевский, и К. Леонтьев, и их последователи не настаивали на исключительности и национальной обособленности России, а говорили лишь о ее мировой миссии, для выполнения которой и необходимо наличие самобытной, «славяно-азиатской» цивилизации. Как писал К. Леонтьев, «тот народ наилучше служит всемирной цивилизации, который свое национальное доводит до высших пределов развития».

Тем не менее, концепция «культурно-исторических типов» Н. Данилевского (последователем которой считал себя и К. Н. Леонтьев), огрубляла славянофильскую идею «служения» России человечеству, давала почву национализму, объективно разрывала целостную ткань человеческой истории, приводила к панславизму, превозношению особенностей своего народа и недооценке потенциала других наций. Неославянофильство, усвоив «букву», во многом растеряло «дух» раннего славянофильства, за что и было подвергнуто критике В. Соловьевым и другими.

Долгое время казалось, что точку в споре между западниками и славянофилами поставила Октябрьская революция 1917 г. Но духовные процессы, происходящие в современном обществе, показывают, что это не так. И сегодня мы можем найти аналоги западническому и славянофильскому течениям в нашей жизни. Вопрос о будущем России вновь будоражит умы.

Происходящая «перестройка прошлого», связанная с изменением исторических оценок и подходов, повлекла за собой новые раздумья о будущем. К сожалению, в сегодняшней полемике между западниками и славянофилами слишком сильны противостояние, непримиримость, что приводит к односторонности позиций. Современные западники склонны отрешиться от традиционной русской культуры и ориентироваться на западные образцы (которые не всегда тождественны общечеловеческим). Славянофильская ориентация сегодня носит подчас карикатурно-консервативный характер, близка к примитивному национализму. Органичность и универсальность построений прошлого во многом утеряны. Известные слова русского богослова и философа Г. Флоровского — «не назад, а вперед — к отцам» — приобретают новый смысл в сложившейся ситуации, ориентируют на высокий духовный уровень русских мыслителей прошлого века.

Вопросы и задания

1. Как вы знаете, в славянофильстве существовало несколько течений, оно менялось в процессе своего развития, различные его представители предлагали свою собственную концепцию исторического развития России. Какие идеи, на ваш взгляд, объединяли славянофилов? Что давало основание полагать различные течения одним направлением общественной мысли?
2. Кого относят к «старшим», а кого — к «младшим» славянофилам? Можно ли сказать, что эволюция славянофильства сопровождалась усилением элементов национализма в концепциях представителей этого течения?
3. Какова концепция истории А. С. Хомякова? Что такое «иранство» и «кушитство» в этой концепции?
4. И. В. Киреевский сравнивал западноевропейскую и российскую культуры. Какие начала западной культуры он выделил? В чем отличие отечественной культуры от европейской?
5. Идеалом славянофилов было «соборное общество». Что такое соборность? Какое общество можно назвать соборным?
6. Расскажите о концепции культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского. Возможно ли, согласно Данилевскому, заимствование между различными культурно-историческими типами?
7. Как вы думаете, продолжается ли в современной России спор между западниками и славянофилами? Обоснуйте свою точку зрения.

3.6.4. Философия русского космизма

*Как мелки и ничтожны те причины,
которые разделяют нас ныне, и как глубоки и велики те, что могут и должны
соединить нас!!*

Н. Федоров

Специфическим явлением в отечественной мысли стала философия *космизма*. Под космизмом понимается целое направление русской культуры, включающее не только философов и ученых, но и поэтов, музыкантов, художников, которым было присуще ощущение причастности человечества космическому бытию, мысль о человеке как микрокосме, вместившем в себя все природные стихии и энергии. Одной из главных черт космизма является *стремление активно воздействовать на мир в желательном направлении*. Преображающая человека и мир мечта

стремилась к преодолению ограниченности человека в пространстве и времени, она воплощалась в образы господства людей над стихиями — воздушные полеты, метаморфозы вещества, достижение бессмертия.

Именно в России, открывшей позднее реальный путь человечеству в космос, начиная с середины XIX в. сложилось уникальное направление философской мысли, широко развернувшееся в XX в. В его ряду стоят такие философы, ученые, писатели как В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, Н. Ф. Федоров, А. Л. Чижевский, А. В. Сухово-Кобылин, И. А. Ефремов и другие. Но начальный этап формирования космизма связан с именем **Николая Федоровича Федорова** (1829—1903).

«Небратское» состояние общества

Философия Федорова принадлежит к числу тех систем, которые оказали наибольшее влияние на последующее развитие русской философской мысли и общественного сознания в целом. Движение «федоровцев» существует и сегодня, причем многие современные поклонники философии «общего дела» обосновывают свои взгляды ссылками на достижения новейшего естествознания — расшифровку генома, клонирование и т. п. Огромное воздействие философские построения Н. Федорова оказали и на художественную культуру. Вспомните, например, живописные полотна Павла Филонова или стихотворный призыв Владимира Маяковского к потомкам «не забыть», «воскресить»: нельзя не почувствовать в них отзвук федоровских мыслей.

Свои приверженцы были у Федорова и в мире науки — И. Мечников, К. Циолковский и другие. Кстати, к идее строительства ракет Циолковский во многом пришел под влиянием философии «общего дела» с ее призывом к воскрешению людей. Если воскресить умерших, то где же они будут жить? Вставала задача освоения космоса и конструирования средств, с помощью которых это можно осуществить.

Удивительно, что идеи Федорова получили такое широкое распространение, практически не будучи опубликованными при жизни автора. Тем не менее, великий русский философ В. С. Соловьев в одном из писем назвал Федорова своим учителем и «отцом духовным». Что же это был за человек, о котором даже Лев Толстой мог сказать, что он горд жить с ним в одно время? Чем его философия так привлекала самых разных людей?

Николай Федорович Федоров был внебрачным сыном князя П. Гагарина, поэтому смог получить образование в Тамбовской гимназии и поступить на юридический факультет одесского лицея. После трех лет учебы, так и не закончив лицей, Федоров работал учителем истории и географии в различных провинциальных школах; именно во время учительства сложилось его оригинальное философское мировоззрение. В 1868 г. он переехал в Москву, где в 1874 г. получил место в библиотеке Румянцевского музея (ныне — Государственная библиотека). Несмотря на нищенское жалование, Федоров оставался на этом месте 25 лет, а последние годы жизни, уже уйдя на пенсию, работал в библиотеке Министерства иностранных дел. Оригинальный мыслитель и добрейший человек, Федоров поражал всех, кто его знал, необыкновенной нравственной чистотой и энциклопедическими познаниями, о которых ходили легенды. Говорят, он мог без помощи каталога найти книгу, посоветовать читателю нужное для понимания той или иной темы сочинение, дать совет при написании работы. Читатели библиотеки его очень любили. Образ жизни он вел аскетический, а большую часть своего мизерного жалования раздавал нуждающимся...

Тот, кто попытается реконструировать философскую систему Федорова, неизбежно столкнется с трудностью истинного изложения его идей. Дело в том, что, как уже отмечалось, при жизни Федоров почти ничего не публиковал. С его идеями были знакомы Ф. М. Достоевский и В. С. Соловьев, Л. Н. Толстой и М. М. Тареев, но никто из них не имел дела с рукописями самого Федорова. Как правило, речь шла об изложении взглядов Федорова учениками. Кроме того, за год до смерти Федоров сжег некоторые свои рукописи. Посмертно было издано два тома его сочинений, но издавали их опять-таки ученики Федорова — В. Кожевников и Н. Петерсон, которые были чрезвычайно близки к своему учителю в течение ряда лет, однако не могли не привнести своих мыслей, мнений, оценок в тексты при их редактировании и подготовке к печати. Поэтому для историка философии вопрос о том, что же относится к взглядам самого Федорова, а что принадлежит его ученикам, видимо, неразрешим. Кстати, первое двухтомное издание «Философии общего дела» (название тоже дали ученики, а не сам Федоров) не продавалось, желающие могли получить книги бесплатно у издателей. Н. Петерсон, настоявший на этом, обоснованно счи-

тал, что продажа книг противоречила бы самому духу федоровского учения.

Федоров был не только глубоко верующим человеком, но и религиозным философом (хотя русская православная церковь всегда относилась и относится к нему как к мыслителю противоречивому, чьи взгляды не могут быть приняты и одобрены официальным богословием). Поэтому с позиций решения традиционного для философов вопроса — что первично: дух или материя? — Федоров может быть отнесен к объективным идеалистам. Для него несомненно существование Бога, причем Бога христианского, который сотворил мир, природу, человека. Но хотя Бог и является Творцом всей вселенной, его замыслы и предначертания были искажены, не выполнены полностью, поэтому мы и имеем несовершенную природу вокруг нас: «...Человек сделал, по-видимому, все зло, какое только мог, относительно и природы (истощение, опустошение, хищничество), относительно и друг друга (изобретение истребительнейших орудий и вообще средств для взаимного уничтожения)...». Как это стало возможно? Федоров считал, что мало признать разум, дух первичным в мироздании. С его точки зрения, логично продолжить эту мысль и признать, что мир постоянно нуждается в разуме, чтобы «быть космосом, а не хаосом». Природа ищет в человеке своего хозяина, а человек, не понимая этого, низводит себя, в лучшем случае, до роли исследователя природы. «Мир дан не на поглядение, не мировоззрение — цель человека. Человек всегда считал возможным действие на мир, изменение его согласно своим желаниям». Здесь очень ярко проявился «активизм», присущий всему русскому космизму.

Федоровскую веру в могущество человеческого духа и разума можно сравнить только с пламенной верой мыслителей Возрождения и Просвещения; он искренне считал, что человек может и должен спасти не только себя, но и всю Вселенную. Это осуществимо благодаря двойственной природе человека: с одной стороны, природной и животной, с другой — трудовой и творческой. *Человек посредством труда, творчества не только создает себя как человека, но и преобразует свой природный, животный «фундамент».*

Но если человек в состоянии преобразить собственную биологическую основу, почему он должен отступать перед делом изменения и управления природой в целом? Более того, *разумное управление природой и преодоление привычного хода вещей Федоров*

считал объективной закономерностью всемирного процесса. «Природа в нас начинает не только осознавать себя, но и управлять собою; в нас она достигает совершенства или такого состояния, достигнув которого она уже ничего разрушать не будет, а все в эпоху слепоты разрушенное восстановит, воскресит. Природа враг временный, будет другом вечным, когда в руках сынов человеческих она из слепой, разрушительной силы обратится в воссозидательную». Главная цель такого господства разума над слепыми природными силами — *воскрешение всех умерших и достижение бессмертия для живущих*. Эту цель русский мыслитель обосновывает с нравственной точки зрения, причем логика обоснования чрезвычайно интересна.

Федоров начал с констатации того факта (который трудно оспаривать), что современное состояние человечества можно охарактеризовать как «небратское», когда имеет место не только разорение природы, но и истребление людьми друг друга. Цивилизация держится не любовью и заботой о ближнем, а страхом и насилием. «История как факт есть взаимное истребление, истребление друг друга и самих себя, ограбление или расхищение через эксплуатацию и утилизацию всей внешней природы (т. е. земли), есть собственное вырождение и умирание (т. е. культура); история как факт есть всегда взаимное истребление, будет ли оно открытым, как во времена варварства, или же скрытым, как при цивилизации, причем жестокость делается только утонченной, а вместе и более злою».

Федоров эмоционально описывал последствия все большего разделения труда, делающего человека «одномерным», частичным. Мысль эта не является, конечно, федоровским открытием, она вовсе не нова. Решение проблемы преодоления одностороннего развития человеческой личности волновало и волнует умы мыслителей самых разных школ и эпох. Как заметил ироничный Козьма Прутков, «специалист подобен флюсу». Но, тем не менее, процессы специализации углубляются, что приводит к гибели многих и многих способностей, талантов, умений человека, «не востребованных» в процессе его деятельности.

Оправдание таким негуманным по своей сути процессам мы привыкли видеть в достижении более быстрых темпов развития науки, техники, просвещения за счет разделения труда. Федоров был принципиально не согласен с этим, он пытался показать другую сторону медали и утверждал, что чем совершеннее в обществе разделение труда (прежде всего, на умственный и физи-

ческий), «тем менее оно делается способным к просвещению, ибо просвещение, не поддерживаемое главным занятием... не обращающееся в исследование главного занятия человека... просвещение на досуге... не может быть плодотворным. Для рабочего, исполняющего роль руки в течение шести дней, голова точно шляпа, которую он надевает по праздникам (если он только будет ее надевать; не предпочтет ли он этой шляпе что-либо другое, разгул, например?)».

Отделение умственного труда от физического Федоров сравнивал с кастовым устройством общества. Будучи глубинной причиной социальной несправедливости, а значит, и борьбы, конкуренции, революций, подобное положение должно быть преодолено. «Закон, который признает совершеннейшим того, кто материально сильнее и умственно хитрее... такой закон может держаться только невежеством и слепотой», является ярким проявлением «неродственности».

Федоров, рисуя панораму «небратского» состояния общества, берет иногда очень неожиданные, нетривиальные примеры для своих обличений. Так, косметическая индустрия, наука, люди, «вся технология обречены на службу половому подбору, и это свидетельствует о глубоком унижении и позоре ума человеческого, о приближении человека к животности, о большем и большем нравственном упадке города», о забвении человеком его духовного предназначения. Подобные небесспорные суждения Федорова помогают понять дух и стиль его критики. В этой связи исследователи его творчества обычно вспоминают и федоровскую интерпретацию почерков (очень любопытную саму по себе).

По Федорову, ничто так наглядно не раскрывает сущности исторического процесса, «этого спешного движения к новизне и торопливого отрицания старины, этой необдуманной замены последней первой», как изучение почерков, письма. «Формы букв говорят гораздо более слов, искреннее их; формы букв неподкупнее слов», — утверждал мыслитель. С тем, что письмо способно быть графическим изображением духа времени, трудно спорить. Если в Средние века господствовал готический почерк, повторявший во многом и архитектурные формы того времени, то по этому факту можно судить о жизни людей того времени, — устремленной к Богу, строгой, без излишеств. Для Древней Руси был характерен «уставный» почерк, буквы которого выводились «с глубоким благоговением, с любовью... исполняемые как художественная работа, как молитва». Эти буквы были величавы, не

то есть вернуть им жизнь. Для Федорова тот не «достоин жизни и свободы», кто не возвратил жизни тем, от кого ее получил. Причем воскрешение для него — воскрешение буквальное, физическое.

Доказательством возможности такого воскрешения, наличия в человеке своеобразных «ресурсов» для этого являются, по мнению философа, воскрешение Иисусом Христом умершего Лазаря, воскрешение самого Христа. Федоров считает, что христианство не поняло смысла этих описанных в Библии событий. Смысл учения Христа не только в нравственной проповеди, но и в том, что Иисус *показал* возможности человека в преодолении смерти. Разумеется, подобные выводы Федорова, его критическое отношение к историческому христианству не могли не вызвать его расхождения с официальным богословием.

Для Федорова очевидным является необходимость «всеобщего трудового соучастия людей» в спасении мира, в преодолении смерти. В этой связи он по-своему интерпретировал некоторые сюжеты из Евангелия, в частности предупреждение о Страшном Суде. Философ считает, что официальное богословие склонно к такому пониманию воскрешения, которое произойдет без активного участия людей, и на Страшном Суде будут оценены дела людские и праведники будут отделены от грешников. В результате воскрешение будет спасительно только для избранных, для грешников же оно будет вечным наказанием.

Федоров не отбрасывал полностью такую традиционную трактовку евангельских предсказаний, но считал, что этот вариант воскрешения не единственный. Более того, данный вариант является своеобразным выражением гнева Божьего на людей в том случае, если они не поймут истинный смысл учения Христа. Для Федорова этот смысл состоит в активном соучастии человека в спасении мира, объединении людей для дела воскрешения умерших, что приведет к всеобщему спасению, а не спасению лишь избранных праведников. Таким образом, библейское пророчество о грядущем Страшном Суде Федоров считал грозным предупреждением о том, что ждет людей в случае их неучастия во «всеобщем деле», а вовсе не обязательным «сценарием» развития истории.

Парадоксально, но свою религиозную по духу утопию Федоров зачастую обосновывал приемами вульгарно-материалистическими. Он рассматривал организм человека как механизм, который можно «починить» в случае поломки. При распадении ма-

шины на отдельные винтики и узлы ее можно вновь собрать. Так же и человека можно «собрать» из мельчайших пылинок, атомов, которые составляют нашу планету. Прах отцов окружает нас, и если человечество объединит свои усилия, то оно сможет, раскрыв тайны наследственности, используя научные достижения, восстановить из этого праха наших предков.

Федоровский проект «общего дела» — это утопия, которая носит поистине глобальный, космический характер. Преодоление смерти — центральная нравственная задача, вслед за решением которой человечество придет к полной «регуляции» природы. Русский космист в своей философской утопии воплотил горячую веру в человека, его разум. Человек с помощью различных технических средств сможет построить идеальное гармоничное общество. В этом смысле Федоров — технократ в современном значении этого слова. Он считает, что с помощью научно-технических достижений, одухотворенных нравственностью, человечество сможет решить не только вопросы господства над природными силами, но и социальные проблемы. Более того, для него социальные проблемы вторичны по отношению к решению основных вопросов регуляции природных процессов — вопросов о преодолении смерти, непогоды, неурожая, стихийных бедствий и т. п. «Нужно иметь в виду, — писал Федоров, — что вопрос о богатстве есть вопрос лишь о мануфактурных игрушках и забавах, а не вопрос о насущном и необходимо нужном, разрешение которого без радикального устранения неурожая, или голода и моровых язв, или болезней вообще... немислимо, а потому вопрос о насущном входит в вопрос о всеобщем возвращении жизни». Пока будет смерть — будет и бедность, делал вывод философ: «Вопрос о богатстве и бедности отождествляется, конечно, с вопросом о всеобщем счастье, невозможном при существовании смерти... Вопрос о богатстве и бедности... есть вопрос несовершеннолетних... он не может устранить вопроса о смерти, а этот последний и лишает богатство всякой его ценности. Поэтому-то за эпохой увлечения богатством и следует всегда отречение от него, эпоха аскетизма».

Для Федорова социальная бедность, нищета, пауперизм — это следствие бедности природной, когда человек ощущает себя нищим с точки зрения продолжительности своей жизни. Поэтому осуществление федоровского проекта предполагает не только преодоление смерти, но и ликвидацию социального неравенства. Ведь всеобщее и полное спасение (в отличие от спасения немно-

гих избранных, полагаемого церковью) может наступить только в результате соединения всех людей в единой трудовой задаче. А соединившись в «общем деле», люди в совместном труде внутренне преобразятся, и небратские отношения между ними (войны, эксплуатация человека человеком и др.) станут невозможны.

Всеобщее, совместное трудовое действие должно привести к гигантским результатам. Мир будущего видится Федорову как «сияющее Царство Божие». Причем описание этого царства во многом напоминает фантастические произведения, многое кажется наивным, но оптимизм и вдохновение философа вряд ли кого-то оставят равнодушным. Грядущий мир у Федорова — это и «хоровод небесных светил», траектория движения которых изменяется по велению человека, это и «полнота жизни умственной, нравственной и художественной» в человеческом обществе, это и регуляция метеорологических явлений и т. д. Человек не может стать бессмертным (бесконечным), если тип его деятельности конечен. Значит, *полем человеческого действия станет вся Вселенная*. Бессознательные, слепые силы уступят место сознательной регуляции. *Человек выйдет в космос, освоит новые планеты*, не замыкаясь в пространстве «крошечной Земли».

Кроме таких «дальних», принципиальных предвидений в философии истории Федорова можно найти немало и более конкретных указаний на пути достижения «братства». Как правило, именно за эти, менее «масштабные» рецепты Федорова причисляли к реакционерам, не издавали на протяжении почти семидесяти лет советской истории, обходили стороной в курсах истории русской философии. Федоров — сторонник русского *самодержавия* и православный философ (несмотря на критику исторического христианства и расхождения с официальным богословием). «Для своего осуществления естественное дело, то есть воскрешение, требует двух объединений: объединения внешнего, которое может совершиться через самодержавие, и внутреннего — через православие, и это будет объединением всех разумных существ в деле познания неразумной силы... и управления ею...». В связи с таким пониманием самодержавия и православия Федоров не мог обойти стороной «*русскую идею*», о которой русские мыслители, писатели, публицисты спорят уже более двух веков.

Федоров видел в России задатки проекта воскрешения, которые являются условиями дальнейшего движения: *община* (при которой, по мнению философа, не может быть вражды между

отцами и детьми, в основе которой лежит круговая порука, а не мысль о личном только спасении); *земледельческий быт* (более «естественный», правильный, нравственный, чем городской образ жизни); *«служилое» государство* (в основу которого «положено самоотвержение, имеющее целью не благосостояние сочленов, а службу; ибо ему некогда было заботиться о благосостоянии, ему... приходилось спасать само существование государства: оно было поставлено в такое положение, что постоянно должно было жертвовать собою за весь мир, и особенно за Западную Европу»); *географическое положение России* (евразийское расположение, просторы, сформировавшие определенную национальную психологию); *процесс «собирания» земель* (в котором «прошла вся жизнь России», пусть «собирает» земли и дальше, пока не объединит все человечество), и др.

Все указанные задатки, по мнению русского мыслителя, говорят о том, что *Россия способна стать орудием движения к будущему единству человечества*. Федорова вряд ли можно упрекнуть в национализме. Он писал: «Особенности нашего характера доказывают лишь то, что и славянское племя не составляет исключения в среде народов, что и оно так же не похоже на другие народы, как евреи не были похожи на греков, а греки на римлян». А раз славяне не исключение, то они не могут быть освобождены «от обязанности потрудиться» для решения главного вопроса — вопроса воскрешения. Федоров видит особенность России и славянства в целом не в какой-то исключительности, избранности, превосходстве, а в том, что для России путь ее собственного возрождения во многом совпадает с путем объединения человечества и изменения его жизни. Культ индивидуализма, свойственный Западу, цивилизация «роскоши», созданная им, и пессимизм, «безличность» Востока находят в России некую «золотую середину», которой не чужды ни западные, ни восточные культурные влияния. В такой трактовке «русской идеи» явно видно влияние славянофилов — Хомякова, Киреевского, которые, даже проповедуя всемирное предназначение России, никогда не отрицали необходимости диалога культур, выступали против национального ограничения и обособленности.

Роль армии в проекте «общего дела»

Федоров справедливо отметил, что в наше время все изобретения и открытия рассматриваются, прежде всего, с точки зрения применения их в военном деле. «В настоящее время все слу-

жит войне, нет ни одного открытия, которым не занимались бы военные в видах применения его к войне, нет ни одного изобретения, которое не постарались бы обратить для военных целей». Эту страшную силу можно обратить на благо человечества, считал Федоров. Войско, в котором при всеобщей воинской повинности сходятся представители интеллигенции и народа, может стать великой «естествоиспытательной силой», организацией, которая могла бы исследовать с научной точки зрения возможности управления природными процессами, положить начало «общему делу».

При жизни Федорова впервые была использована артиллерия для борьбы с засухой: с помощью специальных снарядов был вызван дождь. Федоров с восторгом узнал об этом, считая, что его мечты сбываются, — орудия уничтожения людей ставятся им на службу, военная наука начинает служить всему человечеству.

Федоров видел причины войн не только в особенностях политики, но и во всей цивилизации и культуре, в том, что человек хочет жить только для себя. Поэтому его рецепты устранения войн из истории человечества носят *этический* характер: необходимо изменить мироощущение людей, выработать новую этику отношения к миру и людям. В этом смысле общее для всех «сыновнее» дело и есть путь к устранению зла, войны.

Федоровская утопия «общего дела» проникнута высоким гуманизмом и верой в человеческий разум, что и предопределило во многом популярность его идей. Несмотря на некоторую наивность построений русского космиста, у читателей «Философии общего дела», следящих за полетом мысли Федорова, до сих пор захватывает дух от дерзких проектов преобразования мира. Удивляет и современность многих идей русского мыслителя, их созвучие сегодняшним проблемам. Видимо, философия Федорова еще долгое время будет привлекать к себе пристальное внимание не только историков философии, но и тех людей, которые по складу характера и мышления склонны к построениям космических моделей изменения мира.

Вопросы и задания

1. Какое направление в русской мысли называется «космизмом»?
2. Какие типы отношения человека к миру выделил Н. Ф. Федоров?
3. Что такое проект «общего дела»? Как его обосновывает Федоров?

4. Как Федоров оценивал современное ему состояние общества?
5. Какова, по Федорову, роль России в «общем деле»?
6. В справочной литературе, Интернете найдите материалы о взглядах В. И. Вернадского и расскажите о разработанном им учении о ноосфере.

3.6.5. Философская система В. С. Соловьева

Действительные успехи внешней политики держатся внутренним прогрессом. Тот народ, как и тот человек, который внутренне не совершенствуется, не может совершать истинно славных дел: откуда бы они взялись?

В. Соловьев

Центральной для русской философской мысли является фигура **Владимира Сергеевича Соловьева** (1853—1900). Философский гений Соловьева — достояние не только национальное, но мирового масштаба. Влияние его идей на последующее развитие общественной мысли в России было колоссальным. Достаточно сказать, что русский религиозный ренессанс начала XX в. имел своим истоком философию Соловьева.

Мы не ставим целью дать полное изложение философской системы В. С. Соловьева. Наша задача — познакомить вас с наиболее характерными чертами мировоззрения философа, главными темами и мотивами его творчества.

Жизнь и духовная эволюция

Владимир Сергеевич Соловьев родился в семье крупнейшего русского историка, профессора Московского университета Сергея Михайловича Соловьева. Мать Соловьева, происходя из украинско-польского рода, имела своим предком замечательного мыслителя Григория Сковороду. Да и вся семья состояла из незаурядных личностей: один из братьев стал известным писателем, автором исторических романов, сестра — поэтессой.

В семье Соловьевых царил религиозная атмосфера (дед Владимира Сергеевича был священником в одном из московских приходо-в). Это во многом определило миросозерцание мыслителя. Правда, в молодости Соловьев пережил «период отрицания»

по отношению к религии, когда он стоял на позициях материализма и атеизма. Во многом под влиянием именно таких «отрицательных» настроений Соловьев, блестяще окончив одну из лучших московских гимназий, поступил на физико-математический факультет Московского университета. Однако в восемнадцатилетнем возрасте Соловьев отошел от своих увлечений естественными науками и позитивизмом. Внутренний перелом в убеждениях выразился в переходе с физико-математического на историко-филологический факультет университета. Разочарование молодого Соловьева в науке очень хорошо иллюстрирует его небольшое стихотворение 1872 г.:

Природа с красоты своей
 Покрова снять не позволяет,
 И ты машинами не вынудишь у ней,
 Чего твой дух не угадает.

Одновременно Соловьев в качестве вольнослушателя посещал лекции в Московской духовной академии. В это время сформировались основные идеи его философии; он защитил магистерскую диссертацию и был утвержден доцентом кафедры философии Московского университета, но вскоре уехал для научных занятий в Англию. В Лондоне Соловьев занимался изучением мистической философии, во многом определившей его собственное творчество. Во время работы в Британском музее произошло событие, повлиявшее на дальнейшую судьбу Соловьева, — повинуясь «таинственному зову», он уехал в Египет. В египетской пустыне ему явилось видение Софии — божественной мудрости, о которой писали еще первые христианские философы. Известное автобиографическое стихотворение Соловьева «Три свидания» как раз описывает три момента в его духовной жизни, когда философ ощущал мистическое общение с Софией, определивших его мировосприятие.

Вернувшись из Лондона, Соловьев вновь приступил к чтению лекций, но уже через полтора года из-за разногласий по поводу изменения университетского устава подал в отставку. С этого момента начался петербургский период жизни философа.

В Петербурге Соловьев читал публичные лекции, много преподавал, служил в Ученом комитете Министерства народного просвещения. Петербургские годы были очень богаты научными работами. Тогда же он защитил и докторскую диссертацию, а его

лекции о Богочеловечестве положили начало мощному идейному движению в среде русской интеллигенции, связанному с философским осмыслением богословских вопросов.

Педагогическая деятельность Соловьева не была долгой. В марте 1881 г. (после смерти царя от рук террористов) он произнес речь с призывом о прощении цареубийц и отказе от смертной казни, после чего был вынужден подать в отставку. Он целиком ушел в научную и литературную работу, навсегда оставив преподавание (о чем, впрочем, не жалел, так как чтение лекций почитал делом тягостным и мучительным, несмотря на то, что был вдохновенным лектором). В этот период Соловьев тяготел к публицистике, написал ряд статей по конкретным проблемам общественной и церковной жизни, занимался вопросами политики. Такой поворот от «высокой» теории к практике был во многом закономерен: Соловьев считал, что *философия как абстрактное учение себя исчерпала*, и его интерес к тому, как реализуются философские и христианские принципы в жизни, не был случайным.

В этот период произошло сближение религиозной позиции Соловьева с католической. Обличение философом православной церкви и признание позитивных черт в католичестве привели к разрыву его со славянофильскими кругами. Если ранее Соловьев сотрудничал в славянофильских журналах, то теперь его статьи стали появляться в западных изданиях. Один из первых биографов Соловьева, философ Э. Радлов, в этой связи отмечал: «Союз его с западниками был в сущности таким же неполным, каким ранее того союз со славянофилами; с первыми у Соловьева оказались общие враги, общие антипатии, с последними же общие симпатии». Но «в самом коренном пункте Соловьев всегда... сходилась со славянофилами; именно в том, что религиозной жизни и тот, и другие придавали первенствующее значение».

Католические и западные влияния проявились прежде всего в мечте Соловьева о Вселенской церкви. Он мечтал о *воссоединении всех христианских церквей* и считал, что легче всего объединиться будет православию и католицизму. Поэтому он вел переписку с католическими епископами и даже самим папой римским, надеясь на такой союз. Но увлечение католицизмом прошло у Соловьева довольно быстро, хотя до конца своей жизни он воспринимал христианство как целостное учение, которое несводимо к какой-либо одной его исторической форме.

После 1895 г. Соловьев полностью отдался созданию философских работ. Он написал главный труд своей жизни — «*Оправдание добра*», который посвятил памяти отца и деда. В нем Соловьев поставил основной вопрос любой философии — вопрос о смысле жизни и построил в этой связи свою собственную систему нравственной философии. Может быть, не менее значима и другая работа философа — «*Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории*» (1899), являющаяся своеобразным завещанием мыслителя.

Жизнь Соловьева была крайне неустроенной. Единственный надежный заработок давала работа в качестве редактора отдела философии в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, куда Соловьев написал не один десяток статей. Непрерывная и чрезвычайно напряженная умственная работа истощала его силы. Кроме того, Соловьев никому не мог отказать в беседе, во встрече, как бы ни был он занят или устал. В последние годы его здоровье пошатнулось, но умер он все-таки неожиданно для близких — видимо, вследствие крайнего истощения организма — в имении своего ученика и друга князя С. Трубецкого.

Философия Соловьева носила *системный характер*, что не является типичным для отечественной философской традиции. Это действительно была всеобъемлющая, органически связанная система, построенная Соловьевым с помощью метода *идеалистической диалектики*.

Принцип всеединства

Философия Соловьева — христианская. Но для исторического христианства всегда было характерно более или менее резкое противопоставление Бога и мира, Творца и творения. По всей видимости, такой разрыв между божественным и природным, между духом и плотью является главным внутренним противоречием христианского мировоззрения. Попытки разрешить это противоречие предпринимались неоднократно. Соловьев снял это противоречие, введя в систему *принцип всеединства как основополагающий*. Недаром философию Соловьева часто так и называют — *философией всеединства*. Вслед за ним идеи всеединства развивали и другие русские философы. Что же это такое, всеединство, в понимании Соловьева?

Философия Соловьева — это стремление «оправдать» и в какой-то мере возвысить мир, космос, человека. Бог-Творец, создавая мир, переходит сам в свое творение, делает его однокаче-

ственным себе. В конечном счете, мир — это определенная ступень бытия Бога, и в этом плане существует единство Творца и творения.

Исходной точкой вселенского процесса развития является Абсолют (философское понимание Бога). Абсолют — это и Все, и Ничто. «Ничто, поскольку оно не есть что-нибудь, и Все, поскольку оно не может быть лишено чего-нибудь», — писал Соловьев. В этом плане Абсолют у него — это такое всеединство, которое содержит в себе все возможности развития и становления. В нем различаются положительные и отрицательные потенции бытия. Борьба творчества и хаоса, светлого и темного начал коренится в самом фундаменте бытия, эти начала существуют в неразрывной связи. Эту мысль Соловьев пытался передать и в своих стихах:

Свет из тьмы. Над черной глыбой
Вознестися не могли бы
Лики роз твоих,
Если б в сумрачное лоно
Не впивался погруженный
Темный корень их.

Реальный мир — это результат отпадения от Абсолюта; действительное многообразие и множественность процессов, явлений имеет абсолютную (значит, всеединую) «подкладку». В этом пункте особенно ярко проявился *пантеистический* характер принципа всеединства.

Природа диалектически развивается, причем направленность этого развития *прогрессивная* (хотя, как уже отмечалось, Соловьев не всегда был так оптимистично настроен). Внутренней целью саморазвития мира является соединение с Богом и достижение реального всеединства. В этой связи Соловьев выделяет *пять ступеней эволюции мира*. Ступенями «повышения бытия» являются минеральное царство, растительное царство, животное царство, человеческое царство. Высшая ступень — цель развития — Божие царство. Между всеми этими царствами существует преемственность. Таким образом, человек и человечество у Соловьева — это необходимый момент всемирного божественного процесса.

У Соловьева налицо классическая диалектическая триада (как у Гегеля):

- *тезис*: Абсолют (положительное и полное всеединство);

- *антитезис*: отпадение мира как воплощение Абсолюта, все более полное в своем развитии;
- *синтез*: преодоление отчуждения в универсальном всеединстве, в слиянии творения и Творца.

Итак, основополагающим принципом бытия является для Соловьева *всеединство*. Оно возможно только при наличии идеального основания всего сущего. Позволим себе привести для иллюстрации этой мысли еще одно замечательное стихотворение Соловьева:

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искаженный
Горжествующих созвучий?

Милый друг, иль ты не чувствуешь,
Что одно на целом свете —
Только то, что сердце к сердцу
Говорит в немом привете?

Таким образом, мир имеет идеальную, абсолютную «подкладку», которую человек не замечает в своей обыденной жизни. Материальный мир, природа распадается на множество отдельных предметов, лишены связей. Никакого материального единства мира нет и быть не может, природный мир разделен на взаимоисключающие друг друга части. Природа «съедает свое прошедшее и сама съедается будущим». Она есть «постоянный переход от одного ничтожества к другому», ни одно ее состояние не обладает устойчивостью. Объединяет мир лишь его сопричастность идеальному началу, которое можно усмотреть «сквозь» все природные процессы и явления.

Интересно, что у Соловьева нигде нет указания на сотворение мира Богом в библейском смысле. Он пишет *о творении как длительном процессе объединения мира и преодоления хаоса*. Каково же место человека и человечества в этом процессе? Здесь необходимо остановиться на другой важнейшей идее Соловьева, которую Н. А. Бердяев оценил как гениальную, — идею богочеловечества.

Идея богочеловечества

Согласно концепции всеединства между Богом и миром нет непроходимой пропасти, они связаны и однородны по своей сущности. Природный мир «отпал» от Бога, распался на множество враждующих элементов, но в его развитии постепенно преодолеваются обособленность и рознь. Особый этап этого процесса связан с появлением человечества. Каждый человек, с одной стороны, *нравственно однороден Богу*, а с другой — *принадлежит природному миру*. Такая коренная *двойственность* обуславливает и *назначение человека: человек и человечество являются связующим звеном мира земного и небесного, в нем должно произойти действительное соединение Бога с творением*.

Такое соединение, согласно христианству, уже было в истории в лице Богочеловека Иисуса Христа, имевшего двойственную природу: божественную и человеческую. Появление Богочеловека не было случайным: *Бог сделался человеком, чтобы человек мог стать Богом*. Причем совпадение божественного и человеческого должно состояться в масштабах всего человечества. «Нужно, чтобы каждый из нас стал Богом по благодати», — писал Соловьев. Когда соединение божественного и человеческого уже не будет уделом отдельных людей — святых, тогда наступит высшая ступень эволюции мира, Божье царство на земле и возникнет новая общность — *богочеловечество*.

Такое утверждение означало удивительное возвышение человека. Гуманистический пафос Соловьева достигал высшей точки, когда он убеждал своих читателей, что Бог нуждается в человеке для реализации своих планов, без человека не может завершиться творение мира. «Человек дорог Богу не как страдательное орудие Его воли — таких орудий довольно и в мире физическом, — а как добровольный союзник и соучастник Его всемирного дела. Это соучастие человеческое непременно входит в самую цель Божьего действия в мире, ибо если бы эта цель мыслима была без действительности человека, то она была бы уже от века достигнута.» «Бог есть любовь», — эта христианская формула получила у Соловьева новое звучание: если Бог любит человека, то, значит, он достоин любви! «...Благочестие запрещает нам презирать в себе и других то, что уважено самим Богом, из-за чего Он помнит и посещает нас, — внутренне неоценимое и незаменимое достоинство человека в его разуме и совести.»

Но раз существует союз («завет») между Богом и человеком в деле творения мира, то отсюда логически вытекает *требование*

жизненной активности личности. Соловьев отвергал пассивно-созерцательную позицию: нравственное совершенствование невозможно при самоустранении человека от реальной жизни. Таким образом, *дело личного спасения человека продолжает творение*, а не противопоставляется ему, как это имело место в средневековой христианской традиции.

Становление богочеловечества — процесс длительный. «Исторический процесс есть долгий и трудный *переход от зверочеловечества к богочеловечеству*, и кто станет серьезно утверждать, что последний шаг уже сделан, что образ и подобие зверя внутренне упразднены в человечестве и заменены образом и подобием Божиим, что никакой исторической задачи, требующей организованного действия общественных групп, больше нет?...» Царство Божие не устанавливается автоматически, само собой, поэтому философ призывал к социальной активности: «...*принимай возможно полное участие в деле своего и общего совершенствования ради окончательного откровения Царства Божия в мире*».

Что же это за совершенствование? Соловьев представляет три главных момента: «1) внутреннее *саморазличение* духа от плоти; 2) реальное отстаивание духом своей *независимости* и 3) достигнутое *преобладание* духа над природой, или упразднение дурного плотского начала». Выполнение нравственного требования подчинения плоти духу является, по Соловьеву, условием достижения богочеловечества.

Интересно, что Соловьев (видимо, во многом под влиянием славянофильского принципа «соборности») выступил против индивидуализма. Замкнутого бытия личности нет и быть не может, каждый индивид — это лишь часть человечества как целого, как единства, как некоего собирательного организма. Этот всечеловеческий организм имеет характеристики всеединой личности: «Отдельное лицо есть только *индивидуализация всеединства*... Надо, чтобы мы относились к социальной и всемирной среде как к действительному существу». Таким образом, Соловьев рассматривает человечество как цельный, единый организм, обладающий в своей совокупности личностными характеристиками (недаром он именуется им «всеединой личностью»). Наиболее полное развитие такой всечеловеческий организм получит на стадии богочеловечества.

Знакомясь с учением Соловьева о богочеловечестве, нельзя не отметить его созвучности с философией «общего дела» Федорова, где также имеет место принцип соборности, всеобщности,

братства. И Соловьев, и Федоров исходили из того, что появление Богочеловека Иисуса Христа — это поставленная Богом перед людьми задача совершенствования. Такое совершенствование не может быть делом только личным, это дело «соборное», общее — дело семьи, народа, всего человечества.

Но Соловьев поставил вопрос и о воплощении всеединства на личностном уровне. Человек изначально (в своей идеальной «матрице») был един, лишь затем произошло разделение, дробление человечества на множество враждебных друг другу особей. Особенно ярко это проявилось в половом делении. Соловьев (опять-таки во многом под влиянием Федорова, что сказалось даже в терминологии) строит целую теорию преодоления такого разделения — своеобразную и очень красивую *эротическую утопию*. В своей работе «Смысл любви» он высказал мысль, что любовь (даже в своих зачаточных формах), не устраняя, не стирая индивидуальности человека, восполняет его односторонность, помогает ощутить себя целостным, вырабатывает духовную энергию, которая преобразует и очеловечивает окружающий мир. С точки зрения Соловьева, смысл любви совпадает со смыслом истории — достижение действительного всеединства в богочеловечестве.

Учение о любви помогает понять характер отношения Соловьева к физической, телесной природе человека. *Соловьев одухотворял плоть*. Тело для него — храм духа, но оно может быть и источником животной, плотской жизни: «Тело человеческое... не имеет самостоятельного нравственного значения, а может служить выражением и орудием как для плоти, так и для духа». У Соловьева получила свое развитие идея «святой телесности», не боящейся оскверниться материей. Тело должно быть подчинено духу, особое значение это имеет для любви, которая играет огромную роль в становлении богочеловечества. «Если неизбежно... присущая любви идеализация показывает нам сквозь эмпирическую видимость... идеальный образ любимого предмета, то... не затем, чтобы мы им только любовались, а затем, чтобы мы... преобразовали по этому истинному образцу не соответствующую ему действительность, воплотили его в реальном явлении». Из приведенной цитаты очевидно отношение Соловьева к любви как к творческой силе, приближающей человечество к объединению, к признанию за каждым человеком безусловного значения, к созданию богочеловечества.

Учение о Софии

Следующий момент философской системы Соловьева — учение о Софии. Идея Софии вдохновляла и художественную интеллигенцию рубежа веков: ее образ играл заметную роль в творчестве символистов: А. Блока, А. Белого, Д. Мережковского, К. Бальмонта, М. Волошина, Вяч. Иванова и других. Стихи Блока о Прекрасной Даме — не только и не столько любовная лирика, сколько описание явления Софии. Вообще, тема Софии очень важна для понимания русской религиозной философии, хотя и не является отечественным «изобретением». Эта тема была разработана еще стоиками и неоплатониками, но второе ее рождение на российской православной почве во многом связано с именем В. С. Соловьева.

Что же такое *София*? В переводе с древнегреческого «софия» означает «мудрость». Мы уже отмечали *пантеистичность* философии всеединства, когда мир рассматривается как «другое» Бога. Тем не менее, несмотря на однородность, мир и Бог не одно и то же. Значит, должна существовать грань между миром и Богом, которая, с одной стороны, разделяет духовное и материальное, а с другой — выступает как их связующее звено. В конечном счете София — это премудрость Божия, четвертая ипостась Бога, дополняющая святую Троицу, еще одно лицо Бога. И хотя сам Соловьев пытался избежать такого ее истолкования, именно за идею Софии и упрекали его в ереси.

София — это то, чем Творец открывается миру, то, чем он обращен к своему творению. «Причиной и принципом» материального мира является именно София. Это своеобразная идеальная «матрица» мира, та идея, которая дала жизнь всему бытию. Здесь видна совершенно явная параллель с теорией идей Платона, согласно которой существует мир неизменных идей, воплощающихся в косной и инертной материи. В результате такого воплощения и образуются конкретные реальные предметы. Так и София — своеобразный первичный образ, архетип, модель, идеальный шаблон для мира, который сам не изнашивается и не умалется. Если по отношению к Богу София является пассивным началом, то по отношению к миру это начало *активное* («художница», «мироустроительница», «зизждительница», — называл ее Соловьев). В этом своем качестве *София выступает как сила, по законам божественного мастерства строящая мир*. София общает материи меру, красоту и строй.

У Соловьева София близка понятию мировой души, это «светлые» силы мира, борющиеся с «темными», демоническими началами. София — это та «искорка Божья», активное творческое начало, которое объединяет мир и присутствует в каждом человеке. Софийное начало развивается у человека в процессе творчества, основанного на живой вере. Это та сила, которая обуславливает потенциальную возможность создания богочеловечества. София является и конкретизацией концепции всеединства: именно *София объединяет мир*, выступая тем общим, что его связывает.

София всегда понималась как *женское, творческое начало мира*, дающее жизнь новому. София — это то, из чего все рождается, она содержит в себе потенциально весь мир. Поэтому понимание Софии связано с материнством, женственностью. Этим объясняется то, что в христианской традиции образ Софии нередко сближался, порой сливаясь, с образом Богородицы. Одновременно это и символ мудрости. Сам Соловьев определял ее как «любовь любви», «вечную женственность», «всеединую сущность», «мастерицу».

Идея Софии универсальна в системе Соловьева. Она проявляется во всех сферах бытия — в божественной, космической, экономической, культурной и др. Это своеобразное семя (идея) всех явлений и вещей, та творческая сила, которая и составляет сущность исторического процесса. София — это активная «инстанция» между Богом и миром, причина его развития и изменения, поэтому описать ее можно, только пользуясь категориями и законами диалектики.

Христианская утопия

Соловьев исходил из положения, что материальные интересы всегда разъединяют людей, ведут к вражде. Единство возможно только на духовной основе. Союзом людей, объединенных общими идеалами и принципами, является церковь (Соловьев здесь брал за основу понимание славянофилами, в частности Хомяковым, церкви как духовного союза, причем и славянофилы, и Соловьев отдавали себе отчет в том, что в реальной истории церкви это не всегда было так). Соловьев *всю историю человечества рассматривал как историю становления Вселенской Церкви, объединяющей людей в богочеловечество*. Таким образом, налицо христианская утопия, имеющая много общего с теорией достижения братского состояния общества у Федорова.

Исторический процесс есть продолжение процессов природных, человеческое царство — результат постепенной и длительной эволюции природного мира. Но как развитие природы приводит к рождению «человека натурального», физического, точно так же исторический процесс подготавливает рождение «человека духовного». Поэтому история имеет определенную направленность: история ведет к торжеству добра, то есть к «воплощению божественной идеи» в мире. Таким воплощением является объединение всего человечества в единый духовный союз — *Вселенскую Церковь* («Государство должно быть подчинено церкви Христа»). Причем если Ф. М. Достоевский, говоря о Вселенской Церкви, имеет в виду не реальное объединение, а веру, живущую в сердце народа, то Соловьев ведет речь о церкви не только «внутренней», но и «внешней», реальной.

Будущая Вселенская Церковь преодолевает деление на различные конфессии; отсюда и интерес Соловьева к католицизму, к слиянию западной и восточной церкви. Переписываясь с католическими священниками, встречаясь с высокими иерархами Римской церкви, он пытался приблизить долгожданное единство во христианского мира. Но зерно будущей церкви философ видел именно в православии, считая, что именно православная Россия сможет выполнить историческую миссию объединения человечества.

В данном пункте особенно заметна близость философии истории Соловьева концепции славянофилов. Но так же, как и ранние славянофилы, он далек от национализма. Христос искупает своей жертвой грехи всего человечества, независимо от национальной принадлежности. Роль русского народа, по Соловьеву, обусловлена его способностью к самоотречению для объединения Востока и Запада. *Понимание «русской идеи» Соловьевым носит не национальный, а христианский характер.* В своем известном стихотворении он задает вопрос, который и сегодня стоит перед Россией:

О Русь! В Предвиденьи высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким ты хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа?

От ответа на этот вопрос зависит и путь, по которому пойдет страна: путь устрашения соседей, завоеваний или путь взаимопомощи, братства.

Соловьев выходил за рамки традиционного спора западников и славянофилов, провозглашая, что новое «слово», которое Россия несет миру, «это слово примирения для Востока и Запада в союзе вечной истины Божией и свободы человеческой». Задача России — нравственно послужить человечеству, и в этом историческом призвании нет и не может быть места «зоологическому патриотизму» и национальному эгоизму. Более того, в 80-е гг. философ приходит к убеждению, что *национализм вступает в противоречие с «русской идеей»*: «Истина может быть только вселенской, и от народа требуется подвиг служения этой вселенской истине, хотя бы, и даже *непрерывно*, с пожертвованием своего национального эгоизма... Народ должен положить душу свою, если хочет спасти ее».

Соловьев выделял три основные формы «общественного союза» (своего рода «идеальные типы» общества, в чистом виде в истории не встречавшиеся). Люди должны жить, а для этого необходимо материальное производство, являющееся условием их существования. Эту первую ступень Соловьев называл «*экономическим обществом*». Но плоды труда, чтобы обеспечивать удовлетворение потребностей, должны распределяться справедливо, по закону. Его устанавливает «*политическое общество*». И только третья ступень — *духовное общество* — есть настоящая цель, т. к. имеет «своей прямой задачей благо человека». «Идеал современного социализма является обществом экономическим, в котором не только вопросы духовной жизни, но даже вопросы формального права отходят на второй план». Во многих своих критических замечаниях Соловьев оказался прав по отношению к практике воплощения социалистических идей.

Очевидно, что, по мнению философа, лишь третья ступень может обеспечить развитие человеческой личности, причем проводником этой высшей фазы общественного развития будет Россия. «Третья сила, долженствующая дать человеческому развитию его безусловное содержание, может быть только откровением... божественного мира, и те люди, тот народ, через который эта сила имеет проявиться, должен быть только посредником между человечеством и сверхчеловеческой действительностью, свободным, сознательным орудием этой последней. Такой народ не должен иметь никакой специальной ограниченной задачи, он не призван работать над формами и элементами человеческого существования, а только сообщить живую душу, дать средоточие и целостность разорванному и омертвелому человечеству через со-

единение его с всецелым божественным началом. Такой народ не нуждается ни в каких особенных преимуществах, ни в каких специальных силах и внешних дарованиях, ибо он действует не от себя... От народа... требуется только свобода от всякой исключительности и односторонности, возвышение над узкими... интересами...». По мнению Соловьева, эти черты присущи славянскому характеру, в особенности национальному характеру русского народа.

Россия, не являясь ни Востоком, ни Западом, включает в себя и восточные, и западные элементы, поэтому она может стать той духовной силою, которая объединит человечество. Способствует этому и православие, которое еще Чаадаев характеризовал как «духовную» форму христианства (в отличие от «политического» католичества). Именно на почве православия и произойдет объединение христианских церквей в единую Вселенскую церковь, считал Соловьев. Церковь как таковая не будет вмешиваться в экономические, государственные дела, но она даст высшую цель их деятельности.

Неуничтожимость зла

В последние годы жизни Соловьев, по сути, отошел от своего утопического идеала, перестал верить в его осуществимость. Эсхатологические размышления (напомним, что *эсхатология* — это учение о конце света, свойственное большинству религий) Соловьева стали основной темой одной из его лучших работ «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории». Философ рассуждал в ней о природе зла: есть ли зло лишь недостаток добра, несовершенство мира, которое можно преодолеть, «переделать» в добро, или зло есть действительная сила, такое же вечное субстанциональное начало мира, как добро? Особенно ярко эта тема раскрывается мыслителем в «Краткой повести об антихристе», включенной Соловьевым в эту работу.

Здесь Соловьев и оптимист, и пессимист одновременно, предрекая в «Трех разговорах» воцарение антихриста в мире, — он пессимист, считающий, что зло не может быть побеждено добром в *этом* мире. Зло так же необходимо в мироздании, как и светлые, добрые, софийные силы, просто исчезнуть оно не может. «Зло действительно существует, и оно выражается не в одном отсутствии добра, а в положительном сопротивлении и перевесе низших качеств над высшими во всех областях бытия, — говорит Соловьев устами одного из персонажей, г-на Z, на точке

зрения которого стоит и сам философ, на что он специально указывает в предисловии. — Есть зло индивидуальное — оно выражается в том, что низшая сторона человека, скотские и зверские страсти противятся лучшим стремлениям души и *осиливают их* в огромном большинстве случаев. Есть зло общественное — оно в том, что людская толпа, индивидуально поработанная злу, противится спасительным усилиям немногих лучших людей и одолевает их; есть, наконец, зло физическое в человеке — в том, что низшие материальные элементы его тела сопротивляются живой и светлой силе, связывающей их в прекрасную форму организма, сопротивляются и расторгают эту форму, уничтожая реальную подкладку всего высшего. Это есть *крайнее зло*, называемое смертью».

Но Соловьев-оптимист вдохновенно описывает крушение царства антихриста. Недаром он утверждает устами одного из своих персонажей, что уныние — это страшный грех. Он уверен, что исторический путь человечества, несмотря на все трагедии, несчастья и неосуществленные мечтания, не может быть бессмысленным. Он осмыслен уже хотя бы потому, что «всемирная история есть всемирный суд Божий». Даже если мечта о «земном рае», о внешнем историческом осуществлении христианского идеала не более, чем обманчивый мираж (в том, что это именно так, философ в то время был уже твердо убежден), впереди, за историческим горизонтом, после конца этого света, человечество ждет подлинно светлое будущее — «новая земля» и «новое небо», как написано в Библии, и прийти к этому будущему необходимо не с пустыми руками, а делая все для успеха общего дела.

Именно поэтому Соловьев был страстным противником толстовского учения о непротивлении злу силою, считая, что человек должен противиться злу всю свою жизнь, выбирая те методы борьбы со злом, которые реально могут быть успешными в той или иной ситуации. Недаром одним из персонажей «Трех разговоров» является заслуженный генерал, симпатии к которому Соловьев не скрывает. Эмоциональный рассказ генерала о сражении с турками, зверски вырезавшими одно армянское селение и направлявшимися в соседнее, когда генерал смог остановить их лишь при помощи картечи и казацких сабель, — превосходная иллюстрация мысли Соловьева о необходимости применения силы для противодействия злу.

«Краткая повесть об антихристе» — изображение финальных событий мировой истории. Что эти события уже не за гора-

ми, Соловьев был глубоко убежден. Его не могли разубедить в этом ссылаясь на прогресс в различных областях жизни. Более того, он прямо утверждал, что прогресс как раз и является «симптомом конца». «...Еще много будет болтовни и суетни на сцене, но драма-то уже давно написана вся до конца, и ни зрителям, ни актерам ничего в ней переменять не позволено», — на такой ноте завершается пророчество Соловьева. Какие же события предвидит мыслитель в одной из своих последних работ?

Описание эпилога человеческой истории Соловьев начинает с темы, звучавшей и ранее в его работах, — темы панмонголизма. Характерен эпиграф к «Краткой повести...» из его стихотворения 1894 г.:

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно,
Как бы предвестием великой
Судьбины Божией полно...

Нашествие на Европу объединившихся азиатских народов было для философа символом того, что исторические дела человечества в основном уже исчерпаны, цикл завершается, приближается «конец времен». Будущее противостояние Востока и Запада воспринималось Соловьевым как противостояние христианства с одной стороны, ислама и буддизма — с другой.

По-новому звучит прежняя тема Соловьева о всехристианском братстве и необходимости объединения всех христиан. Здесь уже нет места вере в реальную возможность создания Вселенской Церкви. Соловьев рисует картину поражения разобщенной Европы, начинающей понимать необходимость союза именно в течение полувекового азиатского господства. В результате новое «монгольское иго» терпит крушение, и Европа становится союзом более или менее демократических государств — Европейскими Соединенными Штатами. Именно в этой обстановке и выходит на историческую сцену антихрист, который довольно успешно начинает играть роль благодетеля человечества. Его описание в работе Соловьева выдержано вполне в духе христианской традиции. Человечество в массе своей примет антихриста (исполнится предсказание Христа), он станет пожизненным президентом Европейских Соединенных Штатов, а затем и новым римским императором. Более того, он даст человечеству мир, благоденствие, запретит вивисекцию, установит «равенство

всеобщей сытости». Дав людям «хлеба», антихрист не забудет и о «зрелищах»: его правая рука, маг и чудодей Аполлоний будет развлекать народ чудесами, «сводит огонь с небес» (явное обращение к преданию), поражать воображение разными диковинами. Но, решив политический и социальный вопросы, антихрист захочет решить и вопрос религиозный, который, несомненно, является главным для Соловьева. Любой материальный прогресс, комфорт, сытость не могут быть окончательной целью происходящего, они могут быть лишь средством достижения неких высших духовных задач. В противном же случае, дав человеку комфорт и сытость, у него отнимут душу. Поэтому так важно для нового императора освятить свою абсолютную политическую власть духовным авторитетом. Для этого он решает заручиться поддержкой христиан всего мира и почти преуспеет в этом, но трое старцев, пользующихся бесспорным уважением среди православных, католиков и протестантов откроют миру его злую сущность.

Показательно, что, по мысли мечтавшего долгое время об объединении церквей Соловьева, забыть свои конфессиональные разногласия христиане смогут лишь перед лицом Страшного Суда, не по эту, а по ту сторону истории. Конечно, это является своеобразным признанием неосуществимости того идеала, который воодушевлял его много лет. Но, с другой стороны, это не похоже и на позицию исторического «уныния»: ведь завершением исторической драмы станет крушение антихриста, второе пришествие Христа на землю и его воцарение на тысячу лет. Таким образом, отрицая в конце своей жизни какой-либо нравственный прогресс и возможность уничтожения зла в реальной человеческой истории, Соловьев, тем не менее, не сомневался в окончательном торжестве добра хотя бы и за пределами мирового исторического процесса.

«Трудна работа Господня», — последние слова Соловьева перед смертью. Но всю свою жизнь он верил в успех Божьего дела и необходимость служения ему.

Вопросы и задания

1. Почему философию В. С. Соловьева называют «философией всеединства»? Каково содержание принципа всеединства?
2. Расскажите, в чем была суть учения Соловьева о богочеловечестве.

3. Какие три типа общественного устройства выделял Соловьев? Как, по его мнению, будет выглядеть «духовное» общество?
4. Как Соловьев понимал «русскую идею»?
5. Почему в конце жизни Соловьев разочаровался в возможности построить идеальное общество на земле? Можно ли, с его точки зрения, уничтожить зло?
6. Почему взгляды Соловьева можно назвать эсхатологическими?

3.6.6. Русский религиозный ренессанс начала XX столетия

Я... ищу «смысла», но мне нужно не только понять «смысл», мне нужно и реализовать его в полноте жизни. Современный же мир ищет «благ» жизни, силы жизни, но не ищет «смысла».

Н. А. Бердяев

Россия первой половины XX в. дала человечеству много ярких философских имен: Н. А. Бердяев и Л. И. Шестов, В. В. Розанов и Д. С. Мережковский, С. Н. Булгаков и П. А. Флоренский, Г. П. Федотов и В. В. Зеньковский, Ф. А. Степун¹ и Г. Г. Шпет. Список можно продолжить, но очевидно, что время, привычно называемое *Серебряным веком* русской культуры, для русской философии точнее было бы назвать золотым. Начало века в России было временем подъема духовной культуры, поисков новой философии, обостренных религиозных и мистических исканий. «Никогда еще русская культура не достигала такой утонченности, как в то время», — вспоминал позднее выдающийся русский мыслитель Н. А. Бердяев. Причем практически все философские искания начала века упирались в религиозную проблематику. Можно говорить о некотором совпадении культурного подъема начала века и периода религиозного прозрения части русской интеллигенции, поэтому то время часто называют *русским религиозным ренессансом*.

1901 год. Знаменитые *Религиозно-философские собрания*, инициаторами которых была чета Мережковских (Дмитрий Сергеевич Мережковский — известный писатель, поэт-символист, философ, и его жена, замечательная поэтесса Зинаида Николаевна Гиппиус), стали местом встречи светской интеллигенции и духо-

венства. Тема — роль христианства в обществе, задачи христианства, религия и культура, возможность дальнейшей эволюции христианства и т. п. По афористичному определению самого Мережковского, речь шла о «единстве двух бездн» — «бездны духа» и «бездны плоти». Причем подобный синтез подразумевался не только в рамках единичного, индивидуального человеческого бытия. Отталкиваясь от философии всеединства В. С. Соловьева, участники собраний предельно широко трактовали противопоставление духа и плоти. Дух — Церковь, плоть — общество; дух — культура, плоть — народ; дух — религия, плоть — земная жизнь; такие «пары» легко множить и дальше. В конечном счете активные участники собраний пытались осуществить *модернизацию христианства*, снять грань между «духом» и «плотью» в самых разных их проявлениях, включить религиозные идеи в реальную жизнь современного им общества, объединить религию и культуру. Недаром представители этого течения называли свое движение «*новым религиозным сознанием*».

Религиозно-философские собрания нащупали «слабое место» исторического христианства: его пренебрежение земной, плотской жизнью человека. Мережковский даже называл христианство «религией смерти» за проповедуемый тезис о необходимости умерщвления плоти. Получалось, что мир-космос, мир-общество, человек, сотворенный во плоти, со всей своей повседневной жизнью не входили в область церковного христианства; между духом и плотью образовывалась непреодолимая пропасть, мир воспринимался как безвозвратно падший, противостоящий духу. Мыслителей «нового религиозного сознания» это не устраивало: *плоть так же священна, как и дух*. Пути для «освящения плоти» предлагались самые различные, вплоть до введения нового церковного таинства первой брачной ночи. Разумеется, вскоре (в 1903 г.) собрания прекратились по настоянию церковной цензуры, для которой подобные идеи были абсолютно неприемлемы. Но мысль о необходимости «обновления» христианства обрела многих сторонников среди светской интеллигенции.

Именно с этих собраний и началось движение интеллигенции, которое позднее получило название русского религиозного ренессанса. Это движение затрагивало не только философов, но и художественную интеллигенцию, среди его активных деятелей были композиторы, поэты, писатели, художники, музыканты. В российских городах — Москве, Петербурге, Киеве, Ялте и др. — были созданы религиозно-философские общества (многие

из них носили имя В. С. Соловьева). Издавались книги и журналы, устраивались публичные лекции и обсуждения, на которых происходили дискуссии по самым разным вопросам и проблемам — от оккультизма до поэзии, от древнегреческих мистерий до роли православия в общественной жизни.

Если на первом этапе развития движения «нового религиозного сознания» явным теоретическим лидером течения выступал **Дмитрий Сергеевич Мережковский** (1865—1941), то затем одной из самых заметных фигур стал **Николай Александрович Бердяев** (1874—1948). Октябрьская революция 1917 г. и социальные потрясения, которые за ней последовали, изменили духовную атмосферу российского общества. Но, несмотря на то, что революция, гражданская война и установление тоталитарного коммунистического режима прервали свободное развитие философской мысли, она, разумеется, не погибла: ее воздействие на последующее развитие русской культуры было колоссально. Не исчерпано оно и до сего дня.

Традиции Серебряного века русской культуры, религиозной и идеалистической философии были продолжены, прежде всего, вне пределов СССР — *русским зарубежьем*. Исход из России огромного числа людей (по некоторым данным — от двух до трех миллионов) после Октябрьской революции стал уникальным явлением в европейской культурной истории. Оказавшись за рубежом, эмигранты по-прежнему считали себя людьми русской культуры. Первоначально их ассимиляции препятствовало твердое убеждение, что их отъезд — явление временное, что вскоре они смогут вернуться на родину. Отсюда стремление сохранить язык, обычаи, дать русское воспитание детям. Позднее, когда эти надежды стали угасать после очевидного поражения белого движения в 1922 г., эмиграцию поддерживало осознание своей особой задачи, особой духовной миссии — сохранить и развить русскую культуру, не дать прерваться традиции, сделать то, что не могло быть сделано в условиях тоталитарной советской России. Был создан особый мир русской эмиграции — *Зарубежная Россия*. Образовалось как бы два потока русской культуры: внутри страны и за ее пределами, причем с точки зрения вклада в философию, именно зарубежье оказалось более продуктивным.

Почти все оригинальные русские философы первой половины XX в. оказались за границей: в советской России места свободному философствованию не было, любой отход от принятой

интерпретации марксизма карался не только запретом на публикации и чтение лекций, но подчас и физическим уничтожением. Такое положение дел способствовало тому, что в эмиграции оказались мыслители, составившие славу отечественной философской традиции, в том числе и Бердяев. Масштаб той трагедии, которую пережила русская культура, ущерб, нанесенный ей, невозможно оценить, особенно если иметь в виду, что оставшиеся в стране были, по сути, обречены на молчание, — любые проявления разномыслия карались.

Русские мыслители на Западе были услышаны не сразу. Отечественная философия «больной совести» имела там не много поклонников. Из всей блестящей плеяды философов Зарубежной России лишь Бердяев уже при жизни приобрел мировую славу. Другой известный мыслитель, **Лев Исаакович Шестов** (1866—1938), который был не менее оригинальным и глубоким философом, чем Бердяев, хотя и не столь известным, писал в 1938 г.: «Бердяев является несомненно первым из русских мыслителей, умевших заставить себя слушать не только у себя на Родине, но и в Европе. Его сочинения переведены на многие языки и везде встречали к себе самое сочувственное, даже восторженное отношение. И Вл. Соловьев переведен на многие языки... но его гораздо меньше знают, чем Н. Бердяева... Можно сказать, что в лице Н. Бердяева русская философская мысль впервые предстала перед судом Европы... или, пожалуй, даже всего мира». Поэтому свой разговор о русском религиозном ренессансе мы и решили посвятить рассмотрению философии Бердяева.

Бердяев был представителем философии *экзистенциализма*, все произведения философа — его личный духовный опыт, переложенный на бумагу. Поэтому рассказать о его философских взглядах возможно, лишь учитывая биографическую канву его жизни.

От марксизма к идеализму

Бердяев родился в Киеве, в дворянской семье с долгими военными традициями. Родители мечтали увидеть и Николая в военном мундире. Он был зачислен в пажи с самого детства, затем учился в Киевском и Владимирском кадетских корпусах. Казарменная жизнь с жесткой дисциплиной была непростым испытанием для юноши, уже в 14-летнем возрасте читавшем книги Канта и Гегеля. Тем не менее, Бердяев провел в кадетском кор-

пусе в общей сложности около шести лет, но в конце концов смог убедить родных, что военная стезя — не для него. В 1894 г. Бердяев поступил в Киевский университет имени св. Владимира первоначально — на естественный факультет, а через год перешел на юридический.

Именно тогда у молодого Бердяева появилось увлечение книгами Карла Маркса. *Обращению к марксизму* способствовало не покидавшее Бердяева чувство, что мир и общество основаны на зле и несправедливости. Через увлечение марксизмом прошли многие известные представители религиозной мысли того времени. Их остроумно окрестили «кающимися марксистами». К таким «кающимся марксистам» принадлежал и Бердяев. Преклонение перед Марксом-мыслителем, в гениальности которого он не усомнился и в конце своей жизни, привело к вполне практическим последствиям, — Бердяев стал марксистом не только в теории, но и на практике: он вступил в революционный студенческий кружок и Киевский Союз борьбы за освобождение рабочего класса. Это было своеобразным разрывом Бердяева с привычной окружающей средой, аристократическим окружением, проявлением его бунта против несвободы внешнего мира. Это событие своей жизни мыслитель оценил так: «...выход из мира аристократического в мир революционный — основной факт моей биографии, не только внешней, но и внутренней». Марксизм отчасти соответствовал нравственным исканиям молодого Бердяева. «Хлеб для меня — материальный вопрос, хлеб для другого — духовный вопрос», — известный бердяевский афоризм хорошо объясняет его увлечение революционными идеями. Он остро ощущал несправедливость и ложь истории.

В 1897 г. Бердяев был арестован за участие в демонстрации, через год — во второй раз, за «организацию беспорядков»; провёл месяц в тюрьме, откуда его «выхлопотали» родственники. Разбирательство дела тянулось почти два года, а после суда Бердяев был сослан в Вологодскую губернию. Его университетское образование оборвалось навсегда: будущий профессор Московского университета, доктор теологии *No poŋis causa* (почетный) Кембриджского университета, мыслитель с прижизненной мировой славой не имел... обычного университетского диплома.

В Вологодской губернии одновременно с Бердяевым отбывали ссылку известный теоретик марксизма А. Богданов, будущий советский Нарком просвещения и теоретик искусства А. Луначарский, писатель и известный эсер-террорист Б. Савинков,

именно в ссылке решивший посвятить себя литературе А. Ремизов и другие. Жизнь в Вологде была полна столь характерных для России бесконечных интеллигентских споров, в том числе философских. Для Бердяева этот период стал, прежде всего, периодом философских исканий. Для его внутренней жизни было характерно усиление интереса к тем вопросам, которые не вмещались в марксизм, не входили в круг его проблем. Представители ссыльной «демократии» уже тогда «классифицировали» Бердяева как идеалиста, хотя окончательно с марксизмом он порвал позже. Сначала Бердяев предпринял попытку реформирования марксизма. Это была попытка соединения марксистской критики общества («негативной правды») с идеализмом в философии; не удовлетворившись противоречивыми результатами такой попытки, Бердяев вообще отошел от марксистского учения. Он критиковал марксизм в кантовском духе: добро, истина, красота не зависят ни от каких социальных условий, они внеклассовы, априорны, не определяются практикой, а являются достоянием человеческого сознания.

В последний ссыльный год на Бердяева оказало значительное влияние общение с **Сергеем Николаевичем Булгаковым** (1871—1944), другим выдающимся представителем русского религиозного ренессанса, тоже «кающимся марксистом». Путь Булгакова к марксизму был иным, чем у Бердяева: он родился в семье священника, окончил духовное училище, поступил в семинарию. Но через три года Булгаков резко поменял свою судьбу: увлекшись революционными идеями, оставил семинарию и поступил на юридический факультет Московского университета. Булгаков активно сотрудничал в марксистской печати, был лично знаком с Г. В. Плехановым, занимался политэкономией марксизма. Тем не менее, достаточно быстро он почувствовал слабости марксизма, познакомился с работами В. С. Соловьева. Сказалось и религиозное семейное воспитание: поиски истины у Булгакова все более и более смещались в сторону «христианского социализма», религиозного понимания общественной жизни, христианского мирозерцания. Уже тридцатилетним зрелым человеком Булгаков вернулся к христианству, стал выдающимся религиозным философом. Для Бердяева, в детстве и юности которого практически полностью отсутствовала православная религиозная среда, знакомство с Булгаковым послужило толчком, направившим его искания в определенном направлении.

Бердяев тоже отошел от марксизма и вступил на путь построения религиозной философии. Он сблизился с Мережковскими, начал активно участвовать в работе Религиозно-философских обществ — киевского, московского и петербургского. Свообразным завершением поисков собственной философской позиции стал выход нескольких его книг, говоривших о появлении нового оригинального религиозного мыслителя в России.

Философия свободы

Одной из центральных категорий философии Бердяева стало понятие **свободы**. По его мнению, *свобода — вечна, изначально, она существовала вне Бога, Бог — лишь одна из сторон этой всеобъемлющей свободы*. Так как свобода не создается Богом, то Бог-Творец не может отвечать за свободу, породившую зло. Религиозность Бердяева была трагичной, он чрезвычайно остро ощущал присутствие зла в мире. Отсюда — попытка понять причины допущения Богом зла в мир. Когда Бог всемогущ и всеблаг, почему же в мире встречается зло? Если первый этап духовной эволюции мыслителя можно считать *марксистским*, второй — *идеалистическим*, то с постановки именно этой проблемы начинается третий, *христианский* период его духовного развития.

Первичным, ни из чего не выводимым началом философия объявлял свободу, которая является и свободой выбора между добром и злом. Свобода не может быть ограничена никаким чуждым ей бытием, в том числе и Божьим. Бог выражает лишь светлую сторону этой свободы, и созданный им мир тоже мог бы быть светел и добр. Но *Бог не может принудить мир к добру, а свободный выбор человека не всегда в пользу добра* (такова была интерпретация Бердяевым библейского мифа о грехопадении). Так возник падший, греховный мир вокруг нас, мир, в котором есть место злу. Человеку трудно понять, почему Бог не создал безгрешного мира, где нет места болезням, детским слезам, страданиям. Ответ прост: в таком мире не было бы свободы, которая лежит в основе мироздания и ограничить которую Бог не хочет (не может?). Мир должен пройти искушение свободой, чтобы его выбор в пользу добра был не внешним принуждением, но внутренним свободным выбором.

Построения Бердяева просты и красивы. Но остается ощущение, что проблема не так нравственно проста, как она излагается автором. Общие убедительные слова по поводу объяснения существования зла в мире проносились много веков (перед ка-

ждым верующим человеком встает проблема объяснения зла в мире), но все замечательно-логичные построения разбивались и разбиваются о реальную жизнь. Абсолютно гениально это почувствовал Достоевский (недаром он написал в своем дневнике, что его «всю жизнь Бог мучил»), вложив в уста Ивана Карамазова рассказ о реальных «фактиках» мучительства и истязания «невинных деток» и поставив вопрос о том, чем можно объяснить и оправдать «слезинку хотя бы одного замученного ребенка». Перед лицом детских мук вся диалектика свободы рассыпается. Это заметил еще Шестов, написав, что в бердяевской философии, «если мы хотим «оправдать Бога» — у нас есть один лишь выход: все свои умственные и нравственные силы сосредоточить на том, чтобы доказать невозможность вмешательства для Бога». Судя по дневниковым записям Бердяева, в конце жизни у него возникли такие мысли. В душе человека всегда происходит борьба между добром и злом, и нет никаких гарантий конечной победы светлого начала над темным. Миф о грехопадении говорит, по Бердяеву, о бессилии Бога предотвратить зло, исходящее из несотворенной им свободы.

Итак, *мир вышел из свободы, он должен пройти «испытание свободой», и судьба мира в конечном счете совпадает с судьбой свободы в мире*. Мир, в котором мы живем, падший именно потому, что в нем господствует не свобода, а необходимость. В окружающей нас реальности все закономерно, предсказуемо, несвободно. Мир противостоит свободному человеку, поработывает его. (В этом пункте особенно видна общность позиции Бердяева и западных экзистенциалистов, которые тоже писали о человеке, существующем в чуждом ему мире объектов, куда он «заброшен» не по своей воле.) Человек в своей самореализации должен вести непрекращающуюся борьбу с поработавшим его объективированным миром, подчиняющимся закону, «порядку». Личность всегда есть исключение из цепи закономерностей, и утверждает она себя избранием свободы, «переделкой» мира.

Философия творчества и эсхатология

Бердяевской картине мира было присуще противопоставление свободы, духа и несвободы, необходимости, материального «мира объектов». Для него это — два рода реальности, взаимодействующих друг с другом. Трагизм ситуации в том, что свободный человек попадает в мир, где властвует необходимость. Естественно, человек стремится вырваться из власти низшей реаль-

ности, где все закономерно и необходимо, но может сделать это лишь через *творчество*, которое всегда есть *свободное* выражение своего «я». В творческом акте человек вновь ощущает себя богоподобным существом, не связанным законами материального мира. Человек призван к творчеству, к продолжению миротворения, — ведь мир принципиально не завершен.

Примат свободы над бытием определяет и смысл человеческой жизни: «цель человека не спасение, а творчество», «культ святости должен быть дополнен культом гениальности», «творчество обращено ни к старому, ни к новому, а к вечному», «творческий акт есть самоценность, не знающая над собой внешнего суда», — «чеканил» Бердяев афоризмы. Философия свободы и творчества Бердяева — философия удивительного возвышения человека, когда он становится нравственно однородным Богу существом: Бог и человек — Творцы, поэтому *смысл человеческой жизни — в творчестве*, творческом порыве к свободе.

В работах Бердяева зазвучала тема эсхатологии, «конца света». Смыслом творчества Бердяев объявил не накопление культурных ценностей, не развитие человечества, а *приближение конца этого мира необходимости*. Любое творчество — это выпадение из причинно-следственной цепочки, поэтому каждый творческий акт «расшатывает» устой мировой необходимости. Когда все станут творцами, этот мир исчезнет. Бердяев убеждал читателя, что гибель мира необходимости будет означать преобразование мира, восхождение его на более высокую ступень, освобождение из плена, победу свободы.

Важной темой философии Бердяева стал вопрос о том, как соотносятся *время и вечность*. Дело в том, что, по Бердяеву, все мы живем не в каком-то одном времени, а по меньшей мере, в трех: раз человек является существом природным, социальным и духовным одновременно, то и времени для него существует тоже три — *космическое, историческое и экзистенциальное*. Бердяев даже нашел геометрический образ для описания каждого времени: круг, линия и точка. У космического времени — природная закономерная логика круговорота, оно оперирует не днями и годами, а эпохами, тысячелетиями. Историческое же время идет по прямой и оперирует меньшими временными категориями. Но наиболее значительные события совершаются во времени экзистенциальном, именно в нем происходят творческие акты, свободный выбор, формируется *смысл* существования. Для него относительна длительность со-

бытия: иногда день для человека более долог, чем десятилетие, а иногда и год промелькнет незаметно.

Наше земное время само есть лишь этап, период внутри вечности, оно «зачинается» в вечности, укоренено в ней. Вечное воплощается во времени, вторгается в него, и история становится историей борьбы вечного с временным. Но силы не равны. Вечное, считал Бердяев, возьмет верх над всем тленным и скоротечным. Выйдя когда-то из вечности и осуществив какую-то задачу, история человечества закончится тогда, когда творчество станет уделом всех и восторжествует свобода. «*Смысл истории — в ее конце*». Этот известный афоризм Бердяева лучше всего иллюстрирует проблему соотношения временного и вечного в его философии истории. Для верующего человека несомненна мысль о грядущем царстве Божьем, когда земная, грешная история завершится. Не был исключением и Бердяев, хотя его эсхатология носила философский характер.

Начавшись, *история человечества должна будет закончиться*. В противном случае, при предположении «дурной бесконечности» мирового процесса, считал Бердяев, в истории не было бы разрешения, перехода в другое состояние, выхода из царства необходимости в царство свободы.

В связи с уверенностью в конечности земной истории, в том, что время, как отдельный этап вечности, закончится, находились и взгляды Бердяева на *прогресс*. Вопрос о том, *существует ли прогресс в человеческой истории*, насчитывает не один век дискуссий. Можно ли считать современное общество более передовым, чем, скажем, древнегреческое? В конечном счете ответ на этот вопрос зависит от того, какие критерии прогресса мы предложим. Если таким критерием сделать, например, среднюю продолжительность жизни, то очевидно, что наше общество выиграет спор. Если же в качестве критерия мы возьмем гармонию с природой, мораль или, например, развитие искусств, — ответ будет не столь очевиден и прост. Многие философы и историки, сторонники идеи о существовании прогресса в обществе, старались найти некий общезначимый критерий прогресса, благодаря которому можно было бы бесспорно показать поступательное развитие человечества. В качестве таких критериев французские просветители XVIII в. предлагали развитие человеческого разума, не поясняя, впрочем, как это развитие можно измерить и оценить, а также — какой разум имеется в виду: при сопоставлении разумных способностей Аристотеля, например, с умствен-

ным потенциалом современного «человека толпы» вряд ли выигрывает последний. Марксисты за основу предлагали брать объективный момент — рост производительных сил, но и этот критерий не срабатывал: переход к новой общественно-экономической формации почти всегда сопровождался в истории частичным разрушением производительных сил. К примеру, при формировании средневекового уклада хозяйства новое общество долгое время отставало от античного по производительности труда, технике, но, согласно прогрессивистской теории, средневековое общество было более передовым. Таким образом, марксистский подход не помогал решить задачу. Современные авторы часто пишут о степени свободы человека как критерии прогресса, но и здесь есть свои «подводные камни»: как быть с переходом от первобытного строя к рабству? Прогрессивен ли был такой переход или нет? Да и современное общество — освобождает оно человека или закрепощает по сравнению с прошлыми веками? Несмотря на сложность задачи, над ее решением продолжают размышлять и сегодня, потому что интуитивная уверенность в том, что прогресс существует, закладывается в человеческие головы как нечто само собой разумеющееся.

Бердяев же совсем иначе посмотрел на проблему прогресса. Прогресс? Это когда настоящее всегда приносят в жертву будущему и история пишется с точки зрения превосходства последующего поколения над предшествующим? Когда все страдания, лишения, усилия прошлых поколений рассматриваются как удобрение, как средство для достижения в будущем совершенного идеального состояния человечества? Такая позиция была *морально* недопустима для Бердяева. Будущее не должно пожирать настоящее и прошедшее, человек не может быть средством для своего потомка, нельзя соединить безграничный оптимизм в отношении будущего с бесконечным пессимизмом в отношении прошлого. Да и доказательств у теорий прогресса нет никаких, одни нерешенные (и неразрешимые?) вопросы. Значит, теория прогресса ложна и безнравственна, убеждал своих читателей Бердяев. «В истории нет прогресса счастья человеческого, — есть лишь трагическое, все большее и большее раскрытие внутренних начал бытия, раскрытие самых противоположных начал, как светлых, так и темных, как божественных, так и дьявольских, как начал добра, так и начал зла. В раскрытии этих противоречий и выявлении их и заключается величайший внутренний

смысл исторической судьбы человечества», — таков был вывод из эсхатологических предчувствий философа.

Русская идея в творчестве Бердяева

Падение самодержавия в феврале 1917 г. Бердяев встретил восторженно, как шаг вперед по пути всемирного предназначения России. Но Октябрьскую революцию философ оценил уже иначе: для него большевистский переворот стал победой разрушительного начала в русской революции. Заключение же правительства В. И. Ленина Брестского мира, когда абсолютно небоеспособной уже и обескровленной Германии отошли земли, которые обесилленные германские войска иногда не могли даже занять, Бердяев воспринял как предательство национальных интересов и гибель России. В период 1917—1918 гг. им было написано более 40 статей. В ряде этих статей он предложил интересное толкование произошедшей революции через образы русской литературы.

Бердяева особенно интересовали те образы национальной жизни, которые были открыты Н. В. Гоголем, Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым. И если к Достоевскому обращались многие из тех, кто пытался понять природу произошедшего в стране, то обращение к творчеству Гоголя для того, чтобы найти «разгадки тех бедствий и несчастий, которые революция принесла нашей родине», было предпринято лишь Бердяевым. Для него было важным, что гоголевские герои, привычно отождествляемые со старой Россией, на деле живы и после революции, потому что «в революции раскрылась все та же старая, вечно-гоголевская Россия, нечеловеческая, полужвериная Россия харь и морд». Революционная реальность показала, что все романтические надежды и мечты о том, что после падения самодержавия «личность человеческая поднимется во весь рост» и гоголевские уродливые «ключья людей» отойдут в прошлое, оказались иллюзией. «Для Хлестаковых и Чичиковых ныне еще больший простор, чем во времена самодержавия», — констатировал с горечью Бердяев.

Достоевского же Бердяев прямо называл «*пророком русской революции*». Он был абсолютно согласен с Достоевским, когда тот рассматривал русский социализм как явление, вытекающее из религиозного по существу вопроса — есть ли Бог или нет. Для русского человека вопрос об осуществимости социализма — не экономический и не политический, а религиозный вопрос, логическое следствие нигилизма и атеизма. Если Бога нет, то социа-

лизм мыслился как царство Божие на земле, как решение вопроса о судьбах человечества. Бердяеву была близка такая интерпретация русского социализма, она перекликалась с его анализом русского коммунизма как объекта веры в более поздней книге «Истоки и смысл русского коммунизма». Бердяева и Достоевского объединяло рассмотрение социализма как религии, противоположной христианству.

Оценки же Толстого не были близки Бердяеву. Более того, он считал, что Толстой не мог предвидеть революционного пожара, он не был пророком. Бердяев называл его певцом кристаллизованного прошлого. Тем не менее, Бердяев был уверен, что в русской революции нашлось место если не для художественных прозрений Толстого, то для его моральных оценок. Более того, он считал, что в разразившейся катастрофе реально воплотились многие черты философии Толстого. Бердяев не был поклонником толстовства. Он писал про учение Толстого: «Жизнь личности не представляется ему истинной, божественной жизнью, это — ложная жизнь этого мира... Только полное уничтожение всякого личного и разнокачественного бытия в безликой и бескачественной всеобщности представляется Толстому выполнением закона Хозяина жизни... Толстой был максималистом... Это толстовский максимализм осуществляется в русской революции — она движется истребляющей моралью максимализма». Разумеется, Бердяев понимал, что Толстой, сторонник непротivления злу силою, вряд ли бы одобрил происходящее в революционной России. Но толстовство выразило типические черты морали значительной части революционной интеллигенции (и отчасти сформировало эту мораль): презрение к культуре, вера в безличные силы, творящие историю («роевая жизнь»), отрицание роли личности, анархизм, идеализация простого народа и т. п. Бердяев сравнивал влияние Толстого на русскую революцию с влиянием Руссо на революцию французскую: Руссо тоже вряд ли бы одобрил жестокости Робеспьера, но, тем не менее, идеологически он был одним из тех, кто сделал эти жестокости возможными.

Бердяев проследил, как в творчестве трех гениальных российских писателей нашли своеобразное отражение те разрушительные революционные процессы, которые, казалось, трудно было предвидеть заранее. Тем не менее, философ был уверен, что в революции проявились *типичные черты национального характера*, которые и были замечены русской литературой. Несмотря на западное происхождение марксизма, несмотря на ка-

тастрофические для страны последствия происшедшего, *в революции отразились глубины русского духа*: «Русская революция антинациональна по своему характеру, она превратила Россию в бездыханный труп. Но и в этом антинациональном ее характере отразились национальные особенности русского народа и стиль нашей несчастливой и губительной революции — русский стиль. Наши старые национальные грехи и болезни привели к революции и определили ее характер».

Вывод Бердяева был достаточно важен, поскольку именно тогда среди многих публицистов, не принявших перемен, начало зарождаться существовавшее долгие годы мнение, что Октябрьская революция — случайность, что она не была связана с прошлым развитием России, что в ней проявились чуждые русскому народу черты, что она не укоренена в национальном характере и истории. Подобного мнения придерживались, например, Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус, считавшие, что любая успешная внешняя интервенция не оставит даже воспоминания о произошедших после революции переменах. Бердяев же был убежден, что существует внутренняя неизбежность для России пройти через опыт большевизма.

Бердяев попытался наметить пути, по которым, как он считал, пойдет в будущем развитие человечества. Эти пути он связывал с состоянием «*нового средневековья*». Оценивая прошлое, Бердяев писал, что Средние века дисциплинировали человека, формировали у него ориентацию на духовную жизнь. Образы Средневековья — это образы монаха и рыцаря как двух разновидностей личности, сконцентрированной на своем внутреннем мире. Вместе с тем, Средневековье сковывало свободу творчества, поэтому на смену ему пришел Ренессанс. Но, освободив индивида, Возрождение породило и самонадеянность человека и человечества. В конце концов это привело к иссяканию творческих сил, не служащих более высшей, религиозной цели. Вслед за Ренессансом установилась нехристианская по своей сути эра Новой истории. А Новое время породило современный мир — с его насилием, мировыми войнами, кризисом культуры. Поэтому Бердяев был уверен, что, несмотря на многие негативные моменты, средневековое общество имело огромное преимущество перед современным: благодаря христианству, оно было идеологически единым, устремленным не к материальному, а к духовному.

В грядущем «новом средневековье» человек «вновь должен подчинить себя высшему, чтобы окончательно не погубить себя».

Бердяев был уверен, что современное ему общество переживает состояние, схожее с падением Римской империи, когда именно христианство духовно спасло мир от окончательного нравственного разложения. Его призыв к «новому средневековью», по существу, был *призывом к новому христианскому сознанию*, к религиозной революции духа. Концепция «нового средневековья» стала своеобразной вариацией на темы русского религиозного ренессанса начала века. Переход к «новому средневековью» Бердяев связывал с Россией, оно рисовалось Бердяеву как начало новой религиозной эпохи, когда все стороны жизни общества будут подчинены духовной цели, причем он считал, что современная ему Россия уже шагнула в «новое средневековье». Каким образом?

Бердяев, конечно, понимал, что советское общество в каком-то смысле можно считать духовным, недаром он *марксизм рассматривал как религию, а не как философскую теорию*. Идея царства Божия, к которому всегда был устремлен русский народ, трансформировалась в революции в идею социализма как последнего «устроения» человечества на этой земле. Поэтому социализм носил в революционной России не политический только, а религиозный характер. Отсюда — его борьба с церковью, традиционными религиями. Социализм сам стал религией, поэтому он не мог терпеть рядом с собой никаких других религиозных верований: «Коммунизм, не как социальная система, а как религия, фанатически враждебен всякой религии и более всего христианской. Он сам хочет быть религией, идущей на смену христианству, он претендует ответить на религиозные запросы человеческой души, дать смысл жизни. Коммунизм целостен, он охватывает всю жизнь, он не относится к какой-либо социальной области. Поэтому его столкновение с другими религиозными верованиями неизбежно...». Сочинения Маркса и Ленина, постоянно цитировавшиеся в советских статьях и книгах, Бердяев сравнивал со священным писанием коммунизма, которое содержит ответы на все возможные вопросы, пролетариат — с мессией (спасителем), который освободит все человечество, коммунистическую партию — с церковной организацией, Чека — с инквизицией и т. п. Марксизм выступал в его работах как эрзац религии. Утверждение Бердяева, что атеистический марксизм, — это религия (вернее, псевдорелигия), звучало шокирующе, вызвало споры. Для Бердяева же признание марксизма религиозным движением имело принципиальное значение, так как в

этом случае становилось очевидным, что противостоять ему лишь в политике или экономике невозможно, гораздо важнее — духовное противостояние. «Я согласился бы принять коммунизм социально, как экономическую и политическую организацию, — писал в конце жизни Бердяев, — но не согласился его принять духовно». Бердяев не раз повторял мысль о том, что главная ложь коммунизма — ложь духовная, а не социальная.

Так или иначе, получалось, что Россия уже в «новом средневековье», потому что советское общество объединено не экономическими связями, а «духовными». Конечно, Бердяев не был согласен с коммунизмом, но считал, что при изменении господствующей идеологии русское общество сможет стать «пионером» в *построении духовного общества*, показать дорогу всему человечеству. В этом и будет состоять реализация «русской идеи».

Бердяев был чрезвычайно активен в первые послереволюционные годы. В начале 1918 г. у него на квартире возникла Вольная Академия духовной культуры (ВАДК). Академия просуществовала вплоть до высылки Бердяева. В рамках деятельности Академии устраивались публичные лекции, чтение и обсуждение докладов, проводились семинары. ВАДК стала немарксистским духовным центром, она продолжала традиции Серебряного века русской культуры. А в 1920 г. Бердяев стал профессором Московского университета, где читал курсы лекций о мирозерцании Ф. Достоевского, и о философии истории на историко-филологическом факультете. Достаточно часто Бердяев читал и публичные лекции перед самыми разными аудиториями — от собраний в Клубе анархистов до лекций в Политехническом музее.

Такая активность немарксистского по своим взглядам мыслителя в годы большевистской диктатуры кажется удивительной и парадоксальной. Объяснение здесь возможно лишь одно: советская власть сталкивалась в те годы с другими — и гораздо более серьезными — проблемами: экономическими, политическими, военными, благодаря чему вопросы идеологии на некоторое время отошли на второй план. Сыграла свою роль и дореволюционная традиция напряженной духовной жизни в относительно свободном обществе, где присутствовал обмен идеями, диалог различных точек зрения, плюрализм мнений. По инерции такое положение дел существовало несколько лет после революции: в Петербурге и Москве функционировали десятки небольших издательств, даже начинающие авторы с легкостью могли издать книгу за свой счет, минуя не только государственную цензуру,

но и редакторскую. Но постепенно ситуация менялась: государство стало осуществлять чрезвычайно жесткий контроль за печатной продукцией, частные издательства были ликвидированы, для опубликования любой работы требовалось одобрение цензурного комитета. Параллельно этому шел и процесс контроля за высшими учебными заведениями, хотя здесь остатки былой свободы сохранялись дольше. В силу вековой российской традиции университеты всегда были центрами оппозиционного свободомыслия, и хотя после революции «политическая грамотность» требовалась от каждого студента и преподавателя, здесь чаще, чем где-либо, встречались оригинально мыслящие профессора и свободно думающие студенты.

Разумеется, Бердяев был далек от реальной политической борьбы. Вспоминая пять лет, проведенных им в советской России, он писал: «С коммунизмом я вел не политическую, а духовную борьбу, борьбу против его духа, против его вражды к духу. Я менее всего был реставратором (старых порядков. — *Авт.*). Я был совершенно убежден, что старый мир кончился и что никакой возврат к нему невозможен и нежелателен... Я относился очень враждебно ко всякой интервенции извне, к вмешательству иностранцев в русскую судьбу. Я был убежден, что вина и ответственность за ужасы революции лежат прежде всего на людях старого режима и что не им быть судьями в этих ужасах». Очевидно, что с такими взглядами Бердяев не мог участвовать в заговорах, подпольной деятельности и подготовке военного переворота. Косвенным доказательством его невиновности в юридическом смысле этого слова служила и чрезвычайная занятость делами преподавательскими, организационными. Тем не менее, он дважды был арестован. В 1920 г. его арест был связан с раскрытием деятельности подпольного Тактического центра. Несколько дней философ провел во внутренней тюрьме ЧК и был допрошен лично Дзержинским. Бердяев вспоминал: «Мой допрос носил торжественный характер, приехал Каменев присутствовать на допросе, был и заместитель председателя Чека Менжинский, которого я знал немного в прошлом; я встречал его в Петербурге, он был тогда писателем, неудавшимся романистом... Я решил на допросе не столько защищаться, сколько нападать, переведя весь разговор в идеологическую область... Я говорил минут сорок пять, прочел целую лекцию... Я старался объяснить, по каким религиозным, философским, моральным основаниям я являюсь противником коммунизма. Вместе с тем, я настаивал,

что я человек не политический». После длинной бердяевской речи и нескольких вопросов, заданных Дзержинским, Бердяева освободили, взяв с него обещание о невыезде из Москвы. Видимо, «лекция» Бердяева произвела на Дзержинского впечатление: по его распоряжению Бердяева не просто отпустили, а отвезли домой на мотоциклетке. К обширному процессу по делу Тактического центра он привлечен не был.

Но летом 1922 г. последовали обыск и второй арест. В этот раз он был приглашен к обычному следователю, так как речь шла о выполнении простых формальностей по решенному уже делу. Бердяев был обвинен в антисоветской деятельности и просидел в тюрьме около недели. В конце этого срока ему было объявлено, что по решению Политбюро ЦК РКП(б) и Президиума ВЦИК он высылается за пределы России. Ему (так же, как и другим высылаемым интеллектуалам) было представлено два документа: анкета, в которой на вопрос о наилучшей форме государственного устройства Бердяев ответил: «аристократическая республика», и приговор, где содержалось предупреждение о расстреле в случае попытки самовольного возвращения в Россию. Бердяев, отрицательно относившийся к эмиграции, решение о высылке воспринял как большое личное несчастье: «Когда мне сказали, что меня высылают, у меня сделалась тоска. Я не хотел эмигрировать, у меня было отталкивание от эмиграции». В сентябре 1922 г. Бердяев и его жена отплыли на пароходе из Петрограда в Германию вместе с другими «инакомыслящими» профессорами, журналистами, писателями. Так началась эмигрантская биография философа.

«Философский пароход»

Высылка в августе 1922 г. по решению ОГПУ группы интеллигентов (около 160 человек) явилась характерной иллюстрацией процессов, происходивших в стране. В эту группу входили: философы Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Ф. А. Степун, С. Н. Булгаков, И. И. Лапшин, И. А. Ильин, Л. П. Карсавин, Б. П. Выше-славцев, Г. В. Флоровский, Н. О. Лосский; ректор МГУ, зоолог М. М. Новиков, группа математиков во главе с деканом физико-математического факультета МГУ астрофизиком В. В. Стратоновым, историки А. А. Кизеветтер, В. А. Мякотин, А. А. Боголепов и другие, столь же далекие от политики и реального сопротивления режиму люди, единственным «грехом» которых было умение мыслить. Многие из них не хотели уезжать (Бердя-

ев, например, даже написал Ленину письмо с просьбой разрешить ему не покидать родину, которое осталось без ответа), хотя, возможно, им все же повезло, — они выжили, смогли работать, получили признание. Известный историк русского зарубежья М. Раев не без иронии писал по этому поводу: «Благодаря Ленину, Зарубежная Россия получила когорту блестящих ученых и интеллектуалов...». Тех же, кто остался, ждала гораздо более горькая участь. Достаточно вспомнить о судьбе отца Павла Флоренского — богослова, философа, математика, ученого с мировым именем, который погиб в лагере из-за своих религиозных убеждений.

Практически все оригинальное философское творчество переместилось за границу, прежде всего, потому, что внутри страны философия была приравнена к классовой идеологии, — любая немарксистская философская концепция в условиях диктатуры пролетариата (или, вернее, партии большевиков) рассматривалась как идеологическая диверсия и ересь. В своей программной статье «О значении воинствующего материализма» Ленин отмечал, что обязанность каждого коммуниста вести систематическую, наступательную борьбу «с буржуазной идеологией, с философской реакцией, со всеми видами идеализма и мистики». А в одном из писем к Дзержинскому Ленин прямо назвал профессоров и писателей «явными контрреволюционерами... шпионами и растлителями учащейся молодежи». Замечательный писатель К. И. Чуковский в своем дневнике с горечью писал: «Прежней культурной среды уже нет — она погибла, и нужно столетие, чтобы создать ее». Показательные процессы, суды, ссылки, расстрелы... Даже М. Горький, сотрудничавший с новой властью и ставший признанным «классиком пролетарской литературы», назвал происходящее «истреблением интеллигенции в нашей безграмотной стране». И был прав... После 1922 г. нельзя было даже отмолчаться. По сути, интеллигенции не просто навязывалась несвобода, от нее требовалось активное участие в этой несвободе: было мало молчать о том, о чем думаешь, надо было убедительно говорить то, чего не думаешь. К этому времени удивительно подходит афоризм А. Камю: «Свободен лишь тот, кто может не лгать».

Разумеется, было бы необъективно рисовать прошлое лишь черными красками: новая власть, действительно, буквально выкорчевала огромный пласт культуры, но при этой же власти побеждена неграмотность, подготовлены тысячи специалистов

«из народа» — то есть культура стала развиваться экстенсивно, «вширь», что тоже имело немалое значение. Впрочем, многие авторы считают, что происходило распространение псевдокультуры, и такое мнение имеет под собой основания: классовый критерий смещал акценты в оценке культурных достижений прошлого и настоящего, приводил к утилитарному подходу к образованию и культуре, породил изоляцию от культурных процессов в других странах; но, тем не менее, имевшие место процессы демократизации культуры нельзя оценивать лишь негативно. Думается, речь надо вести о смене типов культурного развития: на смену интенсивному развитию пришло развитие экстенсивное, из-за чего многие высоты были утрачены, но определенный минимум знаний люди могли получить даже в захолустье. В целом же, нельзя отрицать, что в течение нескольких десятилетий именно Зарубежная Россия была носителем традиций отечественной культуры и философии. Поэтому, почувствовав в своей высылке «что-то важное и значительное», Бердяев был, видимо, прав. Ему предстоял еще долгий и интересный творческий путь на Западе — сначала в Германии, затем во Франции.

Бердяев постепенно стал заметной фигурой в западноевропейских философских кругах. Он лично познакомился с известными европейскими философами, но главное — он писал. Книги принесли ему европейскую известность, религиозный экзистенциализм Бердяева получил отклик в среде западноевропейских мыслителей. Известность Бердяева была столь велика, что даже спасла его во время оккупации Парижа фашистами, хотя он и не скрывал своих симпатий движению Сопротивления и Красной Армии, — поклонники его философии были даже среди высшего немецкого командования. С начала вступления в войну СССР Бердяев занял «просоветскую» позицию, вызвав критику со стороны эмигрантской прессы. Он стал членом «Союза патриотов», считая, что нападение Гитлера на Россию надо расценивать как общее национальное несчастье, а не возможность свержения большевизма. Символично, что умер Бердяев за письменным столом (он работал над книгой «Царство Духа и царство Кесаря»), не договорив всего, что хотел сказать своим читателям.

Философия Бердяева интересна не только как обращение к прошлому, не только с точки зрения возрождения прерванной на несколько десятилетий традиции отечественной мысли, —

она удивительно созвучна современному читателю. У идей Бердяева оказалась долгая жизнь, они стали неотъемлемой частью российской культуры.

Вопросы и задания

1. Что принято называть «русским религиозным ренессансом»? Когда возникло это течение, что для него было характерно?
2. Какова была цель Религиозно-философских собраний? Какая идея на них обсуждалась?
3. Почему представители русского религиозного ренессанса называли свое движение «новым религиозным сознанием»?
4. Отчего некоторых представителей русского религиозного ренессанса называли «кающимися марксистами»?
5. Философию Н. А. Бердяева часто называют философией свободы или философией творчества. Почему? Как соотносятся свобода и творчество в его концепции?
6. Что такое эсхатология? Был ли присущ эсхатологизм воззрениям Бердяева?
7. Что такое «новое средневековье» в концепции Бердяева?
8. Как Бердяев понимал «русскую идею»?
9. Философию Бердяева считают вариантом религиозного экзистенциализма. Обоснуйте эту точку зрения.

Глава 4 ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ БЫТИЯ

*В действительности все не так,
как на самом деле!*

Станислав Ежи Лец

Чем занимается онтология?

Учение о бытии на философском языке называется **онтологией**. Для большинства философов прошлого онтология являлась ядром, центром их теоретических построений. Что же, собственно, скрывается за термином «бытие»?

Глагол «быть» — самый распространенный. Он означает «существовать», «иметься», «присутствовать», «находиться», «происходить», «случаться», а также входит в состав сказуемых, выступает как глагол-связка. Слово «бытие» имеет в словарях пометку «книжное» и трактуется как «объективная реальность» с характерным для советского периода истории уточнением: «материя, природа», что не для всех философских направлений будет верно.

Если основываться на бытовом понимании, «бытие» — это вычурный синоним простого существования. Существует всегда что-то конкретное: вещь, идея, свойство, ситуация. У этого существования есть начало и конец, положение в пространстве и времени. Но дело в том, что профессиональный философ отличает бытие от присутствия окружающих нас вещей. Его запросы более фундаментальны. Если для всех существуют только отдельные вещи, в крайнем случае — мир в целом, то философ пытается «заглянуть за спину» этого целого и понять, что значит *быть вообще*, откуда черпает свою силу и универсальность глагол «быть»?

Философская онтология — это полет в разреженной стратосфере мысли без опоры на привычные чувственные образы, это работа с предельно общими и фундаментальными понятиями,

которые выработало человечество в попытке охватить весь мир единым принципом. Но при этом бытие — это то, что может открыться каждому в его собственном брэнном существовании, если оно обретет качество *подлинности*. Получается, что бытие одновременно и самая удаленная от нашей повседневности зона философских размышлений, и самые личные, непосредственные переживания редких минут подлинной, осмысленной жизни.

Современный философ В. Д. Губин так обозначил связь философской абстракции и человеческой жизни: «Бытие — это чистое существование... бытие — причина самого себя, самодостаточное, ни к чему не сводимое, ни из чего не выводимое. Это — действительность в полном смысле слова, ибо все остальное, имеющее внешние причины, — не в полном смысле слова действительность, не в полном смысле слова существует. Поскольку бытие открывается только человеку и только через его мышление, то попытка постижения бытия есть попытка приобщиться к истинному существованию, обретение самобытности, свободы».

Итак, философская онтология обозначила стремление найти устойчивое и всеобъемлющее основание для всего, что существует или «бывает», потому что без этого у людей не будет критериев выбора между глубинным и поверхностным, устойчивым и преходящим, истинным и мнимым, искренним и фальшивым, необходимым и случайным, сущностью и явлением, причиной и следствием... То есть, все самые важные философские темы оказались связаны с онтологическим основанием, даже если они обсуждаются в других разделах философии, как, например, проблема истины.

Такая колоссальная задача поставила самих философов в чрезвычайно трудное положение. Где гарантии, что у людей найдется достаточно средств и надежных критериев отличить то, что *существует на самом деле*, от того, что *только кажется существующим*? Что заставляет нас думать, что бытие есть, а небытия нет? Эти сомнения имеют под собой достаточно оснований, и как мы сейчас увидим, все они были реализованы в истории философии.

Бытие и небытие: борьба за первое место

Европейская традиция с самого начала сделала ставку на бытие. Вспомним аргументы Парменида относительно того, что бытие есть, а небытия нет (см. раздел 3.1.1). В поэме «О приро-

де» он убедительно показывал, что сущее не может появиться из не-сущего, то есть из небытия, что оно вообще не может появляться и исчезать, рождаться и изменяться, дробиться и перемещаться. Функции онтологического основания «по плечу» только тому, что целостно, закончено, самодостаточно, а также истинно и воплощает благо и красоту. Бытие и мысль о бытии оказывались у Парменида тождественными, так как бытие открывалось только мышлению, а мышление имело своим достойным предметом только бытие.

Принцип тождества бытия и мышления неоднократно использовался в европейской философии. У Гегеля, в его грандиозной диалектической системе весь природный и социальный мир оказывался инобытием Абсолютной идеи, то есть он тоже проводил этот принцип в своей философии.

Платон высказался определенно в пользу того, что подлинное бытие — это бытие нематериальных идей, совершенных прообразов несовершенных вещей и свойств нашего мира. Почему вещи несовершенны? Потому что копия всегда хуже оригинала. Хуже потому, что, воплощаясь в мир, идея должна соединиться с изменчивой и неопределенной материей. Для тех, кто воспитан в научно-материалистической традиции, материя и бытие — синонимы, а для Платона и его последователей материя была, скорее, вестницей небытия, хаоса, грядущей гибели, в лучшем случае она содержала в себе неопределенную возможность, но никак не полноценную действительность. Все материальное, телесное рано или поздно умирает, только идеи бессмертны.

Но если мир включает в себя неустранимые изменчивость, случайность, одряхление и гибель, а наше познание — ложные мнения и ошибки, это значит, что небытие, которое выгнали за дверь, влезло в окно. Мыслители, чуткие к этой особенности, давно подыскивали слова, чтобы описать несуществующее, чтобы помыслить небытие в качестве одного из начал и оснований мира. Европейцы делали это робко и нерешительно, некоторые философско-религиозные системы Востока — более смело и определенно.

Среди европейских философов одним из первых затронул эту тему милетец Анаксимандр, ученик знаменитого Фалеса. Первоначалом мира, единственной причиной рождения и гибели вещей он называл загадочный *апейрон*, то есть *беспредельное*. Если в поэме Парменида богиня Ананке «держала бытие в око-

вах предела», то отсутствие предела, формы, определенности по логике рассуждения должно быть признаками небытия. Но при этом апейрон Анаксимандра не есть бесплодное «ничто»: все в мире происходит из него.

Единственный сохранившийся фрагмент из сочинений Анаксимандра многократно переводили и комментировали знаменитые философы, в том числе Ницше и Хайдеггер. Звучит он так: «А из каких начал вещам рождение, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу правозаконное возмещение ущерба в назначенный срок времени». Весь мир оказывается свертыванием и развертыванием возможностей, заложенных в апейроне, все существующее достигает «кара», гибель, причем гибель справедливая и заслуженная — не надо было рождаться.

Еще один вариант трактовки небытия мы находим в учении атомистов. Атомы Демокрита можно трактовать как бытие, а пустоту — как небытие. Постоянное изменение и нетождественность всех вещей в мире, о которых учил Гераклит, — еще один намек на небытие, ведь настоящее-то бытие неизменно. Но все эти выпады против бытия не развились в полноценную концепцию.

Учение *даосов* в древнем Китае и *буддизм* оказались более радикальны. Небытие в религиозно-философских учениях даосизма, буддизма, позднее — дзен-буддизма трактуется как всеобъемлющее и первичное. Оно, будучи всем, само есть ничто, оно «действует без действующего» и «определяет без определяющего». Оно порождает и принимает в себя все вещи, все формы, все свойства, само находясь за пределами вещей, форм и свойств. То есть ничто (пустота, шунья, дао) парадоксально мыслится не как отсутствие всего, а как полная неопределенность, значит, потенциальная возможность чего угодно, и поэтому — как полнота.

Первая философская книга древнего Китая, по преданию, была написана старшим современником Конфуция — Лао-цзы, который прежде чем навсегда покинуть пределы Поднебесной и раствориться в неизвестности, оставил потомкам рукопись «Дао де цзин» («Канон о Дао и дэ»). Дао вечно, безмянно, сокрыто и недоступно познанию, оно не может быть выражено в словах, поскольку «имя, которое можно произнести, не есть постоянное имя». Но это неопределенное ничто, это «отсутствие» есть начало всех начал. «Все вещи Поднебесной рождаются из наличия, а

наличие рождается из отсутствия». Благодаря Дао вещи рождаются, а благодаря де они такие, какие есть.

Морально-практические следствия такой онтологической установки весьма интересны. Мудрый человек, познавший закон мира, закон дао, никогда не будет суетиться, пытаться изменить общество или достичь заметного социального положения. Он будет руководствоваться *принципом недеяния*, поскольку «самые уступчивые вещи в Поднебесной правят самыми неуступчивыми». Совершенномудрый, оставаясь на обочине событий, всегда оказывается впереди. Он не утверждает себя, поэтому достигает успеха. Он не показывает себя, поэтому его видно отовсюду. Слишком напряженные и узконаправленные усилия (чем грешат очень многие наши современники), не приводят к поставленным целям. Отстраненность мудреца позволяет ему неторопливо всматриваться в мир и откликаться на зов дао.

В древнеиндийской философии (в брахманизме, буддизме, джайнизме и др.) видимая реальность трактуется как огромная иллюзия, «покрывало Майи». Веревка издали кажется змеей, а морская раковина мнится куском серебра. Но точно так же весь мир не таков, каким мы его считаем, поскольку в глубине он вообще «никаков», у него нет определенных качеств и отдельного конкретного существования. Задача человека — преодолеть притяжение мира неподлинной видимости и достичь успокоения, «нирваны». Буддизм учит, что каждый должен стремиться преодолеть страсти и желания — главный источник страдания и достичь такого просветления, чтобы выйти из колеса бесконечных перерождений. Цель стремления — нирвана, то есть полное успокоение, исчезновение личностной определенности и отъединенности от глубинной основы мира — небытия. Малая капелька должна вернуться в огромный океан, из которого она когда-то выпала, и слиться с ним, потеряв свою отдельность.

Таким образом, *восточные учения уделяли гораздо больше внимания небытию и делали соответствующие морально-политические выводы из общей онтологической установки*. До сих пор они влияют на мировоззрение и культурные стереотипы своих народов, на отношение к смерти и превратностям судьбы, на понимание истории и прогресса. Может, именно поэтому великие цивилизации Востока в течение долгого времени не торопились идти по пути быстрого социального и технического прогресса, хотя обладали высокой культурой, развитой религиозной философией, технологическими секретами.

процесс познания «схлопывается». Различие между сущностью и явлением — это такая универсальная онтологическая «защита от дураков» и «загадка для умников». С другой стороны, связь между этими уровнями бытия должна быть, иначе процесс познания буксует на поверхности; прохода к бытию нет. Тот же Кант делал исключение для таких сущностей, без знания которых не может состояться человек: это Бог, свобода, бессмертие души.

Субстанция — латинский термин, означающий «то, что лежит в основании», а также «сущность» и «суть» (точнее, латинский перевод греческого *hypostasis* — сущность, субстанция). Однако субстанция и сущность — разные понятия. Используя понятие субстанции, мы подчеркиваем внутреннее единство разнообразных форм бытия. Например, формы и виды материальных объектов могут быть весьма разнородны, их сущности могут быть различны, но все они будут сущностями *материальных* вещей, все они будут относиться к одной *материальной* субстанции.

Важнейшее свойство субстанции — ее самодостаточность. Субстанцией может считаться не просто более глубокий уровень реальности, который служит фундаментом для «верхних этажей». Субстанция должна, как говорили в старину, «довлеть себе», что и означает эту внутреннюю полноту и достаточность.

Признание в мире одной силы, которая все определяет, лежит в основании всего, но сама ни от чего не зависит, которой мир обязан своим единством, получило название «**монизм**» (от греческого слова «*монос*» — один, единственный). Монизм может быть как *материалистический*, признающий материю в качестве единственной основы мира, так и *идеалистический*, который считает субстанцией дух, сознание, мировой разум или Бога.

В XVIII в. в философии сложилась традиция называть эти два основных подхода просто *материализм* и *идеализм*, а их самообоснование, то есть поиск аргументов, с помощью которых можно доказать *первичность, самодостаточность, субстанциальность* того или другого начала, — *основным вопросом философии*.

И материализм, и идеализм могут принимать различные формы. Это может быть античный атомизм, материализм просветителей, классические и современные версии натурализма и эмпиризма, марксистский диалектический материализм — в первом случае; объективный идеализм Платона или средневековых схоластов, абсолютный идеализм Гегеля или субъективный идеализм Беркли и Юма — во втором случае.

Монистические системы обычно достаточно последовательны, устойчивы, гармоничны, но испытывают большие или меньшие трудности при объяснении того, каким образом субстанция порождает противоположное ей качество: как материальная субстанция порождает дух, а духовная — материю. Спиноза остроумно преодолел эту трудность. Он отождествил Бога, природу и субстанцию, а мышление и протяженность, назвал двумя единственными известными нам атрибутами (неотъемлемыми свойствами) из бесконечного числа атрибутов бесконечной самодостаточной субстанции.

Изменение мира, появление новых объектов и качеств требовало приписать субстанции свойство *самодвижения* и *саморазвития*. Если изменения вызваны внешней причиной, субстанция теряет право называться субстанцией. В Новое время осмыслению развития как качества материального мира уделялось очень большое внимание.

Признание двух независимых основ для духовного и материального мира — принцип построения так называемых *дуалистических* моделей бытия (см. раздел 3.4.1, Декарт). Здесь камнем преткновения является проблема гармонизации процессов, которые происходят в этих двух мирах. Двум хозяйкам трудно ужитья на одной кухне, двум медведям — в одной берлоге, а двум субстанциям — в одном мире.

Один, два, много... Признание большого или бесконечного разнообразия видов бытия, несводимости их сущностей друг к другу — визитная карточка философского *плюрализма*. Четыре стихии древних натурфилософов, духовные монады Лейбница иллюстрируют третью позицию. В философии, которая ориентировалась на науку с ее поиском универсальных и фундаментальных законов природы, плюрализм не был популярен, но он получил неожиданную поддержку со стороны персонализма и экзистенциализма — философской позиции, которая исходит из идеи уникальности каждой личности. В целом же для современной философии, склонной к релятивизму, не свойственно обсуждение проблемы субстанции.

Материя — философская категория, которая обозначает объективную, то есть независимую ни от отдельного человека, ни от человечества в целом, реальность. *Materia* — латинская калька древнегреческого слова «*гюле*» — лес; первоначальное значение также — «древесина», «строевой лес». Постепенно его значение стало более общим. Можно проследить, как от первоначаль-

ного обозначения материала, вещества, из которого сделаны все вещи в мире, понятие материи эволюционировало в сторону совокупности свойств, которыми должны обладать все существующие предметы. Например, развитие механики в Новое время предопределило трактовку материи как того, что существует в пространстве и времени, обладает массой, движется, подчиняется принципу причинности, законам сохранения массы и момента импульса. Создатель Периодической системы элементов Д. И. Менделеев писал: «Вещество или материя есть то, что наполняя пространство, имеет вес, то есть представляет массы, то — из чего состоят тела природы и с чем совершаются движения и явления природы».

Третий, после *первовещества* и *первичных свойств*, способ истолкования материи заключался в противопоставлении ее сознанию. *Материя — это то, что первично по отношению к сознанию, то, что может отражаться в сознании, то, что доступно познанию.* А что именно — это решает наука на современном этапе своего развития. Позавчера это были стихии огня, воды, воздуха и земли, вчера — атомы и пустота, сегодня — поля и элементарные частицы, завтра — кварки и глюоны... Если некогда идею материального единства мира пропагандировали философы, то сегодня эту функцию выполняют физики-теоретики, которые работают над созданием единой теории поля. Эта теория должна объединить единой системой уравнений гравитационные, сильные (удерживающие внутри ядра протоны и нейтроны), слабые (ответственные за радиоактивный распад) и электромагнитные взаимодействия.

Таким образом, материя как философская категория постепенно отступает на второй план, оставляя авансцену науке, а философская теория бытия сосредоточивает свой интерес на социальной онтологии, онтологии сознания и человека. А вот проблема **реальности** обсуждается в философских кругах очень активно.

В философском словаре реальности посвящено всего несколько строк, смысл которых можно выразить одной фразой: *реально то, что существует в действительности*, или, проще говоря, *на самом деле*. То есть «реальность» оказывается слишком широким и неопределенным термином, который плохо работает, пока не будет уточнено значение выражения «существовать в действительности».

Слова «действительность» и «действие» имеют общий корень. Примем рабочую гипотезу: не случайно, что действительно то, что может оказывать действие. Понятно, что оказывать действие и таким образом быть действительным, то есть реальным, может не только вещь, но и слово, мысль, не только истина, но и заблуждение и обман. Раненый может действительно страдать от фантомных болей в ампутированной конечности, сумасшедший — считать себя зерном и действительно бояться встреч с курами. С точки зрения философа, положение нормальных здоровых людей, сутками сидящих перед монитором компьютера или экраном телевизора, не намного лучше. Они — пленники *виртуальной* реальности, которая все больше вытесняет «реальную реальность». Они посвящают свою жизнь написанию цепочек символов и компьютерным играм, но не знают, как вести себя с живыми людьми. Они радуются и переживают, глядя на экран телевизора, и считают это реальностью, не задумываясь над тем, что любой телерепортаж — это уже отобранные и определенным образом поданные события, что у них никогда не будет возможности оказаться по ту сторону экрана, увидеть происходящее своими глазами. Материальные объекты превращаются в картинки на экране и навсегда остаются в этом качестве, а чего нет в СМИ, того нет вообще — такова позиция, характерная для современных электронных технологий.

Посмотрим, сколько реальностей сегодня претендуют на то, что они есть «на самом деле». Материя как реальность — это понятно. Невозможно усомниться в ее объективности, когда на тебя несется смерч. Социальной реальности, то есть обществу, тоже не откажешь в действительном существовании; трудно представить себя вне привычной социальной среды, вне культуры, вне языка. Реальность сознания, очевидно, имеет другую природу, но называть сознание недействительным не менее трудно.

А язык? На первый взгляд кажется, что он целиком и полностью зависит от нас, но при внимательном рассмотрении оказывается, что дело обстоит наоборот: мы приходим в мир, где все уже названо и обозначено, а что не обозначено, не проявлено с помощью слов, того для нас просто нет. Слова создают и разрушают миры, словом можно убить и вернуть к жизни. Разве можно после этого отказать языковой реальности в реальности?

Средневековый реализм учил, что единственной полноценной реальностью является Бог и мысли в уме Бога, поскольку сотворенный мир и то, что людям удалось узнать о нем, не обла-

дает самостоятельностью. Только Бога можно считать существующим на самом деле и в точном значении этого слова, все остальное не имеет полноценного онтологического статуса.

Восточные мудрецы считали, что все, что мы видим перед собой — иллюзия, реально лишь Великое Ничто (их рассуждения на этот счет уже приводились в начале главы).

Теоретики современной культуры обращают внимание на то, что многие явления нашего мира потеряли связь со своим онтологическим основанием. Они не отражают и не представляют глубинные слои бытия, а потому должны *симулировать* свою натуральность и действительность, изображать себя более реальными, чем это может быть, то есть быть *гиперреальностью*. Похоже на поведение мнимого больного на приеме у врача: он кашляет очень громко, гораздо громче, чем настоящий больной. Но мнимого больного можно разоблачить, допустим, с помощью рентгена. С философской точки зрения это значит, что можно спуститься на более глубокий онтологический уровень и установить истину. А если этого более глубокого онтологического уровня просто нет?

Примером может служить современная индустрия развлечений: в Диснейленде «настоящие» Белоснежки и пираты ходят по «настоящим» улицам сказочного королевства, и все это реальнее, зрелищнее, натуральнее, чем просто жизнь несказочных персонажей. И нельзя сказать, что Белоснежка не похожа на настоящую, потому что настоящей просто нет и никогда не было. То есть копии есть, а оригинала нет. Модель, которая рекламирует шампунь или крем, становится бледной тенью своего собственного ослепительного экранного образа. Иными словами, копия становится важнее, весомее, известнее, реальнее оригинала. Дело тут не в том, что тусклое кажется ярким, а в том, что знаки праздника полностью замещают праздник, знаки престижа — потребительную ценность вещи, экранный образ целиком подчиняет себе неэкранную жизнь.

Виртуальная компьютерная реальность, скажем, интерактивные игры в трехмерном пространстве, также претендует на статус полноценной реальности. Если человек проводит за этим занятием многие часы, если ему интересно, если он видит в схватках с компьютерными монстрами смысл и получает свой адреналин, то почему это не «на самом деле»? Только потому, что это можно выключить в любой момент? Можно ли на этом основании называть виртуальную реальность «недо-возникающим событием» и

«недо-рожденным бытием», как это делает современный отечественный исследователь С. С. Хоружий? Или смириться и признать, что киберкультура навсегда необратимо изменила соотношение объективного, видимого и мыслимого миров.

Но вернемся к материальной реальности. Не поторопились ли мы, согласившись с тем, что она единственная не вызывает подозрений, и если не философы, то уж ученые точно о ней знают все или почти все? Представьте себе червяка, который прогрызает ход в яблоке. Представьте еще, что яблоко это слоистое, наподобие луковицы. Представьте также и то, что это яблоко с бесконечным диаметром и бесконечным числом разнокачественных слоев грызет несчетное число червяков. То, что им удалось «узнать» о строении и химическом составе яблока, вполне достоверно и реально, иначе червяки бы просто погибли, используя неверные сведения. Но их «знание» относится только к их туннелям реальности, которые к тому же никогда не дойдут до самых глубоких слоев яблока и которые ограничивают их возможности вгрызаться в яблоко в других направлениях. Тем не менее, полученные всеми червяками результаты можно суммировать и получить пусть не полную, но вполне объективную и удовлетворительную картину яблока в соответствии с той глубиной, до которой дошли черви.

Заменим трудолюбивых беспозвоночных на людей, а яблоко — на материю. Туннели все равно останутся. Об объективной (глубокой) реальности можно только рассуждать, но нельзя сказать ничего определенного, поскольку все представления о мире встроены в человеческие структуры, выражены человеческим языком, представляют ответы на человеческие вопросы, то есть ограничены стенами *человеческого туннеля*. При этом можно добавить, что, согласно воззрениям современного американского ученого Роберта Энтони Уилсона, даже у каждого отдельного человека может быть несколько сменяющих друг друга в течение жизни туннелей реальности. Они будут зависеть от уровня овладения языком и поведенческими нормами культуры, от полового созревания и т. д. Это вовсе не значит, что полученная картина полностью лишена объективности. Это значит, что она сопряжена с человеческой субъективностью и ею ограничена. Более того, если бы такой сопряженности не было, мы бы ничего не могли воспринять и понять.

Важно, что если раньше подобные утверждения высказывали философы, то теперь, после создания квантово-механических

моделей физической реальности, это стали говорить сами ученые. Копенгагенская версия квантовой механики утверждает, что *принципиально нельзя исключать наблюдателя из описания наблюдаемого*. Применительно к нашей проблеме это означает, что разные наблюдатели и разные способы наблюдения имеют разные модели мира.

Согласно одной из интерпретаций квантово-механических уравнений на самом деле реализуются все возможные исходы развития событий, которые имеют вероятностный характер. Но так как все вероятные исходы в одном мире сосуществовать не могут, каждое событие порождает несколько параллельных миров, следующее — еще ряд миров и так далее, — число возможных миров, возникших со времен Большого взрыва (начала нашей Вселенной) оценивается как превышающее 10^{100} ...

В завершение остается сказать несколько слов о специфике проблемы применительно к человеку.

Онтология человеческого бытия

Тема «Человек» еще будет подробно рассмотрена в учебнике. Тем не менее, необходимо заранее высказать некоторые соображения, которые касаются нашего онтологического статуса. Если даже варианты существования Вселенной зависят от наблюдателя, то есть человека, то сам человек тем более зависит от себя. Зависимость не от себя самого, а именно от природы или от Бога, мамы или папы, соседей или погоды, то есть от внешних обстоятельств огромна, но не исчерпывает всех возможных влияний. Что же остается? — *Самодетерминация* (само-определение), когда человек *сам, свободно* определяет свой поступок.

Выход из границ, физически заданных человеческим «туннелем реальности», возможен только в одном направлении, а именно в направлении области смыслов и значений, идеалов и норм. Именно они позволяют человеку действовать «ради любви», «согласно своей вере», «по законам красоты», «в соответствии с принципами справедливости», «по зову долга». Ничего этого нет в природе, нет даже в обществе, если люди перестают считать любовь и творчество, красоту и справедливость, честь и свободу важными и определяющими.

Перечисляя «имена» высших культурных ценностей, мы тем самым говорим, что это и есть то глубокое, подлинное, настоящее, что делает человека человеком, а не просто умелым, сообразительным и жестоким социальным животным. Омертвевшие

следы человеческой жизнедеятельности мало что могут сказать о сущности человека как свободного существа. Каждый раз, совершая выбор, он *заново* должен вдохнуть жизнь в мертвые слова и наделить смыслом бессмысленный мир. Делая эту нелегкую работу, которую, кстати, за него не может сделать никто другой, человек устанавливает связь со своим человеческим бытием.

Из этого следует важный вывод: бытие человека — это то, что не существует в «автоматическом режиме». Держать себя в состоянии бодрствования, в состоянии поиска «настоящего» — дружбы, любви, искренности, мышления и т. д. — очень трудно. Искать веру — не значит менять убеждения, переходить из одной религиозной конфессии в другую. Искать любовь — не значит менять сексуальных партнеров или супругов в поисках новых удовольствий. Это значит прежде всего предъявлять требования к себе самому, выращивать в себе способность ответить на зов долга, любви, дружбы, истины...

К сожалению, мы сплошь и рядом довольствуемся «осетриной второй свежести». Но «свежесть бывает только одна — первая, она же и последняя» — в этом булгаковский персонаж совершенно прав. Только одна, настоящая, бывает подлинность; у нее нет степеней сравнения. Если с вами случается нечто подлинное, настоящее, вы это всегда почувствуете. Вы можете ошибаться в людях, принимать их ложь за чистую монету, но вы никогда не ошибетесь, переживая редкие минуты *полноты собственного существования*. Это и есть переживание собственного бытия. Оно оказывается не в дальнем космосе или микромире, а совсем близко, в собственной душе. Недаром Мартин Хайдеггер писал, что бытие — «это ближайшее».

Но это острое переживание может быть не только положительным, но и отрицательным. Осознание трагической непоправимости случившегося, бессилие, отчаяние, страх смерти, боязнь осуждения, потеря смысла жизни... Нужно большое мужество, чтобы пережить такие ситуации. Даже чтобы просто осмысленно и достойно прожить жизнь, нужно мужество. Замечательный протестантский теолог и философ-экзистенциалист Пауль Тиллих (1886—1965) в своей книге «Мужество быть» показал, что тревога сопровождает нас на протяжении всей жизни. Небытие дает о себе знать именно в форме тревог: «Тревогу порождает вовсе не абстрактное знание о небытии, но осознание того, что *небытие составляет часть собственного бытия человека* (курсив наш. — Авт.)».

В этой главе приведены слова Гегеля о том, что чистое, бес-содержательное понятие бытия тождественно понятию ничто. Итак, круг замкнулся: мы прошли некоторый путь, пытаясь наполнить философские термины содержанием, но оказалось, что полное содержательное описание человеческого бытия требует включения в него ничто, небытия. С этим трудно согласиться, особенно в молодые годы, но это так.

Так каков же вывод? Наверное, и в картину бытия мира в целом, и в картину человеческого бытия неустранимо входит их собственная противоположность, но именно дыхание небытия заставляет человека торить дорогу в мир высших ценностей и смыслов, торопиться реализовать свои творческие возможности, искать истину, бороться за свободу, любить и радоваться жизни.

Вопросы и задания

1. Что такое материализм и идеализм? Кого из известных вам философов вы можете отнести к тому или другому лагерю? Чьи воззрения не укладываются в эту жесткую схему и почему?
2. Какие этапы в своем развитии прошло понятие материи?
3. Как существует виртуальный объект: субстанциально или несубстанциально, актуально или потенциально, реально или нереально? Определите, какие из названных характеристик подходят к героям фильма «Матрица».
4. В этой главе было упомянуто восемь видов реальности. Если в группе наберется 16 человек, разбейтесь по парам и проведите мини-поединки, доказывая и опровергая существование того или иного вида реальности. Какие еще виды реальности можно выделить и проанализировать?

Глава 5

ФИЛОСОФИЯ В ПОИСКАХ СОЗНАНИЯ

Сознание существует, но сопротивляется определению.

Оксфордский философский словарь

Сознание, о котором речь пойдет в этой главе, и материя, о которой речь шла выше, — это фундаментальные философские категории. *Категориями* называются понятия, которые описывают большое число объектов или явлений, фундаментальные отношения. Можно одни категории подводить под другие, более общие. Например, можно сказать, что человек — это вид млекопитающих. Но есть такие понятия, которым не находится более общего родового определения, потому что таковых просто нет или в них очень мало содержания. Это относится к категориям сознания и материи. Их можно определить как два вида реальности, но само понятие реальности еще более неопределенно. Остается сказать, что сознание — это не материя, а дух — это не тело.

На уровне здравого смысла мы понимаем материальный мир как то, что можно увидеть, ощутить, потрогать, если не руками, то с помощью приборов, как то, что существует *объективно*, то есть *независимо* от нас. Иными словами, **материальный, физический мир существует реально (на самом деле) и объективно, он существует в пространстве и времени.** Если сознание — это не материя, можно ли сказать, что сознание нереально и субъективно, что оно существует вне пространства и времени?

Субъективно — да, оно зависит от субъекта, сознание всегда *что-то*, не может быть ничейного сознания. А утверждение, что сознание нереально, вызывает недоумение. Мы-то знаем, что сознание у нас, как и у всех людей, есть. Человек обычно выделяет себя из мира и считает себя «венцом творения» именно потому, что он — разумное, сознательное существо, Homo Sapiens. Что касается пространства и времени, вернемся к ним позже.

Казалось бы, сознание должно быть для нас гораздо понятнее, чем внешний, объективный мир, ведь это *наше сознание, наши мысли и переживания, наше «Я»*. Узнать, что оно такое, на первый взгляд, гораздо проще, чем исследовать космос или микромир. Но недаром еще древние греки начертали у входа в Дельфийский храм: «Познай самого себя». Никто до сей поры не может утверждать, что это ему вполне удалось.

Основные философские направления пытаются понять сознание

В этой проблемной ситуации есть два пути: довериться надежности объективного внешнего мира и попытаться исследовать сознание как его порождение, его специфическую часть, либо довериться непреложности внутреннего чувства, которое говорит нам, что мы какие-то особые, потому что разумные и сознательные, существа.

Первым путем пошел **материализм**, точнее, **материалистический детерминизм и редукционизм**. Под материализмом, как уже говорилось, понимается философская позиция, согласно которой материя первична, а сознание вторично: оно есть порождение высокоорганизованной материальной системы — человеческого мозга. Развитые формы материализма, например, марксизм добавляют к этому еще одну важную линию причинной зависимости и объяснения сознания — наличие общественной жизни и трудовой деятельности с помощью орудий труда. Но очень часто люди, которые подходят к проблеме сознания с позиций физиологии высшей нервной деятельности или компьютерного моделирования, ограничиваются лабораторной моделью работы мозга или компьютера. На это есть свои резоны.

Как мы познаем то, что нам пока неизвестно? Упрощаем, сводим (**редуцируем**) неизвестное к известному, объясняем целое свойствами частей, более поздние и сложные системы — через более ранние и простые. Что получится, если эту проверенную на объектах природы схему объяснения приложить к сознанию? Совершенно очевидно, что такие явления сознания, как мысли, эмоции, способность пользоваться членораздельной речью, память о своем «Я», — все они зависят от нормальной работы рецепторов, проводящих нейронных путей и клеток мозга. Травмы головы, кровоизлияния в мозг ведут к потере памяти, речи, самосознания, к невозможности осуществлять мыслительные функции и испытывать нормальные человеческие эмоции.

Развитие физиологии высшей нервной деятельности, успехи в «картировании» коры головного мозга позволили понять, какие зоны отвечают за логическое мышление, какие — за зрительную память и т. д. Если точно вживить электрод в нужную точку коры головного мозга и послать электрический импульс, то подопытное животное или человек испытает определенную эмоцию, например, ярость или сексуальное наслаждение. С конкретными мыслями дело обстоит несколько сложнее, но прогресс науки позволяет надеяться, что создание высокоточной карты мозга позволит в прямом смысле «читать мысли», наблюдая, как идет электрический импульс.

Еще в конце XIX в. немецкий естествоиспытатель и философ **Людвиг Бюхнер** (1824—1899) писал, что «мозг производит не вещества, как печень или почки, а *деятельность*, являющуюся высшим плодом всей земной организации», понимая под деятельностью нервные реакции. Кстати, именно такая трактовка работы мозга не позволила ему увидеть принципиальной разницы между сознанием человека и психикой животных. Приведенные аргументы позволяют сторонникам материалистического редукционизма сделать вывод, что то, что мы переживаем как мысли или эмоции, *на самом деле есть всего лишь* электрические импульсы мозга, определенные физико-химические реакции нашего тела.

Никто не станет отрицать необходимость нормальной работы мозга для функционирования сознания. Смущает утверждение «*всего лишь*». Сказать так равносильно тому, чтобы определить рассказ *всего лишь* как последовательность типографских значков на бумажном листе, или картину — *всего лишь* как краски на холсте. Изучение физико-химического состава красок и холста имеет свой смысл, особенно для реставрации картины, но оно ничем не поможет, если мы выносим суждение относительно изысканности цветовой гаммы, совершенства композиции и тонких оттенков настроения, которые удалось передать художнику. Если оценивать книгу по весу, а живопись — по площади полотна, то есть по объективным физическим характеристикам, то все толстые книги будут заведомо лучше тонких, а большие картины лучше маленьких...

Еще одно направление, которое ориентируется на точность и объективность и не хочет иметь дело с неопределенностью и субъективностью психического мира отдельного человека, это **бихевиоризм**. Название происходит от английского слова

«behaviour» — поведение. Воздействуя на человека, мы наблюдаем его ответные реакции: и то, и другое можно исследовать научно, объективно по схеме «стимул — реакция», все остальное не является предметом научного исследования. Что на самом деле переживает человек — неизвестно, потому что чужая субъективность нам недоступна. Даже сам хозяин часто плохо ориентируется в собственном внутреннем мире, что уж говорить о посторонних! Бихевиоризм выражает научную ориентацию в психологии и привлекает строгостью и точностью описания человеческого поведения, но, увы, у него тоже есть свои уязвимые места и щели, через которые убегает сознание.

Границы бихевиористского метода можно продемонстрировать на следующих примерах.

1. В гостях у начальника оказывается подчиненный и на любезный вопрос, любит ли он, например, селедку в шоколаде, отвечает утвердительно, накладывает еду на тарелку и съедает. Согласно установкам бихевиориста-исследователя, сознание испытуемого — «черный ящик», но по его реакции можно сделать вывод, что он действительно любит это блюдо.

2. Спартанский мальчик украл лисенка и спрятал его под плащом. Лисенок вгрызается ему в живот, но мальчик, чтобы не уронить своего достоинства, сохраняет спокойное выражение лица. По его реакции внешний наблюдатель делает вывод, что мальчику не больно.

3. Вы участвуете в эксперименте «китайская комната». Суть его заключается в том, что вы должны давать осмысленные ответы по-китайски в письменном виде на вопросы, которые тоже поступают к вам на китайском языке. Для ответа вы можете использовать карточки с заранее написанными иероглифами. Если у вас припрятана шпаргалка, которая помогает выбирать нужные символы в правильном порядке, допустим, на первый вопрос давать ответ карточкой под номером 5, а на второй — только под номером 4, и если вы ничего не перепутаете, то сможете правильно ответить, вовсе не зная китайского языка. Внешнему наблюдателю ничего не остается, как подумать, что вы знаете китайский язык.

Еще один вариант редукционизма — *компьютерный функционализм*. Он развивается вместе с прогрессом вычислительных систем и программного обеспечения, которые позволяют моделировать все новые и новые операции и функции сознания. Точнее, не всего сознания, а только его рациональной, логиче-

ской части. Моделирование операций счета, сравнения, логического вывода, распознавания визуальных образов и т. д. идет очень успешно. Искусственный интеллект по многим показателям уже превосходит человеческий: больше помнит, быстрее и безошибочнее считает, шахматные компьютеры обыгрывают чемпионов. Чем больше память компьютера, тем больше искусственный интеллект походит на живой. Есть несколько отличий от первого, но тоже связанный с компьютерными моделями путь. Ученые пытаются понять и смоделировать архитектуру мозга: если мы сможем сделать компьютер, повторяющий устройство мозга, есть надежда, что он будет выполнять все функции, аналогичные человеческому сознанию. Разделяют этот оптимизм далеко не все. Дело в том, что отождествление сознания с компьютером, мозгом или наблюдаемым поведением убивает его специфику, уничтожает реальность субъективного мира. Проблема решается, но за счет исчезновения главного действующего лица, «Я». Известный исследователь проблемы сознания американский философ Джон Сёрл (род. 1932) настаивает на том, что *потеря субъективности — это потеря самого сознания*, и аргумент, что субъективность не поддается естественно-научному объяснению, его мало трогает. Он замечает с юмором, что о гольф-клубах или беспорядке в комнате тоже нет научной теории, что не мешает им преспокойно существовать.

Другой радикальный подход к проблеме сознания был воплощен в *идеалистической* философии. В ней сознание — это первичная реальность, которая порождает так называемый «объективный мир», природу, материю.

Оглянитесь вокруг себя и подумайте, как появились вещи, которые нас окружают. Они сначала были придуманы, помыслены, созданы в голове, а потом воплощены в реальности. Если идти дальше и представить сознание столь мощное, что оно способно творить не только отдельные вещи, но весь мир, то есть божественное сознание, то из этого следует заключение о первичности сознания и вторичности материального бытия. Европейская философия разрабатывала модель личного божественного сознания, в древних восточных системах мировоззрения господствовала идея безличного мирового сознания, которое порождает иллюзорную реальность, а люди принимают ее за истину.

Наиболее экстравагантным, но логически безупречным был *солипсистский* вариант идеализма: то, что люди называют внеш-

ним миром, — это мир представлений, существующий в сознании каждого отдельного человека. Нам не дано выйти за пределы своей субъективности. Это так же невозможно, как человеку жить без кожи, а государству существовать без границ. Не только верно, что сознание существует, но также верно, что определенно существует *только* сознание и рожденные им образы, мысли, переживания. Об остальном мы не имеем права судить, это «не наше».

Кроме вульгарно-материалистического и идеалистического подходов к проблеме сознания есть *дуализм*, который признает существование двух разнокачественных и не сводимых друг к другу субстанций. Эта позиция была очень ярко представлена в философии Декарта. Дуализм избегает ошибок редукционизма, он уважительно относится к специфике материальных систем и духовной деятельности, но у него свое «узкое место»: проблема координации, согласования процессов, которые идут в обоих мирах. Духовная субстанция непротяженна, нематериальна. Как она может повлиять на предметы материального мира? И наоборот, как могут физические объекты производить «возмущения» в нематериальном мире? Вопрос сродни тому, над которым бились средневековые схоласты: «сколько ангелов может поместиться на кончике иглы?», то есть вопрос некорректный.

Но его некорректность куда-то улечивается, когда мы начинаем рассуждать, используя примеры из собственного опыта. Дырка в зубе, разбитое колено или звенящий над ухом комар — это ситуации из материального, протяженного мира, но почему-то они производят «возмущения» в вашем душевном состоянии: вы чувствуете боль, у вас портится настроение, ваша мысль не может ни на чем сосредоточиться и т. п. Эти примеры ясно показывают, что человек живет сразу в двух мирах: материальном и идеальном, нефизическом. В философии эта проблемная ситуация получила название *психофизического параллелизма*.

Декарт, точнее его последователи, выходили из положения с помощью гипотезы о координации двух миров, двух субстанций. Если есть координация, должен быть координатор. У Декарта он был: это — Бог. Но введение нового уровня в метафизической модели разрушает дуализм, который и без того не очень устойчив. В результате получается монистическая система, в которой есть только одна субстанция, только один полноценный мир. Это мир мыслей, идей, божественного, или индивидуального сознания, если принять точку зрения идеализма. Или мир мате-

риальных, физических объектов, если встать на позиции материалистического монизма. Кстати, к материалистам тогда надо отнести и тех, кто пытается взвесить душу и сфотографировать мысли, то есть работать с нематериальными объектами как с материальными.

Дуализм можно «спасти», называя физические и мыслительные явления двумя способами описания или проявления одной «глубокой реальности». Внутренне она переживается как боль, радость, мысль; внешне она проявляется как кариес, улыбка, зубцы энцефалограммы. Прекрасная музыка или живопись — это внутренний, культурный аспект того, что во внешнем аспекте предстает как колебания воздуха или световые волны. Но у этого, казалось бы, спасительного хода тоже есть свои недостатки. Во-первых, совершенно неясно, что такое эта «глубокая реальность», а значит, одну непонятную ситуацию мы пытаемся объяснить с помощью другой, еще более непонятной. Во-вторых, этот и многие варианты, которые были рассмотрены выше, упускают из вида проблемы свободы воли, творчества, спонтанной духовной активности и моральной ответственности.

И еще одно важное замечание. До сих пор рассуждения шли о сознании и духе вообще, но при этом использовались примеры из жизни отдельного человека, у которого уже было «готовое» сознание. Может, неудача кроется именно в этом? Видимо, пора вернуться к вопросу о пространстве и времени применительно к сознанию.

Сознание и проблема «идеального»

Мы утверждаем, что если искать сознание, ограничиваясь отдельным человеком и временем его жизни, мы никогда не найдем сознание, точнее, найдем, но не объясним. Ни представления о работе центральной нервной системы, ни представления об индивидуальной душе или собственные субъективные переживания не являются достаточными для решения этой задачи. Чтобы подтвердить этот тезис, вспомним истории о так называемых детях-маугли, то есть человеческих детенышах, выращенных животными. Если они выпадали из социального мира в очень раннем детстве, не успев овладеть речью и предметами, созданными человеком, и возвращались в мир людей после десяти лет, проведенных в стае, они не могли быть социализированы (очеловечены). В отличие от героя книги Киплинга такие дети повторяли все особенности поведения выращивших их зверей, из-

бегали контактов с людьми, не могли освоить членораздельную речь, их реакции не выходили за рамки психики животных. В чем же дело, почему у них отсутствует человеческое сознание? Анатомически они нормальные люди, их мозг не поврежден. Оказывается, этого мало. *Чтобы они могли пользоваться речью и искусственно созданными орудиями труда, мыслить и переживать человеческие эмоции, они должны были вырасти среди людей.*

Можно возразить, что это заключение слишком категорично, что здесь присутствует ошибка, свойственная бихевиористам: суждение о наличии или отсутствии сознания по внешнему поведению и недооценка внутреннего мира тех, кого воспитали волки или обезьяны. Увы! *Мышление имеет речевую, знаковую природу.* Неспособность оперировать искусственными знаковыми системами говорит об отсутствии интеллекта.

Иными словами, анатомические и физиологические предпосылки **необходимы**, но явно **недостаточны** для объяснения сознания. Кстати, **необходимость** иметь определенный объем мозга, строение руки и гортань, приспособленную к членораздельной речи, доказывается обратными примерами, а именно неудачными попытками вырастить в человеческой среде из современных обезьян-приматов людей (по образу жизни, а не по внешнему виду).

Итак, поиски сознания уводят за пределы тела человека в социальный мир. И обратите внимание: сознание называется **со-знанием**, то есть **совместным знанием!** *Сознание невозможно в одиночку!*

Попробуем потянуть за эту ниточку. Необходимость общения и множества носителей сознания предполагает еще одно, очень важное обстоятельство: различия в опыте носителей сознания. Сознание невозможно там, где опыт всех одинаков, неразличим, а потому незачем что-то сообщать другим, все и так знают то же самое. Так, если поведение живых существ полностью определяется генетически заданными инстинктивными формами, если объем прижизненно накопленных знаний незначителен и от него не зависит выживание вида, в сознании просто нет необходимости.

Дополним определение сознания с учетом этого обстоятельства. Получается, что **сознание — это совместно-разделенное знание**, которое дополняет то, чем владеют другие носители сознания. А потому имеет смысл постоянно обмениваться новой информацией.

Следующая проблемная ситуация. Как передать другим жизненно важный опыт? Если все находятся рядом в схожих условиях, можно просто что-то показать, например, прикоснуться к горячему и закричать от боли. Но если вы хотите объяснить другим, что никогда нельзя дотрагиваться до раскаленных предметов, а таковых под рукой не оказалось? Вы просто говорите, что никогда нельзя дотрагиваться и т. д. То есть вы используете **вторую сигнальную систему, или язык.** *С помощью языка вы создаете словесную модель, описание ситуации, а не саму материальную ситуацию.*

Мы продвинулись вперед в объяснении сознания всего на один шаг, но этот шаг породил обилие новых вопросов: что такое знак? символ? слово? язык? Можно ли считать языком только человеческий язык?

Вопросы очень серьезные. Для ответов на них создаются многочисленные теории, которые зачастую противоречат друг другу. Ограничимся здесь самыми простыми и бесспорными определениями, чтобы быстрее вернуться к главному предмету наших размышлений.

Философский словарь называет **язык системой знаков**, которая *служит средством общения, мышления и выражения. Язык является средством передачи информации и хранения социального опыта.* **Знаки** — это какие-то материальные предметы (буквы, звуки, вещи, события), которые представляют или изображают какие-то другие свойства, вещи или события. Символ и знак часто выступают как синонимы. Поднятый вверх большой палец руки — знак (символ) одобрения, буква «а» обозначает звук «а-а» и т. д. Еще одно свойство знаков: *обычно знаки, особенно языковые, не функционируют независимо друг от друга, а образуют систему со своими правилами построения, осмысления и употребления.* Одно слово, изолированное от других слов и от жизненной ситуации, в которой оно употребляется, не означает ни-че-го.

Что стоит за утверждением, что **знак означает** (представляет) какую-то вещь или процесс? Это значит, что знак работает «полномочным представителем» вещи (события, ситуации) в мире **идеального.** Идеальное в данном случае значит не «прекрасное» или «совершенное», а «символическое представление объектов в мире культуры», понятное и доступное только «воспитанному» сознанию.

Например, вас интересует Антарктида. Слово красивое, непонятное, очень хочется узнать, что это такое. Можно вас поса-

дуть в самолет и после долгого перелета сбросить с парашютом на Южном полюсе. А можно достать карту и объяснить словами, где это находится, какой там климат и т. д., то есть дать идеальную схему вещи в отсутствии самой вещи. Но это объяснение будет успешным, если вы понимаете, что такое карта, и знаете язык, на котором вам описывают Антарктиду. Совершенно очевидно, что такие знания не носят врожденного характера. Во-первых, их когда-то надо было специально получить, отправляя в Антарктиду экспедиции. Во-вторых, их надо передать другим, то есть сделать достоянием иных сознаний, используя для этого средства естественного языка и специальные географические модели (карты).

Получается, что язык и вообще вся сфера культурных символов, смыслов, норм, идеалов есть область, где «живут» схемы, идеальные изображения вещей, ситуаций, поступков и деятельности людей. Это есть место встречи сознаний тех людей, которые добывали и кодировали в языке информацию, вкладывали в значки и символы важный для них смысл, и тех, кто этой информацией пользуется, кто эти смыслы понимает. Само наше личное, индивидуальное сознание появляется, формируется, развивается в той мере, в какой каждый человек овладевает языком, учится жить в мире культурных символов, использовать орудия труда, участвовать в совместно-разделенной деятельности.

Не только в словах, но и в вещах спрятан результат познания и творчества. В карандаше спрятана, закодирована возможность писать, рисовать, в ноже — резать, в молотке — забивать гвозди. Нужно очень постараться, чтобы изобрести нож или колесо, велосипед или компьютер, но довольно просто их потом использовать. Орудие кодирует и несет в себе схему, принцип возможного использования, оно передает эту схему без слов, через века любому, кто догадается, для чего оно было сделано.

Получается, что учителем мастерства может стать тот, кого давно нет на свете, чье имя вам ничего не говорит, кого вы никогда не узнаете. В сфере идеального вашим собеседником может быть Платон или Кант, вашим учителем и единомышленником — знаменитый создатель сада камней монастыря Рёандзи японский мастер Соами (XV в.), а пример верности или благородства может подать вымышленный литературный герой. Но тогда получается, что вопрос о пространстве и времени, в котором существует сознание, имеет странный ответ: всюду и нигде, всегда и никогда, точнее, *только там и тогда, где и когда проис-*

ходит встреча двух сознаний, где «проскакивает искра смысла», когда вы говорите себе: «понятно!». Или — «интересно!».

Таким образом, сознание является функциональной способностью общественного и культурного человека работать с идеальными объектами: смыслами, значениями, нормами, схемами деятельности, понимать их, использовать, изменять, творить новые. «Идеальное есть только там, где есть человек, совершающий свою деятельность в формах, заданных ему предшествующим развитием человечества», — писал замечательный советский философ Эвальд Васильевич Ильенков (1924—1979).

Получается круг в определении: сознание мы определяем через причастность к идеальному, а идеальное — через деятельность человека, наделенного сознанием. С формально-логической точки зрения это нехорошо. Но иногда понимание проблемы вынуждено идти по кругу, все время увеличивая радиус.

Строение сознания

Как же теперь вернуться к отдельному «Я», к личной субъективности, с которой начиналось обсуждение этой сложной проблемы? Через витрину кондитерского магазина или кофейни. В этих витринах обычно выставлены аппетитные куски торта или слоеного пирога. Такой слоеный пирог может послужить моделью устройства сознания.

Для классической философии индивидуальное сознание было только знанием о внешнем мире, о содержании собственного мышления и о своих переживаниях, эмоциях, ощущениях... Пусть этот слой сознания представляет средний слой пирога.

Позднее марксизм обратил внимание на то, что очень многое в нашем сознании зависит от господствующих в обществе идей, представлений, предрассудков, оценок и так далее. Если есть общественная жизнь, общественное бытие, значит, должно быть его отражение в общественном сознании, значит, элементы этого общественного сознания должны присутствовать в сознании индивидуальном. Речь сейчас не идет о тех достижениях культуры человечества, которые вы сознательно осваивали. Многое в вашем сознании взялось «неизвестно откуда» — просто это известно всем, так считают все окружающие. Сила этих распространенных в обществе идей, представлений, настроений очень велика. Они могут затормозить или ускорить экономические и политические процессы, — считали марксисты. Они мо-

гут *вызвать* эти процессы, считали их буржуазные оппоненты... (Добавляем сверху «слой крема».)

В нашем сознании множество таких вещей, о которых мы вообще ничего не знаем, не хотим знать, не можем знать, даже если хотим. Это точка зрения Зигмунда Фрейда. Его учение о бессознательном, о соотношении Сверх-Я, Я и Оно в структуре личности в свое время шокировало философскую и научную общественность, а сейчас стало общим местом (см. раздел 3.5.4). (придется добавить еще один слой снизу.)

Содержание *бессознательного* уровня сознания зависело от личной истории человека, от детских психических травм, от не реализованных запретных желаний, считал Фрейд. Его соратник и оппонент Юнг переосмыслил позицию учителя и постарался показать, что индивидуальное бессознательное — это не последний уровень психической жизни: еще глубже лежит *коллективное бессознательное* — совокупность передаваемого по наследству психического опыта предшествующих поколений. Этот опыт существовал, согласно Юнгу, в мифологических образах и символах, в неосознанных инстинктах и импульсах, в так называемых архетипах... Добавляем еще один, нижний слой к нашему «слоеному пирогу» сознания.

Подведем некоторые итоги, которые, однако, никак не могут быть окончательными.

Сознание — сложный и многоликий феномен. Приведенные здесь определения ни в коей мере не могут исчерпать всего его содержания. И все же они определяют, огораживают некую область, где живет сознание, где есть шанс его найти. С одной стороны, для наличия сознания необходимо наличие мозга и других морфологических характеристик нашего биологического вида. С другой стороны, необходима коллективная, общественная жизнь и разнообразие благоприобретенного опыта. С третьей — наличие членораздельной речи, языка, с помощью которого происходит обмен этим опытом. С четвертой — необходимо богатство предметной сферы, то есть искусственно созданных вещей и орудий труда, которые «опредмечивают», воплощают в предметах добытые знания и умения.

Где-то внутри этой ограды существуют субъективность, самосознание, память, рациональное мышление, аффекты, бессознательное, свобода воли, моральная ответственность, творчество новых вещей, текстов и смыслов. Сознание всегда направлено на что-то, что не есть оно само, это знание о чем-то, осознание

каких-то свойств и отношений. Список можно продолжать, но всех особенностей сознания все равно не перечислить... Правы авторы оксфордского словаря: сознание успешно сопротивляется попыткам его определить!

Вопросы и задания

1. Внимательно прочитайте представленные ниже определения сознания и подумайте, что в них отражено: самая главная черта сознания или просто одна из многочисленных его характеристик? «Сознание — это осознанное бытие». «Сознание — это субъективный образ объективного мира». «Сознание — это человеческая способность идеального воспроизведения действительности в мышлении». «Сознание — это высшая, свойственная только человеку и связанная с речью функция мозга».
2. Выберите из текста третьей и пятой глав информацию о той трактовке сознания, которая кажется вам наиболее правильной и хорошо аргументированной. Постарайтесь убедительно доказать свою правоту.
3. Как соотносятся общественное и индивидуальное сознание, сознательное и бессознательное?
4. В чем заключаются принципиальные различия материализма и идеализма по вопросу о природе и роли сознания?

Глава 6

ГНОСЕОЛОГИЯ КАК ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ошибка становится ошибкой, когда рождается истина.

Станислав Ежи Лец

Познавательная деятельность — одна из основных форм взаимодействия человека с миром. К познанию проявляют интерес психология, физиология высшей нервной деятельности, логика, педагогика, социология и другие дисциплины. Специфика подхода **гносеологии** к познавательному процессу заключается в выделении двух его сторон — **субъекта** познания и **объекта** познания и в изучении взаимодействия между ними. Самым желанным результатом этого взаимодействия является **истина**, то есть соответствие чувств, понятий, суждений, теорий и т. п. объективному положению дел, или, иными словами, *соответствие знания вещам*.

Однако даже простое перечисление познавательных способностей и вполне законное требование к знаниям соответствовать действительности (**принцип корреспонденции**) отвергает бездну. Эта бездна вопросов, сомнений, несбывшихся надежд и новых попыток найти истину и есть зона ответственности гносеологии. Рассуждая о понятии реальности, мы обнаружили, что совершенно понятное слово стало неуловимым, постоянно меняя свой обличья. С познанием и истиной эта ситуация может повториться. Поэтому сразу предупреждаем, что рецепта наиболее эффективного метода познания нет. Наша задача — приблизительно определить специфику, возможности и границы тех познавательных средств и возможностей, которыми располагает человечество на сегодняшний день. Но даже это первое приближение дает возможность в будущем критически относиться к своему

знанию и осознанно применять современные методы познания, делать разумный выбор между агностицизмом, скептицизмом или гносеологическим оптимизмом.

Спросим еще раз вслед за Кантом: «Что я могу знать?» и постараемся развернуть проблемную ситуацию в серию взаимосвязанных вопросов:

1. «Что я могу знать?», то есть что такое объект познания, каков его онтологический статус, может ли познание «добраться» до бытия? *Что* мы можем познать, а чего не можем принципиально, где проходят границы познаваемого?

2. *Кто* скрывается за местоимением «я» в кантовском вопросе, или — кто является субъектом познания?

3. «Что я могу знать?»; что есть истина, достижима ли она, и каким образом можно отличить ее от заблуждения? Какие основные средства, формы, приемы познания имеются в распоряжении человека?

Поиски ответов начнем со второго вопроса.

Субъект познавательной деятельности

Субъект познания — это человек. Ответ правильный, но нуждается в «небольших» уточнениях. А разве животные и растения исключены из процесса познания? Разве не знают они лучше человека, когда пойдет дождь или откуда грозит опасность? Разве не знает собака, в каком настроении пришел хозяин, а ведь это явно не врожденная информация? Все зависит от того, как понимать знание.

Если считать **знанием** (вместе с авторами философского словаря) «*адекватное отражение действительности в сознании человека в виде представлений, понятий, суждений и теорий*», если относить к нему только такие результаты процесса познания, которые «*проверены общественно-исторической практикой и удостоверены логикой*», то *познание и его плоды доступны только человеку*. Но если рассматривать познавательные процессы в рамках более широкого кибернетического подхода как *передачу и использование информации*, тогда *всю жизнь можно представить как процесс познания*.

По мнению биологов, любая живая система, от одноклеточных амёб до высших млекопитающих, должна активно поддерживать равновесие с окружающей средой и устойчивость внутренних характеристик, а среда постоянно изменяется. Значит, живая клетка или организм, активно реагируя на эти изменения,

осуществляют так называемую *обратную связь*. Если живой организм не погиб, если он существует, значит, он успешно строит обратную связь с окружающим миром. Тогда *факт существования организма доказывает наличие познания в широком (кибернетическом) понимании*. Более того, познание в некотором смысле должно предшествовать существованию: мы имеем в виду врожденные реакции и генетически заданные возможности аппарата отражения.

Такая точка зрения была заявлена и получила серьезное обоснование в трудах лауреата Нобелевской премии **Конрада Лоренца** (1903—1989) — австрийского биолога и философа, основателя современной этологии. С 1940 г. он начал исследовать «врожденные формы опыта». История эволюции — это история совершенствования врожденного аппарата отражения действительности, главную роль здесь играет появление и усложнение нервной системы. Человеческое сознание — качественно новый этап на этом пути; использование второй сигнальной системы (речи) открывает небывалые возможности познания. Но и до появления сознания живые существа обладали большим набором априорных (доопытных) форм взаимодействия с действительностью. Лоренц рассматривал их как неоспоримое свидетельство согласования познания и реальности: «Между формами мышления и созерцания и между формами самой реальности существует точно такое же отношение, какое имеет место между органом и внешним миром, между глазом и солнцем, между копытом и степной почвой, между плавниками и водой... отношение более или менее широкой аналогии».

Мы охотно согласимся с тем, что копыто лошади *приспособлено* к степной почве, но можно ли сказать, что это есть результат *познания*? И что является органом познания, уж не копыто ли? И кто осуществлял этот познавательный процесс: лошадь? популяция лошадей? семейство непарнокопытных лошадиных? эволюция? жизнь? природа в целом? Слишком широкий и неопределенный ответ, скорее всего, говорит о том, что сам вопрос сформулирован слишком широко. Возможно, это произошло потому, что у Лоренца гносеология превратилась в биологическую науку. Собственно человеческое познание он слишком тесно связал с предшествующими этапами развития свойства отражения в живой природе. Расширительная трактовка познания заставляет нас забыть о субъекте, который наделен сознанием, и о его индивидуальных знаниях. Вернемся в ту точку, где субъект

том познания был назван человек, способный сознательно и целенаправленно получать информацию об окружающей среде и собственном внутреннем мире. Любой человек, его *ощущения, восприятия и представления* на уровне *чувственности* и его *понятия, суждения и умозаключения* на уровне *мышления* могут послужить моделью познавательной деятельности.

Эта модель «человека вообще», или «гносеологического Робинзона», широко использовалась в классической философии Нового времени. Но тогда же стали выявляться ее принципиальные недостатки и границы, и все последующее развитие философской мысли уточняло, развивало и открывало новые пласты в поначалу такой, казалось бы, простой модели.

Итак, человек. Если мы имеем в виду человека в точном смысле слова, а не Маугли, выращенного в звериной стае, мы заведомо соглашаемся на наличие у него сознания, понятийного мышления, на причастность к каким-то социальным, культурным, историческим традициям. Значит, наш абстрактный познающий субъект всегда несет на себе печать своего общества, своей исторической эпохи. Как заметил поэт, «время — кожа, а не платье» (А. Кушнер).

Это можно назвать *предрассудками*, но без отрицательного оттенка: деятельности индивидуального рассудка всегда предшествуют определенные мыслительные установки, принятые в данную эпоху. Точно так же любой человек воплощает определенные исторические *традиции*, он использует предшествующее знание, доверяя *авторитету* тех, кто встал на путь познания раньше него и достиг хороших результатов. Даже то, что классическая философия называла чистым рациональным мышлением, не зависимым от социально-исторических обстоятельств, есть продукт воспитания ума, «обтесывания» его по правилам логики, математики, научной строгости и проверяемости.

Далее, сам *язык*, его структура и его словарный запас заранее определяют возможности наших высказываний о мире. Каждое слово — это такой «глаз», который видит только то, что этим словом обозначено. Если нет соответствующего «глаза», мы не увидим вещи или свойства. Можно придумать новый термин или выражение, то есть создать еще один «глаз», но нельзя придумать живой язык в целом, для этого надо повторить всю историю народа. Таким образом, если наш условный познающий субъект умеет говорить, он уже несет в себе историю и особенности своей национальной культуры «в снятом виде», как любил

повторять Гегель. Незаметно для нас «я» познающего субъекта дополнилось «мы» и даже «они».

Итак, мышление, даже если оно потенциально не ограничено по содержанию, всегда имеет определенные культурно-исторические ограничения по структуре и способу своей организации, без этого его просто нет. Не случайно Кант выделил 12 априорных категорий рассудка, вне и без которых невозможно мышление. О числе категорий можно спорить, хотя это не было произволом Канта: он четко соотносил их с типами суждений, которые есть в естественном языке. Но нельзя спорить о том, предопределяет ли язык возможности нашего познания. Это очевидный факт. Так же очевидно, что, с другой стороны, эти ограничения одновременно есть и *возможности*, предоставленные нам языком, временем, историей, культурной традицией.

Но может быть, наша чувственность не имеет таких культурно-исторических ограничений? У всех людей во все времена глаз видит световые волны в диапазоне от 760 до 380 нм, мы все слышим звук и видим движение как непрерывное, если в секунду подается более 16 сигналов. (А вот пчелам нужно предъявлять более 200 изображений в секунду, чтобы у них «не рябило в глазах», они не видят красного цвета, зато воспринимают ультрафиолетовое излучение.)

Эти примеры ничего не говорят о культурно-исторических ограничениях, но фиксируют генетически заданные границы восприятия внешнего мира, которых мы не ощущаем, потому что они естественны и всеобщы. Задолго до этих исследований, не входя в физиологические детали зрения или слуха, Кант предположил, что сами пространство и время есть человеческие способы получения и организации всякого возможного опыта (см. раздел 3.4.4). Мы активно, хотя и неосознанно, используем эти формы упорядочения опыта, без них процесс познания просто невозможен. Так что познает, конечно, конкретный человек, познает «здесь и сейчас», но формы познания даже на уровне чувственности предзаданы нам, в нашем «я» проступают «они» — наши генетические предки, особенности человеческой физиологии, априорные формы человеческой познавательной активности.

Далее. Брошенный взгляд, движение руки, которая ошупывает предмет, — все это вопросы, которые мы задаем миру. Каков вопрос — таков ответ. Мы не заметим второстепенного и выделим главное в зависимости от своих целей и задач. Художник или ковродел видит десятки оттенков одного цвета, автомо-

билисту же достаточно не путать красный и зеленый. Ищем участок для дачи — обратим внимание на красивый вид и удобную дорогу, ищем защиту от дождя — заметим не красоты природы, а сарай или навес. Эти примеры свидетельствуют о том, что человек даже на уровне ощущений, восприятий и представлений активно моделирует картину мира в соответствии не только со своими генетическими возможностями, но и со своими целями, практическими задачами, прошлым опытом и иными личностными и социальными особенностями. Напрашивается вывод: процесс познания осуществляет человек, но его познавательные способности зависят не только и не столько от него самого, сколько от его родовых характеристик, культурно-исторических возможностей мышления, практических целей и задач. Человек познает мир как представитель определенной исторической эпохи, научной школы, профессионального сообщества и т. д. Это значит, что *субъектом познания может выступать и отдельный индивид, и социальная группа, и человечество в целом.*

Объект познания

Субъект познания при ближайшем рассмотрении оказался каким-то неопределенным, несущим в себе априорные предпосылки и социально-исторические ограничения. Другое дело — объект. Он есть, он не зависит от субъекта, он обладает определенными свойствами, а наша задача — исследовать его со всех сторон и сообщить результат. *Объектом познания могут быть природа, общество и сам человек* (в последнем случае мы имеем дело с самопознанием).

И все-таки без подвоха не обошлось. Абсолютно объективный объект, никак не связанный с субъектом, никак не проявившийся в опыте, не отраженный в теориях — это пустое, абстрактное понятие, не более. Это то, что Кант называл «вещью в себе». Единственное основание, которое оправдывает это понятие, — возможность обозначить глубину и направление познавательного усилия: так заведомо недостижимая линия горизонта задает глубину картины. Уже в главе «Основные проблемы философии бытия» было отмечено, что полностью объективный мир нам и не дан, и не нужен. Любая модель мира предполагает явную или неявную связь с человеком, как ее творцом. Таким образом, мир в качестве объекта познания также имеет исторический характер, зависит от уровня развития общественной практики и науки, от творческих способностей и целей челове-

ка. Яблоки падали на землю с незапамятных времен, но только Ньютон увидел в этом проявление закона тяготения.

Конечно, закон природы нельзя придумать, его можно только открыть, это правда. Но вот вопрос: существует ли для нас неоткрытый закон природы, и если он существует, то откуда мы об этом знаем, когда мы с ним не знакомы? Закон — это преграда, надо на нее наткнуться, чтобы понять, что она есть. Кстати, до Ньютона падение тел на землю замечательно объясняла физика Аристотеля, в которой предполагалось, что у всех предметов есть свои естественные места, поэтому все тяжелое падает вниз, а легкий пух и тем более, легчайший эфир стремятся вверх, к границе подлунного мира.

Спасти внешний мир в качестве относительно независимого объекта познания и не скатиться на позицию солипсизма поможет следующее рассуждение:

- конечно, наше познание ограничено строением органов чувств, понятийной структурой мышления и спецификой логического вывода;
- конечно, помимо этого возможны еще и ошибки восприятия, галлюцинации, бред и безумие;
- конечно, первичные данные опыта фиксируются в языке и напрямую зависят от его гибкости и совершенства;
- конечно, исследовать те или иные свойства мира нас побуждает конкретный, ограниченный, практический, реже — эстетический интерес;
- конечно, без субъекта нет объекта, как без вопроса нет ответа, а вопрос всегда задает исторически и культурно обусловленный субъект познания.

И все же: «существование внешнего мира является гипотезой, которая имеет *выдающееся подтверждение* (курсив наш. — Авт.)».

Закавыченное выражение принадлежит современному немецкому исследователю Герхарду Фоллмеру (род. 1943). Он перечисляет предположения, характерные для *гипотетического реализма*, то есть убеждения в существовании объективного реального мира после всех сомнений, разочарований, солипсистских и скептицистских искушений, подчеркивая и познавательную, и онтологическую значимость такой позиции.

Наивный реализм (эта позиция свойственна обыденному сознанию) считает, что имеется реальный мир, и он именно таков, каким мы его представляем.

Критический реализм считает, что мир, как объект познания, реально существует, но он не во всех чертах таков или даже совсем не таков, как мы себе представляем.

Гипотетический реализм, предполагая реальный мир, считает его независимым от сознания, взаимосвязанным, структурированным и частично познаваемым. Но каждая гипотеза постоянно нуждается в перепроверке, а мы должны быть готовы к ее опровержению. Достаточно вспомнить миф Платона о пещере и запертых в ней узниках, которые принимают тени на стенах пещеры за реальные вещи. Гипотетический реализм оставляет субъекта в пещере (или в ограниченном туннеле реальности), но допускает возможность совершенствования познания и наличие в нем объективного содержания. Если бы познание не давало нам никаких знаний о мире, то человек как биологический вид давно бы погиб. **Факт нашего с вами существования служит доказательством *частичного* соответствия познания и действительности.** Но именно *частичного*, поскольку сущность и явление — не тождественны и процесс познания бесконечен, а человеку свойственно ошибаться.

Если вы согласны с Кантом в том, что между сущностью и явлением пролегает непреходимая *качественная* граница, вы займете позицию осторожного *агностицизма* и не будете претендовать на то, что вы познаете вещи сами по себе, то есть объективный мир. Если вы полагаете, что различия эти *количественные* и исторически преходящие, что прогресс науки позволяет изучать сущностные свойства объектов, — считайте себя *гносеологическим оптимистом*. Если вы воздерживаетесь от суждений относительно свойств объектов познания — вы хитрый *скептик*, который предоставляет возможность формулировать догматические утверждения, а потом в них разочаровываться другим, более наивным и пылким людям.

Проблема истины в современной гносеологии

Если удастся показать, что есть соответствие, пусть неполное, между знаниями и объективной реальностью — это значит, что истина, пусть не абсолютная, существует. Истина и есть тот «мост», та связь, которая соединяет «берега» субъекта и объекта познания. Отметим, что все предыдущие рассуждения о субъекте и объекте познания не могли обойтись без предположения, что такая связь должна или может быть. Мы избегали слова «истина», но втайне надеялись, что она есть. Строится эта связь

несколькими различными способами, у каждого есть свои преимущества и недостатки. Из всего, что было сказано выше, вытекает, что до сего времени не удалось построить абсолютно надежного «моста», который бы не «сносило» половодьем сомнений и критики.

Первый тип связи возникает в результате *интуиции* — чувственной, рациональной или иррациональной (мистической). Интуиция определяется как интеллектуальное или чувственное *непосредственное усмотрение сущности*. Мистическая интуиция претендует на прямое проникновение в глубины бессознательного или священного, то есть в такие области, вход в которые связан с особыми трудностями и ограничениями. Интуиция непосредственна, самоочевидна, она не требует громоздких выводов и долгих рассуждений. Это мост, который возникает мгновенно, как в сказке. Правда, более детальное знакомство с темой показывает, что интуитивному озарению обычно предшествует банальный жизненный опыт, накопление информации и попытки логически решить проблему. Не случайно говорят о профессиональной интуиции опытного врача или водителя со стажем; а вот маленькие дети лишены интуиции, так как еще мало прожили на свете.

Но, так или иначе, интуиция дает безусловное ощущение встречи с истиной. Однако это ощущение есть достояние только одного человека, проверить его или передать другому невозможно, пока озарение не переведено в форму строгих выкладок и доказательств, пока оно не выражено в словах, разумных поступках или результатах творчества, то есть пока оно не *объективировано*. Иными словами, по этому мосту может пройти только один человек. К тому же часто оказывается, что это переживание не только нельзя выразить во внешних формах и передать другим, но что интуитивное предвидение обмануло. А если все можно облечь в слова и передать другим, то почти наверняка имело место свернутое, но вполне логичное рассуждение. Говорят, Д. И. Менделееву его Периодическая система приснилась во сне. Это классический пример научной интуиции. Но не секрет, что до этого он долго бился над установлением периодического закона наяву. Поэтому теперь тот же путь без всякой интуиции повторяют миллионы учащихся во всем мире, разбирая опытные примеры и теоретические аргументы. А все, что опирается на опыт или связано с доказательствами, также имеет свои границы, хотя и несколько иного рода.

Связь между субъектом и объектом, которая вырастает из *опыта*, — это своеобразный познавательный «долгострой». Представьте картину: часть свай забита в грунт, а часть валяется в беспорядке, полотно моста зияет провалами, на подъезде к стройке лежат груды песка и строительного мусора. Но если мост, как техническое сооружение, когда-нибудь да достроят, то опытное познание никогда не может завершиться абсолютным и несомненным результатом. Причин для этого несколько.

Первая причина — ограниченные возможности наших чувств плюс неизбежные ошибки восприятия. Это означает, что *чувственность*, как источник первичной информации о мире, ненадежна, что влечет ненадежность выводов и рассуждений, в которых использована эта информация.

Вторая причина — это *бесконечность* мира, по крайней мере, его неисчерпаемость. Даже если принять модель ограниченной Вселенной, остается внутренняя глубина и бесконечная сложность физических, химических, биологических, социальных, знаковых и иных систем, познать которые пытаются люди. Значит, для познания бесконечных объектов нужен бесконечный опыт и бесконечное время, то есть достижение истины откладывается на неопределенный срок. В этой ситуации можно говорить лишь об *относительной истине* или о фрагментах, «зернах» истины.

Третья причина — *практический* характер жизни и познания. Опыт — «это основанное на практике чувственно-эмпирическое познание действительности», а практика всегда имеет конкретный, исторический характер. Если деятельность успешна, мы уверены: это потому, что мы правильно оцениваем ситуацию, что мы имеем верные знания. По прошествии времени часто выясняется, что мы заблуждались, но дело уже сделано. Не одно столетие мореплаватели руководствовались соображением, что Земля — плоская, их практика подтверждала эту гипотезу, но спустя некоторое время человечество отказалось от такого представления.

Четвертая причина: есть опыт, отлитый, как в бронзе, в логически строгих формулировках законов, опыт, ставший всеобщим достоянием. А есть опыт человеческих поступков, событий, переживаний. Он имеет огромную ценность, но его почти невозможно передать другим — не потому, что он мистический и в словах не выражается, а потому, что он имеет *экзистенциальную* природу, это то, что надо прожить. Родители могут постоянно

твердить вам: «Не повторяй наших ошибок, учись на нашем опыте!». Ошибки все равно будут сделаны, потому что воспользоваться чужим жизненным опытом — значит отказаться от своего собственного, значит не прожить свою собственную жизнь. Только, делая собственные ошибки, постарайтесь, чтобы они не были трагическими и непоправимыми, не сокращали жизнь вам и вашим близким.

Пятая причина связана с особенностями логического вывода. Логика не ищет и не открывает истину. Логика транслирует, передает свойство быть истинным от более общего высказывания к менее общему (частному). Опыт фиксирует частные случаи, поэтому на его основе нельзя сделать корректное утверждение о чем бы то ни было с вероятностью, равной 100 %, если опытный ряд не завершен. Например, можно осмотреть всех лебедей в пруду зоопарка и сказать, что «все лебеди в этом пруду белые», и это будет истинным утверждением. Но если вы не осмотрели всех лебедей на планете Земля, суждение «все лебеди белые» будет опровергнуто, потому что в Австралии водятся черные лебеди. Получается, что с помощью опыта и правил индуктивного вывода можно *безошибочно опровергать*, но нельзя *безошибочно утверждать*.

Эти пять причин не исчерпывают всех претензий к опытному пути познания истины, но делают понятным «гносеологический долгострой» на мосту эмпирического познания. Можно даже объяснить, почему вполне крепкие секции вдруг начинают разбираться, а потом монтировать заново. Даже простое созерцание мира требует не только работы зрения, слуха и других органов чувств, но и определенного объяснения услышанного и увиденного. *Мы всегда воспринимаем мир в рамках определенных ожиданий, предположений и гипотез*. Поэтому наблюдение за падающим телом или движением Солнца включает в себя, помимо работы глаза, соотнесение увиденного с общей картиной мира, научными, обыденными, мифологическими или религиозными представлениями. А они сильно меняются с течением времени: Аристотель уступает место Ньютону, а Птолемей — Копернику.

Вывод: перебраться на тот берег с помощью опыта вряд ли когда-нибудь удастся, поскольку река незаметно превратилась в океан, а строительные технологии далеки от совершенства. Остается строить мосты до ближайших островов и довольствоваться относительными истинами.

В ответ на это утверждение можно возразить: есть безусловные, абсолютные истины. Сумма углов треугольника — всегда 180 градусов, а от перемены мест слагаемых результат не меняется. Это так. Образно говоря, мы оказались на прекрасной многоуровневой эстакаде, которая идет вдоль берега реки или океана.

Эта «эстакада» называется *аналитическим* знанием. Оно не зависит напрямую от опыта и является разверткой следствий и выводов из абсолютно ясных и самоочевидных исходных принципов и аксиом. Если не нарушаются правила логики, то из истинных посылок всегда будут следовать истинные заключения. В этой ситуации есть только две проблемы: откуда известно, что принятые аксиомы истинны, и где взять столько истинных аксиом, чтобы с их помощью объяснить *всё* знание?

На первый вопрос будем отвечать в несколько этапов. Во-первых, можно назвать некоторое количество утверждений столь ясных и несомненных, что все с ними согласятся. Но мы помним, что эта несомненность и ясность имеют исторический характер, что в ней скрыто присутствуют познавательные усилия многих прошлых поколений. Поэтому правильнее будет говорить о *взаимной согласованности (когерентности)* данного высказывания или вывода с тем, что уже принято за истину, что связано с ней процедурой логической или математической дедукции. То есть аксиома не может быть абсолютно беспредпосылочной, случайной и автономной в культурном смысле, хотя с точки зрения формальной логики она, действительно, независима.

Второе соображение: мы можем отвечать только за то, что сделали сами. Если мы сами сконструировали математический или социальный объект с заданными свойствами, из этого могут следовать неочевидные выводы, но все они предопределены принятыми исходными параметрами. Например, суждение «все аспиранты имеют законченное высшее образование» будет аналитическим и истинным, потому что мы сами приняли решение допускать до вступительных экзаменов в аспирантуру только тех, кто закончил вуз. Аналогично, как бы сложны ни были математические модели, они связаны с начальными допущениями конечным числом шагов аналитического вывода. Его безошибочность может быть проконтролирована экспертами из данного научного сообщества. Объективный внешний мир целиком сконструировать нельзя, поэтому опытные знания о нем не носят столь же обязательного характера.

Тем не менее, на путь рационального конструирования своих объектов становятся все новые и новые науки. С действительностью эти конструкты соотносятся не точно, а с некоторым приближением, впрочем, вполне достаточным для решения поставленных задач. Это правильно, потому что иначе никогда не было бы доказано ни одной теоремы. Нарисуйте без циркуля на листе круг, посмотрите, что у вас получилось, и подумайте, относительно какого круга — идеального или вашего — строятся доказательства. Но вот что удивительно: очень сложные абстрактные математические модели неожиданно получают хорошие физические, экономические или социальные интерпретации. Это свидетельствует о том, что аналитическая «эстакада» все-таки становится настоящим мостом и связывает берега человеческого знания и объективной реальности. Можно предположить: связь с объективной реальностью становится возможной потому, что *аналитическое* знание в процессе своей интерпретации, «развертки» незаметно становится *синтетическим*, описывающим опыт.

И все же в момент принятия аксиома не может ориентироваться на опыт. Она считается истинной, если не противоречит знанию, считающемуся истинным, т. е. когерентна этому знанию. Ее введение должно способствовать получению новых нетривиальных результатов, она должна быть красивой, соответствовать интеллектуальной интуиции и критериям рациональности, принятым в данную эпоху. Ясно, что этим требованиям не соответствует очень большое количество знаний, другими словами, аксиомы не покрывают большую часть эмпирического опыта. Поэтому ответ на вопрос, где взять столько истинных аксиом, чтобы аналитически вывести из них все имеющееся знание, один — нигде.

Вообще, в своей практической деятельности люди зачастую ориентируются не на строгость и доказательность, а на успех и простоту при достижении цели. Несколько утрируя ситуацию, скажем: большинство считает истинным то, что успешно. Это тоже относится к числу так называемых «относительных истин». Они имеют *ограниченный и исторически преходящий характер*. Практика выступает критерием истины, она помогает найти оптимальное в данной ситуации решение, но она никогда не может сказать, что эта истина останется на века. Ведь сама практика постоянно меняется.

Подводя итог, можно сказать, что *точные науки ориентируются на аналитико-дедуктивные методы и когерентную концеп-*

цию истины. Опытное, экспериментальное естествознание ориентируется на синтетические и индуктивные методы и предпочитает корреспондентную теорию истины, то есть считает истиной соответствие показаний органов чувств и высказываний реальности. Технические науки и огромный пласт практической социальной деятельности склонны принимать за истинное то, что «хорошо работает», «приводит к успеху», «позволяет достичь поставленных целей».

Таким образом, ясно, что познавательных стратегий как минимум три, но ни одна из них не решает всех проблем. Нужно их умело комбинировать. Критериев истины тоже много, но они также не абсолютны, а если абсолютны, то нам не доступны. Иисус, конечно, мог ответить на вопрос Пилата «Что есть истина?» словами «Аз есмь» («Я есть»). Однако нам отождествить свою экзистенцию с истиной не дано.

На нашу долю остается несовершенный и незавершенный опыт, практический успех, который может опираться на ложные допущения, интуитивная ясность, которая может обмануть или остаться непонятной для других, логичное и непротиворечивое рассуждение относительно того, чего нет в природе. Но раз мы живы, все не так уж плохо, какая-то часть истины нам явно доступна, а дорогу осилит идущий.

Вопросы и задания

1. Какие способности использует человек на чувственном и на рациональном уровнях познания? В чем заключается специфика каждого из этих уровней?
2. Кто или что может быть субъектом познания?
3. Что можно отнести к априорным предпосылкам познания? Обладает ли человек врожденными знаниями, идеями, теориями?
4. Какой образ, на ваш взгляд, лучше передает суть процесса познания: зеркало, стоящее в удивительном саду, конструктор за чертежами нового механизма или душа, вспоминающая свое пребывание в мире бессмертных идей?
5. Доступно ли людям истинное знание, или их удел — мнения? Постарайтесь найти убедительные аргументы в пользу своей точки зрения.
6. Как связаны истина и сущность?
7. Что может служить критерием истины?
8. Согласны ли вы с точкой зрения Гегеля, что истина — это процесс?

Глава 7

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Другие науки, сколько бы они ни пытались рассуждать, не обращаясь к философии, они без нее не могут обладать ни жизнью, ни духом, ни истиной.

Гегель

Начиная с Нового времени наука стала постоянным объектом изучения философии. Постепенно сформировалась целая философская дисциплина — **философия науки**. Предметом этой области философии является *структура и закономерности развития науки как познавательной деятельности, системы научного знания и социального института*. То есть наука имеет несколько «ипостасей»: во-первых, это творческая деятельность по получению нового знания, целью которой является достижение истины (хотя бы относительной); во-вторых, это результат такой деятельности — совокупность полученных знаний, приведенных в систему на основе определенных принципов; в-третьих, наука имеет социальную, общественную природу: она живет и функционирует в определенном обществе, где имеются связи между научными организациями, учеными, в науке вырабатываются нормы и ценности, которые распространяются среди людей этого общества. А в современном обществе наука стала и областью профессиональной деятельности огромного количества людей (в конце XX в. численность ученых в мире превысила 5 млн человек!)

Как отделить науку от не-науки?

Становление философии науки как особой области философии связано с **позитивизмом**. Свое название это течение берет из работ французского мыслителя **Огюста Конта** (1798—1857), который считал, что человечество и каждый человек в своем разви-

тии проходят три стадии: религиозную, когда непонятные явления объясняются ссылками на сверхъестественные силы, богов, демонов и т. п.; метафизическую, когда для объяснения миропорядка строятся умозрительные метафизические системы; позитивную, или научную, когда мир объясняют на основе теоретического осмысления фактов. Конт был уверен, что в XIX столетии начался переход к *позитивной стадии развития* человечества, и на этой стадии наука будет определять все стороны жизни общества. Отсюда и название течения — **позитивизм**, поскольку оно утверждало примат науки над всеми остальными областями жизни.

Любопытно, что под наукой позитивисты (которых было много — течение стало модным и распространилось во многих странах), понимали прежде всего естественные науки, как строгие и основанные на опыте. Они предлагали и гуманитарное знание «переделать» по образу и подобию естественного, надеясь, что в этом случае гуманитарные науки станут столь же точны и применимы в практике. Недаром Конт стал основателем социологии — науки, где предметом является общество (вполне гуманитарная «заявка»), а методы заимствованы из естествознания — статистика, социологический эксперимент и т. п. То есть позитивизм проповедовал своеобразную экспансию естественнонаучных методов на несвойственные им области исследования.

История у позитивистской традиции оказалась очень длинной, — она и сейчас не закончена, хотя современные философы науки уже давно отказались от наивной уверенности Конта в том, что естествознание сможет разрешить все проблемы, стоящие перед человечеством и сделать его счастливее. Тем не менее, уже в XX в. в Европе, а затем и в Америке появляется новое направление — **неопозитивизм**, или **логический позитивизм**, без которого трудно себе представить современную философию науки. Сложился логический позитивизм первоначально в Вене: **Мориц Шлик** (1882—1936), **Рудольф Карнап** (1891—1970), **Отто Нейрат** (1892—1945) и другие создали при университете так называемый «Венский кружок». Постепенно они нашли единомышленников в Берлине, Варшаве, Лондоне, стали издавать собственный журнал «*Erkenntnis*» («Познание»), а когда многие из них эмигрировали в военные годы в Англию и США, их взгляды распространились и в Новом свете.

Неопозитивисты скептически относились к традиционным проблемам философии. Рассуждения о смысле жизни, первично-

сти или вторичности материи, познаваемости мира они считали бессмысленными, *ненаучными* попытками решения «псевдопроблем». Поэтому они начали рассматривать философию как логическую деятельность в рамках науки (нетрудно догадаться, что большинство из них были логиками). Тогда перед ними встала важная и до сих пор привлекающая к себе внимание исследователей проблема: *а как отделить науку от не-науки*, исключить «псевдопроблемы» из поля зрения ученых? «Венский кружок» предложил для отделения научного знания от ненаучного использовать *принцип верификации* (от англ. *verify* — проверять): *научное предложение имеет смысл только тогда, когда оно верифицируемо*, то есть его можно проверить на опыте. В противном случае позволительно говорить и писать все, что угодно, — это не будет наукой, потому что ни подтвердить, ни опровергнуть этих утверждений будет нельзя. Например, если сказать, что Бог чихнул, высказывание будет носить ненаучный характер, даже если оно будет истинным, — ведь проверить-то его нельзя.

Казалось бы, подход логических позитивистов был очень правильным: научное положение должно быть проверяемым опытным путем, кто с этим будет спорить? Факты — упрямая вещь! Но споры все-таки возникли.

Во-первых, когда критерий верификации попытались применить строго и последовательно, от науки мало что осталось. Огромное количество научных теорий не проверяется экспериментально. Конечно, логические позитивисты не были столь наивны, чтобы считать, что научную теорию можно сразу проверить фактами: из научной теории делаются выводы, из этих выводов — свои выводы и так далее, а уж в результате такого сведения (*редукции*) научных теорий к элементарным предложениям можно ставить вопрос об экспериментальной (то есть эмпирической) проверке. Но все равно очень большая часть теорий, признанных научными и плодотворными самими учеными, даже после такой многоступенчатой редукции не проверяется опытным путем. Научные термины и предложения, относящиеся к идеализированным или просто к чувственно невоспринимаемым объектам, с точки зрения критерия верификации оказывались бессмысленными. Оставшаяся часть лишалась своих законов — ведь большинство научных законов имеет форму общих предложений, например: «Все тела при нагревании расширяются». Для верификации подобных предложений требуется проверка бесконечного ряда частных предложений вида: «Тело *a* при нагрева-

нии расширяется», «Тело *b* при нагревании расширяется» и т. д. Получалось, что многие законы науки не верифицируемы, значит, они должны быть объявлены бессмысленными.

Да и сама *верификация должна быть бесконечной!* Представьте, что надо проверить (верифицировать) элементарное положение: «Если нагреть воду до 100 градусов Цельсия, она закипает и превращается в пар». Включим электрический чайник, опустим в воду градусник: при 100 градусах вода закипит и начнется парообразование. Но где гарантия, что у нас нет жара, а увиденное не является результатом нашего горячего бреда? Значит, нужен врач, который верифицирует наше нормальное состояние — подтвердит, что мы в трезвом уме и твердой памяти. Но ведь и врач может страдать галлюцинациями, — значит, должен быть другой врач, и так далее, до бесконечности... Верификация бесконечна не только в случае общих предложений (а таковых большинство в научных выводах), но даже в таких простых случаях, как кипение воды в конкретном чайнике.

Дальше еще интереснее. Оказывается, что и факты не так уж упрямы, — *невозможен «чистый» эмпиризм*. Каждое отдельное предложение (которое мы попытаемся проверить) не имеет смысла само по себе, оно имеет смысл лишь в контексте. *В опыте проверяются не отдельные предложения, а система взаимосвязанных утверждений (научная теория)*. Одни и те же факты могут интерпретироваться (истолковываться) различным образом, в зависимости от того, из какой научной теории исходить. Один и тот же факт — ежевечерний закат солнца — истолковывался по-разному в различных учениях: житель древнего Милета Анаксимен объяснял заход солнца тем, что оно прячется за горами, окружающими Грецию, александрийский астроном Птолемей был уверен, что Солнце вращается вокруг Земли, поэтому его не видно, когда оно освещает другую половину планеты, а польский ученый Николай Коперник объяснял этот факт, напротив, вращением Земли вокруг Солнца... В головах ученых, ставящих тот или другой эксперимент, уже есть определенная теория, которую они этим экспериментом и подтверждают (или опровергают), то есть они мыслят в уже заданной «системе координат», исходя из теорий интерпретируют факты, а вовсе не наоборот.

В результате всех этих трудностей принцип верификации был подвергнут обоснованной критике, а со временем в философии науки его сменил *постпозитивизм*. Основателем этого направления стал Карл Раймунд Поппер (1902—1994), который в

одной из своих работ даже заявил, что «похоронил» логический позитивизм. Наверное, он был прав, потому что после его работ к позиции «Венского кружка» стали относиться как к устаревшей.

Прежде всего, Карл Поппер выступил *против индукции*, — понятно, что Венский кружок, настаивая на опытном подтверждении теорий, конечно же, опирался на индукцию. Поппер рассуждал так: существует два основных вида индукции. *Индукция перечисления* (когда мы рассматриваем одного лебедя за другим и решаем вопрос об их цвете), и *индукция исключения* (когда мы формулируем все возможные варианты решения проблемы и начинаем один за другим отбрасывать неверный, пока в конце концов не останемся с единственно правильным, — так часто доказывают геометрические теоремы в школе). Поппер показал, что:

- *индукция перечисления всегда неполна*, поэтому, опираясь на нее, ничего нельзя обосновать (даже если мы переберем всех белых лебедей в европейских озерах, нет никакой гарантии, что потом, где-нибудь в Австралии, мы не обнаружим черных или синих);
- *индукция исключения* (когда одну за другой отбрасывают ложные теории, тем самым «повышая» истинность оставшейся), *тоже не работает, так как число оцениваемых теорий бесконечно* (даже если мы не подозреваем об этом), и для каждой проблемы существует бесконечное множество логически возможных решений. Поэтому наука и напоминает азартную игру, — всегда возможен совершенно нестандартный и неожиданный подход к решению проблемы, о котором раньше и не подозревали.

Следующий шаг Поппера тоже был направлен против принципа верификации: он заявил, что *разум не бесстрастен*: наблюдение всегда направляется теоретическими ожиданиями, «чистого», объективного наблюдения не существует. Поэтому критерий верификации не работает: легко получить подтверждения теории, если мы их ищем. Великий физик XX столетия Нильс Бор так сказал однажды своим ученикам: «Дайте мне теорию, а уж факты, ее подтверждающие, я всегда найду!». Помните, например, эволюционное учение **Жан-Батиста Ламарка** (1744—1829), который считал, что животные организмы меняются в результате «упражнения» органов: предок жирафа так старался дотянуться до верхних веточек деревьев, вытягивал свою шею, упражнял ее,

что в конце концов появился жираф с длинной шеей. У жирафа действительно длинная шея? Факт. Можно этот факт (и многие десятки других) использовать для подтверждения теории Ламарка? Конечно. Но теория от этого не станет более истинной, ведь существует множество фактов, противоречащих ей, а удивительную шею жирафа можно объяснить и другим способом (с позиций эволюционной теории Дарвина, например). Если есть теория, мы иногда бессознательно «подгоняем» под нее известные факты, а противоречащих ей можем не знать или не замечать.

В результате, Поппер выдвинул другой критерий отделения науки от не-науки — *критерий фальсификации* (от англ. *falsify* — фальсифицировать, опровергнуть): *теория должна формулироваться таким образом, чтобы существовала возможность фальсификации ее следствий со стороны фактов*. Может быть, теория просуществует сотни лет, прежде чем ее опровергнут и создадут другую, а может быть — уже через несколько месяцев фальсифицирующий факт будет найден учеными. Но в любом случае научные теории должны быть сформулированы таким образом, чтобы их можно было в принципе опровергнуть. Поэтому наш пример с «Богом, который чихнул», не тянет на научное предположение, — не существует процедуры его фальсифицирования, опровержения. Зато если удастся обнаружить хоть один прямоугольный треугольник, где сумма квадратов катетов не будет равна квадрату гипотенузы, — теорема Пифагора будет опровергнута, потому что она сформулирована научным образом, для нее существует процедура опровержения. *Неопровержимые теории* (примером таких теорий Поппер считал марксизм, фрейдизм, астрологию и др.) *ненаучны*.

Разница между верификацией и фальсификацией довольно значительна: сотни подтверждений не дают возможности судить об истинности теории, но даже один негативный факт ее опровергает. Например, полностью подтвердить (верифицировать) положение «Все тела расширяются при нагревании» невозможно, — жизни не хватит, чтобы все тела нагреть и измерить, а вот для фальсификации этого положения вполне достаточно и одного случая, одного предмета, который при нагревании не расширяется.

И еще одно следствие для философии науки вытекало из принципа фальсификации: получалось, что *главной задачей ученого является опровержение, фальсификация теорий*. Ведь чем раньше найдется ошибка, — тем быстрее можно перейти к сле-

дующей теории. Получается, что безошибочных теорий вообще нет?! Конечно, нет. *Каждая теория обязательно содержит в себе ошибку, и ученые должны ее обнаружить*, если не хотят топтаться на месте.

Заодно Поппер защитил и философию от обвинений неопозитивистов в том, что она занимается «псевдопроблемами» и только мешает науке. Он показал, что философские, метафизические вопросы просто невозможно исключить из науки (о чем мечтали логические позитивисты). Многие понятия самой науки имеют метафизический характер: например, что такое необходимость? закон? причина? Без этих понятий немислима наука, но понятия-то метафизические, родом из философии. Более того, история науки показывает, как метафизические идеи получали позднее научное подтверждение (так случилось с учением атомизма, теорией корпускулярной природы света, теорией эволюции и др.) и служили причиной научного прогресса. Поэтому *сфера истинного знания не совпадает со сферой опытного и научного знания*.

Особенности научного познания

Действительно, кроме научного встречаются и другие виды знания — обыденное, художественное, философское, религиозное и т. д. Причем оно тоже может быть истинным! Истинность не является исключивным правом только науки, более того, и ошибки в ней встречаются не реже, чем в других видах знания. Что же характерно для научного знания, каковы его признаки? Об одном — *соответствии принципу фальсификации* — мы уже говорили. Но есть и другие.

Во-первых, научное знание существует в *понятийной форме, системно*, основывается на некоторых принципах. Хаос противоречивых объяснений не назовешь научной теорией, теория всегда носит целостный, логический характер.

Во-вторых, на основе научного знания осуществляется *предвидение* будущего, любая научная теория обладает предсказательной функцией. Скажем, зная закон всемирного тяготения, можно предположить, что тела поведут себя определенным образом.

В-третьих, научное знание стремится к *объективности*, независимости от ненаучных факторов. Правда, полностью этого достигнуть никогда не удастся, на развитие науки влияет общество, интересы отдельных социальных групп, даже интересы отдельных ученых, но *установка на беспристрастность, нейтраль-*

ность науки всегда присутствует как идеал, к которому любое научное сообщество стремится.

В-четвертых, научному знанию присуща строгая *доказательность* (опять-таки не всегда так получается, но как идеал это требование присутствует в научной деятельности). На научном симпозиуме или конференции нельзя встать и сказать: «Мне так кажется» и никак не объяснить, почему кажется именно так. Научные результаты обосновываются таким образом, чтобы их могли проверить другие ученые.

Можно назвать и другие признаки научного знания — такие, как внутренняя непротиворечивость, открытость для критики, воспроизводимость и др. Каждый из этих признаков не определяет всю специфику научного знания, но в своей совокупности они действительно показывают, чем наука отличается от всех иных видов знания. Важнейшими *видами научного знания* являются: теории, дисциплины, области исследования.

Как развивается наука?

Итак, Поппер заставил философов науки задуматься о том, что любая теория будет рано или поздно опровергнута и отброшена, заменена другой. Поэтому сегодня большинство исследователей понимают прогресс научного знания как *смену одной ошибочной теории другой, тоже содержащей ошибки, но ближе стоящей к истине*. Как же происходит переход от одной теории к другой, в какой форме осуществляется развитие науки? На этот вопрос существует несколько вариантов ответов, которые подчас дополняют друг друга.

Так, американский историк физики **Томас Кун** (1922—1996) описывал развитие науки как смену различных периодов — революционных и относительно спокойных. Спокойные периоды он называл «*нормальной наукой*». Какая же наука, по его мнению, «нормальна»? Та, в которой существуют признанные большинством научного сообщества теории, принципы, приемы исследования; научное знание развивается «под сенью» этих теорий, принципов и методов, доказываются теоремы в рамках уже существующих концепций, делаются новые выводы из них, уточняются отдельные аспекты признанных теорий и т. д., то есть наука развивается линейно, без неожиданностей. Но уже в рамках нормальной науки ученые сталкиваются с неожиданными фактами, которым трудно найти объяснение с помощью существующих теорий. Такие необъяснимые факты накапливают-

ся, их становится все больше и в конце концов происходит скачок в развитии науки — *научная революция*. В результате такой научной революции сообщество ученых выбирает новую теорию, меняются методы исследования и доказательства, объяснение мира поднимается на качественно другой уровень. Процесс этот, как правило, бывает очень болезненным и непростым, но в результате новая теория воцаряется в умах, и вновь наступает период «нормальной науки». Таким образом, развитие науки — не плавный рост, а периодическая коренная трансформация, ломка сложившихся взглядов.

Несколько иной подход предложил ученик Поппера, венгерский исследователь **Имре Лакатос** (1922—1974). Он назвал свою концепцию «*утонченным фальсификационизмом*», то есть он шел вслед за Поппером, но несколько видоизменил и уточнил его концепцию развития науки. Он обратил внимание на то, что очень часто ученые не спешат отказываться от той или другой научной теории, даже когда встречаются с противоречащими ей фактами. Как правило, при встрече с аномальным фактом исследователи вместо того, чтобы фальсифицировать теорию и отказаться от нее, строят различные предположения, которые позволили бы «поместить» контр-пример в существующую концепцию.

Так было, например, когда астрономы, опираясь на теорию гравитации и динамику Ньютона, попытались рассчитать орбиты планет. Лакатос в своей книге писал об этом так: «Некий физик до-эйнштейновской эпохи, пользуясь ньютоновской механикой и законом всемирного тяготения (N) при некоторых данных условиях (I), вычисляет траекторию только что открытой малой планеты P . Но планета не желает двигаться по вычисленному пути, ее траектория отклоняется. Что делает наш физик? Может быть, он заключает, что, поскольку такое отклонение не предусмотрено теорией Ньютона, а с упрямым фактом ничего поделать нельзя, то, стало быть, теория N опровергнута? Ничуть не бывало. Вместо этого наш физик выдвигает предположение, что должна существовать пока еще неизвестная планета P' , тяготение которой возмущает траекторию P . Он садится за расчеты, вычисляет массу, орбиту и прочие характеристики гипотетической планеты, а затем просит астронома-наблюдателя проверить его гипотезу. Но планета P' слишком мала, ее не удастся разглядеть даже в самые мощные из существующих телескопов. Тогда астроном-наблюдатель требует построить более

мощный телескоп, без которого успешное наблюдение невозможно. Через три года новый телескоп готов. Если бы ранее не известная планета P' была бы открыта, ученые на весь мир трублили бы о новом триумфе ньютоновской теории. Но ничего подобного не произошло.

Что же наш физик? Отверг ли он ньютоновскую теорию вместе со своей гипотезой о причине отклонения планеты от вычисленной траектории? Отнюдь! Вместо этого он уверяет, что планета P' скрыта от нас облаком космической пыли. Он вычисляет координаты и параметры этого облака и просит денег на постройку искусственного спутника Земли, наблюдениями с которого можно было бы проверить его вычисления. Предположим, что установленные на спутнике приборы (возможно, самые новейшие, основанные на еще мало проверенной теории) зарегистрировали бы существование гипотетического облака. Разумеется, это было бы величайшим достижением ньютоновской науки. Но облако не найдено.

Отбросил ли теперь наш ученый теорию Ньютона вместе со своими гипотезами о планете-возмутительнице и облаке, превращающем ее в планету-невидимку? Ничего подобного. Теперь он уверяет, что существует некое магнитное поле в этом районе вселенной, из-за которого приборы спутника не могут обнаружить пылевое облако. И вот построен новый спутник с другими приборами. Если бы теперь магнитное поле было обнаружено, ньютоновцы праздновали бы головокружительную победу. И снова — увы! Может быть, теперь уже можно считать ньютоновскую теорию опровергнутой? Как бы не так. Тотчас выдвигается новая, еще более остроумная гипотеза, объясняющая очередную неудачу, либо... Либо вся эта история погребается в пыльных томах периодики и уже больше никем не вспоминается».

Почему же ученые так упорно держались за теорию Ньютона, несмотря на фальсифицирующие ее факты? Для объяснения этого Лакатос ввел понятие «*научно-исследовательской программы*» (НИП): ученые всегда имеют дело не с отдельной теорией, а с «семейством» взаимосвязанных теорий, которые объединены общими методологическими принципами. Такое «семейство» теорий Лакатос и назвал НИП. Каждая НИП имеет «*твердое ядро*» — каркас программы, ее важнейшие, фундаментальные положения, составляющие ее суть, и «*защитный пояс*» — вспомогательные теории, которые могут меняться, уточняться, отбрасываться. «Защитный пояс» смягчает удары критики, не дает им

разрушить «твердое ядро» НИП, и так может продолжаться довольно долго, иногда — столетия. Почему тогда рано или поздно одна НИП сменяется другой?

Лакатос был уверен, что нельзя отбросить (фальсифицировать) теорию лишь на основании отрицательных результатов опытных проверок. Этого мало. Нужно, чтобы была в наличии другая теория, другая НИП, способная объяснить аномальные случаи и предсказать новые факты. Лакатос сделал вывод, что «ни эксперимент, ни предложение наблюдения не могут сами по себе вести к фальсификации. Не может быть никакой фальсификации прежде, чем появится лучшая теория». Поэтому, с его точки зрения, история науки — *история конкуренции различных научно-исследовательских программ*.

Научная картина мира

В результате смены теорий меняется наше понимание Вселенной. Представления ученых о мире, его строении и развитии в каждую эпоху различны. Такую исторически определенную панораму знаний об объективной реальности называют *научной картиной мира*, понимая под этим *совокупность фундаментальных представлений того или иного времени о законах и структуре мироздания, целостную систему взглядов на общие принципы и законы устройства мира*. Поскольку картина мира представляет собой системное и сложное образование, ее изменение нельзя свести к какому-то одному, даже очень крупному, открытию. Как правило, речь идет о ряде взаимосвязанных открытий, которые меняют отношение человека к окружающему.

В истории науки можно выделить *три научных революции*, которые привели к складыванию определенных картин мира.

Первая, аристотелевская (VI—IV вв. до н. э.), произошла тогда, когда впервые появились определенные нормы и образцы научного знания. Аристотель, именем которого назван этот этап научного развития, создал формальную логику, которая стала инструментом выведения и систематизации знания. Благодаря ему появился своего рода образец организации научного исследования (история вопроса, постановка проблемы, аргументы за и против, обоснование решения), он же предложил первую классификацию наук. Для аристотелевской научной картины мира было характерно представление о Земле как центре мироздания (наиболее полно *геоцентризм* был обоснован Птолемеем), мир объяснялся *умозрительно* (у древних не было ни современных

сложных приборов для измерений, ни нынешних отработанных методов исследований, поэтому они больше выдумывали, изобретали, чем экспериментировали и изучали).

Вторая научная революция — ньютоновская (XVI—XVIII вв.). Она началась с переходом от геоцентрической модели мира к *гелиоцентрической*, этот переход был обусловлен серией открытий, связанных с именами Н. Коперника, Г. Галилея, И. Кеплера, Р. Декарта. Исаак Ньютон подвел итог их исследованиям и сформулировал базовые принципы новой научной картины мира в общем виде. В результате естествознание заговорило языком *математики*, были выделены объективные количественные характеристики тел (форма, величина, масса, движение), получившие свое выражение в строгих математических закономерностях. Наука этого времени стала ориентироваться на *эксперимент*, а основой для объяснения мира стала классическая *механика*.

Третья научная революция может быть названа *эйнштейновской* (рубеж XIX—XX вв.). Ее обусловила целая серия открытий (открытие сложной структуры атома, явления радиоактивности, дискретного характера электромагнитного излучения и т. д.), которые подорвали важнейшую предпосылку механистической ньютоновской картины мира — убежденность в том, что с помощью простых сил, действующих между неизменными объектами, можно объяснить все явления природы. Для эйнштейновской картины мира характерен *анти-механицизм*: с точки зрения современных естественно-научных представлений, Вселенная представляет собой нечто неизмеримо более сложное, чем механизм, хотя бы даже грандиозный и совершенный. Многообразие природных явлений не сводится к механическим взаимодействиям, потому что последними объясняется далеко не весь окружающий мир. Более того, сами механические взаимодействия представляют собой следствия или проявления других, более глубоких, фундаментальных взаимодействий (сильных, слабых, электромагнитных, гравитационных). Основой новой картины мира стали общая и специальная теории относительности и квантовая механика, тесно связанные с именем *Альберта Эйнштейна* (1879—1955) и других физиков. Позднее в рамках этой новой картины мира произошли кардинальные изменения и в других науках — в астрономии (теория расширяющейся Вселенной), биологии (развитие генетики) и др.

Если вторая научная революция ознаменовала собой переход от геоцентризма к гелиоцентризму, то наука, сформированная

третьей научной революцией, принципиально отказалась от всякого центризма вообще, полагая, что «привилегированных», или особенно выделенных, систем отсчета во Вселенной нет, так как все они равноправны. Причем любое утверждение имеет смысл, только будучи «привязанным» к какой-либо конкретной системе отсчета, соотношенным с ней; а это означает, что любое наше представление, в том числе и вся *научная картина мира, релятивны*, или относительны. И в геоцентризме, и в гелиоцентризме предполагалось, что у Вселенной есть центр и границы. Согласно современной картине мира Вселенная безгранична и никакого центра у нее нет.

Характерной чертой современного естествознания является *глобальный эволюционизм*. Вторая научная картина мира утверждала, что Вселенная неизменна. Одной из главных идей эйнштейновской научной картины мира является утверждение о том, что все ныне существующее — от самой нашей планеты до живой клетки или Человека разумного (*Homo sapiens*) — есть результат длительной *эволюции*, мирового развития. Раньше Вселенная была совсем не такой, как сейчас, считает современная наука.

Еще одной принципиальной особенностью нынешней науки является *антропный принцип* (от гр. *anthropos* — человек). Если в ньютоновской науке субъект (познающий человек) смотрел на объект со стороны, как независимый наблюдатель, то современная научная картина мира предполагает включенность человека в наблюдаемый процесс. Речь идет о том, что человек не может быть сторонним наблюдателем, он сам — часть мира, который описывает, поэтому объект и субъект познания тесно связаны, неразделимы, более того, позиция субъекта познания влияет на познавательный результат.

Таким образом, научные картины мира менялись не раз — и кардинальным образом. Тем не менее, все рассмотренные нами картины мира были одинаково «законны», их нельзя считать ненаучными, — просто каждая из них соответствовала определенному уровню развития человечества.

Вопросы и задания

1. Что такое наука? Какие критерии предлагали использовать для того, чтобы отличить ее от не-науки?
2. Назовите, пожалуйста, основные признаки научного знания.

3. Каким образом развивается наука? Какая модель развития науки из приведенных в главе вам кажется наиболее верной? Почему?
4. Что такое научная картина мира? Когда и где появилась первая научная картина мира?
5. Что такое геоцентризм? Почему у конечного (имеющего границы) есть центр, а у бесконечности не может быть центра?
6. С какой точки зрения геоцентрическое представление о мире является верным и с какой — неверным?
7. Почему нельзя говорить, что геоцентрическая картина мира ненаучна, если с современной точки зрения она является неправильной?
8. Когда появилась эйнштейновская картина мира? Что для нее характерно?

Глава 8

ФИЛОСОФСКОЕ УЧЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ

Человек ни для кого не может служить средством, даже для Бога.

Иммануил Кант

Главное — что? — Главное, чтобы человек был счастлив... А что есть человек, философски говоря? Человек, товарищи, есть хомо сапиенс, который может и хочет. Может, эта, все что хочет, а хочет все, что может.

Арк. и Бор. Стругацкие.

«Понедельник начинается в субботу»

История мировой философии полна рассказами о том, как философы, подобно Диогену, «днем с фонарем» ищут человеческое в человеке. Гносеология изучает специфику человеческого познания, социальная философия — общественные формы жизни и деятельности людей. Что бы мы ни изучали, в конечном счете мы натываемся на самих себя, как Винни-Пух и Пятачок, которые шли вокруг рожицы по следам страшного Буки, а оказалось — по своим собственным.

Люди хотят познавать такие дали и глубины, где еще никто не наследил, но если это вдруг случается, им становится еще страшнее, чем Винни и Пятачку. Астрофизик Снаут, один из героев повести Ст. Лема «Солярис», так изложил суть проблемы: «Мы совсем не хотим завоевывать космос, мы просто хотим расширить Землю до его пределов... Мы не ищем никого, кроме человека. Нам не нужны другие миры. Нам нужно наше отражение. Мы не знаем, что делать с другими мирами. С нас довольно и одного... Мы хотим найти свой собственный, идеализированный образ». Великолепные описания совершенно непостижимой планеты Солярис позволяют почувствовать, что человеку дейст-

вительно нечего делать там, где нет его самого. Самое страшное — отсутствие своего отражения в зеркале мира.

Но именно потому, что вся культура и вся философия толкует о человеке даже тогда, когда прямо о нем не упоминает, потребовалось четко обозначить жесткое ядро философско-антропологической проблематики. Его кристаллизация в европейской философии растянулась надолго. Родоначальником учения о человеке считают Сократа. А завершилось становление *философской антропологии* как особой дисциплины, изучающей «микроскоп» человеческого бытия, в работах немецких философов **Макса Шелера** (1874—1928), **Хельмута Плеснера** (1892—1985), **Арнольда Гелена** (1904—1976) и **Эриха Ротхакера** (1888—1965).

При этом Шелера больше интересовали духовные ценности, Гелена — природные, биологические характеристики человека, а Ротхакера — возможности «построить себя», которые предоставляет человеку культура. Философская антропология широко использовала данные сопредельных наук, изучающих человека, от биохимии и физиологии до этнографии и истории искусств, кренясь то на гуманитарный, то на естественно-научный «борт».

С немецкой философской антропологией серьезно конкурируют такие течения, для которых проблема человека тоже является центральной. Это прежде всего экзистенциализм, но также и неотрейфизм, и персонализм, и современные варианты протестантской и католической философии. Они признают, что люди — особые объекты исследования в силу наличия самосознания, свободы воли, высокой неопределенности поведения, интенсивной духовной жизни. Все согласны с тем, что проект под кодовым названием «Человек» еще не завершен, он находится в стадии разработки, хотя разработка эта началась довольно давно, примерно 2—3 млн лет назад.

Происхождение человека

Проблемой происхождения человека занимается антропология как раздел биологии. Позволим себе зайти на территорию биологов, чтобы воспользоваться их данными и обозначить основные этапы *антропогенеза*, то есть процесса эволюционного формирования человека, его трудовых навыков, речи и социальных форм жизни.

Все люди по зоологической систематике относятся к классу млекопитающих, отряду приматов, семейству Гоминидов (прямоходящих приматов), роду Номо, виду Номо сапиенс. Причем

три последние ниши (семейство — род — вид) мы занимаем в гордом одиночестве.

4—1 млн лет назад в Восточной Африке и 3—1 млн лет назад в Южной Африке гоминиды были представлены *австралопитеками*. Считается, что это была ветвь лазающих по деревьям приматов — *дриопитеков*, которые из-за изменений климата лишились привычной среды обитания и были вынуждены приспособиться к жизни в безлесной саванне. Они были промежуточными между обезьянами и человеком существами. Анализ ДНК человека и шимпанзе показывает, что эти виды имели общих предков, но разошлись 6—8 млн лет назад. В саванне у австралопитеков *прямохождение* из случайного и вынужденного перешло в необходимое. Таким образом, *руки* освободились для более тонких и разнообразных операций. Но если двуногость сформировалась довольно рано, формирование «трудовой руки» и головного мозга длилось гораздо дольше.

Прямохождение изменило положение костей таза, отверстие малого таза сузилось, рождаться и выживать стали недоношенные по меркам животного мира детеныши. Формирование большого числа нейронных связей в коре головного мозга (его объем у австралопитеков достигал 650 куб. см) происходило уже после рождения в изменчивой и неопределенной предметной и стадной среде. Это формирование большого числа контактов (синапсов) клеток мозга закладывало анатомо-физиологические предпосылки для будущего мышления. Изменилась и структура питания, с животной пищей в организм стало поступать больше белков.

Впрочем, некоторые специалисты считают перечисленные факторы недостаточными, чтобы запустить процесс антропогенеза. Они делают основную ставку на *мутации*, которые происходили под воздействием повышенной радиации в зоне разломов земной коры. Но, в любом случае, мутации должны были повышать приспособленность австралопитеков к новому образу жизни. Похоже, процесс развивался успешно: около 2-х млн лет назад появился так называемый *Человек умелый*, или *Homo habilis*, ставший первым представителем рода *Homo*. Рядом с его останками находили грубо обколотые гальки, служившие скребками и рубилами. Эта примитивная галечная культура эпохи палеолита провела грань, отделившую прямоходящих человекообразных обезьян от древнейших предков человека.

Но собственно к *древнейшим людям*, или *архантропам*, входившим в семейство Гоминид, относятся *питекантропы* и *синантро-*

пы, чьи останки были найдены на Яве, в Африке и в Китае. Они жили 1,8 млн — менее 200 тыс. лет назад и из Азии проникли в Европу. Древнейшие люди обладали мозгом до 1200 куб. см, примитивной речью, умением поддерживать огонь и хорошо изготавливать каменные орудия. В биологической классификации они именуются *Homo erectus* — *Человек прямоходящий*. Следующий представитель семейства Гоминид, рода *Homo* — *неандерталец*. Время его существования определяется по-разному: 250—35 тыс. лет или 70—30 тыс. лет назад.

Время появления новых людей — *неоантропов* — 50—40 тыс. лет назад. В этот период выделились и основные человеческие расы: европеоидная, австрало-негроидная и монголоидная. Но так как с формированием социальных отношений и ослаблением биологических факторов естественного отбора скорость эволюции вида *Homo sapiens* резко снизилась, ни одна из рас не превратилась в отдельный биологический вид.

Впервые ископаемые позднепалеолетические люди — *кроманьонцы* — были найдены во французской пещере Кро-Маньон в 1868 г. Выяснилось, что неандертальцы и кроманьонцы существовали совместно, но первые были вытеснены соперниками, превосходившими их не столько в росте и силе, сколько в трудовой деятельности, речи, мышлении, то есть *в способности накапливать и передавать небиологическую информацию*.

Создатель эволюционной теории *Чарльз Дарвин* (1809—1882) обращал особое внимание на сходство в строении тела человека и приматов, на общность факторов, которые определяли эволюцию животных и предков человека. По сравнению с Дарвином, современные биологи гораздо большую роль отводят социокультурным факторам развития: «С философской точки зрения человек — существо качественно иное по сравнению с животными, так как труд является основным условием его жизнедеятельности и осуществляется он в условиях общества». Начало такой трактовке антропогенеза было положено работой *Ф. Энгельса* «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (1876 г.). Он совершенно правильно оценил значение так называемой гоминидной триады (прямохождение, развитие руки и увеличение объема головного мозга) для перехода к производству каменных орудий труда и возникновению общества.

При этом биологических факторов, наследственных особенностей никто не отменял. С шимпанзе у нас более 90 % общих генов. Каким образом взаимодействуют природные и социокуль-

турные факторы — одна из самых дискуссионных тем философской антропологии.

«Природа человека» как прием объяснения

Прежде чем обсуждать проявления природных и социальных факторов в человеческом поведении, неплохо бы выяснить, что понимается под обществом и природой. Представления об обществе будут изложены в следующей главе. Сейчас же определим, что такое природа, но не вообще, а *природа человека*.

Этот термин чрезвычайно многозначен. В связи с обсуждением проблемы человека мы выделим два его значения: природа как проявление природного, *биологического* начала в человеке; природа как *существенное, неотъемлемое*, то, что делает человека человеком. Понятно, что делать человека человеком могут неприродные, *небиологические* факторы, тогда первое и второе значение, а также стоящие за ними теоретические позиции, могут конфликтовать.

Мыслители прошлого, которые пытались определить сущность человека, часто использовали образ природы, скрытой под социально-историческими наслоениями. Французский просветитель XVIII в. Жан-Жак Руссо сравнивал человека со статуей греческого морского божества Главка, которая стояла в порту. Волны веками окатывали ее, пока она не покрылась коростой соляных отложений и не стала безобразной. Но если сбить соляную корку, мы увидим под ней по-прежнему прекрасный лик божества. Так и люди во многих своих общественных проявлениях представляют карикатуру на естественного, природного человека, считал Руссо. Снимите культурные наслоения — и увидите подлинного человека. Этот прием использовали многие мыслители и до, и после Руссо. Казалось, удалив социокультурные «наносы», они должны были находить *одно и то же*, ведь не может быть у человека много природ. Ан нет!

В качестве примера рассмотрим обсуждение вопроса о природе человека в Древнем Китае. Вопрос ставился так: хорош или зол человек по своей природе и можно ли изменить эту природу воспитанием и государственной политикой? Так вот, на один вопрос было, по меньшей мере, четыре ответа.

Человеческая природа не зла и не добра, она этически нейтральна и зависит от социальных обстоятельств, от политики властей, — считали конфуцианцы и использовали сравнение с водой. Вода может течь на север, на юг, на восток и на запад,

смотря куда прорыть канал. «Природа человека не разделяется на добрую и недобрую, подобно тому, как вода в своем течении не различает востока и запада».

Нет, человек по природе добр, — считали Мэн-цзы и его последователи. В доказательство они приводили такой пример: «Если люди вдруг увидят ребенка, который вот-вот упадет в колодец, они все без исключения испытают чувство тревоги и страдания». Не имеющий сострадания просто не человек. Поэтому вода всегда течет вниз, а человеческая природа всегда стремится к добру. Злобу и эгоизм людей Мэн-цзы трогательно объяснял неблагоприятными внешними обстоятельствами. «В урожайные годы большинство молодых людей бывают добрыми, а в голодные годы — злыми. Такое различие происходит не от природных качеств, которые им дало Небо, а потому что голод вынудил их сердца погрузиться во зло.»

Человек по природе зол, считали легисты («законники»), поэтому его надо держать в узде строгих правил. Может, когда-нибудь в древности люди были просты и честны, но ныне они стали хитрыми и нечестными. Поэтому для воспитания добродетели нужны «смертные казни и применение справедливости с насилием». Как кончил свои дни легист Шан Ян, чьи взгляды мы только что изложили? Он был казнен, как только умер правитель, который ему покровительствовал.

Одни люди по природе целиком добры и могут подавать пример остальным, другие — злы и пропадут без доброго руководства и наставлений, то есть обе стороны нуждаются друг в друге. Такова точка зрения Лао-цзы.

Такой разноречивой оценок свидетельствует о нескольких вещах. Во-первых, так называемая природа человека, которой оперировали философы прошлого, не имела отношения к биологической наследственности. Ни в естественной среде, ни в генах человека нет ни добра, ни зла. Это моральные, культурные характеристики.

Во-вторых, это был осознанный или неосознанный прием, который помогал удалить случайности, выделить или смоделировать главные черты человека, а затем вывести их за пределы общественной истории. Эти «природные» черты подавались как вечные и неизменные, а потому могли быть средством критики нравов, политических порядков и вообще всех отрицательных явлений современности. И наоборот, с помощью образа природы можно было обосновывать новые общественные идеалы. То

есть, если Томас Гоббс (1588—1679) живо изображает ужасы естественного состояния, войну всех против всех и злую природу человека, он действует не как натуралист-антрополог, а как политик, который поддерживает диктатуру Кромвеля из страха перед безвластием и гражданской войной.

Создание в XIX в. убедительных социальных концепций, в том числе марксизма, сделало непопулярными спекуляции на природе человека. Но в XX в., в связи с усовершенствованием эволюционной теории, появлением *этологии* (науки о поведении животных), генетики поведения и других биологических дисциплин моделирование базовых свойств человека разгорелось с новой силой. На примере *одного* из бесконечного числа свойств и признаков попытаемся выявить главные приемы объяснения сущностных свойств человека.

Агрессивность человека: кто виноват?

20-й век был, наверное, самым кровавым за всю историю. Если цивилизованные, образованные, зачастую верующие люди истребляют друг друга в мировых войнах, используя при этом последние достижения науки, то этому должно быть какое-то объяснение. *Агрессия* как природная константа стала пробным камнем для многих антропологических теорий.

Современные теории, которые *специально* занимаются именно агрессивным поведением, можно разделить на две большие группы. В первую входят *социально-психологические* модели, во вторую — *биологические объяснения*. Промежуточную позицию занимает *фрейдовский психоанализ* (см. разд. 3.5.4), в котором агрессия понималась как разрушительный инстинкт смерти (Танатос), противоположный положительному инстинкту жизни (Эросу). Их внутренний постоянный конфликт должен находить внешнее разрешение. Таким образом, *Фрейд трактовал агрессию как неизбежное свойство человеческого поведения*.

Социально-психологические объяснения плодотворно соперничали друг с другом и выстраивали все более разветвленные модели агрессивного поведения человека. Они описывали различные агрессивные побуждения, которые не являются постоянными, а всегда возникают в ответ на *фрустрацию*, то есть негативную психическую реакцию, возникающую в результате невозможности удовлетворить потребности из-за внешнего вмешательства, столкновения с преградой. Чтобы вся цепочка агрессивности реализовалась, нужна фрустрация, нужно, чтобы она вызвала гнев, а

не страх и бегство, нужно, чтобы не сработали многочисленные социальные барьеры, призванные сдерживать агрессию. Нужно, чтобы на ранних этапах социализации в репертуаре поведения человека были заложены образцы жестокого поведения, чтобы эти образцы получали моральное оправдание («он начал первый» или «настоящий мужчина должен уметь постоять за себя»). Но и «пристрастие к приписыванию враждебности» другим, чтобы оправдать собственную, и раннее усвоение агрессивных сценариев *не носят врожденного характера*, они возникают в результате социального научения и подражания. Агрессивный ребенок невольно делает явным спрятанный от глаз посторонних стандарт поведения своей семьи, агрессивный подросток — своей компании.

С социальными психологами спорят этологи и генетики. Общим для многочисленных биологических подходов к этому явлению будет фундаментальное предположение о *врожденности* агрессивного поведения и его важной роли для адаптации. Если агрессия существует, значит, это для чего-нибудь нужно, причем не только человеку, но всем животным. Агрессия помогает захватывать и защищать охотничью территорию, побеждать в брачной конкуренции, занимать более высокий ранг в стае. Таким образом, агрессивные особи имеют больше шансов оставить потомство и передать свои признаки следующему поколению, поэтому естественный отбор — движущая сила эволюции — автоматически транслирует дальше и само свойство агрессивности.

Агрессия животных четко связана с фрустрацией базовых потребностей (например, голодом или лишением места обитания) и циклами размножения. Самец может быть агрессивным в период брачных игр или при появлении на его территории другого самца, самка — во время беременности или выращивания потомства. Но эта агрессия строго регулируется другими инстинктами. Уже упоминавшийся Конрад Лоренц описал, как инстинктивно тормозится агрессия у ядовитых рыб в период спаривания и у хищников во время схватки, когда побежденный подставляет горло и живот победителю.

Человек изначально не имел острых когтей и ядовитых зубов, поэтому природа не предусмотрела механизмы торможения агрессии у вида *Homo sapiens*. Став социальным существом, обретя дополнительную силу в технике, в том числе в оружии, человек все равно остался животным «без тормозов». Культурные нормы до некоторой степени компенсируют этот дефект. Однако социальные способы торможения часто оказываются неэф-

фективными, и тогда неуправляемая агрессия действительно становится злом и угрозой жизни на Земле. Поэтому задача — не уничтожить агрессию, что означало бы уничтожить природу человека, а направить ее в безопасное русло, например, в спорт.

Эту точку зрения поддерживают некоторые генетики, которые считают, что склонность к насилию спрятана в генетической конституции отдельных индивидов, но даже они затрудняются количественно сопоставить генетические и социальные влияния. Похоже, что факторы внешней среды все равно играют решающую роль при запуске врожденной предрасположенности к агрессии у человека.

Проблема человеческой агрессии не является центральной для религии, но и она сказала свое слово по этому вопросу. Согласно библейскому преданию, первым убийством в истории человечества стало убийство Авеля его братом Каином из ревности, что Бог отверг его дары и принял жертвоприношение брата. И ревность, и убийство, и ложь были следствиями *грехопадения* человека. Сама смертность человека есть наказание за непослушание воле Всевышнего. Таким образом, то, что моралисты называют злом, а ученые — агрессией, религия считает смертным грехом, который проистекает из несовершенства человеческой природы. Но если ученые достаточно хладнокровно описывают это свойство, то проповедники страстно осуждают и предлагают идти путем веры и раскаяния через преодоление плотских страстей и искушений к спасению бессмертной души. Иными словами, лекарство от агрессии оказывается потусторонним. Только истинная вера может очистить душу и открыть дорогу в рай.

Еще один большой блок ответов на вопрос о причинах агрессии у человека дают собственно **социальные теории**. Они связывают пусковые механизмы агрессии с общественными факторами. Обычно это социальная эксплуатация и несправедливость, отчуждение производителя от средств производства и рычагов управления обществом. Агрессия становится понятной, если ее рассматривать как выражение справедливого протеста угнетенных против угнетателей. А само социальное угнетение есть проявление антагонистических противоречий в способе производства — гласит *марксистская теория общества*. Таким образом, ликвидация конфликта между производительными силами и производственными отношениями — стратегический путь разрешения классовых противоречий и уничтожения той почвы, на которой произрастают всяческие формы агрессии.

Интересно, что революционное насилие пролетариата мыслилось единственно действенным способом уничтожения насилия.

Западные неомарксистские теории искали причины деструктивного и асоциального поведения человека в других сферах общественной и культурной жизни. Например, представитель Франкфуртской школы социальных исследований **Герберт Маркузе** (1898—1979) считал, что сам тип западной цивилизации с присущими ей установками на *покорение природы* и *рациональность* враждебен человеку и вызывает ответную агрессию.

Агрессия общества по отношению к индивиду резко возрастает при переходе к индустриальной цивилизации. Даже если она не проявляется в геноциде, открытом попрании прав и свобод, она существует в скрытых формах: навязывание искусственных потребностей с помощью агрессивной рекламы, «промывание мозгов» с помощью СМИ, «снятие» протестного поведения «кнутом» увольнений и «пряником» карьеры. То есть, опираясь на данные социальных наук, можно играть на человеке как на механическом пианино. Избежать этих манипуляций могут только те, чье место в социальной структуре слабо закреплено или те, кто находится на обочине индустриального общества: население слаборазвитых стран, деклассированные элементы, студенты, независимые интеллектуалы, — считал Г. Маркузе.

На темы насилия можно говорить еще и еще, но из сказанного ясно: только *одно свойство* человека (а их очень много) имеет несколько различных объяснений: психологическое, религиозное, генетическое, социобиологическое, социальное. Все они могут быть объединены в три основных подхода.

Во-первых, это *биологизаторский* подход. Он сводит (редуцирует) поведение человека к врожденным, генетически заданным моделям, которые лишь слегка заимированы культурными различиями. Кстати, в рамках этого подхода можно утверждать, что человеку присуще не только, даже не столько агрессивное поведение, сколько альтруизм (самопожертвование) — именно он способствует выживанию вида. Если бизон принимает неравный бой с волчьей стаей, чтобы дать возможность уйти самкам с телятами, если солдат бросается под танк со связкой гранат, чтобы остановить наступление врага, — это проявления общей природной стратегии: погибнуть самому, но спасти генофонд своей популяции. Ни животное сообщество, ни государство долго не просуществуют, если будут поддерживать только агрессивное и эгоистическое поведение. Об этом убедительно и доказательно

писал замечательный отечественный генетик Владимир Павлович Эфроимсон.

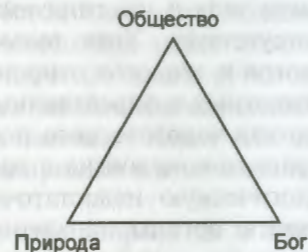
Но этот контрпример показывает, что в биологической природе человека можно найти основания для всего. Даже для того, как громко вы будете разговаривать на улице после занятий и как протягивать руку товарищу. Если вы разговариваете громче, чем нужно, чтобы вас услышали собеседники, и таким образом привлекаете к себе внимание прохожих, это так называемое *демонстративное* поведение. Оно свойственно всем особям, как человека, так и других млекопитающих, особенно молодым. Только молодой самец гориллы вывернет с корнем деревце, будет колотить им по земле и громко ухать, а молодой человек сядет на мотоцикл и с грохотом помчит по ночному городу. Действия разные, а смысл один: показать всем, какой я молодец!

Рукопожатие может много рассказать об инстинкте территориальности: каждое животное считает некоторую обширную территорию своей кормовой зоной, меньшую — своим домом, совсем близкую — своим индивидуальным пространством. Человек — тоже животное, поэтому он неосознанно считает некоторое пространство своим, личным. У сельчан, живущих менее скученно, личное пространство больше и руку они будут тянуть издалека. Горожанин подпустит собеседника ближе. Такой редукией культурных стереотипов к природным механизмам заместительного, демонстративного, агрессивного, рангового, репродуктивного и других форм поведения успешно занимается социобиология.

Второй подход — *социологизаторский*. Это значит, что именно общественные закономерности лежат в основе объяснения человека и его поведения. Природа присутствует в нас в «снятом виде» и не является определяющей. Сущность человека исторична и социальна. Как писал Маркс в «Тезисах о Фейербахе», она «не есть абстракт, присущий отдельному индивиду, в своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений». Конечно, конкретный человек не может участвовать во всех общественных отношениях сразу. Он ограничен многими факторами, но все они укладываются в наличный репертуар социальных ролей, возможностей и отношений. Социальные закономерности имеют вероятностный характер, но действуют неотвратно. В городе с 10-ти миллионным населением каждую неделю случится столько-то автокатастроф, свадеб, рождений и т. п.

Третий подход — *религиозно-теологический* — рассматривает человека как образ и подобие Бога, но искаженное грехопадением. Это значит, что и сущность, и природу человека надо искать за пределами общества и естественных причин, в Божьем замысле относительно человека. Его судьба и поступки — суть реализация божественного Промысла. Смысл его жизни лежит за пределами самой жизни, в спасении души и стяжании райского блаженства. Первый раз он рождается телесно. Обретая истинную веру, он рождается в духе. Такая модель характерна для развитых монотеистических религий. Она воодушевляет множество людей и определяет их поведение в земной жизни.

Эти три способа объяснения можно представить как три вершины треугольника:

Можно сказать, что божественная детерминация — выдумка, а можно отказать в самостоятельности общественным и природным закономерностям и сказать, что они выражают волю Творца и свидетельствуют о Его благости и справедливости. Подходы противоречат друг другу, но при этом сходятся в одном: главный предмет нашего разговора — человек — практически без остатка растворяется в чем-то, что очень важно, но что не есть он сам. И вообще, есть ли эта человеческая «самость» вне и помимо вышеназванных факторов? Если нам удастся показать, что есть, это и будет определением области философской антропологии, определением собственно человеческого в человеке.

«Ищу человека»

Согласитесь, довольно рискованно пытаться на нескольких страницах разрешить все проблемы самопознания и самоопределения человека, разгадать его великую загадку. Поэтому лишь обозначим некоторые важные вопросы и характеристики человеческого бытия, без которых невозможно понять специфику человека.

Итак, двинемся в ту область, где ни природа, ни общество, ни божественная воля не являются определяющими. Это область, где человек определяет себя сам, где он свободен. Возможно ли такое вообще? Если понимать свободу как отсутствие фатальной предопределенности и наличие выбора, как свободу в постановке целей, то она должна существовать. Как ни странно, первый аргумент в пользу свободы предлагает биология и та версия философской антропологии, которая ориентирована на нее.

Эта неожиданная поддержка человеческой свободе связана с тем, что доля инстинктивных реакций в общем объеме поведения у человека меньше, чем у остальных животных. Еще Ницше называл человека «неустановившимся животным». Это действительно так. Животное «запрограммировано» на определенный образ жизни строением своего тела и инстинктами. У человека жесткая специализация отсутствует. Хотя только что приводились аргументы социобиологов и этологов относительно сходства поведения человека и животных в определенных ситуациях, это не значит, что весь репертуар человеческого поведения можно свести к инстинктам. Сравнение человека с животными позволяет заметить явную биологическую недостаточность нашего вида. У человека слабо развиты органы нападения, отсутствуют острые клыки и длинные когти, — значит, он нуждается в дополнительной защите. У него нет густого волосяного покрова — он нуждается в одежде. У него очень длительный по животным меркам период младенчества — он нуждается в долгой опеке. У него отсутствует жесткая инстинктивная регуляция многих важных сторон жизни, например, репродуктивной, многие врожденные рефлексы быстро угасают — он нуждается в социальной компенсации.

Несколько огрубляя ситуацию, скажем: человек выходит из лона матушки-природы неспециализированным, «недоделанным» существом. Человек — «вольнотпущенник природы». Можно сказать, что природа предопределила человека к человечности тем, что не сделала его законченным животным. Эта мысль принадлежит одному из создателей современной философской антропологии Арнольду Гелену.

Тогда где искать человека? В обществе? Попробуем, но с учетом тех возражений, которые были сделаны в адрес социологического подхода. Это означает, что мы будем выбирать из всего богатства социальных характеристик такие, которые позволят не потерять важнейшую человеческую способность — спо-

собность к свободному самоопределению. Это означает, что нас будет интересовать человек, который стал субъектом социокультурной деятельности.

Если люди «недоопределены» и свободны, они просто не могут получаться одинаковыми, поэтому необходимо обратить внимание на их неповторимость и индивидуальность. Но поиски сущности человека как свободного существа не должны отвлекаться на внешние, неважные различия типа индивидуальной манеры смеяться или свободы в выборе стрижки. Должно идти вглубь и искать именно то, что действительно существенно.

Задав таким жестким образом область поисков, можно сразу отсечь очень много социологических характеристик человека, отсечь все ситуации, где он действует стандартно, где он заметен, где внешние обстоятельства определяют его поведение, где он несвободен. Но позвольте, разве можно жить в обществе и быть свободным от него? 24 часа в сутки и 365 дней в году, конечно, нельзя. И все же иногда случаются минуты, или часы, или даже дни, когда человек создает или делает то, что без него лично никогда бы не пришло в этот мир, то, где он незаменим и непредсказуем.

А сейчас задайте себе вопрос, где и в чем незаменимы лично вы? Где и в чем вы свободны? Не торопитесь читать дальше. Подумайте.

Ответ многих известных философов — человек свободен в момент творчества. И в этой своей способности творить новое человек подобен Богу. Он не может быть бессмертным, он не обладает всеведением или всемогуществом. Но когда он творит, а не повторяет, он создает новые миры (мир художественного произведения, научной теории, новых технологий, новых человеческих взаимоотношений и т. п.). Но не все — люди творческих профессий. Что делать остальным? Проживать свою собственную, уникальную жизнь.

Представьте себе, что миллионы и миллиарды лет существовала Вселенная, а нас не было. Потом миг жизни, потом опять миллиарды лет без нас. За этот миг надо успеть найти и занять свое место, которое, в отличие от места за партой, никто другой занять не может, ведь каждый проживает свою, а не чужую жизнь. Если мы не нашли себя, наше место навсегда останется пустым.

Но что значит — «свое место»? Этого никто не знает, поэтому надо пробовать свои силы, стараться реализовать свои способности максимально полно. Можно не быть музыкантом или писате-

лем, но можно и должно создать уникальное произведение — самого себя. Творит не только музыкант, но и слушатель, не только писатель, но и читатель. Читатель как бы создает свой «внутренний фильм», представляя события книги, слушатель эмоционально сопереживает музыке. Они изменяются сами, они наделяют смыслом знаки, которые без их личного участия ничего не значат. Следовательно, мир культурных смыслов и символов не полон, в нем всегда есть для всех свободные места. Возможно, исходя именно из этого соображения Эрнст Кассирер (1874—1945) назвал человека «символическим животным».

Как видите, опять все свелось к культуре. Но ведь культура — это «высокая норма». Как можно быть свободным, будучи во власти норм, правил и запретов?! Ответим вопросом на вопрос: кто более свободен в своих движениях — обычный человек или профессиональный гимнаст? Кто полнее и свободнее выразит себя в жесте, в музыке, в слове? Сколько надо было тренироваться спортсмену, репетировать балерине или певцу, сколько надо было перечеркнуть черновики писателю? Иными словами, сколько надо было принять на себя внутренних ограничений, чтобы открыть новые возможности свободного самовыражения! Свобода не есть произвол или разрушение норм, скорее, это способность превзойти стандарт и стать автором более высокой нормы. Недаром и Гераклит, и Ницше сравнивали свободную деятельность с ребенком, который в игре создает и разрушает миры.

Но маленький ребенок еще не знает, «что такое хорошо и что такое плохо». Он создает и разрушает свои куличики, находясь вне добра и зла. Если такую свободную игру взять за образец для взрослых, что получится? Мы сделали ставку на свободное творчество в поисках собственно человеческих характеристик, а оказались перед возможностью зла, разрушения, небытия. Как чертик из табакерки, вылезла негативная «свобода от» (в том числе от добра).

Эти два лика свободы гениально прочувствовал и показал в своих произведениях Ф. М. Достоевский. Свободу может воплощать Алеша Карамазов, князь Мышкин, а может Раскольников или, хуже того, — Ставрогин из «Бесов». Герои Достоевского мучаются, ищут, проходят по кругам ада, и все это — лики человека, его свободы. «Человек может нарочно, сознательно пожелать себе даже вредного, глупого, даже глупейшего... единственно для того, чтобы самому себе подтвердить, что люди все еще люди,

а не фортепьянные клавиши», — с сочувствием цитировал Достоевского Бердяев.

Таким образом, свобода, творчество, самовыражение оказываются чрезвычайно рискованными предприятиями. А нельзя ли быть человеком в подлинном смысле слова с меньшим риском для жизни и репутации? Ну, допустим, просто тихо жить и просто искренне любить близких людей? Разве этого мало?

Это очень много. Это и есть подлинное проявление человечности. Это и есть концентрированное выражение вашей индивидуальности. Это самое глубокое и настоящее, что может с вами случиться. Конечно, не надо путать любовь и влечение, любовь и поиск одобрения или защиты. Они могут входить в это великое чувство, но главное в любви — способность дарить.

Мы только хотим еще раз напомнить вам о цене, которую придется за это заплатить. Это тревога за любимого человека и страх потери. Родители боятся за неразумных детей, дети — за престарелых родителей. Влюбленные боятся друг за друга. В любви человек открывает свое «мягкое ядро» и становится уязвим. Потеря любимого — потеря смысла своего существования. Несчастье или предательство выжигают душу. Даже полное согласие и взаимопонимание не избавляют от тревоги; она будет тем сильнее, чем глубже чувство. Пожар не страшен только бездомному.

И еще, любовь не составляет альтернативу *свободе*. Нельзя насильно *полюбить* что бы то ни было: человека, уроки математики или помидоры. И насильно заставить разлюбить тоже нельзя. Нельзя по приказу обрести *надежду* или потерять *веру*. Эти экзистенциальные состояния, эти высшие человеческие эмоции и есть проявления свободного выбора. «Мягкое ядро» может оказаться очень даже твердым и успешно сопротивляться грубому внешнему насилию и лукавым уговорам. Бердяев по этому поводу замечал, что «свобода не терпит ни определяемости бытием, ни определяемости разумом».

Экзистенциалисты в своих философских и художественных произведениях исследовали такие «пограничные ситуации», когда у человека, кажется, нет никакого выбора. Героя ведут на расстрел, или он неизлечимо болен, или катит камень в гору, как Сизиф, — вариантов спасения нет. Но если нельзя изменить ситуацию, можно изменить отношение к ней. Психолог и философ Виктор Франкл (1905—1997) писал, что человек в любой ситуации свободен в своей *духовной установке*. «Заклучив человека в лагерь, можно было отнять у него все вплоть до очков и ремня,

но у него оставалась эта свобода, и она оставалась у него буквально до последнего мгновения, до последнего вздоха.»

У кого-то свобода оставалась и в концлагере, а кто-то добровольно отдает ее в обычной обстановке, потому что она — непосильное бремя. Быть свободным — значит принимать решения, отвечать за результаты и последствия, терпеть неудачи и самое главное — честно оценивать себя. Куда как спокойнее жить, спрятавшись за бетонную стену природной или социальной необходимости. Мало ли что Кант говорил, будто «природа человека — это свобода». Гораздо проще и удобнее существовать в автоматическом режиме законопослушного конформиста. Быть всю жизнь «жертвой обстоятельств» и списывать свои неудачи на других.

Все сказанное приводит к мысли, что одно дело быть представителем вида *Homo sapiens* со всеми положенными в этом случае признаками вроде членораздельной речи, понятийного мышления и орудийной социальной деятельности, и другое — соответствовать тем требованиям, которые предъявляет к людям философское учение о человеке. Найти человеческое в людях оказывается не так-то просто.

Люди потому и люди, что живут и знают о своей смертности. Это — трагедия человеческого бытия. Но в этом есть и положительный смысл: конечность отпущенного срока заставляет человека торопиться выразить и реализовать себя, оставить след, остаться в памяти. Если бы люди были бессмертными и никуда не спешили, вряд ли они сделали и миллионную часть того, что смогли в самых неблагоприятных обстоятельствах.

Люди потому и люди, что тревожатся, страшатся, любят, верят, надеются, ищут истину, борются за справедливость, потому, что способны выбирать и поступать согласно моральному долгу и понятиям чести; в этом проявляется свобода человека от природы и социальных обстоятельств. Люди потому и люди, что могут реализовать свою свободу в творчестве, потому что они субъекты деятельности, а не «фортепьянные клавиши». Человек — единственное из животных, которое может плакать от радости и смеяться в трагической ситуации. Только человек может лгать, предавать, бессмысленно убивать себе подобных, обещать, быть ироничным, играть роль, презирать, шутить, скучать или молиться. Список особенностей человека можно продлить, но не стоит надеяться на окончательный ответ. Человек по-прежнему остается загадкой для самого себя.

Все, мы отдаем вам фонарь Диогена и желаем успехов. Ищите себя сами. Что найдете, то и будет ваше. И отвечать за все, что с вами случилось и не случилось, вы тоже будете сами. И какими вы были на самом деле, вы узнаете только в самом конце, когда не остается ни времени, ни сил быть неискренними с самими собой, а череда возможностей выбора исчерпана до конца. Такова особенность человеческой жизни, в которой *существование предшествует сущности*.

Вопросы и задания

1. Используя информацию из этой и третьей главы, попробуйте предположить, кому из перечисленных мыслителей — Кассиреру, Гелену, Ницше, Аристотелю, Фрейдю, Протагору, Демокриту, создателям Библии, Платону — могут принадлежать следующие определения сущности человека: «человек — это двуногое и без перьев»; «человек — это политическое животное»; «человек — это неустановившееся животное»; «человек — это любимое творение Божье»; «человек — это животное с красными от стыда щеками»; «человек — это микрокосм»; «человек есть мера всех вещей»; «человек — это существо, обделенное инстинктами»; «человек — это символическое животное».
2. Как вы считаете, что больше определяет поведение человека — природные или социальные предпосылки?
3. Каким образом связаны сущность человека и культура, творчество, свобода, любовь?
4. В чем проявляется человеческое существование, согласно точке зрения философов-экзистенциалистов?
5. О каких превращениях человеческого духа говорил Ф. Ницше? Кого из известных вам исторических персонажей или просто знакомых людей можно назвать «верблюдом», «львом» или «играющим ребенком»?
6. Можно ли быть свободным невзирая на обстоятельства?

вить классификацию, выделить определенные типы уклада экономической жизни. Одним из самых известных подходов к этой проблеме стал марксистский, предложивший выделять в истории человечества различные общественно-экономические формации в зависимости от экономического базиса общества (см. раздел 3.5.1). Наряду с этим в современных исследованиях часто выделяются следующие типы экономик: *традиционная, централизованная, рыночная, смешанная.*

Традиционная экономика, как видно из самого названия, основана на традициях, передаваемых из поколения в поколение. Темпы развития такого общества низки (это связано с тем, что и рост потребностей в нем является крайне низким, они почти не меняются от поколения к поколению), общество воспроизводит само себя с незначительными изменениями. Эти характеристики были присущи древним аграрным обществам, существовавшим до индустриальной революции, но встречаются они и сегодня в слаборазвитых странах. Основной задачей традиционных обществ является удовлетворение первичных потребностей, поэтому главенствует здесь *производство продовольствия.*

С развитием средств производства эта задача постепенно отходит на второй план: сегодня около 7 % населения, занятых в сельском хозяйстве, могут обеспечить продовольствием все население Земли при наличии соответствующей техники, удобрений, технологий хранения и переработки продуктов. На первый план выдвигается *промышленность.* После перехода к *индустриальному* обществу, для которого характерна развитая и сложная организация разделения труда, автоматизация (люди в производстве используют станки и механизмы) и массовое производство товаров, возможно существование трех видов экономической системы: централизованной, рыночной или смешанной. Таким образом, все эти виды экономик описывают индустриальное общество, основанное на развитой промышленности. Переход к такому типу общества осуществлялся в разное время в различных регионах земного шара, а в Европе процесс индустриализации пришелся на XIX столетие.

Рыночная экономика — такая экономическая система, в которой вопросы о том, что, как и для кого производить, решаются через *рынок*, основанный на *конкуренции.* Рынок регулируется *ценами*, которые формируются в результате взаимодействия спроса на тот или иной товар и его предложение. Именно цены показывают, что производить, а какие производства лучше за-

крывать, какие ресурсы использовать, а от каких — отказаться. Для нормального функционирования рыночной экономики необходимо наличие **частной собственности** на средства производства. Частная собственность формирует новые стимулы к повышению производительности труда, к совершенствованию производства. Появляется *личная заинтересованность* производителей и собственников в более эффективном размещении и использовании принадлежащих им ресурсов. Она проявляется различными способами, в частности, собственники рабочей силы стремятся заработать большую зарплату, собственники денежного капитала — получить больший процент, предприниматели — большую прибыль, потребители — приобрести больше товаров за меньшую цену. Выдающийся австрийский экономист **Фридрих Август фон Хайек** (1899—1988) в этой связи остроумно заметил: «Погоня за прибылью — единственный способ, при помощи которого люди могут удовлетворять потребности тех, кого они вовсе не знают». В XX в. именно рыночная экономика была наиболее распространенной.

Несмотря на свою эффективность, рыночная экономика имеет и ряд отрицательных характеристик. Рыночной экономике присуще нерациональное использование ресурсов (частные собственники заинтересованы лишь в личной выгоде, поэтому они не думают об интересах общества в целом), социальное неравенство и нестабильность, безработица и т. д. Во многом из-за этого в ряде стран была предпринята попытка перехода к государственному регулированию экономики, к централизованной экономической системе.

В **централизованной** (плановой) экономической системе господствует общественная (государственная) собственность на средства производства, и планирование производства — в идеале — должно осуществляться на основе учета интересов всего общества. Практика воплощения такой экономической системы (в СССР, например) показала, что в результате огосударствления экономики рынок умирает, формируется колоссальная по численности бюрократия со своими групповыми интересами, а само плановое хозяйство становится громоздким и медленно реагирующим на изменение потребностей общества. Как правило, возникает дефицит многих товаров, и спрос на них удовлетворяется через «теневую» экономику, где вновь «прорастают» рыночные «побеги».

Надо сказать, что попытки государственного планового регулирования предпринимались задолго до начала строительства социализма в СССР и других странах. Усиление государственного регулирования экономики диктовалось целями подготовки к войнам, их ведения, поддержания обороноспособности стран. Но в последнее время государственное управление становится необходимым и для других целей: обеспечения общественных потребностей в здравоохранении, образовании, поддержке немощных и т. д. Вмешательство государства в экономику, таким образом, обусловлено появлением новых экономических потребностей, с которыми рынок по своей природе не может справиться. Поэтому в большинстве современных развитых обществ существует *смешанная* экономика, в которой в различной мере сочетаются преимущества рынка и централизованного управления. Благодаря этому становится возможным проведение *плановой социальной политики, охрана окружающей среды* (что может быть невыгодно отдельному предпринимателю, но в чем заинтересовано общество в целом), благодаря государственной поддержке в большинстве развитых стран проводятся фундаментальные *научные исследования* (ведь не все научные разработки могут быть выгодными с точки зрения рынка).

Во второй половине XX в. в работах Д. Белла, Г. Кана, З. Бжезинского, А. Тоффлера и других исследователей сложилась концепция *постиндустриального общества*. Так стали называть новую стадию общественного развития, следующую за индустриальным обществом, где *ведущую роль приобретают сфера услуг, массовые коммуникации, информация*. На этом этапе развития на первый план выдвигается уже не сельское хозяйство (как в традиционном обществе) и не промышленность (как в индустриальном обществе), а *экономика знаний*. Меняется характер труда. Производство становится «безлюдным» — в нем используются автоматы, компьютеры, роботы. Постиндустриальное общество связано с превращением процесса труда, по крайней мере, для заметной части общества, в творческую деятельность, в средство развития человеческой личности. Многие ученые считают, что это общество можно назвать *постэкономическим*, так как в нем преодолевается господство экономики (производство материальных благ) над людьми, а *основной задачей общества становится развитие человеческих способностей*. Сегодня наиболее развитые страны уже вступили в постиндустриальную эпоху, стоит эта задача и перед Россией.

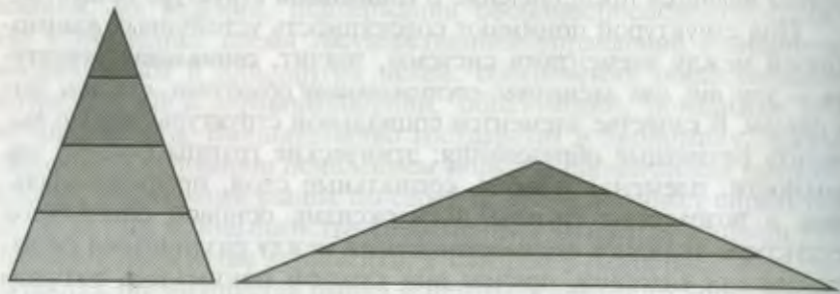
Социальная сфера общественной жизни

Социальная сфера общества складывается как система взаимодействия социальных групп — классов, наций, профессиональных сообществ, страт. Основой для понимания социальной сферы является представление о **социальной структуре** общества.

Под структурой понимают совокупность устойчивых взаимосвязей между элементами системы, значит, **социальная структура** — это то, как элементы, составляющие общество, связаны друг с другом. В качестве элементов социальной структуры можно выделить различные образования: этнические группы (нации, народности, племена), классы, социальные слои, профессиональные и возрастные группы. В марксизме основой социальной структуры являлись взаимоотношения между различными общественными **классами**, причем под классом понималась большая группа людей, владеющая либо не владеющая средствами производства, занимающая определенное место в системе общественного разделения труда и характеризующаяся специфическим способом получения дохода (см. раздел 3.5.1). В противоположность этому подходу, **Питирим Александрович Сорокин** (1889—1968) — русский социолог, эмигрировавший после революции 1917 г. в США, — предложил выделять в обществе не классы, а страты (от лат. stratum — настил, слой). **Страта** — это *социальный слой людей, имеющих сходные объективные показатели по четырем шкалам стратификации: доход, власть, образование, престиж*. Таким образом, можно сказать, что страты различаются по своему положению в *социальной иерархии*, причем значение имеет не только объективное положение в общественном производстве, но и признание этого положения другими членами общества (престиж), культурный уровень (образование) и т. д. Подход Сорокина позволяет нарисовать более богатую полутонами картину общества. Например, малообразованный человек, наживший свой капитал в результате нарушения закона, в цивилизованной стране не может считаться представителем высшей страты, как бы богат он ни был: он не может войти в элиту из-за отсутствия необходимого образования и компрометирующего прошлого, которое вызывает осуждение других представителей общества (членов высшей страты в том числе, которые уже в силу этого не признают его «своим») и делает невозможным для него доступ к власти.

Стратификация (расслоение) — обязательная характеристика развитого общества. В истории все попытки построить общества с реальным равенством их членов потерпели крах. Но степень рас-

слоения в обществах может быть различной. Наглядно представим ее в виде пирамиды, которая может быть высокой, с узким основанием или, наоборот, низкой, «распластанной», где разница между «верхними» и «нижними» этажами не так уж значительна.

С одной стороны, «вытянутая» социальная «пирамида» означает повышенную вероятность социальных конфликтов (разница между «вышними» и «низшими» стратами настолько велика, что порождает социальную напряженность), с другой — «распластанная» говорит о снижении в обществе соревновательности, об отсутствии достаточных стимулов для продвижения «вверх» по социальной лестнице. Исследователи пришли к выводу, что для обеспечения стабильного развития общества лучшим профилем пирамиды будет средний вариант: не слишком вытянутый вверх, но и не слишком стирающий все различия.

А в исследованиях, посвященных современному обществу — постиндустриальному или хотя бы с элементами постиндустриализма, — обсуждаются и другие геометрические фигуры, которые могли бы стать визуальным образом социальной структуры общества, — ромб или овал: высшие и низшие слои общества малочисленны, большинство составляет «средний класс», то есть тот, который в системе социальной стратификации расположен между высшим и низшим классами. В развитых странах (в США, Германии, Японии и др.) именно средний класс является основным слоем общества, составляя около 65 % населения. В современной России средний класс достаточно малочислен, для нашей страны характерна поляризация населения по уровню доходов.

Еще одним важным показателем состояния общественного организма является возможность вертикальной мобильности. **Социальная мобильность** — это перемещение индивида или целой социальной группы в рамках «пирамиды», изменение их ста-

туса и положения. Причем социальная мобильность может быть *горизонтальной* (в рамках одного «этажа», например, если человек поменял работу шофера на работу автомеханика: его социальный статус, положение в обществе изменились не очень сильно, он остался на том же «этаже» социальной пирамиды) и *вертикальной*. Вертикальная мобильность — это перемещение с этажа на этаж социальной пирамиды, а «лифтом», который поднимет индивида на другой уровень, могут стать образование, выгодный брак, овладение перспективной профессией и т. д. Существуют «социальные лифты» и для целых групп — например, революционные события способны наделить властью угнетенные ранее социальные слои. Так вот, если «лифты» не работают или работают плохо, то вертикальная мобильность в обществе затруднена, и такое общество резко замедляет темп своего развития. *Общества с затрудненной вертикальной мобильностью называют «закрытыми».* В них динамика социальной жизни сведена к минимуму, у индивида нет реальных перспектив повысить свой статус, занять лучшее положение в обществе, поэтому он не заинтересован в своем развитии, овладении новыми знаниями и навыками. «Закрытые» общества обязательно приходят к кризису, в результате которого сложившаяся социальная иерархия рушится. «Открытые» же общества развиваются быстрее, их члены видят перед собой перспективу повышения социального положения, происходит постоянный обмен между различными «этажами» социальной пирамиды.

Политическая сфера общественной жизни

Эта сфера тоже связана с отношениями между классами, нациями и другими социальными группами, но рассматриваются они сквозь призму **завоевания, удержания и использования государственной власти.** В рамках политической сферы исследователи выделяют три основных явления: *политические отношения, политические институты и политическую идеологию.* Систему государственных и негосударственных политических институтов называют *политической системой*, а основным институтом политической системы является **государство**, при помощи которого осуществляется управление обществом. К. Маркс рассматривал государство как средство укрепления и защиты власти правящего класса; сторонники функционального подхода основное значение придают тем аспектам деятельности государства, которые основаны на сотрудничестве. Но в любом случае государство от-

личается от других социальных институтов и организаций следующими признаками:

- наличием специального аппарата власти;
- наличием государственной территории;
- суверенным правом издания законов, обязательных для граждан, и правом применять насилие, если законы нарушаются;
- исключительным правом собирать налоги, выпускать денежные знаки и т. д.

Получается, что государство обладает рядом функций, причем большинство из них являются монополией государства: определение и создание правовых норм поведения в обществе (функция *законодательной власти*), регулирование общественных отношений вплоть до применения вооруженной силы (функция *исполнительной власти*), разрешение конфликтов (функция *судебной власти*).

Та часть политической сферы, которая обладает относительной независимостью от государства, называется *гражданским обществом*. Оно состоит из самостоятельных и относительно свободных индивидов, а также их объединений. В состав гражданского общества входят семья, церковь (там, где она отделена от государства), политические партии, профсоюзы, ассоциации по интересам (бизнес-центры, клубы и др.) и т. д. Получается, что общество — это гражданское общество плюс государство.

Элементы и ценности гражданского общества сложились в Европе уже в XVIII в. В них входили такие представления о нормах индивидуального существования, как требование личной безопасности; принцип равенства всех перед законом; право на частную собственность; право на частную жизнь; признание индивидуальных различий, уважение к другому человеку и др. Хотя государство и гражданское общество относительно самостоятельны, они взаимодействуют и предполагают друг друга. Причем стиль их взаимодействия является характеристикой реального развития общества.

Вся человеческая история дает примеры постоянного, более или менее острого *конфликта между гражданским обществом и властью, личностью и государством*. Именно этот конфликт является важнейшей составляющей социального развития. Данный конфликт резко обостряется в условиях модернизации, перестройки общественного организма. Подобную модернизацию политической жизни сегодня переживает и Россия. В нашей

стране можно проследить два взаимосвязанных, хотя и разнонаправленных, процесса: с одной стороны, кризис прежней государственности, что ведет к ее естественному ослаблению, а с другой — создание предпосылок для усиления контроля государства над обществом. Дело в том, что ослабление центральной власти, неизбежное при глобальных переменах в общественной жизни, на определенном этапе начинает противоречить планируемыми преобразованиям и реформам, замедлять их темп, что вызывает потребность в усилении политической системы, повышении роли бюрократии, «укреплении властной вертикали». Победа первой тенденции может привести к невозможности эффективного управления обществом. Если же побеждает вторая тенденция, — гражданское общество теряет возможность влиять на принятие решений, устанавливается *авторитарный* стиль правления. Поэтому так важно найти «средний путь», сохранив и рычаги государственного управления, и возможность для гражданского общества влиять на принятие властных решений. В конечном счете речь идет о сохранении свободы для личности в политическом пространстве.

Российская жизнь традиционно протекала как «движение сверху вниз», когда народные массы пассивно воспринимали спускаемые сверху требования, законы, установления. Государство и государственные институты безраздельно господствовали, оказывая подавляющее влияние на общественную самостоятельность. Даже неизбежная саморегуляция хозяйственной, общественной и другой деятельности носила ограниченный характер: «Вот приедет барин, — барин нас рассудит». В тех же случаях, когда массы народа активизировались, история давала примеры русского бунта, «бессмысленного и беспощадного» (по определению А. С. Пушкина). Традиция приказного, административного управления в России выступает как исторически привычное *ограничение свободы человека*; суверенность личности воспринимается как нечто второстепенное и не очень важное. Следствием подобной исторической «привычки» является отсутствие у многих членов российского общества навыков обоснования своего выбора, принятия осознанного решения, низкий уровень политической культуры.

Установка массового сознания на принятие всех важных решений независимой от общества политической элитой, с одной стороны, способствует примитивно-легкому решению вопроса об ответственности за неудачи, а с другой — порождает иллю-

зию, что «правильный» президент, губернатор или мэр может коренным образом изменить ситуацию к лучшему. Неистребимая вера в «доброту царя» говорит о традиционном примате государства над обществом. В свободном же обществе действия правителя, единоличного или коллективного, должны регламентироваться не моралью заботы, сострадания и добра, а совсем иным — *правовым* — кодексом. Но *переход к правовому регулированию отношений между властью и обществом означает принятие ответственности за свои поступки*, что требует серьезных изменений в массовом сознании.

Управление обществом посредством законов в правовом обществе — это выделение каждому члену общества «свободного пространства», в рамках которого он может проживать любую жизнь по своему собственному свободному выбору. При авторитарном же управлении гражданин общества лишается свободы принятия решений, поскольку не знает границ своего жизненного «пространства» — они не установлены, так как государство осуществляет выбор за гражданина и информирует его об обязанностях, но одновременно он лишается и тяжелого груза ответственности. В этом смысле, любое авторитарное государство — это государство опеки, когда даже самые благие цели (безопасность граждан, справедливое распределение, всеобщее благоденствие и др.) приводят к рассмотрению человека как недееспособного индивида, не способного самостоятельно определять задачи и цели своего существования. Здесь уместно процитировать уже упоминавшегося экономиста и теоретика либерализма фон Хайека, утверждавшего, что «основной вопрос сводится не к тому, что деятельность государства должна руководствоваться каким-то определенным принципом, а к тому, что власть государства должна ограничиваться обеспечением того, чтобы каждый человек придерживался принципов, которые он сам знает и которые может учитывать при принятии своих решений».

Создание правового государства и формирование гражданского общества — актуальные проблемы в современной России.

Духовная сфера общественной жизни

Духовная сфера общества — это система отношений между людьми, отражающая духовно-нравственную жизнь общества, структурными элементами которой являются мораль, религия, политическое сознание, наука, искусство. В основе этой сферы лежит *духовное производство — деятельность, направленная на*

создание новых духовных ценностей. Такое производство, служащее удовлетворению особых — духовных — потребностей, осуществляется как профессионалами (*интеллектуальными*), так и другими талантливыми людьми (созданием народа является фольклор, народная медицина, народные промыслы и др.). Особенность продуктов духовного производства состоит в том, что в процессе их потребления они не исчезают (если вы удовлетворяете свою первичную материальную потребность в еде с помощью бутерброда, он исчезает у вас в желудке), а становятся частью духовного мира человека — потребителя, обогащают его внутренний мир. Поэтому *не только производство, но и потребление духовных ценностей является творческим процессом саморазвития личности.* Здесь тоже действует закон роста потребностей: чем образованнее и культурнее человек, чем больше потребляет он именно духовных ценностей, тем больше у него потребность в духовном потреблении и тем более высокие требования он предъявляет к качеству потребляемого «продукта».

Если в политической сфере общественной жизни центральным моментом является государство, то для духовной сферы таким определяющим элементом выступает **общественное сознание**. В зависимости от носителя (субъекта) общественного сознания можно выделить следующие его **виды**: *индивидуальное, групповое и массовое* сознание. Носителем индивидуального сознания является отдельный человек, носителем группового сознания — социальная группа, носителем массового — неорганизованная группа людей, объединенная какой-либо идеей, целью (например, фанаты рок-группы).

В общественном сознании выделяют **уровни** — *обыденно-практический и научно-теоретический*. Подобный аспект рассмотрения общественного сознания можно назвать гносеологическим, поскольку он показывает глубину проникновения субъекта познания в объективную реальность. Как известно, обыденно-практическое сознание более поверхностно, чем научно-теоретическое. Общественное сознание на обыденно-практическом уровне проявляет себя как *социальная психология*, на научно-теоретическом — как *идеология и наука*. Попробуем разобраться, что такое идеология. Во-первых, очевидно, что речь идет о теории, то есть согласованной системе взглядов на мир. Но в литературе термин этот, как правило, имеет негативный оттенок. Почему? Потому что **идеология** — это *такая система взглядов, где мир рассматривается через призму интересов определенной социальной группы*, что

делает неизбежными искажения, пристрастные оценки, тенденциозное истолкование фактов. С другой стороны, возможно ли беспристрастное познание общества? Когда мы от исследований в области физики или химии переходим к анализу современной социальной действительности, нейтральными и объективными быть очень трудно. Поэтому *идеологии* — *обязательная часть жизни общества*, они были и будут всегда, пока есть социальные группы со своими интересами. Марксизм называл себя научной идеологией рабочего класса, работы цитированного выше Хайека можно назвать теоретическим обоснованием интересов социальной группы собственников, Фома Аквинский в своих работах обосновывал решающую роль церкви в обществе и был ее идеологом... Социальные теории всегда очень тесно связаны с идеологиями, а идеологии воздействуют на массовое сознание, активно изменяют поведение людей, выдвигают определенные идеалы общественного развития.

Формами общественного сознания являются нравственное, религиозное, научное, эстетическое, экологическое, философское и т. п. сознания. О специфике некоторых форм общественного сознания и о культуре как комплексной характеристике духовной сферы общественной жизни подробно рассказано в следующей главе.

Вопросы и задания

1. Почему общество можно представить как систему? Какие подсистемы принято в нем выделять?
2. Какие типы экономических систем вы знаете? Что характерно для каждого типа?
3. Какие черты отличают постиндустриальное общество? Как вы думаете, в каких странах постиндустриальное общество уже стало реальностью?
4. Что такое социальная структура общества?
5. Чем отличаются понятия «социальный класс» и «социальная страта»? Что у них общего и различного?
6. Приведите примеры горизонтальной и вертикальной социальной мобильности. Что такое «социальный лифт»? Какие социальные лифты существуют в современном российском обществе?
7. Какие признаки присущи государству?
8. Что такое «гражданское общество»?
9. Какие уровни общественного сознания вы знаете? Что характерно для каждого из них?

Глава 10

КУЛЬТУРА КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

*Он ждет, чтоб высшее начало
Его все чаще побеждало,
Чтобы расти ему в ответ.*

Р.-М. Рильке. «Созерцание»

В предыдущих главах уже частично затрагивались вопросы, о которых пойдет речь в связи с обсуждением проблем культуры. Например, было использовано понятие «идеального», чтобы обозначить *символическую* сферу, где «живут» смыслы, которые создает или воспринимает сознание человека. Некоторые исследователи так и описывают культуру, называют ее семантической (то есть смысловой) сферой, подчеркивают, что это *«система ценностей»*, сложная иерархия идеалов и смыслов». Означает ли это, что культуру можно отождествить с «идеальным» и закрыть тему? Конечно, нет!

Дело в том, что каждое новое понятие — это своего рода «секущая плоскость», которая разрезает массив общественной жизни под определенным углом и получает свою проекцию, свою оригинальную и неповторимую картину. Жизнь одна, материал один, но каждый новый подход, новая проекция, новый вопрос позволяют увидеть ранее не замеченные черты этой жизни и глубже ее понять. У тех, кто занимается философией культуры, тоже есть своя «секущая плоскость» и отнюдь не на все их вопросы может ответить философия сознания или философская антропология. Например, к той же самой знаковой, символической сфере культуролог обратится затем, чтобы открыть секрет, как можно понимать других людей, народы, типы культур, как можно вести диалог, если все разные, и что общего с нами у тех, кто совсем на нас не похож. Но первая проблема, которая стоит перед любым философом культуры, — это сама культура.

Что такое культура?

Термин «культура» (от лат. *cultura* — возделывание, обработка, воспитание, образование) возник в Древнем Риме. Первоначально он означал «возделывание почвы». В современном же смысле это слово стало употребляться только в XVIII в. За два века представления о содержании и функциях культуры существенно обогатились — в середине 20-го столетия американские культурологи А. Крёбер и К. Клакхон насчитали уже 157 различных определений культуры! А в наши дни известный российский философ и культуролог П. С. Гуревич в своем учебнике по культурологии отмечает, что в отечественной литературе можно насчитать уже более 400 определений, а в мировой их число перевалило за тысячу. Такое обилие настораживает. Оно может свидетельствовать о двух вещах: или культура представляет собой столь сложное, а главное, многогранное явление, что каждое из таких определений действительно фиксирует ее отдельную черту или свойство, или разные авторы пищут на самом деле об одном и том же, но как говорится, «не видят за деревьями леса».

В конечном счете можно вести речь о *трех основных подходах к пониманию культуры*. Первый — **деятельностный** — рассматривает культуру как способ человеческой деятельности, как преобразование природы. В этом смысле культура будет совпадать с исторически определенным уровнем развития общества, зафиксированным в типах и формах организации человеческой деятельности. Культура — социальное явление, это своеобразное противопоставление природному миру. Если человек нашел камень и видит в нем лишь кусок кремня, для него камень является природным явлением. Но если он видит в своей находке каменный топор, то камень сразу приобретает культурное измерение, становится *артефактом* (то есть созданием, предметом) культуры.

В этом случае камень обретет иной смысл, — он станет *знаком* определенной цивилизации, символом отношений в древнем обществе. Каждая вещь имеет *культурное измерение* постольку, поскольку она отражает человека и человеческие отношения на том или ином этапе развития. Всякая вещь — сгусток таких отношений, их *символ, знак*. Поэтому второй подход к определению культуры — **знаковый**. Культура в этом смысле понимается как набор *знаковых систем, информационных кодов*, которые транслируют и закрепляют программы поведения, общения и деятельности.

Культура — результат деятельности людей. Но человек создает не только предметы, идеи, теории, но и самого себя, реализу-

ет свои способности. Поэтому человек — и творец культуры, и ее творение. Третий подход как раз и подчеркивает связь культуры с *человеческой субъективностью*, со способностью творить новое и уникальное, неповторимое, с необходимостью быть субъектом истории, а не «винтиком» или «носителем важной для выживания информации». Такая позиция может быть названа **аксиологической**, поскольку акцент делается на *ценности* личности, ее творческого потенциала. Недаром говорят, что культура — это мера человеческого в человеке.

Культура как освоение мира

Человеческая деятельность создает самые разные вещи, и все они, как уже говорилось, являются артефактами культуры. Но согласитесь, существует большая разница между троллейбусом, развозящим пассажиров, новеньким станком для вытачивания каких-то деталей — и симфонией Моцарта или научной теорией. Дело в том, что саму культуру принято делить на материальную и духовную. *Материальная культура* связана с практическим освоением человеком природы, она включает всю совокупность материальных благ, средства их производства. Артефактами материальной культуры являются орудия труда, транспорт, жилища и т. д.

Духовная культура охватывает совокупность всех знаний на теоретическом и обыденном уровне, язык, произведения литературы и искусства, проявляет себя в состоянии образования, просвещения, медицинского обслуживания и т. д. Разумеется, такое деление условно, *граница между духовной и материальной культурами подвижна*: явления материальной культуры тоже говорят о развитии человеческого духа в конкретную историческую эпоху, а артефакты духовной культуры имеют материальное воплощение.

Культура как знаковая система кодирует и передает важную для приспособления и выживания информацию. *Всю историю общества можно представить как совершенствование способов передачи информации*. Первый способ был почти идеальным, он передавал огромные объемы жизненно важной информации, но имел всего два маленьких недостатка: во-первых, он передавал исключительно биологическую информацию, во-вторых, передать ее можно было приблизительно раз в четверть века. Речь идет о *геноме человека*. Он содержит все необходимые данные о структуре белков, которые, в свою очередь, определяют строение

и функционирование всех органов. Чтобы передать этот огромный объем информации дальше, не надо быть генетиком, надо просто родить ребенка. Поколение детей появляется в среднем через 25 лет после родительского.

Второй канал трансляции информации — это язык в самом широком понимании. Передавать сообщения может не только членораздельная речь, но и жесты, поступки, одежда, вещи и т. д. Этот второй способ сначала здорово проигрывал по своей «пропускной способности» и ценности полученной информации первому. Но чем дальше развивалось человечество, чем больше знаний оно накапливало в устных преданиях, а позже в книгах, тем разнообразнее становилась его деятельность, тем больше «ручечков» вливалось в поток культурной информации. И сейчас этот «искусственный» канал передачи опыта и знаний перекачивает больше единиц информации, чем содержится в геноме человека.

Природа выбраковывает организмы с измененной, больной наследственностью сразу или в ближайших поколениях. Исторически приобретенный опыт тоже должен подлежать строгому отбору. Нельзя сохранять и тащить в будущее все, что кто-то когда-то сказал или сделал. Культура и есть *неприродный способ сохранения и передачи ценной информации*. Культура работает как сито и как копилка.

В связи с последним утверждением позволим себе одно замечание относительно Интернета. Информация, которая циркулирует в сети, практически не подвергается критическому отбору. Интернет — копилка без сита, которая рискует поэтому превратиться в помойку. Там можно найти чрезвычайно ценные сведения, а можно наткнуться на прямую фальсификацию, обман, сомнительные утверждения, за которые никто не несет ответственности. То есть Интернет, как величайший феномен современной культуры, не отвечает главным требованиям построения любого культурного образца — требованиям строгого отбора.

Культурные традиции и стандарты задают образцы социальных действий и психических реакций, которые воспроизводят следующие поколения. Так как деятельность современного человечества чрезвычайно разнообразна, можно говорить о специфических нормах и образцах в каждом отдельном виде духовного и материального производства: о культуре обработки металлов, культуре устной речи, музыкальной или политической культуре и т. д., причем каждый народ будет отличаться своими особенностями в каждом из названных процессов. Такая отдельная линия

наследования результатов какой-либо социальной деятельности называется *вектором культуры*, или *социальной эстафетой*. Прогресс в одной области культуры не обязательно сопровождается успехами в других, то есть векторы культуры *относительно автономны* в границах больших культурных эпох. Можно быть «в области балета впереди планеты всей», но отставать в автомобилестроении или в гостиничном сервисе. Можно официально учить одному, а своим личным примером — совсем другому, и если есть расхождение между словом и делом, то социальная эстафета обычно передает и закрепляет примеры поступков, а не словесные образцы.

Обычно под культурой понимают *«высокую норму»*. Иерархия культурных норм и образцов позволяет людям стремиться к лучшему и совершенному и в этом стремлении к идеалу развивать свои силы и упражнять способности. Таким образом, внешний по отношению к человеку социальный образец, закрепленная в исторической практике традиция могут стать мощным ускорителем внутреннего развития, если надо до них дорасти, или, наоборот, тормозом, если творческие способности человека превосходят навязанные обществом стандарты. Второй вариант встречается неизмеримо реже, так как за тысячи лет существования совокупный гений человечества накопил столько шедевров, столько героических поступков и высоких моральных примеров, что всегда найдется, кому подражать и чему учиться.

Культура как мера человеческого в человеке

Если в стремлении к более совершенному образцу вы реализуете собственные физические и духовные возможности, значит, работает еще одно, важнейшее определение культуры — *быть мерой развития человеческих качеств, быть средством реализации творческих сил и способностей личности*. Нельзя реализовать себя, не облекая это стремление в какую-нибудь форму. Культура предоставляет для этого готовые формы, нормы и образцы, но наполняют эти образцы содержанием и смыслом сами люди.

Приведем в этой связи один небольшой, но драматический пример. Чистить зубы по утрам — это, безусловно, признак культурного человека. Но такая процедура давно стала рутинной привычкой, никакого высокого творческого смысла она не несет. Однако ситуация может повернуться так, что чистка зубов поможет вам сохранить человеческое достоинство и выжить там, где выжить невозможно. Уже упоминавшийся Виктор Франкл,

сам переживший Освенцим, описывал свидетельство одного заключенного. Чистка зубов не была запрещена лагерным уставом. Но зубы никто не чистил, — не было ни щеток, ни паст. Помасировать десны, изображая чистку зубов, было можно. Гигиенический смысл нулевой, но был гораздо более важный смысл: напомнить самому себе, что ты человек, что ты не окончательно раздавлен, что ты еще не превратился в смертельно запуганное животное. Тебя запросто могут убить, но ты еще в состоянии противостоять духовному уничтожению, потому что помнишь о нормах культурного поведения.

Наделение стандартной культурной формы личным смыслом и использование ее для индивидуального развития — важнейшая задача. Это работа, которую бессмысленно поручать другому человеку. Здесь каждый абсолютно незаменим. В рамках этой задачи культуру нельзя потреблять, ее можно только **творить**. Творит не только писатель, но и читатель, не только музыкант, но и слушатель, потому что меняется сознание читателя или слушателя. Известный специалист по истории Возрождения **Л. М. Баткин** замечает по этому поводу, что культура — это «внесение в мир смысла и уже одним этим — изменение мира и самоизменение субъекта культуры».

Методы познания культуры, культурное многообразие и проблема культурных универсалий

Пока народы древности жили достаточно изолированно друг от друга в силу неразвитости торговых и информационных связей, ценность других культур и задачи их познания мало кого волновали. Самой распространенной формой межкультурного взаимодействия была война. Другие народы обычно воспринимались как «варвары», «чужие», «враги», гораздо реже — как «выгодные торговые партнеры» или «добрые соседи». Культуру покоренных племен никто не собирался уважать, тем, кто оставался в живых, навязывали новый образ жизни и поклонение чужим богам.

Само культурное разнообразие трактуется, например, в Библии как одно из последствий греховной воли человека. Вспомните знаменитую легенду о строительстве Вавилонской башни, с помощью которой люди надеялись добраться до Неба, до самого Бога. Их замысел не осуществился, так как Господь разделил языки, все перестали понимать друг друга, перессорились и передрались. При всей фантастичности этой истории в ней содержит-

ся чрезвычайно важная мысль: понимание другого языка, другой культуры, другого народа — труднейшая проблема. И надо сказать, что человечество справлялось с ней плохо. Достаточно вспомнить завоевание европейцами Американского континента, колонизацию Африки или уничтожение кельтской культуры римскими завоевателями...

Почему снова и снова повторялось это пренебрежение чужим культурным наследием? Почему завоеватель увозил в свою страну материальные ценности, угонял скот и обращал в рабов людей, а культурные традиции просто растаптывал, запрещал? Очевидно потому, что они не имели для него смысла, что ими нельзя было воспользоваться как вещью. Ими надо жить, их нельзя понять извне, они должны войти в плоть и кровь.

В Новое время, когда межкультурное взаимодействие стало более интенсивным в силу экономических причин, когда ослабел диктат христианской церкви и стало возможным изучать иные религии без опасений, что последует обвинение в отступничестве, когда наука стала подавать всему обществу пример рационального отношения к миру, европейская философия «дозрела» до проблем развития культурных организмов и специфики их познания. Возможность понять другую культуру стала обсуждаться как содержательно, в связи с возникновением науки *этнографии*, так и в философско-методологическом ключе.

Немецкий богослов, философ и переводчик античных текстов **Фридрих Шлейермахер** (1768—1834) один из первых обратил внимание на то, что *непонимание* существует естественно, изначально, само собой. А вот чтобы *понять* древний библейский текст или диалоги Платона, чтобы выяснить смысл исторического события или замысел автора произведения, надо «попотеть». Особенно тяжело приходится историкам, которые реконструируют события далекого прошлого, и переводчикам гениальных произведений, ведь надо быть не глупее автора. Причем *проблема понимания другой культуры стоит перед всеми без исключения*, даже если они не собираются жить на другом континенте: ведь и родная культура имеет «чужое» для нас прошлое, да и в настоящем мы должны понять мысль другого человека.

Огромной заслугой Шлейермахера было то, что он осознал фундаментальный и всеобщий характер проблемы понимания и заложил основы *герменевтики* как теоретической, философской дисциплины. Герменевтика возникла как искусство истолкования текстов, а затем превратилась в теорию понимания любого

культурного явления. Герменевтика изначально признавала, что все люди, страны, народы, исторические эпохи — *разные* и что ее задачей является установление условий, при которых возможно их понимание и диалог.

В XIX в. молодой философской герменевтике противостояла чрезвычайно популярная гегелевская философия истории. Каждый исторический период, каждое культурное свершение Гегель рассматривал в качестве необходимой ступени объективации и саморазвития *абсолютного духа*. Таким образом, гегелевский историзм не признавал самоценности отдельной культурной эпохи, он рассматривал ее в качестве переходной ступени к более высоким и совершенным формам развития. В своем развитии мировой дух, согласно Гегелю, «делает чудовищные затраты возникающих и гибнущих человеческих сил; он достаточно богат для такой затраты, он ведет свое дело *en grand*, у него достаточно народов и индивидов для такой траты». Такая позиция Гегеля чем-то напоминала приемы ученых-естественников, для которых важно было увидеть общий закон, принцип, сходство ситуаций, а индивидуальные детали можно принести в жертву обобщению. Точнее, Гегель ценил красноречивые детали, но только те, которые подтверждали его заранее выстроенную логику мирового исторического процесса.

Принципиально иной подход к пониманию исторических событий воплотил в своих работах немецкий историк, представитель «философии жизни» Вильгельм Дильтей (1833—1911). Он показал различие в предметах естественных и гуманитарных дисциплин, или, как говорил Дильтей, «наук о природе» и «наук о духе». Науки о духе имеют дело с жизнью, с жизненным опытом человека как с совокупностью важных переживаний. «Мы представляем и осмысливаем мир лишь постольку, — писал Дильтей, — поскольку он переживается нами». Науки о духе познают формы деятельности и духовный мир самого человека, поэтому в них нет принципиальной разницы между субъектом и объектом. Мы *понимаем* мир потому, что *переживаем* события, которые в нем происходят. Если историк хочет понять другую эпоху и другую культуру, он должен забыть о себе сегодняшнем и погрузиться в переживания «давно минувших дней», «вжиться» в прошлую культуру. Это дает возможность оценить и пережить все культурное богатство прошлого, а не сводить исторический процесс к надуманным и плоским построениям.

С одной стороны, позиция Дильтея была очень симпатична тем, что бережно и внимательно относилась к неповторимым деталям живой жизни иных культур. С другой, исторические реконструкции, полученные с результате психологического «вчувствования», были крайне субъективны.

Тем не менее, его позиция получила поддержку в работах неокантианцев Вильгельма Виндельбанда (1848—1915) и Генриха Риккерта (1863—1936). Они провели различие наук о природе и наук о культуре не столько по предмету, сколько *по методу*.

Метод наук о природе — «*генерализирующий*», то есть обобщающий, дающий закон. Метод наук о духе — «*индивидуализирующий*», описывающий индивидуальное, уникальное, неповторимое событие. Обобщать, искать однотипные и повторяющиеся явления можно как в природе, так и в социальной жизни, поэтому одно и то же явление (например, человека) можно описать различным образом с помощью различных методов. В анатомических атласах человек описывается с помощью «генерализирующего» метода (медики отвлекаются от уникальных особенностей, привычек, черт человека, но выделяют общее: у всех людей — два круга кровообращения, одно сердце и т. д.)

В культуре все наоборот. В ней самое ценное — это однократное свершение человеческого духа. Если бы пирамиды стояли на каждом углу, как бензолапки и киоски с мороженым, на них бы никто не обращал внимания и уж точно не показывал туристам. То, что многократно повторено, растиражировано, не имеет большой культурной ценности. Поэтому метод познания культуры, истории, человека должен описывать однократное событие. Но что из массы событий выбрать, описать, попытаться понять? Критерием отбора и принципом понимания должно стать «*отнесение к ценностям*», которые образуют самостоятельное царство. Главными человеческими ценностями следует почитать истину, добро, красоту, святость.

Высказанная в виде общего принципа, эта позиция получила конкретное и несколько скандальное воплощение в творчестве другого представителя философии жизни Освальда Шпенглера (1880—1936). Его работа «*Закат Европы*» (1918 — первый том, 1922 — второй) стала настоящим бестселлером. За два года первый том выдержал 32 издания, практически сразу же был переведен в революционной России. Ажиотаж был связан с тем, что Шпенглер попытался представить мировую историю как исто-

рию абсолютно непохожих друг на друга и не связанных между собой культурных организмов.

Начал он с утверждения, что всемирной истории нет. Это выдумка европейцев, воспитанных в гегелевском духе, которые в богатейших и самодостаточных культурах прошлого видят лишь подготовительный этап к новоевропейской истории. Шпенглер потратил немало язвительных слов, чтобы заклеить европоцентризм и идею прогрессивного развития мировой истории. Прогресса тоже нет. Культуры вырастают одна подле другой «со своей возвышенной бесцельностью, подобно цветам в поле».

Каждая культура — *живой организм*, который живет приблизительно тысячу лет. Он рождается, растет, цветет, дряхлеет и умирает, как любое животное или растение. Шпенглер явно пытался противопоставить такой «органический» взгляд на историю человечества механицистским научным схемам, или, как он говорил, «мертвой природе Ньютона». Кстати, книга Шпенглера вышла в свет через сорок девять лет после книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (см. раздел 3.6.3), которая содержала схожую концепцию культурно-исторических типов. Шпенглер, который знал русский язык, несомненно, ее читал, но повлияли на него взгляды Данилевского или он самостоятельно пришел к почти таким же выводам, сказать трудно.

Каждая культура, по Шпенглеру, обладает своей неповторимой душой, которая выражается в характерном базовом символе, в типе религии, особенностях искусства, в неповторимом переживании пространства и времени. «Культура умирает после того, как эта душа осуществит полную сумму своих возможностей в виде народов, языков, верований, искусств, государств и наук.» Средствами исторического познания, по Шпенглеру, должны были стать «вживание, наблюдение, сравнение, точная чувственная фантазия». При этом Шпенглер противоречил сам себе, так как никакое вживание в чужую культуру до конца не осуществимо, одна культура не может передать свои творческие начала и священные символы другой. Предсказать заранее рождение новой великой культуры нельзя, это — тайна. Предсказать смерть культуры можно. Когда творчество иссякает и душа культуры, отплодоносив, умирает, культура перерождается в цивилизацию. **Цивилизация — это омертвление и тиражирование культуры.**

На этапе цивилизации государство и нация деградируют, народ становится толпой, города — огромными космополитичными мегаполисами, демократия вырождается в диктатуру, человек

превращается в раба машин и экономической эффективности, в объект политических манипуляций и пропаганды. Именно эти упрёки Шпенглера в адрес европейской цивилизации задели всех за живое и заставили активно обсуждать судьбы культурных организмов и перспективы их изучения.

Шпенглер выделил культуры: майя, египетскую, вавилонскую, китайскую, индийскую, арабскую, античную и западноевропейскую, чей закат предрекала его работа, увидел признаки зарождения новой *русско-сибирской культуры*, которой предсказывал великое будущее.

Еще один, правда, более мягкий вариант теории локальных цивилизаций предложил в середине XX в. британский историк **Арнольд Тойнби** (1889—1975). Он написал грандиозный 12-томный труд «*Постижение истории*» (1936—1961). Многие культурологи и историки называют его шедевром в области философии истории и кульминационным пунктом *теории локальных цивилизаций*.

Тойнби, в отличие от Шпенглера, не противопоставляет культуру и цивилизацию как два этапа — восходящий и нисходящий — в развитии социального организма. Цивилизации, которые описывает Тойнби, больше, чем нация (национальное государство) и меньше, чем человечество. Цивилизация возникает как удачный *ответ* людей на *вызовы* социальной и природной среды. Чтобы разрешить проблемную ситуацию и не погибнуть, от людей требуется творческое усилие. На такое усилие способны не все, а «*творческое меньшинство*». Остальные, составляющие инертную массу, охотно подражают своим лидерам.

Вся история всех культур — это череда вызовов и ответов. До поры до времени, пока ответы на вызовы успешны, цивилизация развивается прогрессивно, она самоопределяется и увеличивает внутреннее культурное разнообразие. Но рано или поздно происходит сбой, «надлом», вызов остается без должного ответа, потому что «творческое меньшинство» выродилось в «*правлящее меньшинство*» и стремится силой сохранить свою власть. Видно, что в отличие от Шпенглера, Тойнби проводил не количественную границу жизни общественного организма (1000 лет), а качественную — пока элита сохраняет духовный, творческий потенциал. За надломом следует разложение, а затем гибель, но они могут растянуться на столетия и даже на тысячи лет, как было с египетской цивилизацией.

Но циклизм в модели Тойнби не был абсолютным, так как разложение и гибель цивилизаций компенсировались совершенствованием религиозных форм, созданием мировых религий и их прогрессом. Главное в истории — это реализация духовных творческих возможностей человека. «Цивилизации приходят и уходят, а Цивилизация остается», — писал Тойнби. Таким образом, Тойнби предложил компромиссный вариант и согласился с тем, что при всей специфике все же существуют общие для всех народов ценности, векторы культурной преемственности и духовного прогресса.

И все же вопрос возможна ли общечеловеческая культура и есть ли общие для всех культур ценности, не получил однозначного ответа. Понятно, что если подпасть под гипноз разнообразия языков, обычаев, художественных стилей, религиозных верований и т. д., то ответ, скорее, будет отрицательным. Обращая внимание на то, что у европейцев цвет траура черный, а у китайцев — белый, мы не замечаем более глубокого сходства: все народы оплакивают своих умерших. Вполне естественно считать, что признание культурного своеобразия поможет сохранить собственную культуру и богатство культурного генофонда человечества. Но есть очень большая опасность, что отрицание культурных универсалий сделает другие культуры как минимум непонятными, а затем и чуждыми, враждебными. Наша главная задача — понять другую культуру, не отрицая ее своеобразия, и установить с ней продуктивный диалог. *«История человечества давно засиделась, что способность одного народа осваивать достижения другого — один из главных показателей жизнеспособности его культуры... Именно на этом пути взаимодействия культур и складывается общечеловеческая культура, единая и вместе с тем многообразная»*, — отмечал академик Т. И. Ойзерман.

Активные и доброжелательные контакты культур облегчают понимание того, что при всех локальных различиях у всех народов и во все времена существовало уважение к труду и почтение материнства, восхищение смелостью и святостью, стремление к познанию истины и законы гостеприимства, забота о среде своего обитания и о потомстве. Всегда высоко ценились сострадание и милосердие, всегда осуждалось убийство, если это не было убийство врага на поле битвы. Дети абсолютно всех народов беспомощны в младенческом возрасте и нуждаются в опеке и защите. Защита детей — это тоже культурная универсалия. Во все времена на разных языках матери с одинаковым отчаяни-

ем оплакивали погибших детей, а влюбленные страстно признавались в своих чувствах. «Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви. Левая рука его у меня под голову, а правая обнимает меня...», — это из ветхозаветной «Песни песней», которой не одна тысяча лет. «Тело твое я буду беречь и любить, как солдат, обрубленный войною, ненужный, ничей, бережет свою единственную ногу», — это из В. В. Маяковского, век двадцатый.

Но чтобы это понять, чтобы услышать переключку влюбленных через тысячелетия, надо прочитать и «Песнь песней», и «Облако в штанах», то есть быть культурным человеком. Чем более культурен и сведущ в собственных традициях человек, тем больше его интересуют культурные традиции других стран и народов. Ему все интересно, он у всех старается научиться новому. И наоборот, чем примитивнее и необразованнее люди, тем сильнее кичатся они своей национальной принадлежностью, при малейшей возможности высмеивают «чужих», как будто от их недостатков, зачастую вымышленных, они получают какие-то дополнительные достоинства. Пороки других не делают нас лучше — лучше мы становимся, уважая чужие достоинства.

Наука, мораль, искусство и религия как формы культурной деятельности

Вспомним, какие фундаментальные ценности выделяли неокантианцы, да и не только они, анализируя культурную сферу: *истина, добро, красота и святость*. Они воплощаются в жизнь, реализуются, поддерживаются с помощью познавательной деятельности людей, нравственного поведения, художественного творчества, религиозной веры. Со временем все эти виды духовно-практической деятельности **институционализируются**, то есть начинают осуществляться с помощью специальных общественных институтов.

Научная деятельность теперь проходит не на страх и риск одиночек, а под крышами солидных НИИ и Академий. Искусством теперь занимаются не столько любители, сколько профессионалы с дипломами. Мораль из этого списка наименее институционализована; она держится на общественном мнении, на совести каждого человека, на осознании долга и принципов справедливости, но и тут могут существовать внешние способы регулирования моральных коллизий, например, офицерские «суды чести» или институт дуэли. Религиозная сфера контроли-

руется церковными организациями: церковью, монастырями, религиозными общинами. У каждого из этих социальных институтов есть свои объективные параметры, но в этой главе они будут нас интересовать, прежде всего, с точки зрения развития культурных возможностей реализации человеческой личности.

Наука является на сегодняшний день основным, хотя и не единственным способом удовлетворения чисто человеческой потребности знать, *почему* происходят те или иные события, как устроен мир. Наука, как и все другие виды культурной деятельности, избыточна по отношению к задаче простого биологического выживания. Избыточное знание не увеличивает человеческого счастья, скорее, наоборот. Недаром говорится, что «во многой мудрости много печали». Поиск научной истины всегда был сопряжен с риском, а часто и с прямой опасностью для жизни. Тем не менее, преодолевая религиозные и идеологические запреты, люди стремились к объективному знанию. Современное развитие новых наукоемких технологий часто угрожает устойчивости биосферы и здоровью человека. Почему же человечество тратит огромные средства на научные программы, которые не сулят прямой выгоды, серьезно рискует и все равно стремится к новым знаниям?

Похоже, что *потребность найти истину* является культурным императивом (императив — требование) человечества. Если на вопрос, зачем вы занимаетесь научной деятельностью, ученый отвечает, что это интересно, он дает исчерпывающий и глубокий ответ. Нет ничего более фундаментального в области познания, чем ответ: «Это очень интересно — узнать истину». Культура, создавая и оформляя небиологические потребности, обрекает нас на вечную жажду и неудовлетворенность, на вечное сравнение с недостижимым идеалом и, тем самым, на вечное совершенствование своей личности. Хотя, конечно, наука и ее достижения используются и для решения вполне конкретных задач, стоящих перед обществом.

Но в любой бочке меда есть ложка дегтя. Познание, наука хороши сама по себе, однако в реальном мире они могут быть использованы в антигуманных целях. Это значит, что научная деятельность по получению и практическому использованию знаний должна иметь дополнительный барьер или регулятор. *Таким регулятором для всех видов социальной деятельности является мораль.*

Термин «мораль» происходит от латинского слова «*moralis*», что значит «нравственный», поэтому мораль и нравственность часто употребляются как синонимы. Однако специалисты предпочитают называть **моралью** идеальные нормативные требования, которые регулируют человеческие взаимоотношения во всех сферах жизни, а под **нравственностью** понимают реальное положение дел с осуществлением этих нормативных требований. Короче, нравственность — это мораль в действии.

Человеческая жизнь регулируется многочисленными нормами. Моральные нормы делают это с помощью «голоса совести», который должен быть у каждого человека. Совесть — это переведенная во внутренний план общественная оценка ваших поступков и намерений. Если человек сохранил способность краснеть от стыда — он сохранился в качестве морального субъекта.

Однако внятный голос совести не означает, что человек обязательно будет поступать только согласно высшим моральным образцам, согласно долгу. Более того, если бы он всегда поступал только нравственно и правильно по причинам от него не зависящим, то есть был бы лишен свободы выбора и с помощью лекарств ли, внушения или чего-то еще был «запрограммирован на добро», это не было бы моральным поведением. Человек совершает моральный поступок, только когда *свободно выбирает* между добром и злом. Однако «свободно» не значит «легко».

Как уже отмечалось, в жизни всегда существует *конфликт ценностей*, конфликт культурных норм. Например, долгом является послушание старшим и долг — говорить правду. Если, услышав телефонный звонок, мать попросит сына сказать, что ее нет дома, как поступить? Как ни поступи — одна из моральных норм будет нарушена. Второе препятствие заключается в том, что мораль часто требует от человека очень больших жертв и самоограничений. Возможно ли никогда не лгать, не завидовать, не нарушать любовных клятв? Трудно представить себе такого идеального субъекта... И третье. Жизнь так сложна, что никогда нельзя заранее содержательно и конкретно определить, добрый это или дурной поступок. Например, нельзя сказать, что *всегда* добром будет предоставление человеку свободы или возвращение того, что ему принадлежит. А если отпускают на волю маньяка-убийцу и возвращают взрывчатку террористу? Потому-то Кант предпочитал конкретному описанию моральных поступков сухую формулировку «категорического императива». Но, избегая содержа-

тельно описывать моральные поступки, он сохранял жесткое требование следовать долгу во всех обстоятельствах.

В англо-американской этической традиции эти сложности были учтены, там возобладал *утилитаристский* подход. Морально предпочтительными считаются такие поступки, которые позволяют сделать максимально счастливыми максимально большое число людей. В утилитаризме достигается, так сказать, «наилучшее соотношение цены и качества». Надо признать, что это разумное, а главное, посильное требование. Но и у него есть существенный недостаток. Если счастье и долг высчитывать на калькуляторе, «небо спускается на землю». Разность потенциалов между должным и сущим, между моральным подвигом и банальной выгодой уменьшается. Это позволяет некоторым людям считать себя образцами нравственности только потому, что сосед сделал ближним больше гадостей, чем они сами. Так потихоньку зарастает тернистая тропа в мир высших моральных ценностей.

Еще одна великая культурная ценность — **красота**, прекрасное. Ее воплощения в культурах разных народов и разных эпох иногда диаметрально противоположны. Теперь уже никто не будет сравнивать свою возлюбленную с «кобылицей в колеснице фараоновой», а стандарты красоты прошлых эпох могут вызвать недоумение. Но всегда будет существовать сама человеческая потребность сравнивать и предпочитать то, что обладает гармонией, соразмерностью, целесообразностью. Определить в явном виде, что такое красота, что такое прекрасное, не удавалось пока никому. Тем более не удавалось путем строгих определений и вычислений. И все же есть средство дать почувствовать, что такое красота. Это — **искусство**.

В формах художественных образов происходит не просто воспроизведение действительности, но ее *преображение*, пересоздание по таинственным «законам красоты». Морщины и седина вряд ли кого радуют. Почему же портрет очень немолодой женщины может стать жемчужиной музейной экспозиции, а зрители будут шептаться: «Она прекрасна»? Прекрасна не потому, что стара, а потому, что художнику удалось изобразить свою модель, во-первых, профессионально совершенно, а во-вторых, как говорил Вл. Соловьев, с точки зрения гармонии окончательного состояния. Искусство в своем стремлении к красоте и совершенству пытается пройти все ступени, все формы и взглянуть на жизнь с точки зрения *эстетического идеала*, «с точки зрения

вечности». А этот идеал, кстати говоря, не свободен от моральных ограничений. Истина, добро и красота ограничивают, но и поддерживают, усиливают друг друга.

Сила искусства в том, что оно обладает огромным эмоциональным влиянием на человека, действует остро и непосредственно. Художественные образы несут огромное «свернутое» содержание, и каждый человек «разворачивает» его в зависимости от своего вкуса, обстоятельств жизни, эрудиции.

Противоположность прекрасному — *безобразное*, а значит, безобразное, не воплотившееся в какую-то форму, не достигшее соразмерности, порядка, гармонии, целостности. Противопоставление безобразия и красоты создает «лестницу», по которой люди поднимаются к эстетически совершенному или, наоборот, скатываются вниз.

Развитие художественного вкуса, попытки собственного творчества, созерцание прекрасного во всех его проявлениях — это очень действенные и важные средства саморазвития личности. Хотя, в принципе, искусство не должно заботиться о нашем совершенствовании. Это наша печаль — как с его помощью стать универсальной личностью. Точнее, не печаль, а радость. Радость художественного творчества, эстетического самовыражения — одно из самых сильных переживаний, которые доступны людям.

И, наконец, **религия** с ее ценностью **святости**. Святость в политеистических религиях воплощают образы многочисленных божеств, в монотеистических — образ единого всемогущего Бога.

Латинский термин «*religio*» первоначально означал, по разным толкованиям, «благоочестие, святиню», также «собирать, благоговеть» и «связывать, соединять». Сегодня под ним понимают специфические поведение, переживание и понимание мира, которые определяются *верой в сверхъестественную и тайную силу*. *Сакральное* (то есть священное) и вера в него — высшая религиозная ценность. В религии проявляется чувство зависимости человека от того, что превосходит его понимание, силы и практические возможности, — от бесконечного, от природы (первые религии — пример поклонения персонифицированным природным стихиям), от социальных порядков, наконец, от собственной смертности. Религия *компенсирует* эту зависимость не тем, что ее отменяет, а тем, что путем веры, молитв и обрядов позволяет человеку обрести покровительство Бога и надежду на спасение. Британский антрополог **Бронислав Малиновский** (1884—1942), который изучал многие примитивные культуры, утверждал:

обычному индивиду религия необходима для того, чтобы преодолеть ошеломляющее, парализующее предчувствие смерти, несчастье и судьбу. Основная функция религии — это *иллюзорная компенсация* проблем. Но, выполняя эту функцию, она получает большое число реальных и важных результатов. В контексте обсуждаемой темы особенно важным является то, что именно религиозная вера помогала развитию личного сознания, внутренней рефлексии, самооценки. Огромное число бытовых и художественных культурных традиций развивалось в рамках религиозной практики. Образ божественного совершенства задавал вектор моральных устремлений человека. Русский философ С. Л. Франк (1877—1950) так комментировал ситуацию на примере христианства: «Благая весть возвещала не ничтожество и слабость человека, а его вечное аристократическое достоинство... Это достоинство человека... определено его родством с Богом».

Фигура Богочеловека Христа соединила края пропасти, пролежавшей между совершенным Богом и греховным человеком. Объединив в себе обе ипостаси — божественную и человеческую, прожив земную жизнь и умерев на кресте за всех людей, Иисус сделал религию «соразмерной человеку», а ее нравственные требования — понятными и выполнимыми. Поэтому Иисуса Христа, Будду, Магомета и им подобных считают «культурными символами высшего порядка» безотносительно к тому, верим ли мы в их учения. Любая религия, оперируя образами пророков, святых, мучеников, формирует высокие образцы поведения, создает свою «лестницу», по которой каждый может идти вверх, пока хватит сил. Стремление к святости выполняет в этой области человеческого духа те же функции, что в искусстве — поиски красоты, в науке — поиски истинного знания. Таким образом, религия оказывается стержневым элементом культуры и содержит большой нравственный потенциал.

Массовая культура, контркультура и молодежная субкультура

Всегда у всех народов в культуре были «высшие» и «низшие» этажи, культура крепостных крестьян и дворянской знати различалась. Поэтому говорили о «народной» и «элитарной» культурах. Но только *в индустриальном обществе* культура начинает производиться, как автомобили и холодильники, культурное производство организовывается по типу массовой, серийной конвейерной индустрии и поставляет такой же стандартизированный, серийный, массовый продукт для стандартизированного

массового потребления. Этот перелом окончательно произошел в XX в. и был связан с прогрессом производительных сил и демократизацией индустриальных обществ — всеобщее образование, бытовой комфорт, развитие таких средств массовой информации, как газеты и радио, затем электронных СМИ. У культуры появился *массовый потребитель*. *Массовая культура создает набор культурных продуктов с товарными свойствами*.

Чем это обернулось для культуры? Она стала приспосабливаться к массовым вкусам и сиюминутным запросам. Она перестала требовать напряжения и усилия, превратилась в готовый к употреблению продукт. Это может быть качественным продуктом, может — откровенной халтурой, но и то, и другое *общедоступно*, не требует никаких специальных навыков. Массовая культура стала отраслью экономики, где делают хорошие деньги. Производство культурной продукции поставлено на научную основу: социологические опросы, мониторинг вкусов и предпочтений, эффективная реклама. Единый механизм моды организует все стороны жизни и быта, поэтому даже удачные художественные находки долго не живут, надо быстро освобождать место на рынке новым товарам.

Таким образом, получается, что в сфере массовой культуры развлекают и *потребляют*, а не производят, потребляют *коротко живущий*, а не долгосрочный продукт, продукт *массовый*, растиражированный, простой, привычный, а не уникальный, штучный, сложный. В этом нет никакого преступления, просто надо помнить, что есть и высокая культура. Массовая культура, как правило, обладает меньшей художественной ценностью, чем элитарная или народная культура, но у нее самая широкая аудитория, ее воздействие на людей чрезвычайно сильно и даже агрессивно. В результате распространения массовой культуры неизбежно происходит снижение культурных стандартов (чтобы критично посмотреть на эту ситуацию, почитайте повесть Р. Брэдбери «451° по Фаренгейту» или Дж. Оруэлла «1984»).

В рамках господствующей в обществе культуры можно выделить не только разные этажи — «высокую» и «низкую» культуры, элитарную и массовую, но и отдельные культурные предпочтения множества групп — демографических, профессиональных, социальных. Постепенно у каждой из них формируется собственная культура, то есть *система ценностей и правил поведения*, которые называют субкультурами. Приставка «суб» означает «под». *Субкультуру* социологи определяют как *систему ценно-*

стей, традиций, обычаев, присущих определенной социальной группе. Это часть культуры, отдельная, но не противоречащая общепринятым культурным нормам. Бывают профессиональные, возрастные, этнические и другие субкультуры. Человек в своей жизни может пройти через несколько субкультур: дворовую подростковую субкультуру, молодежную субкультуру, затем он войдет в профессиональную субкультуру программистов или художественной богемы, военных или менеджеров. Если доживет до старости — войдет в субкультуру пенсионеров.

Современная *молодежная субкультура* отличается тем, что у нее свой жаргон, свои развлечения, в ней широко распространены *групповой конформизм* и *ориентация на лидера*. Кстати, многие продукты массовой культуры производятся именно в расчете на подражательные способности молодых людей. В рамках молодежных субкультур происходит процесс социализации личности, поэтому выбор компании — важное дело. Это то «зеркало», в которое юноша или девушка будут смотреться каждый день, это те друзья, которым они будут неосознанно подражать, это те знакомства, приключения, хобби и вкусы, которые определяют во многом их дальнейшую жизнь. Или смерть.

Последняя проблема — контркультура. *Контркультура* — это *субкультура, находящаяся в конфликте с ценностями, которые господствуют в обществе*. Чаще всего этот термин применяется не просто к оппозиционному, протестному поведению, а к такому, за которым стоит определенная идеологическая программа, продуманная система альтернативных ценностей.

Примером контркультуры может служить молодежное движение 60—70-х гг. прошлого века, вошедшее в историю как поколение хиппи, битников, революционного студенчества. Фестивали в Вудстоке, захват Сорбонны, свободная любовь, отказ участвовать во вьетнамской войне, джинсы и «фенечки», презрение к карьере фирмачей — все это большие и малые детали пестрой картины контркультуры. В эти годы была создана своя *альтернативная эстетика*, свои *поведенческие модели*, которые не совмещались с традиционными буржуазными представлениями о карьере и успехе. В тех молодых оппозиционерах многие серьезные мыслители видели силу, способную противостоять отчужденности человека от человека, фальши, погоне за деньгами. Прошло несколько лет. «Оппозиционеры» окончили университеты, женились, работают в солидных фирмах. Разве только джинсы стали всемирной молодежной модой... Этот пример показывает, что

любое молодое поколение стремится более или менее радикально противопоставить себя поколению отцов, часто его критика серьезна и справедлива, но господствующая культура обладает огромной инерцией, силой, устойчивостью, что позволяет ей в подавляющем большинстве случаев гасить контркультурные движения, причем с немалой выгодой для себя.

Но контркультура не всегда связана с противостоянием поколений «отцов» и «детей», и не всегда контркультура побеждается господствующей в обществе культурой. Ярким примером может стать христианство, которое возникло на заре нашей эры как контркультурное явление, подвергалось гонениям, но затем превратилось в культурную универсалию западного мира.

Подведем итоги. Понять, что такое культура, можно, противопоставив ее природе, естественным стихийным процессам. Она не возникает сама по себе, ее надо создавать и поддерживать. Уточняя это широкое определение, мы понимаем, что это смысловая, символическая сфера нашей жизни: картина будет просто куском испачканного холста для тех, кто не понимает смысла художественной деятельности, меч — куском металла, если мы не умеем им пользоваться и не знаем истории. Но в конечном счете все эти духовные и материальные продукты нужны для того, чтобы с их помощью человек становился более человеческим, творческим и разносторонним. Культура — золотой песок, который намыло человечество за свою историю.

Вопросы и задания

1. Что такое культура? Можно ли назвать культурой все, что имеет не-природное происхождение?
2. Каким образом связаны культура и творчество, культура и развитие личности?
3. Какие методы больше подходят для анализа культуры — обобщающие или индивидуализирующие?
4. В чем заключаются различия культуры и цивилизации?
5. Чего больше приносит взаимодействие культур — пользы или проблем? Постарайтесь обосновать свой ответ конкретными примерами.
6. В чем сходства и различия науки, искусства, морали и религии как сфер культурной деятельности?
7. Охарактеризуйте свою собственную культурную принадлежность, используя определения субкультуры, контркультуры, форм культуры (элитарной, народной или массовой).

Глава 11

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

*Это вроде как машина
Скорой помощи идет:
Сама режет, сама давит,
Сама помощь подает.*

А. Твардовский,
«Теркин на том свете»

«Глобальные проблемы современности» (далее — ГПС) — последняя по порядку, но не по значимости тема в нашем учебнике. *Last but not least*, как говорят англичане. Неспособность разрешить глобальные противоречия грозит человечеству гибелью, для устранения существующих проблем нужны огромные средства, усилия политиков и общественности, новые технологии и новые ценностные ориентации. Но прежде, чем принимать меры, надо разобраться в причинах и характере этих проблем, так сказать, поставить точный диагноз.

Мы постараемся дать необходимую «информацию к размышлению», но не надейтесь, что у сложной проблемы может быть простое решение. У нее может вообще не быть удовлетворительного решения; этим *проблема* отличается от *задачи* или *головомлки*.

Глобальные процессы в современном мире

Современные общественные процессы, их положительные и отрицательные следствия имеют ярко выраженную тенденцию к *глобализации* (от лат. *globus* — шар), то есть распространяются на весь земной шар и соответственно на все человечество. Такая ситуация исподволь подготавливалась на протяжении нескольких столетий и полностью оформилась в последние десятилетия. В ее основе лежит развитие мирового рынка, который постепенно втягивал в свою орбиту все новые страны и народы и в конце

концов связал все человечество товарными, финансовыми и информационными потоками.

Локальная (от лат. *localis* — местный) жизнь народов, культур, государств стремительно уходит в прошлое. Теперь все связано со всеми и зависит от всех. Крупнейший английский социолог, глава знаменитой Лондонской школы экономики **Энтони Гидденс** (род. 1938) пишет о глобализации в следующих выражениях: «Все элементы мира становятся взаимозависимыми... Никогда прежде люди не имели столько общего, и никогда прежде различия между ними не были столь очевидны». Посмотрите, как парадоксальна последняя фраза: общие процессы, уничтожая замкнутость и локальность, выявляют и стимулируют различия, связь подчеркивает противоречия, которые были незаметны издавна. Образно говоря, *глобализация уничтожила расстояния*, все стало близким, но отнюдь не все — знакомым и приятным.

Так что же такое **глобализация** — шанс для людей совместными усилиями выйти на новый уровень развития или новые серьезные угрозы человечеству?

Практически все специалисты, которые пишут на эту тему, согласны, что **главный признак глобализации — это появление наднациональной мировой экономики**. Национальные государства больше не могут полностью контролировать потоки *товаров, услуг, капиталов, информации, технологий, массовой культуры*, которые благодаря международным корпорациям и современным средствам связи с ускорением и во все больших объемах пересекают все границы. Наиболее подвижны **информация и финансы**.

Электронные средства массовой информации с невиданной ранее оперативностью разносят новости по всему миру. Миллиарды людей одновременно могут наблюдать в прямом эфире футбольный финал чемпионата мира или бомбардировку Ирака. Интернет — самовозрастающая и самоорганизующаяся система — позволяет всем свободно общаться в киберпространстве. Это здорово, если забыть о гигабайтах спама, о доступных сайтах самоубийц, террористов, педофилов. Во многом именно благодаря Интернету английский язык окончательно закрепился в качестве универсального языка международного общения.

Финансовые потоки растут не менее интенсивно и почти так же свободно перемещаются по миру. Темпы роста мировых финансовых рынков на *три порядка* (!) превышают темпы роста товарных рынков, стоимость финансовых контрактов намного больше, чем стоит мировой валовой продукт. Это настораживает

даже непрофессионалов: деньги должны обслуживать движение реальных товаров и услуг, в противном случае «торговля воздухом» приведет к обвалу мирового рынка, но разве можно устоять перед искушением получить быструю прибыль, играя на бирже!

Движение товарных потоков более затруднено, оно регулируется квотами, пошлинами, протекционистскими государственными мерами. Тем не менее, национальные рынки, испытывая сильнейшее давление со стороны транснациональных производителей, вынуждены считаться с международным разделением труда и специализацией. Новым термином «макдоналдизация» стали обозначать распространение по всему миру с помощью мощной рекламной поддержки унифицированного потребительского продукта типа Кока-колы, сигарет Мальборо или мультфильмов Диснея.

Товары гораздо более свободно пересекают границы, чем те, кто их производит. Но даже квотированная, легальная миграция создает огромные этнические, культурные проблемы для принимающих стран, а для стран-доноров означает потерю наиболее активного, перспективного, достаточно квалифицированного населения. Нелегальная миграция — это проблема «в квадрате», но одними полицейскими мерами ее не разрешить, потому что она питается объективно существующим разрывом в уровнях жизни бедных и богатых стран, областей, регионов.

«От бедности можно защититься границами, от опасностей атомного века — нельзя», — так прокомментировал известный немецкий социолог **Ульрих Бек** (род. 1944) ситуацию со свободным распространением по миру «нежелательных гостей» вроде наркотиков и эпидемий, убогих стандартов массовой культуры или последствий экологических катастроф. Это тоже глобализация, но однозначно *негативная* по своему содержанию. Такие события, как взрыв на Чернобыльской АЭС, заставили усомниться в способности человечества контролировать последствия собственной деятельности и правильно оценивать *техногенные опасности*. Бек назвал современную цивилизацию *обществом риска*, в котором *чрезвычайное положение становится нормой*. Когда-то слово «риск» имело авантюрный оттенок и свидетельствовало о личной силе и мужестве, сегодня под ним понимается возможность самоуничтожения жизни на Земле. Действительно, раньше при всей незащищенности жизни отдельного человека или народа человечество в целом было практически неуязвимым, сегодня,

при несравненно большей обеспеченности благами и удобствами, *человечество стало смертным*.

Впрочем, даже если каким-то чудом люди смогут предотвращать все техногенные аварии, быстрое развитие технической сферы окажется непосильным бременем для природы Земли. Эволюционные механизмы приспособления к изменениям среды работают очень медленно, а общество меняется очень быстро. Но другой, полностью покорной нам или абсолютно независимой от нас природы не существует, с ее ограничениями необходимо считаться.

Высокие темпы изменений глобализованного общества больно бьют и по этнокультурным традициям всех без исключения народов. Любая традиция сохраняет и воспроизводит образцы мышления и поведения, оценок и способов разрешать конфликты, стандарты красоты и социальные роли полов. В динамичном мультикультурном мире традиционная локальная регуляция дает сбои.

Итак, под влиянием глобализации мир стремительно меняется, но при этом разные его части — с разной скоростью, и сама эта *неравномерность* становится глобальной проблемой. Тот, кто торгует кредитами, акциями, фьючерсами, новостями, обогащается быстрее, чем тот, кто продает свою рабочую силу или продукты реального сектора экономики. Мировой рынок труда позволяет выводить производство в страны, где низкие налоги и дешевый труд, и наказывать государства, которые «неправильно понимают» инвестиционную политику. Но если промышленные монстры платят налоги там, где они ниже, что вполне логично, национальные государства с их научными, образовательными, культурными или пенсионными программами, с их демократическими институтами оказываются в положении «бедных родственников». Все эти игры на разнице в налогообложении и уровнях доходности приводят к тому, что *богатые люди или государства становятся еще богаче, а бедные еще беднее*.

Создатель модели мировой экономической системы **Иммануил Валлерстайн** (род. 1930) выделил четыре типа государств на основании того, получают ли они выгоду от развития современных глобальных процессов или, наоборот, безнадежно проигрывают. «Ядро» мировой экономической системы (его еще иногда называют «золотым миллиардом») образуют индустриально развитые страны Запада, затем идет «полупериферия», «периферия» и наконец страны, которые образуют фон или «внешнюю арену», то

есть служат только сырьевым придатком для остального мира. Стран четвертой группы сегодня практически не осталось, они слились с «периферией». Кого включать в ту или иную группу — большой вопрос, однако с общим принципом схемы Валлерстайна согласны многие.

По Валлерстайну, основная борьба разворачивается за вхождение в ядро, смена лидера ведет к мировым потрясениям. Американский исследователь объясняет две мировые войны в XX в. тем, что Великобритания стала терять свое лидирующее положение в мире из-за распада колониальной системы и объявились новые претенденты на мировое господство. Современная мировая система, где явным лидером являются США, уже «дала течь» и нуждается в серьезных изменениях.

Если все оставить как есть и позволить мировой системе и дальше функционировать в интересах транснациональных монополий и стран, входящих в «ядро», это будет означать победу нового «дикого капитализма» на *наднациональном* уровне. Чтобы контролировать этот процесс и сдерживать отрицательные последствия, нужно совершенствовать международное право, международные контролирующие и судебные органы, *создавать механизмы наднационального налогообложения*. Это ограничит свободу бизнеса и сильно увеличит численность и полномочия международной бюрократии. Но не окажется ли такое лекарство хуже самой болезни? Однако ничего не предпринимать тоже нельзя. Надо обязательно гарантировать сохранение и нормальное функционирование тех областей жизни, которые не связаны напрямую или проигрывают от связи с мировым рынком. Очевидно, что свободные рыночные отношения неэффективны в сфере безопасности, правосудия, образования, политических прав и свобод граждан.

Все это свидетельствует о том, что глобализация — господствующая тенденция современности и отменить ее нельзя. Но столь же очевидно, что современный вариант реализации этого процесса очень несовершенен и несет угрозы для национальных культур и государств, для демократических институтов, для биосферы Земли.

Глобальные проблемы

По типу проявлений эти угрозы, иначе называемые *глобальными проблемами современного человечества*, можно разделить на три группы.

Первую группу составляют *интерсоциальные ГПС*, к которым традиционно относят:

- проблему *мировой войны* с применением оружия массового уничтожения;
- проблему «Север—Юг», то есть проблему неравенства преимущественно северных стран «ядра» и южных стран, относящихся к «периферии».

Развязывание мирового *ядерного конфликта* без альтернативы уничтожает человечество и биосферу Земли. Чернобыльская катастрофа, мизерная по сравнению с военными сценариями, послужила наглядной иллюстрацией ужасных последствий возможной войны. Математические модели «ядерной зимы», которые разрабатывали коллективы зарубежных ученых и отечественных исследователей под руководством академика **Никиты Николаевича Моисеева** (1917—2000), подтвердили этот прогноз. Всем ответственным политикам сегодня ясно, что атомная война как средство достижения победы и политико-экономических преимуществ окончательно устарела. Но «свято место пусто не бывает», и сегодня на него претендуют международный ядерный терроризм и техногенные катастрофы на мирных ядерных объектах.

Безусловно, проблема безопасности ядерных объектов технически разрешима, хотя всегда остается вероятность, что кто-то совершит умышленную или неумышленную ошибку. Ситуация с терроризмом гораздо сложнее: для достижения узких этнополитических целей его лидеры не останавливаются ни перед чем для устрашения мирового сообщества, включая угрозу использовать химическое, бактериологическое и ядерное оружие массового поражения. Там, где образовательный уровень населения низок и не позволяет осмыслить страшные последствия, а жизнь ничего не стоит, подобный способ «наказания» противника кажется допустимым. Таким образом, терроризм и локальные войны дестабилизируют целые регионы, отсюда недалеко и до полномасштабной мировой войны с применением всех возможных вооружений.

Проблема «Север—Юг» выражается в радикальном различии уровня и продолжительности жизни в этих двух группах стран, в огромных долгах и неконкурентности экономик развивающихся государств, которые находятся на периферии мировой экономической системы. Их зависимость от сильных партнеров растет и, как следствие, растет внутренняя нестабильность, увеличивается

вероятность вооруженных конфликтов и локальных войн. В 1997 г. 20 % населения в богатых странах мира имели в своем распоряжении 86 % ВВП, а 20 % населения в беднейших странах мира — 1 % ВВП. Согласно данным, которые приводят европейские социал-демократы, совокупное богатство 225 богатейших людей планеты превышает 1000 млрд долл., что равняется ежегодному доходу 2,5 млрд бедняков, а общее состояние трех богатейших людей на Земле превышает совокупный ВВП сорока восьми наименее развитых стран!

Отсутствие перспектив повысить жизненный уровень и победить в конкурентной борьбе ведущие державы приводит к усилению национализма, религиозного фундаментализма, политического консерватизма. В этом несправедливом распределении благ и выгод и находит свое «моральное» оправдание международный терроризм.

Вторая группа — это *социоприродные проблемы*. Мы уже говорили о том, что природа втянута в орбиту человеческой деятельности и не существует независимо от нее. Поэтому все ошибки, глупость или жадность людей напрямую сказываются на состоянии природы, тем более, что вооруженное современными технологиями человечество обрело мощь, все более сравнимую с мощью природных стихий. Проблемы в этой сфере условно можно разделить на три подгруппы.

1. Проблемы *исчерпания ресурсов* (минеральных, водных, энергетических, продовольственных и др.). Синтез искусственных материалов приводит к безвозвратному водозабору, который ежегодно увеличивается на 4—5 %, ведение сельского хозяйства с нарушением технологий — к эрозии почв, разведанные запасы нефти и газа стремительно сокращаются, а серебро, медь, золото и другие металлы будет негде добывать уже через 20—30 лет. Многие эксперты говорят, что за последние 40—50 лет человечество истратило минерального сырья больше, чем за все время своего существования.

Исчерпание грозит и возобновимым природным ресурсам: в результате варварских охоты, рыболовства и добычи древесины, оскудения кормовой базы исчезают целые популяции рыб и крабов на Дальнем Востоке, гибнут джунгли Амазонки, сокращаются стада северных оленей.

2. Эта подгруппа проблем связана с *загрязнением и последующей деградацией природной среды*. Загрязнение может быть механическим, химическим, радиационным, шумовым, вибрацион-

ным, тепловым... Сейчас на планете наблюдается парниковый эффект как результат выбросов промышленностью в атмосферу углеродных соединений и сокращения площади лесов. По расчетам специалистов, подъем среднегодовой температуры от 1,5 до 4 градусов чреват повышением уровня Мирового океана на 1,4—2,2 метра.

Производственная деятельность людей вызывает истощение озонового слоя атмосферы и увеличение ультрафиолетового излучения, а большие дозы ультрафиолета провоцируют рак кожи. Самое неприятное заключается в том, что нарушают экологический баланс одни, а страдают другие: выбросы двуокиси серы в промышленных районах проливаются кислотными дождями в заповедных лесах и курортных зонах, от несоблюдения людьми техники безопасности и режимов эксплуатации гибнут животные и растения. В последнее время все больше опасений вызывает загрязнение и нарушение природного баланса Мирового океана. Раньше было принято называть его неисчерпаемым, но человечество, вооруженное новыми технологиями и обремененное старым сознанием, ухитрилось напортить и здесь. Теперь на очереди космос, пока ближний. Космический мусор уже создает проблемы пилотируемым орбитальным станциям.

3. С первыми двумя социально-экологическими проблемами тесно связана еще одна — *проблема оскудения видового разнообразия*, проблема исчезновения видов животных и растений, на создание которых природа потратила сотни тысяч лет.

Дело в том, что генетическое разнообразие есть важнейшее условие нормального функционирования всех природных систем, гибель каждого очередного вида уменьшает устойчивость биосферы и повышает вероятность разрушения *биоценозов*. Все живое зависит от условий своего обитания, организмы связаны друг с другом трофическими цепями (цепями питания). Выпадение одного звена (гибель одного вида животных или растений) из-за резкого изменения условий может приводить к последующей гибели нескольких десятков других видов живых существ. Восстановить утраченные виды нельзя. Человечество пилит сук, на котором сидит.

Третья группа объединяет *социальные проблемы*, связанные с *взаимоотношениями индивидов и общества*.

Наиболее шумевшая проблема — *демографическая*. В разных регионах мира она принимает диаметрально противоположные формы: развивающиеся страны страдают от *перенаселения*,

многие развитые страны — от недостатка или резкого сокращения людских ресурсов, или *депопуляции*.

В настоящее время на Земле проживает более 6 млрд человек: рождение 6-миллиардного землянина было отпраздновано в Боснии в 1999 году. Несмотря на попытки ограничить прирост, население Земли растет по экспоненте: если к началу нашей эры на Земле жило приблизительно 200 млн человек, к началу XIX в. — 800 млн, то в 1962 г. — уже 3 млрд 200 млн человек. При таких темпах лет через тридцать нас будет 12 млрд. Контрольная цифра на 2025 год, приведенная в докладе ООН за 2001 год, — 8 млрд человек.

Первый вопрос, который возникает: как накормить и напоить такую массу людей, особенно если учесть высокие темпы загрязнения среды и оскудения ресурсов? Для сельскохозяйственных целей пригодны только 13 % суши. Оптимисты, правда, считают, что новейшие научные разработки, в том числе генетически модифицированные продукты, способны решить продовольственную проблему. Но даже они говорят, что 12 миллиардов — это предел устойчивости биосферы. А пока, по данным ООН, каждые три секунды на Земле умирает один ребенок из-за плохих условий жизни. Всем ясно, что надо ограничивать рождаемость в странах с избыточным населением. Казалось бы, чего проще. Мировое сообщество в состоянии снабдить контрацептивами всех желающих, но желающих в развивающихся странах меньше, чем хотелось бы. Почему?

Тут выявляется такая черта любой глобальной проблемы, как ее **многоуровневость и системность**. Глобальная проблема не только охватывает большие территории, распространяясь вширь. Она прорастает вглубь, точнее, вырастает из глубинных проблем и противоречий, которые существуют на всех «этажах» общества, от технологического базиса и научных разработок до политических стандартов и религиозных традиций. Чтобы изменить один показатель, надо менять многие параметры всей социальной системы. Покажем это на примере перенаселения развивающихся стран.

Избыточное население — бич для неокрепшей экономики. Прирост ВВП тут же проедается, безработица и социальная нестабильность провоцируют насилие, гражданские войны, хищническое природопользование. Не хватает врачей, медикаментов, вакцин для прививок.

Как ни странно, например, бедный индийский крестьянин или безработный палестинец рассчитывает на простое воспроизводство, на то, что его место займут один-два сына. Почему же в

их семьях, да и, как правило, в семьях жителей развивающихся стран обычно по 10—15 детей? Давайте проанализируем. Высокая рождаемость заранее ориентирована на плохие условия жизни и большую детскую смертность. Предполагается, что несколько детей могут умереть в младенчестве. Девочки тоже не в счет, они уйдут в семьи мужей. Кто-то из взрослых сынов уедет в другую страну, уйдет в монахи или окажется бездетным. Традиционное репродуктивное поведение просто обязано учитывать все эти случайности. Оно и учитывает.

Но если условия жизни стали улучшаться, если прогресс медицины снизил детскую смертность, в таких странах начинается «бэби-бум». Его пережила сначала Европа, потом Северная Америка, потом те страны Азии и Южной Америки, где разворачиваются процессы капиталистической индустриализации. Мы видим, что социальные традиции гораздо более консервативны, чем технический прогресс, что невозможно насильственно и резко изменить культурные модели поведения. У них очень много точек опоры: это и религиозный запрет на аборт, и мнение соседей и родителей, и представление о мужской доблести, и патриотическое желание дать своей стране больше солдат, и низкий уровень общественных притязаний. Нужно, чтобы сменилось несколько поколений, чтобы появилась уверенность, что судьба детей будет благополучной, прежде чем возобладает более цивилизованный стандарт в этой деликатной области.

С демографической проблемой теснейшим образом связана проблема «человеческих качеств». Содержание этого термина несколько расплывчато. Некоторые комментаторы делают упор на то, что современные государства и другие социальные структуры «задолжали» людям, особенно в странах «периферии», по части обеспечения физических и политических условий существования. Каждый житель Земли, а не только «счастливчики» из «золотого миллиарда», имеет право на достойную жизнь, на качественное питание, жилье, образование и здравоохранение. На достижение этого стандарта должны быть направлены усилия всего мирового сообщества. Другие делают упор на второй стороне этого отношения человека и общества: современный человек имеет не только право, но и **обязанность** соответствовать жестким стандартам современной жизни. Он должен обладать такими качествами, чтобы принять вызовы современности и справиться с ними. Эти вызовы перечислены на предыдущих страницах. Эти качества попробуем сформулировать сейчас.

Уже говорилось о том, что технологический базис цивилизации стремительно меняется, что развитые государства переходят из индустриальной фазы в постиндустриальную. От отдельного человека это требует способности постоянно учиться и переучиваться, творчески использовать свой интеллектуальный потенциал, быть грамотной, инициативной и самостоятельной личностью. Современные информационные и наукоемкие технологии требуют высшего образования, нескольких образований, способности менять профессию и место работы.

Уже говорилось о тех угрозах, которые таит ядерное, да и обычное современное вооружение: накопленных запасов хватит, чтобы несколько раз взорвать всю планету. От жителей Земли в этой ситуации требуется толерантность (терпимость), способность к компромиссам, готовность принять другого человека, народ, культуру именно как другого, а не как врага.

Говорилось также о деградации, оскудении природной среды. Современная экологическая ситуация требует от каждого ответственности, заботы и ограничения собственных потребительских appetitov. Как сказал когда-то лидер индийского национально-освободительного движения великий махатма Ганди (1869—1948), «земля дает достаточно, чтобы удовлетворить нужду, но не жадность каждого». Что нужно, чтобы поставить фильтр на дымящую трубу? Конечно, нужны деньги, нужны научные и технологические решения, которые помогут справиться с задачей. Но задача эта может стать неразрешимой проблемой, если нет понимания ее важности, если нет доброй воли и настойчивости, нет того, что великий гуманист, лауреат Нобелевской премии мира Альберт Швейцер (1875—1965) называл «благоговением перед жизнью».

Так кто кому должен: общество гражданам или граждане обществу и природе, наши родители нам или мы будущим поколениям? Времени для решений у человечества осталось слишком мало. *Время — самый дефицитный ресурс. Люди с их способностями и творческими возможностями — самый богатый, но плохо используемый ресурс.*

Эти выводы знакомы тем, кто читал доклады, сделанные по заказу Римского клуба. Эта неправительственная организация, объединившая около ста бизнесменов, ученых, политиков и общественных деятелей из нескольких стран, была создана в 1968 г. Ее члены заказывали и финансировали подготовку докладов о состоянии мировой экономики, ресурсов, народонаселения, природной среды. Долгие годы президентом Римского клу-

ба был итальянец Аурелио Печчеи. На русский язык переведена его книга «Человеческие качества». Всего для этой организации было подготовлено более 20-ти докладов. Первый доклад под названием «Пределы роста» (1972 г.) произвел эффект разорвавшейся бомбы. Все обсуждали мрачные перспективы глобального кризиса, если сохранятся существующие тенденции развития, и возможность законсервировать ситуацию.

В более поздних докладах тональность изменилась, были приложены усилия для того, чтобы сформулировать позитивные цели для человечества, найти достойный выход из тупика затронутой индустриальной экономики, поддержать идею *сбалансированного развития*. Доклад каждый раз готовил новый международный коллектив. Его публикация становилась новой вехой в развитии глобального моделирования. Рекомендациями Римского клуба пользовались правительства и крупнейшие международные организации.

Человечество сегодня стоит перед выбором, каким требованиям глобализованного мира надо соответствовать, а каким тенденциям сознательно противостоять. И то, и другое очень не просто, но хочется надеяться, что человечество с вызовами будущего справится.

Последнее задание к последней главе

Соберите информацию о позитивных и кризисных тенденциях в интерсоциальной и социоприродной сферах, в области отношений личности и общества. Подберите статистические данные и проведите диспут между «глобалистами» и «антиглобалистами» о судьбах планеты. Сделайте свои предсказания на несколько десятков лет вперед, запишите и сохраните в конверте — интересно будет вскрыть его лет через двадцать!

Мы прощаемся с вами, дорогие друзья.

Если после прочтения этого учебника у вас появилось больше вопросов, чем вы получили ответов — это верный признак того, что вы стали думать самостоятельно. Не бросайте этого увлекательного занятия. По большому счету, именно в этом и заключается основная задача философии. А мы желаем вам здоровья и удачи!

Абстракция (от лат. *abstractio* отвлечение) — формирование образов реальности посредством отвлечения от индивидуальных, непотворимых качеств.

Агностицизм (от гр. *agnostos* «недоступный познанию») — учение, отрицающее познаваемость мира.

Аксиология (от гр. *axia* познание и *logos* слово, учение) — учение о ценностях; особый раздел философского знания, изучающий ценности, их функционирование в человеческом обществе и жизни отдельного индивида.

Анархизм (от гр. слова *anarcia* безначалие, безвластие) — политическое учение, выступающее за уничтожение всякой государственной власти и создание общества, в котором индивиды свободно сотрудничают как равные.

Апологетика (от гр. *apologetikos* защитительный) — течение в раннем христианском богословии, ставившее перед собой задачу защиты христианской веры с помощью доводов разума, философских аргументов.

Априорное знание (от лат. *a priori* «из предшествующего») — знание, предшествующее опыту, изначально присущее сознанию.

Архетип — устойчивая, типичная форма, элемент культуры, повторяющийся в различных вариантах в мифах, сказках, учениях и т. п. разных народов; схема мысли или поступка, свойственная каждому человеку.

Аскетизм — ограничение чувственных желаний для достижения сосредоточенности духа, свободы от материальных потребностей.

Волюнтаризм — учение, утверждающее, что индивидуальные цели и произвольный выбор являются решающим фактором в социальной деятельности.

Гипотеза — утверждение, истинность которого еще не доказана.

Гносеология (от гр. *gnosis* познание и *logos* слово, учение) — теория познания; один из основных разделов философии, изучающий отношения человека и мира (познающего субъекта и познаваемого объекта) в процессе познания.

Дедукция — метод познания, для которого характерен переход от общего к частному и единичному, выведение единичного из общего.

Деизм (от лат. *deus* бог) — концепция, сторонники которой признают, что Бог сотворил мир, но, по их мнению, мир развивается без участия и вмешательства Бога.

Диалектика (от гр. *dialektike* «искусство вести спор») — учение о всеобщей связи явлений и развитии, источником которого признается наличие противоречий в окружающем человека мире и в его сознании.

Дуализм (от лат. *dualis* двойственный) — философская позиция, признающая наличие двух противоположных начал бытия, субстанций (материальной и духовной).

Духовное производство — деятельность, направленная на создание новых духовных ценностей.

Евангелие (от гр. *euangelion* букв. «благая весть») — книга ранних христиан, повествующая о жизни и учении Иисуса Христа. В Новом Завете вошло четыре Евангелия: от Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Известно о существовании и других, т. н. апокрифических Евангелий.

Ересь — религиозное учение, отступающее от официальной церковной доктрины и осуждаемое остальными представителями церкви.

Знание — адекватное отражение действительности в сознании человека в виде представлений, понятий, суждений и теорий.

Идеализм (гр. *idea* идея) — направление в философии, сторонники которого признают первичным, исходным дух, сознание, идею. Идеализм бывает *объективный* (признающий духовное первоначало независимым от человеческого сознания), и *субъективный* (считающий, что нет никакой реальности вне и независимо от человеческого сознания).

Индивидуализм — мировоззрение, в котором интересы индивида, отдельной личности объявляются высшей ценностью.

Индукция — метод познания, для которого характерен переход от частного и единичного к общему, выведение общего из единичного.

Иррационализм (лат. *irrationalis* неразумный, бессознательный) — общее обозначение философских течений, которые (в противоположность рационализму) отрицают познавательные возможности разума, а основными способами познания признают интуицию, откровение и т. п. Иррационализм считает действительность хаотичной, алогичной, подчиняющейся воле случая.

Католицизм (от гр. *katholikos* всеобщий, вселенский) — одно из направлений (наряду с православием и протестантизмом) в христианстве. Оформился после разделения Западной и Восточной церквей в 1054 г. Центром католической церкви является Ватикан, главой — папа римский, который считается заместителем Христа на земле.

Класс социальный (в марксизме) — большая группа людей, отличающаяся от других по месту в исторически определенной системе общественного производства, по отношению к средствам производства, по роли в обществе, организации труда и по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой она располагает.

Коммунизм — тип общества, основанный на общественной собственности на средства производства. Первой стадией коммунистического общества является социализм, когда государство еще сохраняется, хотя и становится орудием интересов рабочего класса; при построении же полного коммунизма государство отмирает.

Контркультура — субкультура, находящаяся в конфликте с ценностями, которые господствуют в обществе.

Логика (от гр. *logos* слово, учение) — наука о формах и средствах мышления, о правилах достижения истины.

Материализм (от лат. *materialis* вещественный) — направление в философии, признающее первоосновой всего существующего *материю* — независимую от человека и любого сознания реальность. Материализм считает, что материя вечна и является источником всего, что нас окружает.

Материя (от лат. *materia* вещество) — предельно широкое философское понятие, описывающее единую субстанцию, лежащую в

основе многообразия вещей и предметов и отражающуюся в сознании.

Метафизика — учение о началах и принципах бытия, лежащих за миром чувственно воспринимаемых предметов и постигаемых только с помощью разума.

Метод — путь исследования и познания, способ построения и обоснования научного знания, совокупность приемов и операций для достижения истинного знания.

Монотеизм (от гр. *monos* один и *theos* бог) — вера в одного Бога. К монотеистическим религиям относятся христианство, иудаизм, ислам и др.

Натурализм (лат. *natura* — природа) — взгляд на мир, согласно которому природа выступает как единый и универсальный принцип объяснения всего сущего, исключаящий все внеприродное, «сверхъестественное».

Научная картина мира — совокупность фундаментальных утверждений науки определенного исторического периода о законах строения и развития объективной реальности.

Номинализм (от лат. *nomina* — имена, названия) — направление в средневековой схоластике, возникшее в результате «спора об универсалиях» и утверждавшее, что реально существуют единичные предметы, а общее — лишь имя, существующее только в нашем сознании.

Общественно-экономическая формация — понятие, введенное К. Марксом и обозначающее тип общества на определенном этапе исторического развития со своим специфическим экономическим базисом и соответствующей ему духовной надстройкой.

Онтология (от гр. *ontos* сущее и *logos* слово, учение) — учение о бытии; один из основных разделов философии.

Пантеизм (от гр. *pan* все и *theos* бог; букв. «все есть бог») — учение, рассматривающее мир и Бога как нераздельное и постоянное единство: Бог совпадает с миром, а мир — проявление Бога.

Пессимизм (от лат. *pessimus* наихудший) — мировоззрение, для которого характерно негативное отношение к действительности, ожидание в будущем наихудшего варианта развития событий.

Православие — одно из направлений христианства, возникшее в результате разделения церквей в 1054 г. Сложилось на террито-

рии Византии, не имеет единого церковного центра, состоит из самостоятельных поместных православных церквей. Догматы православия не подлежат изменению (в отличие от католицизма, где догматика постоянно дополняется суждениями пап и постановлениями вселенских соборов католической церкви).

Прагматизм (от гр. *pragma* дело, действие) — философское учение, трактующее философию как общий метод решения проблем, которые встают перед людьми в различных жизненных ситуациях. С точки зрения прагматизма, мышление — средство для приспособления организма к среде с целью успешного действия; научные теории — инструменты, орудия; истина толкуется в прагматизме как практическая полезность. Возник в 70-х гг. XIX в. в США.

Протестантизм — одно из направлений христианства, возникшее в результате Реформации в XVI в. Представляет собой совокупность многочисленных самостоятельных церквей и сект. Выдвигает принципы: спасение личной верой, священство всех верующих (каждый христианин может общаться с Богом без посредников, нет разницы между священником и мирянином), авторитет Библии (не ссылки на традицию, авторитет Отцов Церкви, святых и мучеников, а обращение к самой Библии, которую каждый может толковать и понимать самостоятельно). Формами протестантизма являются кальвинизм, лютеранство, баптизм и др.

Рационализм (от лат. *rationalis* разумный) — направление в теории познания, считающее разум основой познания и критерием истинности научных положений.

Реализм — направление в средневековой схоластике, возникшее в результате «спора об универсалиях», согласно которому общее (универсалии) существуют реально и независимо от сознания, а единичные предметы существуют лишь постольку, поскольку выражают общее.

Релятивизм (от лат. *relativus* относительный) — учение, признающее относительность и условность человеческого знания.

Рефлексия (от лат. *reflexum, reflecto* обращать назад, поворачивать) — обращение мышления на самое себя, осмысление и осознание собственной мыслительной деятельности; самосознание и самопознание.

Священное Писание — религиозные книги, написанные, согласно вероучению, по внушению самого Бога (в христианстве — Библия).

Сенсуализм (от лат. *sensus* чувство, ощущение) — философское течение в теории познания, согласно которому источником знаний являются ощущения. Основной принцип сенсуализма: «нет ничего в разуме, чего не было бы в чувствах».

Силлогизм — форма дедуктивного умозаключения, в которой из двух высказываний (посылок) следует новое высказывание. Например: Все люди смертны (первая посылка). Сократ — человек (вторая посылка). Следовательно, Сократ смертен (новое высказывание, вывод).

Собор церковный — собрание епископов и других представителей христианских церквей для выработки общих положений в богослужении и вероучении.

Страта — понятие, введенное в оборот П. А. Сорокиным; обозначает социальный слой людей, имеющих сходные объективные показатели по четырем шкалам стратификации: доход, власть, образование, престиж.

Субстанция (от лат. *substantia* сущность) — первооснова, определяющая существование других вещей.

Субъект — познающий индивид или социальная группа, активное начало в познании. Субъекту (тому, кто познает) противопоставлен **объект** (то, что познается).

Схоластика (от гр. *scolē* школа) — тип религиозной философии, в которой догматы веры получают обоснование с помощью доводов разума.

Сциентизм (от лат. *scientia* наука) — мировоззрение, согласно которому наука рассматривается как высшая культурная ценность и сила, определяющая развитие человечества. Идеалом науки для сциентизма выступают математика и естествознание.

Теология (гр. *theologia* < *theos* бог + *logos* учение) — богословие, систематическое изложение и защита учения о Боге, совокупность доказательств истинности религиозных догматов.

Тоталитаризм — характеристика диктаторского режима, одной из главных черт которого является подавление личности и господство всеобщего страха.

Универсалия (от лат. *universalis* общий) — термин средневековой философии, которым обозначали общие понятия (или идеи).

Утопия (от гр. *и не, нет* и *topos* место; букв. «место, которого нет») — описание воображаемого идеального общества, являющегося воплощением желаемого будущего.

Фатализм (от лат. *fatalis* роковой) — мировоззренческая концепция, согласно которой все процессы, происходящие в мире, подчинены необходимости, не оставляющей места свободе, творчеству, изначально predeterminedены судьбой.

Философия (гр. *philosophia* < *phileo* люблю + *sophia* мудрость) — форма духовной деятельности, направленная на постановку, анализ и решение коренных мировоззренческих вопросов, связанных с выработкой целостного взгляда на мир и на место в нем человека.

Философия науки — область философии, изучающая науку как специфическую сферу человеческой деятельности и как развивающуюся систему знаний. Хотя философское и, в частности, гносеологическое и методологическое изучение научного знания имеет долгую историю, сам термин «философия науки» получил распространение лишь в XX в.

Эмпиризм (от гр. *empeiria* опыт) — гносеологическая установка, направление в теории познания, считающее главным источником и критерием истинности научных утверждений опыт, совокупность чувственных данных.

Эпикуреизм — философская школа, созданная Эпикуром в Афинах в IV в. до н. э. и существовавшая до IV в. н. э. Последователи этой школы целью жизни объявляли счастье, а само счастье понимали как достижение удовольствия.

Эсхатология (от гр. *eschatos* последний и *logos* слово, учение) — религиозное учение о конце света, согласно которому земная история конечна и должна завершиться.

Этика (лат. *ethica* от гр. *ethos* обычай, характер) — раздел философии, объектом изучения которого являются мораль, нравственность как явление общественной жизни, условия и форма морального поступка, взаимосвязи морали и других форм знания и деятельности.

Список рекомендованной литературы

1. *Мартин Оливер*. История философии. Великие мыслители с 2000 г. до н. э. до наших дней / Пер. с англ. Минск: Белфаксиздатгрупп, 1999.
2. Великие философские течения: мыслители, концепции, даты. М.: Искусство XXI в., 2005.
3. Антология античной философии. (Серия «Мировая философия»). М.: ОЛМА-Пресс, 2000.
4. Антология философии средних веков и эпохи Возрождения. (Серия «Мировая философия»). М.: ОЛМА-Пресс, 2001.
5. Антология западной философии XVII—XX вв. (Серия «Мировая философия»). М.: ОЛМА-Пресс, 2002.
6. *Перевезенцев С. В.* Практикум по истории западноевропейской философии: Античность. Средневековье. Эпоха Возрождения: Пособие для изучающих историю философии. М.: Учебная литература, 1997.
7. Путь в философию: Антология. М.: ПЕР СЭ; СПб: Университетская книга, 2001.
8. *Гусев Д. А.* Краткая история философии. Нескучная книга. М.: Изд. НИ ЭНАС, 2003.
9. *Чанышев А. Н.* Философия древнего мира. М.: Высшая школа, 2003.
10. Я — собака. Диоген. СПб.: Нева, 2006.
11. *Лесли Стевенсон*. Десять теорий о природе человека / Пер. с англ. М.: Слово, 1998.
12. *Балашов Л. Е.* Занимательная философия: Учебное пособие. М.: Дашков и Ко, 2005.
13. *Балашов Л. Е.* Золотое правило поведения. М.: ACADEMIA, 1999.
14. *Губин В. Д.* Философия. Элементарный курс. М.: Гардарики, 2001.
15. *Губин В. Д.* Философия. Актуальные проблемы: Учебное пособие. М.: Омега-Л, 2005.
16. *Губин В. Д., Некрасова Е. Н.* Основы этики: Учебник для ср. проф. образования. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2005.
17. *Сербиненко В. В.* Русская философия: Курс лекций. М.: Омега-Л, 2005.
18. *Пол Оливер*. 101 ключевая идея. Философия. М.: Фаир-пресс, 2001.
19. Великие мыслители о великих вопросах. Современная западная философия. М.: Фаир-пресс, 2001.
20. Философия в вопросах и ответах: Учебное пособие / Под ред. А. П. Алексеева, Л. Е. Яковлевой. М.: ТК Велби: Проспект, 2005.

От авторов	3
Глава 1. ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ И ЗАЧЕМ ОНА?	5
1.1. Предмет философии	5
1.2. Основные задачи философии	7
1.3. Особенности философии	9
1.4. Структура философского знания и функции философии	12
Глава 2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФИЛОСОФИИ	19
2.1. Философия и мировоззрение	19
2.2. Происхождение философии	23
2.3. Начало древнегреческой философии	26
2.3.1. Милетская школа	28
2.3.2. Эфесская школа	30
Глава 3. ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ	35
3.1. Древнегреческая философия	38
3.1.1. Итальянская философия	38
3.1.2. Афинская философия	47
3.1.3. Софисты и сократические школы	58
3.1.4. Философия Платона	73
3.1.5. Философия Аристотеля	83
3.1.6. Философская школа стоиков	93
3.2. Христианская философия	105
3.2.1. Рождение христианской философии	108
3.2.2. Средневековая схоластика	119
3.3. Философия эпохи Возрождения	133
3.4. Философия Нового времени	146
3.4.1. Поиски метода: рационализм и эмпиризм	146
3.4.2. Развитие рационализма и эмпиризма в философии Нового времени	160
3.4.3. Философия Просвещения	173
3.4.4. Критическая философия И. Канта	185

3.4.5. Развитие идей И. Канта в немецкой классической философии и учение Г. Гегеля ..	197
3.4.6. Иррационализм	208
3.5. Современная философия	223
3.5.1. Марксистская философия	224
3.5.2. Прагматизм	237
3.5.3. Экзистенциализм	243
3.5.4. Психоаналитическая философия	254
3.6. Отечественная философия	264
3.6.1. Особенности отечественной философской мысли	264
3.6.2. Религиозная философия П. Я. Чаадаева	274
3.6.3. Философия славянофильства	281
3.6.4. Философия русского космизма	298
3.6.5. Философская система В. С. Соловьева	311
3.6.6. Русский религиозный ренессанс начала XX столетия	328
Глава 4. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ БЫТИЯ	349
Глава 5. ФИЛОСОФИЯ В ПОИСКАХ СОЗНАНИЯ	365
Глава 6. ГНОСЕОЛОГИЯ КАК ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	378
Глава 7. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ	392
Глава 8. ФИЛОСОФСКОЕ УЧЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ	406
Глава 9. ОБЩЕСТВО КАК СИСТЕМА	424
Глава 10. КУЛЬТУРА КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА ...	437
Глава 11. ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ	458
Словарь терминов	470
Список рекомендованной литературы	477

Волкогонова Ольга Дмитриевна
Сидорова Наталья Мартэновна

Основы философии

Учебник

Редактор *И. В. Ушаков*
Корректор *Е. В. Белилина*
Компьютерная верстка *И. В. Кондратьевой*
Оформление серии *К. В. Пономарева*

Подписано в печать 01.06.2012. Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 30,0. Уч.-изд. л. 30,5.
Бумага офсетная Доп. тираж 1500 экз. Заказ № 6553

Издательский Дом «ФОРУМ»
101990, Москва — Центр, Колпачный пер., д. 9а
Тел./факс: (495) 625-39-27
E-mail: forum-books@mail.ru

ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»
127282, Москва, Полярная ул., д. 31в, стр.1
Тел.: (495) 380-05-40
Факс: (495) 363-92-12
E-mail: books@infra-m.ru
Http://www.infra-m.ru

По вопросам приобретения книг обращайтесь:

Отдел продаж «ИНФРА-М»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в, стр.1
Тел.: (495) 363-42-60
Факс: (495) 363-92-12
E-mail: books@infra-m.ru

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15.
Home page — www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) sales@tverpk.ru

ВОЛКОГОНОВА ОЛЬГА ДМИТРИЕВНА

Доктор философских наук. Профессор кафедры философии естественных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова.

Автор монографий по истории мысли и социальной философии, учебных пособий по менеджменту.

СИДОРОВА НАТАЛИЯ МАРТЭНОВНА

Доцент философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, автор работ по истории философии и социальной экологии.

ISBN 978-5-8199-0258-5

9 785819 902585